

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНИК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редактор Д.М. Севастьянова.

Подписано к печати 30.01.2017. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 19,62. Тираж 100 экз. Заказ

УДК 93/94

**БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА СИБИРИ
В ПЕРИОД ИСТОРИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

*д-р ист. наук, проф. А. А. ШТЫРБУЛ
(Омский государственный педагогический университет)*

Рассмотрена проблема истории белорусской диаспоры в Сибири первой четверти XX века, социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни белорусов в Сибирском регионе в один из самых сложных и неоднозначных периодов российской и белорусской истории прошлого века, включивший в себя «стольпинское» аграрное переселение, Первую мировую войну, три революции, Гражданскую войну и первые годы НЭПа.

Ключевые слова: белорусская диаспора, Сибирь, переселенцы.

По всероссийской переписи 1897 г. в Сибири проживало 12 346 белорусов (для сравнения – великороссов – 4 423 803, украинцев (в переписи – малороссов) – 223 274, евреев – 32 597, поляков – 29 117, мордвинков – 20 802) [1, с. 26–27]. Белорусы в это время являлись по численности шестой этнической группой «европейских» народов в Сибири. На протяжении всей первой четверти XX в. число белорусов в Сибири постепенно увеличивалось.

Однако статистика данной и ряда последующих переписей, как справедливо считают авторы Сибирской исторической энциклопедии, не может дать и не дает реального числа белорусов в составе сибирского населения. «По наблюдению специалистов, этнические белорусы [в Сибири] делились на две части. Меньшую составляли католики, которые относили себя к белорусам, но со стороны православных звались «поляками». Более значительная группа белорусов состояла из православных, которые считали родным языком русский и идентифицировали себя с русскими. Самоотождествлению себя с русскими способствовала близость языка и единство религиозной веры. Поэтому значительная часть переселенцев из Белоруссии, а тем более их потомков во втором и следующих поколениях была зафиксирована под этнонимом «русские»» [2, с. 188].

Во второй половине XIX – начале XX в. в Сибири, в среде белорусских, как, впрочем, и украинских переселенцев шли сложные и неоднозначные процессы. На новых местах расселения в Сибири и на Дальнем Востоке белорусы (как и украинцы) хотя и сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры, демонстрировали при этом большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызывавший в петербургских коридорах власти политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения у этих народов преобладали, что вполне устраивало местную администрацию. И, как следствие, в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало мнение, что культурные различия между великороссами, украинцами и белорусами не существенны, а растворение украинцев и белорусов в русской среде Азиатской России стало представляться лишь делом времени. Местная администрация до начала XX в. вообще три славянских народа нередко обозначала одним термином – русские [3, с. 231–232]. Так, в таблице национального состава Акмолинской (Омской) области за 1913 г. белорусы вообще не числились [4, с. 153], хотя достоверно известно, что в это время они в некотором количестве проживали во всяком случае в Омском уезде и в городе Омске. Можно лишь предположить, что они в этой таблице оказались распределены между графами «русские» и «прочие».

Попадание в новую природную и географическую и зачастую довольно суровую среду Сибири, а также частое соседство с аборигенными народами Азиатской России, подталкивали белорусов (как и украинцев) «к консолидации на основе русской нации, и не способствовали оформлению за Уралом украинского или белорусского национальных анклавов». Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшееся в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, и, кроме того, непосредственно соприкоснувшись с культурой Азии, восточнославянское население на новом месте особенно обостренно ощущало свою русскость [3, с. 231].

В 1907 г. началось интенсивное «стольпинское аграрное переселение» из Европейской России в Сибирь, довольно широко затронувшее и белорусов. За 1904–1914 гг. из Могилевской, Минской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний в Сибирь выехало более 350 тысяч человек, осевших в основном в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях [5, с. 14].

По рассказам уроженки Гомельщины (село Тереховка, район Речицы) Сычевой (урожденной Трентенник) Ульяны Калиновны, переселиться в Сибирь (в Омский уезд Акмолинской (Омской) области) заставила ее семью и односельчан крайняя нужда. Пахотной земли было мало, хлеба не хватало, «досы-

та никогда не ели», часто нанимались к соседнему помещику на посевные и уборочные работы, на сенокос и т. п., «работали с утра до ночи, света белого не видели». «Зимой все дни с утра до позднего вечера ткали, шили, пряли, теребили, вечером при лучине работали», «отдыха не знали», но «из нужды выбиться не могли». Дети сызмальства помогали взрослым во всем. Учиться в церковно-приходскую школу Ульяну Калиновну мать не пустила, сказав: «С грамоти хлеба не гамати».

Большую часть белорусов, переселявшихся в Сибирь, составляли беднейшие крестьяне. Переселенцы (кроме самовольных) получали помощь от правительства, но им оказывалось недостаточное финансирование, вследствие чего, а также и по другим причинам из общего числа мигрантов за 1896–1915 гг. возвратилось назад до 23 %. [2, с. 188].

Новая волна переселенцев, на этот раз беженцев из западных губерний Европейской России, дала Сибири Первая мировая война. В годы Первой мировой войны с территории Белоруссии в собственно Россию бежало около 1,5 млн. белорусов, и часть их оказалась в Сибири [2, с. 188].

Некоторое число белорусов в Сибири добавила политическая и уголовная ссылка. Характеризуя состав политической ссылки в Сибири начала XX в., ведущий исследователь данной проблемы Э.Н. (Ш.) Хазиахметов в первый ряд мест прежней деятельности ссылных ставит (наряду с Юго-Западом, Петербургской губернией, Польшей, Прибалтикой, Поволжьем и Кавказом) и включавший в себя Белоруссию Северо-Запад. «Один перечень этих местностей доказывает органическую связь политической ссылки с напряженной борьбой промышленного пролетариата и угнетенных народов России против самодержавия» [6, с. 28]. В ссылку, а также на каторгу белорусы, в основном крестьяне, попадали за участие в революционном аграрном движении. Так, белорусы были среди заключенных Тобольской каторжной тюрьмы. [7, с. 101]. (В марте 1917 г. политическая ссылка и каторга были ликвидированы, и значительная часть бывших заключенных-белосусов вернулась в родные места).

Большинство мигрантов из Белоруссии, будучи по сословной принадлежности крестьянами, традиционно выбирало для поселения в Сибири сельскую местность. Они осели в губерниях: Тоболькой (Тарский, Туринский, Ишимский, Тюкалинский уезды), Томской (Мариинский, Каинский, Барнаульский, Змеиногорский уезды), Енисейской (Ачинский, Каннский уезды), Иркутской (Нижнеудинский, Балаганский, Иркутский уезды). Губернские переселенческие управления старались учитывать особенности ландшафта мест выхода переселенцев, поэтому участки для строительства поселков белорусам отводились преимущественно в лесистых, подтаежных и отчасти лесостепных зонах [2, с. 188].

В первой четверти XX в. немало белорусов проживало в северной полосе Барабинской степи (зона лесостепи), на севере Омского Прииртышья, на Алтае [8, с. 24–26]. По административному делению, не раз в этот период менявшемуся, это районы Тобольской (затем Тюменской), Томской, Новониколаевской и Алтайской губерний, Акмолинской (Омской) области (затем Омской губернии).

Большинство белорусских переселенцев селилось деревенскими общинами, то есть отдельными деревнями. Возникали даже районы компактного проживания белорусов [9, с. 143; 10, 140], но таких районов в Сибири было значительно меньше, чем, например, украинских [10, с. 140]. Часть переселенцев селилась в деревнях со смешанным национальным составом – как правило, русско-украинско-белорусским.

Для примера назовем белорусские деревни и деревни с большой долей белорусского населения в Омском Прииртышье: Айлинка, Александровское, Алексеевка, Аноринка, Атирка, Белосток, Верхне-Баклянское, Гриневицы, Кавзы, Кейзесс, Князевка (Князево), Крайчиково, Кукарка, Ларионовка, Мавричи, Мариинское, Мурка, Новоягодное, Нагорно-Ивановское, Нагорное, Покровка, Поречье, Пронинское, Рагозина, Славянка (Славенка), Соловьевка, Троицкое (Минское), Унара, Усовка, Чебуренки, Чиганы.

В Омске и Омском Прииртышье, например, с начала века распространены такие белорусские фамилии, как Козубовичи, Тереховичи, Казанники, Третеники, Гацко, Латушко, Сачко, Скачко, Сушко, Шалойко, Ляликовы. Пузиковы, Гурновичи, Маковичи, Машковичи, Мошкевичи, Грушецкие, Корецкие, Петровские, а также русские по звучанию, которые, наряду с русскими, носят и белорусы, прибывшие в Сибирь именно под этими фамилиями (Романовы, Сычевы, Сычовы).

Для белорусов в Сибири в начале XX в. и позднее были характерны тесные земляческие, родственные и кумовские связи в районах расселения, а также устойчивые связи с местами выхода (почтовая переписка, поездки по делам, временное или полное возвращение в места выхода).

Белорусы, прибывавшие в Сибирь, были, как правило, глубоко религиозны. По конфессиональной принадлежности они в большинстве являлись православными. Так, по переписи 1897 г., в Томской губернии среди белорусов 94,7 % составляли православные, 4,6 % считали себя старообрядцами, 0,6 % католиками (в том числе, видимо, и униатами. – А.Ш.). Подобная конфессиональная картина в белорусской переселенческой среде наблюдалась, видимо, и в других местностях Сибири [2, с. 188].

Во время «стольпинского переселения» в конфессиональной картине белорусов Сибири мало что изменилось, однако следует учесть, что добавилось некоторое количество белорусов-баптистов, осевших, например, в ряде сел Омского уезда (Усовка, Изюмовка, Чебуренки, Славянка и другие) со смешанным (русским, украинским и белорусским) населением. Белорусы-баптисты, осевшие в Омском уезде

были в основном выходцами из Гомельщины. Они строго соблюдали религиозные каноны своей общины, добросовестно трудились, не курили, не сквернословили, не употребляли или почти не употребляли алкоголя. Некоторые из них, несмотря на первоначальную бедность, в течение нескольких лет выбивались в разряд зажиточных [11, с. 38, 56].

Население Сибири, в том числе и белорусское, росло, хоть и не так интенсивно, как надеялся П. А. Столыпин, который рассчитывал, что начиная с 1907 г. за Урал будет переселяться в год по миллиону крестьян из Европейской части России. Тем не менее, благодаря «стольпинскому аграрному переселению» и последовавшему с началом войны наплыву беженцев население Сибири составило к 1917 г. чуть более 10 млн. человек [12, с. 98].

Увеличилось в регионе и число белорусов. В целом к 1917 г. в Сибири из 10 млн. жителей 71,5 % являлись русскими, 9,3 % украинцами, 2,6 % белорусами [5, с. 15], то есть, число белорусов в Сибири могло составлять в это время порядка 260 000. Опять-таки возможно, что процент белорусов был несколько выше, так как некоторая часть их числилась русскими. В отдельных районах и городах Сибири доля славян, в том числе белорусов, была выше. Так, в Томской губернии число украинцев превышало 11 %, а белорусов – 3 % [5, с. 15].

В период революционных и контрреволюционных потрясений 1917–1920 гг. в Сибири значительная часть белорусов продолжала не отделять себя от русских (во втором-третьем поколении зачастую звалась и записывалась русскими) и, как правило, не создавала особых национальных земляческих общин в городах. Лишь в белорусских селах национальные общины существовали, но существовали они здесь де-факто, как сельские коллективы. В марте-апреле 1917 г., когда в городах Сибири шло интенсивное формирование национальных организаций (польских, литовских, латышских, еврейских, украинских и других), белорусы с этим явно не торопились. Быстро сошли на нет намерения и попытки весной 1917 г. начать создание в Сибири, вслед за украинскими местными радами и громадами, аналогичных белорусских организаций, и, в отличие от «Главной украинской рады в Сибири», планируемая «Главная белорусская рада в Сибири» фактически так и не возникла. Часть активных белорусов работала в общих полинациональных комитетах беженцев; кое-где стали возникать «комитеты белорусских беженцев». Своей некоторой «национальной аполитичностью» белорусы в Сибири в это время заметно отличались от других экстерриториальных европейских народностей региона – украинцев, поляков, литовцев, латышей, немцев, евреев, которые довольно активно создавали в губернских и уездных городах региона национальные общины, комитеты, школы, клубы, газеты. Отдельные политически активные белорусы из числа интеллигенции могли в сибирских городах участвовать в довольно распространенных в 1917–1919 гг. (особенно в Иркутске, Томске, Красноярске Омске, Барнауле) украинских, польских и литовских культурно-просветительских обществах и национальных комитетах.

8–17 октября 1917 г. в Томске проходил Первый Сибирский областной (областнический) съезд. Из 183 делегатов 2 были белорусами (для сравнения: русские – 121, украинцы – 12, немцы – 5, евреи – 6, поляки – 4, татары – 16, киргизы (казахи) – 11, алтайцы – 3, якуты – 2, буряты – 1) [13, с. 119–120].

Между прочим, в составе Временного правительства Автономной Сибири (ВПАС), возникшего в конце января 1918 г. в Томске, было учреждено особое «министерство экстерриториальных народностей», главой которого был назначен украинец Д. Г. Сулим, офицер Барнаульского гарнизона, эсер, который, однако, от работы в данной должности самоустранился, так как в это время перешел на позиции левых эсеров и активно поддержал Советскую власть.

Некоторое оживление белорусского национального движения в Сибири произошло осенью 1918 г. в условиях так называемой «демократической контрреволюции», при власти Временного Сибирского правительства (ВСП) и Временного Всероссийского правительства (Директории).

Основным районом активизации данного движения в это время стала Томская губерния, где процент белорусов был несколько выше, чем в среднем по Сибири. Актив движения сосредоточился в крупнейшем городе Томской губернии и одном из крупнейших во всей Сибири – Новониколаевске (ныне – Новосибирск), а также, отчасти, в Омске – центре Омской губернии, столице «белой» Сибири (и с 9 октября 1918 г. по 14 ноября 1919 г. – столице «белой России»).

В начале октября 1918 г. в Омске, в условиях белогвардейской власти Временного Сибирского правительства (ВСП), была предпринята попытка инициировать добровольное вступление белорусов-сибиряков в Сибирскую белую армию с намерением даже создать белорусский национальный батальон в составе этой армии. Данная попытка была связана с деятельностью в Омске эмигранта Белорусской национальной Рады эсера Н. Наркевича.

Наркевич появился в Омске весной 1918 г., накануне антисоветского переворота, происшедшего 7 июня 1918 г. Поскольку в условиях «первой» Советской власти он заявлял о своей принадлежности к просоветской партии левых эсеров, то после переворота был белыми арестован и оказался в Омской тюрьме, точнее, на городской военной гауптвахте. Находясь в заключении, на следствии стал позиционировать себя как убежденный противник большевиков и Брестского мира, и, как представитель Бело-

русской рады, предложил свои услуги белым [14, с. 147; 15, л. 47]. Предложение было принято. В начале октября 1918 г. в омских газетах появилось составленное Наркевичем воззвание к белорусскому населению Сибири с призывом к белорусам-сибирякам вступать в Сибирскую белую армию, текст которого, по причине его уникальности, мы приводим полностью без изменений (с сохранением орфографии и пунктуации источника: слово «Родина» в тексте в первом случае с большой буквы, во втором – с маленькой; слово «белорусы» напечатано как «белоруссы»; слова «Белоруссия» и «Белоруссь» в тексте варьируются; буква «е» не употребляется, вместо нее в тексте везде стоит «е»):

«Братья белоруссы!»

Ограбленная, залитая кровью и вся в огне ждет вас Родина ваша.
Ждет – когда вы придете, выгоните врага и избавите ее от позора порабощения и издевательств завоевателя.
Ждут вашего прихода ваши матери, ваши сестры и старики-отцы.
Что заработано потом, что взято кровью упорного труда, – все злой враг берет себе.
Крик, может уже последний, опозоренных жен ваших и матерей доносится даже сюда, в далекую Сибирь.
Спасите!
Вспомните братья, свои весны. Вспомните стежки, грушни на полях!
Вспомните хатки, родные хатки, где мать пела вам свои песни – песни Белоруссии.
Спасите! – кричит вам родная страна.
И мы. Братья, ее спасем. Запишемся все в Сибирскую армию. Пойдем с нею на общего врага.
Победим!
Освободим свой край родной!
Пусть живет вольная Белоруссь!
Записывайтесь, братья, в Сибирские батальоны. Вместе с ними создадим мы вольную армию России. Вместе с ними отвоюем себе свободу, – создадим светлую добрую жизнь славянским народам.
Вы, жены Белоруссии, посылайте мужей и детей своих: да освободят они свою родину.
Пусть живет вольная Белоруссь!
Неужто, братья, позволим мы, чтобы плуг врага ходил по нашим пашням, чтобы коса его косила наши лужки, чтобы топор его гулял по нашим лесам, там, где некогда работали наши отцы и деды, где пролит их пот, где пролиты их слезы?
Нет, никогда.
Да живет вольная Белоруссь!
Прошу газеты перепечатать.
Председатель аграрной секции 1-го Всебелорусского съезда

Николай Наркевич» [16].

Вскоре после выхода данного воззвания, в середине октября, уже в Новониколаевске было организовано «частное совещание воинов-белорусов» с целью самоорганизации и «защиты своей родины – Белоруссии» [17, с. 206]. На 24 октября в Новониколаевске был объявлен созыв собрания наличествующих в Сибири членов Первого Всебелорусского съезда, на которое приглашались также представители белорусских кружков, беженских комитетов и подобных белорусских организаций [17, с. 207].

Данное собрание состоялось 25 октября, днем позже запланированной даты. На нем присутствовали делегаты от уездных белорусских беженских комитетов. Единогласно было принято решение наладить работу по организации белорусского национального движения в Сибири. На собрании была создана Новониколаевская белорусская рада, в состав которой вошли: в качестве председателя – товарищ председателя Первого всебелорусского съезда капитан Савич, товарищем председателя – И. Н. Скок, секретарями – Д. И. Кунашко, Ф. М. Мажуто. Собрание постановило: 1) обратиться к белорусской интеллигенции с просьбой прислать в раду свои адреса; 2) работать на местах по организации белорусов; 3) присылать свои труды, касающиеся белорусского движения; 4) делать сборы и отчисления в пользу рады. Кроме того, было принято решение о том, чтобы регулярно обращаться к населению с просьбой жертвовать средства на нужды белорусского движения [17, с. 207].

10 ноября 1918 г. в Новониколаевске состоялось общее собрание белорусов по поводу создания кооператива, который, как планировалось, будет служить не только материальным, но и политическим целям. Его задачами провозглашались: объединение всех местных белорусов; участие в создании белорусских вооруженных сил; содействии делу сплочения и укрепления свободной Белоруссии. Был предложен (зачитан) проект устава общества. В корреспонденции сообщалось, что был продемонстрирован «национальный знак белорусов»: по краям белые полосы, в середине – красная [17, с. 212].

Однако с установлением диктатуры А.В. Колчака работа белорусского национального актива в Новониколаевске постепенно замерла (притом, что большинство лидеров белорусского национального движения в Сибири были настроены лояльно по отношению к белогвардейской власти, и эта власть, соответственно, смотрела на движение в целом благосклонно, а то и просто безразлично). Реальным результатом двухмесячной активизации белорусского движения в Сибири осенью 1918 г. стало возникновение заметной белорусской национальной общины в Новониколаевске, которая, судя по всему, стала в конце 1918 – первой половине 1919 г. одной из самых активных и влиятельных белорусских национальных организаций в Сибири.

Но и эта организация летом 1919 г. распалась. 18 июня 1919 г. новониколаевские «Военные ведомости» с утра информировали, что в этот день «созывается собрание общества белорусов». [17, с. 232]. Однако уже 1 июля 1919 г. та же газета сообщала, что «белорусское общество Новониколаевска прекращает свою деятельность, и что всем членам общества предлагается забрать свои паевые взносы» [17, с. 233].

Белорусы Сибири (значительная часть которых являлась крестьянами), встретили призывы национальных организаций помогать белогвардейским властям, в основном индифферентно, а когда в сельской местности Сибири началась жесткая мобилизация в Сибирскую, а затем в Русскую (колчаковскую) армии, то селяне-белорусы вместе с русским и украинским крестьянством региона стали уклоняться от военного призыва, а затем, отвечая на карательные действия властей, приняли в ряде случаев участие в вооруженном сопротивлении – в восстаниях и партизанском движении.

Антиколчаковское партизанское движение развернулось, в том числе и в тех местах, где проживало немало белорусов: на севере Среднего Прииртышья, севере Барабинской степи, на Алтае. В Горном Алтае известным партизанским командиром стал белорус И. Я. Третьяк.

Третьяк Иван Яковлевич родился в 1884 г. в деревне Ракошичи Кайдановской волости Минской губернии. С 1904 г. участвовал в революционном движении. В 1907 г., спасаясь от ареста, эмигрировал в Германию и затем в США. С 1908 г. активно участвовал в деятельности эмигрантской профсоюзной анархо-синдикалистской «Федерации русских рабочих». Возвращаясь из эмиграции через Владивосток, осенью 1918 г. прибыл к родственникам-переселенцам на Алтай. Став свидетелем разгула колчаковщины, включился в сопротивление режиму и летом 1919 г. возглавил партизанский отряд, превратившийся вскоре в партизанскую дивизию, которая сражалась с белогвардейцами вплоть до соединения с наступающими частями Восточного фронта Красной Армии в начале 1920 г. (В 1937 г. И. Я. Третьяк пал жертвой сталинских репрессий) [18, с. 9, 10, 11; 19, с. 50–51]. Партизанский наездник И. Я. Третьяк по праву входит в десятку самых прославленных партизанских вождей Сибири, наряду с Е. М. Мамонтовым, Г. Ф. Роговым, П. К. Лубковым, А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкиным, В. Г. Яковенко, Н. И. Каландаришвили, Д. Е. Зверевым.

Среди других белорусов, активно боровшихся за советскую власть в Сибири, можно также выделить братьев Коношенок. Иван Савельевич Коношенок (1885 – ?) – в 1916–1917 гг. – прапорщик, затем подпоручик Омского гарнизона. Со времени Февральской революции, будучи беспартийным, политически симпатизировал большевикам. В 1917 г. являлся членом Омского военно-окружного комитета. В 1918 г. – редактор еженедельного журнала «Западная Сибирь» (орган Западно-Сибирского исполкома Советов, издавался в марте – мае 1918 г.), член исполкома Западно-Сибирских Советов. При белогвардейцах находился в тюрьме, после изгнания колчаковцев вступил в РКП(б), партийный стаж установлен с 1919 г. После Гражданской войны находился на ответственной советской и хозяйственной работе [20, с. 252; 21, с. 286]. Георгий Савельевич Коношенок, также как и брат, активно участвовал в революционном движении, в конце 1917 г. являлся комиссаром Омского Военно-революционного комитета в Тюмени [20, с. 286].

Белорусы Сибири, так же как и все население региона, так или иначе, оказались втянутыми, часто помимо своей воли, в Гражданскую войну. Они служили по мобилизации (реже – добровольно) в Красной Армии и в белогвардейских армиях (Сибирской армии ВСП и Русской армии А.В. Колчака), а также вступали в 1918–1920 гг. в антиколчаковские партизанско-повстанческие отряды и значительно реже в антикоммунистические партизанско-повстанческие отряды 1920–1922 гг.

С окончанием Гражданской войны и образованием БССР многие белорусы из числа беженцев Первой мировой войны, а также и часть «стольпинских переселенцев» вернулись на свою историческую Родину, поэтому численность белорусов в Сибири (как и в других регионах России) заметно снизилась. В то же время в 1924–1927 гг. на территорию Сибири и Дальнего Востока переселилось более 33 тысяч белорусов. Перепись 1926 г. зарегистрировала в Сибири более 320 тысяч белорусов, расселившихся практически во всех районах Сибири и Дальнего Востока [2, с. 188].

Сибирская советская энциклопедия, говоря о суммарной численности белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке на 1926 год, привела цифру 371 840 человек. При этом на Сибирский край приходилось 325 170 белорусов и на Дальневосточный край – 41 124. Кроме того, в сибирских (по географической принадлежности) округах Уральской области – Ишимском, Курганском, Тобольском и Тюменском – проживало 5 546 белорусов. В собственно Сибирском крае наиболее заметно белорусы в это время были представлены в округах: Канском (50 816), Тарском (43 951), Новосибирском (37 439), Тулуновском (31 163), Ачинском (30 149), Барабинском (26 270) и Томском (26 074). При этом отмечалось, что основная часть белорусов-сибиряков являлась в это время земледельцами и жила «или обособленными селениями, или, чаще всего, совместно с великороссами (в старожильческих селениях и в переселенческих поселках» [22, с. 275].

В середине 1920-х гг. в местах их компактного проживания действовали более 700 национальных сельских Советов. Небезынтересно, что в 1920-е гг. в Сибири существовала сеть белорусских национальных школ, в которых преподавание велось на белорусском языке, выходил ряд местных белорусских газет, а в Томском университете существовало даже белорусское землячество [2, с. 188; 23].

Таким образом, за период исторических потрясений в России первой четверти XX в. количество белорусов, по разным причинам переселившихся в Сибирь и укоренившихся здесь, возросло в сравнении с началом этого периода в 25 раз. При этом белорусское население Сибири принимало заметное участие в социально-экономических, общественно-политических и культурных процессах, происходивших в это время в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам. Статистический справочник. – СПб. : Книгоиздательство «Земля и Воля» : Тип. Н.П. Собко, 1906. – Вып. I. – 65 с.
2. Мамсик, Т.С. Белорусы / Т.С. Мамсик, А.Ю. Майничева, В.Г. Шишкин // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск : Издат. Дом «Историческое наследие Сибири». – Т. I. – С. 187–189.
3. Ремнев, А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова. – Омск : Изд. дом «Наука», 2013. – 248 с.
4. Население Западной Сибири в XX веке / под ред. Н.Я. Гущина и В.А. Исупова. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1997. – 171 с.
5. Шиловский, М.В. Русско-славянская колонизация Сибири в XVII – начале XX вв. / М.В. Шиловский // Славянское единство : Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. – С. 11–16.
6. Хазиахметов, Э.Н. Сибирская политическая ссылка 1905–1907 гг. (облик, организации и революционные связи) / Э.Н. Хазиахметов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1978. – 183 с.
7. Михеев, А.П. Тобольская каторга / А.П. Михеев. – Омск : Изд. дом «Наука», 2007. – 344 с.
8. Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформация этнической культуры / под ред. Е. Ф. Фурсовой. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 424 с.
9. Гайко, В.В. 110-летняя история деревни Айлинка Знаменского района Омской области / В.В. Гайко, С.Ф. Татауров // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 30–31 марта 2006 г. : в 3 ч. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2006. – Ч. I. – С. 142–145.
10. Бережнова, М.Л. Белорусы в Омском Прииртышье: о влиянии расселения на сохранение этногенетической памяти / М.Л. Бережнова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 30–31 марта 2006 г. : в 3 ч. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2006. – Ч. I. – С. 139–142.
11. Саньков, М. Марьяновский меридиан: Очерки истории [Марьяновского] района / М. Саньков. – Омск, ИПК «Омич», 1994. – 191 с.
12. Горюшкин, Л.М. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции / Л.М. Горюшкин, В.И. Пронин // Историческая демография Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск : Наука : Сибирское отд-ние, 1992. – С. 84–101.
13. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск : Изд-во ТГУ, 1992. – Ч. 1. – 151 с.
14. Оленич-Гнененко, А.П. Суровые дни / А.П. Оленич-Гнененко // Сибирские огни (Новосибирск). – 1958. № 11. – С. 131–148.
15. Государственный исторический архив Омской области – Центр документации новейшей истории Омской области (ГИАОО-ЦДНННО). – Ф. 626. Оп. 1. Д.14.
16. Заря (Омск). – 1918. – 5 окт.
17. Кутилова, И.В. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 / И.В. Кутилова, Н.И. Нам, В.А. Сафонов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1999. – 298 с.
18. Третьяк, И. Предисловие / И. Третьяк // Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году. – Барнаул : Алт. книж. изд-во, 1968. – 144 с.
19. Усатых, В. Начдив Третьяк / В. Усатых // Диалог (Барнаул). – 1990. – № 3. – С. 50–51.
20. Познанский, В.С. Сибирский красный генерал / В.С. Познанский. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1972. – 270 с.
21. Познанский, В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1973. – 307 с.
22. Белорусы // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. – Т. 1. – 988 с.
23. Лапунов, В. Белорусы в Сибири [Электронный ресурс] / В. Лапунов. – Режим доступа: www.postkomsg.com/history/196516/. – Дата доступа: 02.11.2016.

Поступила 12.12.2016

BELARUSIAN DIASPORA IN SIBERIA DURING THE HISTORIC UPHEAVALS OF THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

A. SHTYRBUL

The article deals with the Belarusian Diaspora history in Siberia in the first quarter of the twentieth century, the socio-economic, socio-political and cultural life of the Belarusians in the Siberian region during one of the most complex and controversial periods of Russian and Belarusian history of the last century, which included "Stolypian" agrarian resettlement, World War I, three revolutions, Civil war and early years of the NEP.

Keywords: *Belorussian diaspora, Siberia, migrants.*

УДК 930:[94(476)34“17/18]

**ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ГІСТОРЫІ СУДОВЫХ УСТАНОЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ
Ў КАНЦЫ ХVІІІ – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТАГОДДЗЯ***канд. гіст. навук, дац. І.Г. ГУШЧЫНСКІ**(Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, Мінск)*

Аналізуецца гістарыяграфія гісторыі судовых устаноў на тэрыторыі Беларусі ў канцы ХVІІІ – першай палове ХІХ ст. Зроблена выснова, што ў дастаткова поўнай ступені на падставе галоўным чынам заканадаўчых актаў раскрыта судаўладкаванне і яго эвалюцыя на працягу разглядаемага перыяду, паказаны асаблівасці палітыкі розных расійскіх манархаў адносна судава-прававой сферы краю, выяўлена месца і роля мясцовага дваранства ў фарміраванні кадравага складу судовых органаў. Па-рознаму ў гістарыяграфіі трактуюцца і ацэньваюцца такія аспекты, як спроба Кацярыны ІІ укараніць на тэрыторыі Беларусі расійскі судава-адміністрацыйны лад у канцы ХVІІІ ст., пераўтварэнні ў судовай сістэме пры Паўле І, эфектыўнасць выкарыстання Статута ВКЛ 1588 г. ва ўмовах ХІХ ст., значэнне яго скасавання Мікалаем І для якасці правосуддзя краю і некаторыя іншы. Недастаткова раскрытымі і, адпаведна, перспектыўнымі для далейшага даследавання бачацца наступныя праблемы: роля судовых органаў у сацыяльна-эканамічным развіцці, стасункі паміж судовымі ўстановамі і адміністрацыйнай уладай, функцыянаванне інстытута адвакатуры ў дадзены перыяд.

Ключавыя словы: *гістарыяграфія, судовая сістэма, судаводства, судаўладкаванне, самадзяржаўе, Расійскай імперыя, Статут ВКЛ, 19 стагоддзе, 18 стагоддзе.*

Уводзіны. Вывучэнне судовых органаў у мінулым стварае ўмовы выкарыстання гістарычнага вопыту пры правядзенні мерапрыемстваў па ўдасканаленні сістэмы правосуддзя на сучасным этапе. Акрамя таго, гэта дазваляе ў больш поўнай ступені рэканструяваць гістарычную рэчаіснасць адпаведнай эпохі, бо суды заўсёды займалі важнае месца ў жыцці грамадства. У іх уладкаванні і дзейнасці знаходзілі адлюстраванне ключавыя рысы сацыяльна-эканамічных адносін і палітычнага жыцця ў дзяржаве ці асобных рэгіёнах, а таксама менталітэту людзей. Далучэнне тэрыторыі Беларусі ў канцы ХVІІІ ст. да Расіі прывяло да карэнных змен у жыцці краю, якія закранулі і мясцовую сістэму правосуддзя. Прычым за адносна непрацягла перыяд (ад першага падзелу Рэчы Паспалітай у 1772 г. да 1840 г., калі была канчаткова скасавана дзейнасць Статута ВКЛ) яна неаднаразова падвяргалася пераўтварэнням, якія вынікалі з накірункаў палітыкі імперскіх улад на розных этапах у адносінах да дадзенай тэрыторыі. Гэтая тэма разгледжана ў даволі значнай колькасці прац гістарычнага і прававога характару як спецыяльных, так і ў кантэксце вывучэння іншых праблем. Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца выяўленне ступені даследаванасці судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў канцы ХVІІІ – першай паловы ХІХ ст., раскрыццё асноўных падыходаў у гістарыяграфіі да тых ці іншых аспектаў, вызначэнне недастаткова вывучаных праблем і перспектыўных накірункаў для далейшых даследаванняў.

Асноўная частка. Гістарыяграфія ХІХ – пачатку ХХ ст.

Навуковая цікавасць да судаводства і судаўладкавання на тэрыторыі, далучанай да Расіі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай, узнікла яшчэ ў першай палове ХІХ ст. Гэта было звязана з працай па кадыфікацыі мясцовых прававых норм і складанні праекта адпаведнага зводу законаў, у падмурак якога павінен быў легчы Статут ВКЛ. У 1837 г. была выдадзена праца “Обозрение исторических сведений о составлении свода местных законов западных губерний” (тэкст даступны ў перавыданні 1910 г. [1]), асноўны матэрыял якой быў падрыхтаваны І. Даніловічам. Асобны раздзел выдання прысвечаны змяненням, якія былі ўнесены ў мясцовае права пасля далучэння дадзенай тэрыторыі да Расіі [1, с. 30–33]. Падкрэсліваецца, што карэктывам у найменшай ступені падвергліся законы грамадзянскага судаводства, бо тыя не супярэчылі “сутнасці вярхоўнага ўладання”, пры гэтым забяспечвалі пераемнасць новых прававых норм з папярэднімі і “змацоўвалі яе вузамі ўласнасці і прыватных выгад” [1, с. 33]. У той жа час у іншай сваёй працы “Kodex Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi” (“Кодэкс Напалеона ў параўнанні з законамi польскімі і літоўскімі”) І. Даніловіч адзначаў, што ў ХІХ ст. Статут ВКЛ ужо не ў поўнай ступені адпавядаў патрабаванням часу, а многія яго пастулаты сталі анахранізмамі [2, с. 43–45, 56]. Выкарыстанне Статута ў перыяд пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і ў наступным прыцягвала ўвагу даследчыкаў: М.М. Навакоўскага [3], С.А. Бершацкага [4], А.Э. Нольдэ [5], Е.М. Вайшвілы [6].

У дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі па разглядаемай праблеме асоба трэба выдзяліць працы М.П. Жуковіча [7, 8]. У іх даволі падрабязна раскрыты структура і функцыі судовых органаў на тэрыторыі, далучанай да Расіі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай, а таксама захаваны імперскіх улад (пры Кацярыне ІІ і Паўле І) па рэфармаванні мясцовай судовай сістэмы. М.П. Жуковіч падкрэсліваў імкненне

Кацярыны II “добрым, лагодным, сумленным, паблаглівым і чалавекалюбівым кіраваннем Расійскай імперыі” выклікаць прыхільнасць мясцовага насельніцтва да новай улады. Аднак ён таксама адзначаў недасканаласць у самой Расіі адміністрацыйнага кіравання і суда, перш за ўсё з-за іх змяшэння [7, с. 293]. Вынікам такой супярэчнасці і пры гэтым жадання Кацярыны II арганізаваць правасуддзе на далучаных землях не горш, чым пры Рэчы Паспалітай, стала захаванне тут (нават ва ўсходняй частцы Беларусі пасля ўвядзення “Учреждений для управления губерниями...” 1775 г.) дзеяння норм Статута ВКЛ у сферы грамадзянскага судаводства. Аўтар сцвярджаў, што гэта быў першы вопыт аддзялення суда ад адміністрацыі ў Расіі [7, с. 303]. М.П. Жуковіч станоўча ацаніў распаўсюджанне ў 1778 г. Кацярынай II “Учреждений для управления губерниями...” на тэрыторыю тагачасных Полацкай і Магілёўскай губерняў. На яго думку, гэта стварыла тут стройную сістэму мясцовага суда, асобнага ад адміністрацыі, блізкага да ўсіх класаў насельніцтва, з перавагай у яго складзе выбарнага пачатку [7, с. 110]. Дзеянні Паўла I па пераўтварэннях судовай сістэмы ў Беларускай, Мінскай і Літоўскай губернях аўтар ацэньваў больш крытычна. Ён сцвярджаў, што імкненне да “хуткага ўваскрасэння літоўска-польскай даўніны”, па-першае, пры адсутнасці дастатковага знаёмства з ёй прыводзіла да недарэчнасцей ва ўказах [8, с. 190], па-другое – “павялічвала мяжу”, якая аддзяляла гэтую тэрыторыю ад астатняй Расіі [8, с. 225]. Параўноўваючы палітыку Кацярыны II і Паўла I, М.П. Жуковіч зрабіў у пэўным сэнсе парадаксальную выснову: Кацярына II у накірунку захавання літоўска-польскай юрыдычнай даўніны ў вобласці суда ў “заходнерускіх” губернях зрабіла больш, чым Павел I [8, с. 225].

Варта згадаць яшчэ шэраг даследаванняў гісторыка-прававога характару, у якіх разглядаемая ў артыкуле праблематыка закранаецца ў кантэксце вывучэння больш шырокіх тэм.

У кнізе А.Э. Нольдэ “Очерки русского государственного права” [9] пэўная ўвага ўдзелена эвалюцыі сістэмы судовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст. Аўтар паказаў яе абумоўленасць канкрэтнымі палітычнымі абставінамі і асабістымі падыходамі расійскіх манархаў (Кацярыны II, Паўла I, Аляксандра I) да вырашэння праблемы вызначэння статусу далучанай у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторыі ў складзе імперыі. А.Э. Нольдэ падкрэсліваў аўтаномны характар сістэмы правасуддзя краю пры Паўле I. Дадзеная самастойнасць вызначалася ўласнымі прававымі нормамі, выбарнасцю суддзяў і фінансавай незалежнасцю мясцовых судовых органаў ад дзяржаўнай казны [5, с. 425–428]. “Смяротным прыгаворам” гэтай судовай аўтаноміі, на думку аўтара, стаў закон ад 19 мая 1802 г. паводле якога прызначэнне на выбарныя ад дваранства пасады адбывалася ў адпаведнасці з “Учреждениями для управления губерниями...”. Гэта азначала ўвядзенне трохгадовага тэрміну службы і зацвярджэнне кандыдатур Сенатам і імператарам. Перавод пытанняў самакіравання на нормы агульнаімперскага заканадаўства падрываў аснову аўтаноміі – сваё ўласнае права [9, с. 431]. Адметна, што захаванне дзеяння норм Статута ВКЛ пасля падзелаў Рэчы Паспалітай А.Э. Нольдэ трактаваў як асаблівасці рускага права [9, с. 433].

Спраба ўкаранення “Учреждений для управления губерниями...” 1775 г. на тэрыторыі Беларусі пры Кацярыне II закранута ў працы У.А. Грыгор’ева “Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.)” [10]. Аўтар адзначаў недахоп кадраў для судовых і адміністрацыйных органаў новага ўзору, перш за ўсё на прызначаемыя (а не выбарныя) пасады, напрыклад, пракурораў і страпчых [10, с. 324].

У трохтомнай працы С.М. Серадоніна “Исторический обзор деятельности Комитета министров. К столетию Комитета министров (1802–1902)” паказаны такія аспекты ўрадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі, як рэгламентацыя выбараў на судовыя пасады [11, с. 269, 289] і ў цэлым прыцягненне мясцовай шляхты да службы ў сферы правасуддзя [12, с. 243, 13, с. 160], змяненні ў нормах судаводства па злычынствах палітычнага характару [13, с. 179–182].

Праблема адвакатуры на тэрыторыі Беларусі ў разглядаемы перыяд фрагментарна закранута ў працы Я.У. Васькоўскага “Организация адвокатуры”. Аўтар адзначаў, што дадзены юрыдычны інстытут пасля далучэння краю да Расіі атрымаў даволі стройную арганізацыю па германскаму ўзору таго часу [14, с. 154].

Таксама варта ўгадаць выданне даведчнага характару “Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876)” І.А. Нікоціна [15]. У ім храналагічна і тэматычна сістэматызаваны заканадаўчыя мерапрыемствы (у тым ліку ў судова-прававой сферы) на дадзенай тэрыторыі.

Сістэма судовых органаў і іх кампетэнцыя, а таксама эвалюцыя судовага заканадаўства на тэрыторыі, далучанай да Расійскай імперыі ў выніку 1-га падзелу Рэчы Паспалітай, вельмі падрабязна паказана ў працы фінскага гісторыка У.Л. Лехтанена “Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II. In den Jahren 1772–1782” (“Польскія правінцы Расіі пры Кацярыне II. У 1772–1782 гг.”) [16, с. 278–295]. Дадзенае даследаванне, нягледзячы на непасрэдную прывязку яго тэмы да тэрыторыі Беларусі, значны аб’ём і, адпаведна, падрабязнасць раскрыцця разглядаемай праблематыкі, засталася дагэтуль практычна

не запатрабаваным беларускімі гісторыкамі (за выключэннем, напэўна, Я.К. Анішчанкі), відавочна, з-за таго, што было выдадзена на нямецкай мове.

Тэма судовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў разглядаемы перыяд закранута ў шэрагу даследаванняў па гісторыі краю. Адзін з найбольш вядомых прадстаўнікоў заходнерусізму М.В. Каяловіч у працы “Чтения по истории Западной России” выключна пазітыўна ацэньваў “знішчэнне” Кацярынай II на далучаных землях Літоўскага статута [17, с. 316]. Пры гэтым ён адзначаў, што калі ўзнаўленне дзеяння Статута Паўлам I на тэрыторыі, якая ўвайшла ў склад Расіі па 2-м і 3-м падзелах Рэчы Паспалітай, “радавала” (відавочна, мясцовае насельніцтва), то ва ўсходняй частцы Беларусі – “прыводзіла ў адчай”, бо там адвыклі ад яго [17, с. 317]. Апалагетыкай русіфікатарскіх памкненняў імперскіх улад вызначаюцца трактоўкі П.М. Бацюшкова. У негатыўных фарбах ён паказваў пераўтварэнні ў судовай сістэме краю пры Паўле I, прычым як з палітычнай кропкі гледжання (рост польскага ўплыву), так і практычнай (ад папярэдніх парадкаў тут ужо паспелі адвыкнуць) [18, с. 325]. Адпаведна, факт скасавання дзеяння Статута Мікалаем I характарызаваўся выключна станоўча [18, с. 362]. Падобных трактовак прытрымліваўся і Л.М. Саланевіч [19, с. 23, 25].

Як бачым, у большасці расійскіх прац дарэвалюцыйнага перыяду эфектыўнасць пераўтварэнняў судовых органаў і якасць іх функцыянавання ацэньваліся ў кантэксце рэалізацыі палітыкі імперскіх улад па ўніфікацыі краю з унутранымі губернямі.

Гістарыяграфія 20–80-х гг. XX ст.

У міжваенны перыяд праблема судовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. пэўная ўвага была ўдзелена ў польскай гістарыяграфіі, якая (прынамсі значная частка гісторыкаў) разглядала ўсю тэрыторыю былой Рэчы Паспалітай як польскую. Адпаведна, у даследаваннях па гісторыі Польшчы ўдзялялася ўвага становішчу на тэрыторыі Беларусі (“краі забраным”) пасля падзелаў. Так, уладкаванню судовай сістэмы і праву тут у канцы XVIII – XIX ст. прысвечаны асобны раздзел 3-га тома капітальнай працы С. Кутшэбы “Historia ustroju Polski w zarysie” (“Нарыс гісторыі дзяржаўнага і грамадскага ладу Польшчы”) [20, с. 208–214]. Становішча ў 1794–1797 гг. на тэрыторыі, далучанай да Расіі ў выніку 3-га падзелу Рэчы Паспалітай, даследаваў Л. Жытковіч [21]. У прыватнасці, ён удзяліў значную ўвагу праблеме фарміравання і дзейнасці тут у гэты час сістэмы судовых органаў. У паказаных Л. Жытковічам дзеяннях расійскай адміністрацыі па яе арганізацыі ў перыяд напярэдадні і адразу пасля 3-га падзелу выразна прасочваюцца два накірункі: аднаўленне судовай сістэмы часоў Рэчы Паспалітай (яна была папярэдне скасавана паўстанцкімі ўладамі), імкненне ў значнай ступені паставіць яе пад свой кантроль [21, с. 104]. Аўтар сцвярджаў, што сістэма кіравання і суда, створаная тут па ўказу Кацярыны II ад 30 кастрычніка 1794 г., мела быць прамежкавым звяном для ўкаранення ў наступным “Учреждений для управления губерниями” [21, с. 86, 106]. Пераўтварэнні ў мясцовай судовай сістэме краю, зробленыя пры Паўле I, Л. Жытковіч таксама ацэньваў неадназначна. З аднаго боку, грамадства было вельмі прывязана да Літоўскага статута [21, с. 113], адпаведна, узнаўленне дзеяння яго норм было фактам пазітыўным. Але з іншага боку, поўнага вяртання да былой судовай сістэмы пры Паўле I не адбылося, суды аказаліся ў значнай ступені падкантрольнымі адміністрацыйнай уладзе (перш за ўсё губернатару) [21, с. 383–387, 391]. У цэлым даследаванне Л. Жытковіча адметна прыцягненнем даволі шырокага архіўнага матэрыялу. Гэта дазволіла не проста паказаць эвалюцыю расійскага заканадаўства ў краі і даць тлумачэнні прыняцця ўладамі тых ці іншых рашэнняў (па-сутнасці, да гэтага зводзілася вывучэнне мясцовай судовай сістэмы разглядаемага перыяду ў пераважнай большасці прац), але таксама падрабязна апісаць выбары суддзяў [21, с. 107], узаемаадносіны адміністрацыйных улад і судовых органаў [21, с. 111], працэс падрыхтоўкі ўвядзення тут “Учреждений для управления губерниями...” (што так і не адбылося ў сувязі са смерцю Кацярыны II) [21, с. 173–185] і іншыя аспекты.

У 1933 г. у Вільні выйшла праца М. Ільшэвіча “Расейская палітыка на землях былага Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўлы I (1772–1801)”. У кантэксце асвятлення арганізацыі тут сістэмы адміністрацыйнага кіравання і органаў суда ў ёй адзначалася, што спробы ўлад уніфікаваць дадзеныя сферы краю з унутрырасійскімі адразу пасля падзелаў Рэчы Паспалітай не ўдаліся па прычыне моцы “асабліваасцей былой Беларуска-літоўскай дзяржавы” [22, с. 23]. М. Ільшэвіч адзначаў, што ўкаранення “Учреждений для управления губерниями...” у поўнай ступені не адбылося нават на тэрыторыі, далучанай да Расіі ў выніку падзелу Рэчы Паспалітай 1772 г. [22, с. 24].

Савецкая гістарыяграфія разглядала палітыку самадзяржаўя ў нацыянальных ускраінах як рэакцыйную і каланіялісцкую. Адпаведныя ацэнкі даваліся мерапрыемствам урада ў сферы суда на тэрыторыі Беларусі, прычым перш за ўсё – увядзенню тут пры Мікалаі I агульнарасійскай судовай сістэмы, якая характарызавалася выключна негатыўна (падпарадкаванасць адміністрацыйнай уладзе, саслоўнасць, бюракратызм, валакіта, хабарніцтва і г. д.) [23, с. 59–62, 24, с. 179–181, 25, с. 29–30, 26, с. 222, 27, с. 506].

Да разглядаемай у дадзеным артыкуле праблемы звяртаўся У.І. Пічэта [28]. Пераўтварэнні ў сферы суда перыяду праўлення Кацярыны II ім разглядаліся ў кантэксце ў цэлым палітыкі Расіі адносна далучанай у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторыі. У.І. Пічэта сцвярджаў, што палітыка царызму тут

“заўсёды была эластычнай, але ніколі не выпускала з-пад увагі асноўнага – эканамічнага і палітычнага аб’яднання новых абласцей з імперыяй”. Захоўваючы, у прыватнасці, выкарыстанне ў судах польскай мовы і мясцовага феадальнага права, самадзяржаўе чакала моманту, калі з’явіцца зручная магчымасць поўнага ажыццяўлення намечанай цэнтралісцкай палітыкі [28, с. 25].

Спецыяльна тэме судовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. прысвечаны артыкул Е.Л. Бравер [29]. Праца адметна тым, што акрамя ўласна апісання судаўладкавання і судаводства ў краі, паказу эвалюцыі заканадаўства ў гэтай сферы на працягу адзначанага перыяду, у ёй прааналізаваны крыніцы па дадзенай праблеме, якія захаваліся ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве БССР у г. Мінску (сёння – Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі). Раскрываючы палітыку расійскіх улад па арганізацыі сістэмы правасуддзя на тэрыторыі Беларусі адразу пасля яе далучэння да Расіі, Е.Л. Бравер адзначыла, што, нягледзячы на імкненне Кацярыны II усталяваць тут агульнарасійскія формы кіравання і суда, Статут ВКЛ не быў поўнасьцю скасаваны (ім кіраваліся судовыя органы ў грамадзянскім судаводстве) нават на тэрыторыі Полацкай і Магілёўскай губерняў, дзе былі ўведзены ў дзеянне “Учреждения для управления губерниями...”. Акрамя таго, у справаходстве працягвала выкарыстоўвацца польская мова, хаця цяпер разам з рускай [29, с. 464–465]. На думку аўтара, менавіта нацыянальнае судаўладкаванне і судаводства ў Беларусі аказаліся найбольш устойлівым і сярод іншых галін кіравання, што было звязана з своеасаблівасцямі прававых норм і звычаяў, а таксама спецыфікай саслоўнай структуры [29, с. 465].

Таксама варта згадаць манаграфію амерыканскага даследчыка Э.Тадэна “Russia's Western Borderlands, 1710–1870” (“Заходняе памежжа Расіі, 1710–1870”) [30]. Разглядаючы расійскую палітыку на далучаных у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторыях, ён адзначыў, што Кацярына II мела намер хутка прыступіць да ліквідацыі Літоўскага статута і “польскіх” судаў. Аднак ажыццявіць ёй гэта, па сутнасці, не ўдалося. Э.Тадэн падкрэсліў, што тут яшчэ да пераўтварэння Паўла I (у тым ліку на тэрыторыі Магілёўскай і Полацкай губерняў, дзе ў 1778 г. былі ўведзены “Учреждения для управления губерниями...”) працягвалі дзейнічаць нормы Статута ВКЛ, а “палякі” – кантраляваць як мясцовую адміністрацыю, так і суды [30, с. 44]. Аўтар тлумачыў гэта адсутнасцю на той момант у расійскіх улад дасатковых ведаў аб мясцовым праве і тым больш параўнаўчых даследаванняў яго з расійскім заканадаўствам, што немінуха прывяло б да канфліктаў паміж мясцовай традыцыйнай і новай расійскай юрыдычнай і адміністрацыйнай практыкай. На думку Э.Тадэна, адмена Статута і ўвядзенне ў краі агульнарасійскай судовай сістэмы адбылося толькі тады, калі расійская юрыдычная навука і адукацыя дасягнулі пэўнага ўзроўню развіцця і самі расійскія законы былі кадыфікаваны. Адпаведна, Расія аказалася ў стане навязаць свае прававыя нормы і суды “былым польскім правінцыям” у даволі ўпарадкаваным выглядзе. Пры гэтым аўтар заўважыў, што нават у канцы 1830-х гг. вядучыя расійскія юрысты ставілі пад сумнеў правільнасць рашэння аб адмене тут Статута [30, с. 54].

Гістарыяграфія 1990-х – пачатку 2000-х гг.

У 1990-х – пачатку 2000-х гг. з’явілася некалькі прац, прысвечаных непасрэдна тэме судовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.

Адзіным на сённяшні дзень спецыяльным вучэбным дапаможнікам па разглядаемай праблеме з’яўляецца “Судебные органы в Беларуси: конец XVIII – первая половина XIX веков” В.А. Шаўкапляс [31]. Верхняй храналагічнай мяжой даследавання з’яўляецца ўзыходжанне на расійскі прастол Паўла I. Адпаведна, мерапрыемствы Кацярыны II па арганізацыі сістэмы правасуддзя на тэрыторыі Беларусі не разглядаліся. В.А. Шаўкапляс, грунтуючыся на метадалагічных прынцыпах класавага падыходу, захаванне ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст. у краі судаўладкавання ўзору часоў Рэчы Паспалітай тлумачыла тым, што тут працягвалі панавць феадальны спосаб вытворчасці і феадальныя адносіны [31, с. 7]. Пры гэтым аўтарам паказаны адрозненні, якія мела судовая сістэма краю ў параўнанні з перыядам да падзелаў. Змяненні ў мясцовым праве і сістэме правасуддзя, якія ўносіліся расійскімі ўладамі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст., былі накіраваны на пэўную (але пакуль яшчэ не суцэльную) уніфікацыю іх з унутрырасійскімі парадкамі, а таксама ўмацаванне кантролю над судамі і фарміраваннем іх асабовага складу з боку адміністрацыйных улад [31, с. 8–9, 11, 13, 19, 23–26, 30–31, 33–35, 45, 47]. Галоўная ўвага аўтара ўдзелена павятовым земскім судам, галоўным і межавым судам. Даволі дэтальна паказана іх кампетэнцыя, фарміраванне кадравага складу, узаемадзеянне з іншымі органамі ўлады, а таксама практыка (на прыкладах канкрэтных судовых спраў). Пры гэтым адзначым, што судовая сістэма краю ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. не абмяжоўвалася ўказанымі ўстановамі. На розных этапах дзейнічалі падкаморскія, сіроцкія, совесныя, славесныя, эксдывізарскія суды, магістраты і ратушы, палаты крымінальнага і грамадзянскага суда.

Судовай сістэме на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. прысвечаны артыкул А.П. Жытко і С.А. Талмачовай [32]. У ім дадзена даволі падрабязнае апісанне судаўладкавання, якое ахарактарызавана як шматузроўневае, грувасткае і ў цэлым недастаткова эфектыўнае. У артыкуле падкрэсліваецца саслоўнасць судовых органаў, што стрымлівала працэс складвання грамадзянскай су-

польнасці. Аўтары зрабілі выснову, што скасаванне прыгоннага права, правядзенне іншых рэформ на буржуазнай аснове патрабавалі карэннага рэфармавання судовай сістэмы ў інтарэсах як дзяржавы, так і ўсяго насельніцтва, незалежна ад класовай і саслоўнай прыналежнасці [32, с. 24].

Расійскі даследчык Н.М. Яфрэмава [33] прасачыла эвалюцыю сістэмы судовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў перыяд праўлення Кацярыны II, паказаўшы яе асаблівасці на землях, далучаных да Расіі ў выніку розных падзелаў Рэчы Паспалітай. Яна сцвярджала, што ўраду ўдалося дасягнуць хуткай уніфікацыі судовай сістэмы Беларусі з агульнаімперскай, і тлумачыла гэта наяўнасцю агульных прававых традыцый, прававой ідэалогіі, гістарычных прававых каранёў, менталітэту народа. На яе думку, гэта было прагрэсіўнай з’явай, бо спрыяла зараджэнню пачаткаў прававой роўнасці, хаця і ў вузка-саслоўных межах [33, с. 407].

Рэфармаванню расійскімі ўладамі сістэмы судовых устаноў на тэрыторыі Беларусі, а таксама ўдзелу мясцовага дваранства ў камплектаванні іх асабовага складу ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. прысвечаны артыкулы С.Л. Лугаўцовай [34, 35]. Яна сцвярджала, што пасля далучэння да Расіі, як і раней, судовыя ўстановы краю былі незалежнымі ад адміністрацыі. Гэта тлумачылася імкненнем улад знайсці падтрымку ў асяродку шляхты, а таксама немагчымасцю адразу ўкараніць тут расійскае заканадаўства [35, с. 40]. Адносна фарміравання кадравага складу судовых устаноў С.Л. Лугаўцова адзначыла, што пасля далучэння краю да Расіі большасць пасадак працягвала замяшчацца мясцовым дваранствам на выбарнай аснове, аднак расійская адміністрацыя імкнулася абмежаваць кола асоб, якія ўдзельнічалі ў выбарах (перш за ўсё за кошт безмаёнткавых дваран) [34, с. 294, 35, с. 41]. Прычым яна падкрэсліла, што пры Паўле I у параўнанні з часам Кацярыны II адбылося зніжэнне ролі вышэйшага саслоўя краю ў дзейнасці судовых органаў [35, с. 41].

Тэма судова-прававой сістэмы на тэрыторыі Беларусі пасля далучэння яе да Расіі знайшла адлюстраванне ў польскай гісторыка-прававой навуцы. С. Годэк апублікаваў некалькі артыкулаў [36, 37, 38] і манаграфію [39] па праблеме III Статута ВКЛ у перыяд пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. Ён падкрэсліў вялікае значэнне Статута для развіцця права краін, на тэрыторыі якіх дзейнічалі яго нормы [38, с. 473]. С. Годэк адзначыў, што III Статут ВКЛ у пэўным сэнсе некаторы час працягваў дзейнічаць у краі нават пасля 1840 г., калі было канчаткова ўведзена агульнарасійскае судовае заканадаўства, бо мела месца практыка палюбоўнага вырашэння спраў на падставе Статута. Гэта, з аднаго боку, было вынікам прыхільнасці насельніцтва да свайго права, а з іншага – дэманстрацыяй патрыятызму [38, с. 492–493]. Працы С. Годэка адметныя даволі грунтоўным аналізам наяўнай гістарыяграфіі па вывучаемай праблеме (перш за ўсё польскай, а таксама расійскай), яе сістэматызацыяй і выяўленнем недастаткова даследаваных аспектаў. Таксама варта згадаць артыкул А. Карабовіча і В. Віткоўскага [40], якія, даследуючы гісторыю дзяржавы і права Польшчы, трактавалі дзейнасць Статута ВКЛ пасля падзелаў Рэчы Паспалітай як “польска-літоўскае” права [40, с. 68]. У дадзеным артыкуле паказана эвалюцыя сістэмы судовых устаноў на тэрыторыі, якая была далучана да Расіі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай, у канцы XVIII – пачатку XX ст. [40, с. 70–71].

Да праблемы судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. звяртаўся шэраг даследчыкаў у кантэксце вывучэння іншых тэм альбо ў цэлым становішча краю ў дадзены перыяд.

Я.К. Анішчанка [41], паказваючы палітыку Кацярыны II на тэрыторыі Беларусі, адзначаў, што царызм з першых дзён іх далучэння замацаваў тут верхавенства рускіх законаў, паставіў суды ў залежнае становішча ад адміністрацыі, а дэклараванае захоўванне мясцовых правоў і судаводства аказалася фікцыяй [41, с. 87, 184, 186]. Укараненне ва ўсходняй частцы Беларусі “Учреждений для управления губерниями...”, на думку аўтара, мела хутчэй негатыўныя вынікі. Прынцып аддзялення судовай улады ад адміністрацыйнай застаўся нерэалізаваным, а судаводства функцыянавала на падставах спарэхнелага, некадыфікаванага рускага і мясцовага заканадаўства, прычым без спроб спалучэння норм іх правапрымянення [41, с. 187]. У цэлым адміністрацыйна-судовы лад гэтага часу Я.К. Анішчанка ахарактарызаваў так: “Гэта быў узаемавыгадны хаўрус (мясцовых землеўладальнікаў і царскай адміністрацыі – *I. Г.*) і карыслівы здзек над бяспраўным народам” [41, с. 187].

Крытычнае стаўленне да палітыкі самадзяржаўя ў сферы правасуддзя на тэрыторыі Беларусі пасля ўключэння яе ў склад імперыі характэрна і для працы В.В. Шведа “Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.)” [42]. Аўтар зрабіў выснову, што ўкараненне агульнаімперскага заканадаўства, сістэмы кіравання і суда (няхай і паступовае) адначасова з захаваннем мясцовых прававых норм і ўстаноў прыводзіла да блытаніны і стварэння ўмоў для бюракратычнай валакіты і злоўжыванняў [42, с. 134]. В.В. Швед у сваім даследаванні ўдзяліў пэўную ўвагу стварэнню яшчэ да 3-га падзелу Рэчы Паспалітай (па ўказу Кацярыны II ад 30 касірычніка 1794 г.) Вярхоўнага Літоўскага праўлення на чале з М.В. Рапніным, органы кіравання і суда якога былі падобныя да ўнутрырасійскіх. Гэта трактуецца аўтарам як пераходны этап да ўніфікацыі, якая пачалася неўзабаве [42, с. 119–120].

Праблема фарміравання сістэмы судовых органаў Беларусі і іх кадравага складу ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. знайшла адлюстраванне ў манаграфіі А.А. Кісялёва “Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в.” [43]. Аўтар паказвае эвалюцыю судовай сістэмы краю і асаблівасці кадравай палітыкі ўрада ў перыяды праўлення Паўла I, Аляксандра I і Мікалая I. А.А. Кісялёў даў у цэлым пазітыўную ацэнку пераўтварэнням імперскіх улад, накіраваным на ўкараненне агульнаімперскага заканадаўства ў сферы суда і парадку фарміравання асабовага складу судовых устаноў. Ён сцвярджае, што ўвядзенне судовай сістэмы па ўзору ўнутраных губерняў мела станоўчае значэнне, бо Літоўскі статут 1588 г. ужо даўно не адпавядаў сучасным патрабаванням [43, с. 76].

Інфармацыя аб судовых органах на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. утрымліваецца ў даведніках “Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917)” [44], “Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917)” [45], “Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917)” [46]. У дадзеных выданнях паказана судаўладкаванне ў адпаведных губернях, яго эвалюцыя на працягу адзначанага перыяду, кампетэнцыя судовых органаў, асаблівасці фарміравання іх асабовага складу.

Праблема судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. асветлена ў абагульняючых працах па гісторыі Беларусі [47, 48] і вучэбных выданнях па гісторыі дзяржавы і права Беларусі [49–52]. Разглядаемая праблематыка паказваецца ў іх дастаткова схематычна, што звязана перш за ўсё з абмежаванасцю аб’ёму адпаведных параграфу выданняў такога тыпу. У абагульненым выглядзе падача матэрыялу ўяўляе сабой наступную паслядоўнасць: укараненне ў краі Кацярынай II судовай сістэмы расійскага ўзору – узнаўленне Паўлам I сістэмы правасуддзя часоў Рэчы Паспалітай – ліквідацыя мясцовых асаблівасцей суда Мікалаем I пасля паўстання 1830–1831 гг. Пры гэтым не заўсёды альбо недастаткова выразна паказаны наступныя аспекты: асаблівасці судаводства і судаўладкавання ў 1772–1797 гг. на тэрыторыях, далучаных да Расіі ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай; канкрэтныя змены ў судаўладкаванні пры Паўле I; спецыфіка выкарыстання Статута ВКЛ пры Кацярыне II і Паўле I.

Заклучэнне. Праблема судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. знайшла даволі шырокае адлюстраванне ў гістарычнай і гісторыка-прававой навуцы. Праведзены гістарыяграфічны аналіз дазваляе зрабіць шэраг высноў. У дастаткова поўнай ступені на падставе галоўным чынам заканадаўчых актаў раскрыта судаўладкаванне і яго эвалюцыя на працягу разглядаемага перыяду, паказаны асаблівасці палітыкі розных расійскіх манархаў адносна судова-прававой сферы краю, выяўлена месца і роля мясцовага дваранства ў фарміраванні кадравага складу судовых органаў. Па-рознаму трактуюцца і ацэньваюцца такія аспекты, як спроба Кацярыны II укараніць на тэрыторыі Беларусі расійскі судова-адміністрацыйны лад у канцы XVIII ст., пераўтварэнні ў судовай сістэме пры Паўле I, эфектыўнасць выкарыстання Статута ВКЛ ва ўмовах XIX ст., значэнне яго скасавання Мікалаем I для якасці правасуддзя краю і некаторыя іншыя. Недастаткова раскрытымі і, адпаведна, перспектыўнымі для далейшага даследавання бачацца наступныя праблемы: роля судовых органаў у сацыяльна-эканамічным развіцці, стасункі паміж судовымі ўстановамі і адміністрацыйнай уладай, функцыянаванне інстытута адвакатуры.

ЛІТАРАТУРА

1. Обзорение исторических сведений о составлении свода местных законов западных губерний. – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – 64 с.
2. Daniłowicz, I. Kodex Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi / I. Daniłowicz. – Warszawa : Drukarnia Noskowskiego, 1905. – [4], 177, [1] s.
3. Новаковский, М. М. Очерк судоустройства и гражданского процесса по бывшим Статуту Литовскому и Конституциям / М. М. Новаковский. – СПб. : Гос. канцелярия, 1863. – 171 с.
4. Бершадский, С. А. Литовский Статут и польские конституции : историко-юрид. исслед. / С. А. Бершадский. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1893. – 114 с.
5. Нольде, А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / А. Э. Нольде. – СПб. : Сенат. тип., 1906.
6. Войшвилло, Е. М. Эксдивизорские суды и их компетенция в губерниях бывшего Великого княжества Литовского в конце XVIII и первой половине XIX в. / Е. М. Войшвилло. – Вильна : Тип. Вилен. православ. Св.-Духов. братства, 1899. – 17 с.
7. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II : [сб. отд. публ. из разн. номеров Журн. М-ва народ. просвещ.] / П. Н. Жукович. – Б. м. : б. и., 1914. – 235 (разд. паг.) с.
8. Жукович, П. Н. Западная Россия в царствование императора Павла / П. Н. Жукович // Журн. М-ва народ. просвещ. – 1916. – № 6. – С. 183–226.
9. Нольде, Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – СПб. : Тип. «Правда», 1911. – 554 с.

10. Григорьев, В. А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). Реформа местного управления при Екатерине II / В. А. Григорьев. – СПб. : Рус. скоропечатня, 1910. – 387 с.
11. Середонин, С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. К столетию Комитета министров (1802–1902) : в 3 т. / С. М. Середонин. – СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. – Т. 1. – 607 с.
12. Середонин, С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. К столетию Комитета министров (1802–1902) / С. М. Середонин. – СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. – Т. 2. – Ч. 1 – 373 с.
13. Середонин, С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. К столетию Комитета министров (1802–1902) / С. М. Середонин. – СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. – Т. 3. – Ч. 1.– 358 с.
14. Васьковский, Е. В. Организация адвокатуры : в 2 ч. / Е. В. Васьковский. – СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1893. – Ч. 1 : Очерк всеобщей истории адвокатуры – VIII, 396 с.
15. Никотин, И. А. Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876) / И. А. Никотин. – Вильна : Б. и., 1886.
16. Lehtonen, U. L. Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II. In den Jahren 1772–1782 / U. L. Lehtonen. – Berlin : G. Reimer, 1907. – 688 p.
17. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. – 309 с.
18. Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва : исторические судьбы Северо-Западного края. Белоруссия и Литва / П. Н. Батюшков. – СПб. : Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1890. – XXIV, 376, 183 с.
19. Солоневич, Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802–1902 / Л. М. Солоневич. – Гродно : Губ. тип., 1901. – 106 с.
20. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie : w 4 t. / S. Kutrzeba. – Lwów : Księgarnia Polska Bernarda Połonieckiego, 1920. – Т. 3 : Po rozbiorach. – Cz. 1. – 276 s.
21. Żytkowicz, L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–7 / L. Żytkowicz. – Wilno : Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1938. – 464 s.
22. Ільяшэвіч, М. Расейская палітыка на землях былага Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўлы I (1772–1801) / М. Ільяшэвіч. – Вільня : Друкарня Я. Левіна, 1933. – 24 с.
23. Щербина, П. Ф. Судебная реформа 1864 года на Правобережной Украине / П. Ф. Щербина. – Львов : Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1974. – 190 с.
24. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. / Н. П. Ерошкин. – М. : Высш. школа, 1983. – 352 с.
25. Довнар-Запольский, М. В. Администрация и суд при Николае I / М. В. Довнар-Запольский. – Баку : Б. и., 1925. – 67 с.
26. Мартинович, И. И. Антинародный характер суда и уголовного процесса дореволюционной России / И. И. Мартинович // Вопросы государства и права. – Вып. 1. – Минск, 1969. – С. 222–231.
27. Юшков С.В. История государства и права СССР : в 2 ч. : учеб. для юрид. ин-тов и фак. / С. В. Юшков. – М. : Госюриздат, 1961. – Ч. 1. – 533 с.
28. Пичета, В. И. Восточная Белоруссия под властью царизма (1772–1796) / В. И. Пичета // Ученые записки. – Вып. 93. – Кн.1. : История. – М. : МГУ, 1946. – С. 20–42.
29. Бравер, Е. Л. К вопросу об истории судебных учреждений Белоруссии конца XVIII – первой половины XIX в. / Е. Л. Бравер // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР : материалы науч. конф. / редкол.: В. Н. Жигалов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Высш. школа, 1971. – С. 458–470.
30. Thaden, E. C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870 / E. C. Thaden. – New Jersey : Princeton University Press, 1984. – 292 p.
31. Шелкопляс, В. А. Судебные органы в Беларуси: конец XVIII – первая половина XIX веков : учеб. пособ. / В. А. Шелкопляс. – Минск : Акад. МВД РБ, 1997. – 64 с.
32. Жытко, А. П. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – сярэдзіна XIX ст.) / А. П. Жытко, С. А. Талмачова // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2014. – № 2. – С. 20–25.
33. Ефремова, Н. Н. Становление судебной системы Белоруссии в последней трети XVIII – первой трети XIX в. / Н. Н. Ефремова // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо. – Мінск : БДУ, 2012. – С. 404–408.
34. Луговцова, С.Л. Реформирование системы судебных учреждений Беларуси в последней трети XVIII в. / С. Л. Луговцова // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 4 : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2009. – С. 289–295.
35. Луговцова, С. Л. Участие шляхты в комплектовании состава судебных учреждений Беларуси в конце XVIII – начале XIX в. / С. Л. Луговцова // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 2 : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – С. 39–45.
36. Godek, S. O prawie i sądach w guberniach białoruskich w świetle aktów władz rosyjskich z 1772 roku / S. Godek // Zeszyty Prawnicze. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 173–190.
37. Godek, S. Prawo na Litwie na przełomie XVIII i XIX wieku / S. Godek // Zeszyty Prawnicze. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 31–44.
38. Godek, S. III Statut litewski w dobie porozbiorowej – stan badań nad dziedzictwem prawa litewskiego / S. Godek // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. – Białystok, 2010. – Т. II. – С. 473–499.
39. Godek, S. III Statut Litewski w dobie porozbiorowej / S. Godek. – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2012. – 810 s.

40. Korobowicz, A. Prawo i sądy na zabranych wschodnich ziemiach Rzeczypospolitej w XIX w. / A. Korobowicz, W. Witkowski // Czasopismo Prawno-Historyczne. – 2003. – Т. 55. – № 1. – С. 61–84.
41. Анішчанка, Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гады) / Я. К. Анішчанка. – Мінск : ЗАТ «Веды», 1998. – 211 с.
42. Швед, В. В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В. В. Швед. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 416 с.
43. Киселев, А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. : монография / А. А. Киселев. – Минск : Воен. акад. РБ, 2007. – 171 с.
44. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / Т. Е. Леонтьева [и др.] ; редкол.: А. К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524, [16] с.
45. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т. Е. Леонтьева ; редкол.: В. И. Адамушко (гл. ред.) [и др.] – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392 с.
46. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др.] ; сост.: Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич ; редкол.: Д. В. Яцевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.
47. Філатава, А. Новыя органы і рэжым улады / А. Філатава // Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 2005. – С. 49–57.
48. Зенчанка, С. В. Усталяванне расійскай сістэмы кіравання / С. В. Зенчанка // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – Раздз. 2.1. – С. 62–79.
49. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / А. Ф. Вішнеўскі, І. У. Вішнеўская. – Мінск : Тетра-Системс, 2005. – 192 с.
50. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падруч. Для студэнтаў / Т. І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 415 с.
51. Кузнецов, И. Н. История государства и права Беларуси / И. Н. Кузнецов, В. А. Шелкопляс. – Минск : Дикта, 1999. – 272 с.
52. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. Дапам. : у 2 ч. / Я. А. Юхо. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 2. – 352 с.

Паступіў 08.10.2016

THE HISTORIOGRAPHY OF HISTORY OF THE JUDICIAL BODIES ON THE TERRITORY OF BELARUS AT THE END OF THE 18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

I. HUSHCHYNSKI

The historiography of history of judicial system on the territory of Belarus at the end of the 18th – the first half of the 19th century is analyzed. The author drew a conclusion that such aspects as judiciary and its evolution during the period under review, features of the policy of different Russian monarchs towards legal sphere of this region, the role of local nobility in staffing of the courts are sufficiently covered in a historiography. Some aspects are interpreted and assessed by researches in different ways: the attempt by Catherine II to implement there the Russian judicial system, changes in legal system in the time of Paul I, efficiency of use of the Statute of Grand Duchy of Lithuania of 1588 in the conditions of the 19th century, value of its abolition by Nicholas I for quality of justice in the region. For a further research the following problems seem perspective: a role of judicial bodies in social and economic development, the relations between courts and the administrative authorities, functioning of the institute of advocacy.

Keywords: historiography, judicial system, court proceedings, judiciary, autocracy, Russian Empire, Statute of the Grand Duchy of Lithuania, 19th century, 18th century.

УДК 930.253(476.7)

**ДОКУМЕНТЫ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ НАПОЛЕОНА ОРДЫ И ЕГО РОДСТВЕННИКОВ
В АРХИВЕ СЕМЬИ ДЕНОРМАНДИ**

*канд. филол. наук О. Ф. ЖИЛЕВИЧ
(Полесский государственный университет, Пинск)*

В условиях повышенного интереса отечественной науки к культурно-историческому наследию Беларуси особенно актуальным представляется обращение к документальным фактам из жизни Н. Орды. Представлены результаты авторских переводов с французского на русский язык уникальных документов Н. Орды и его родственников из архива семьи Денорманди. Впервые вводятся в широкий научный оборот франкоязычные документы в переводе на русский язык. В заключении высказывается мнение о том, что дальнейшее исследование жизненного и творческого пути Н. Орды с учетом франкоязычных документов поспособствует комплексному изучению наследия выдающегося человека Беларуси.

Ключевые слова: *Наполеон Орда, Музей Белорусского Полесья, архивные документы, генеалогическое древо, Юзефина Бутримович, Витольд Орда, завещание, формуляр.*

Введение. Наполеон Орда (1807–1883) – один из выдающихся людей Беларуси. Художник, музыкант, композитор, педагог, публицист, ученый – Н. Орда оставил потомкам более тысячи графических произведений и акварелей. В его работах отражены архитектурные сооружения и имения известных людей Беларуси, Украины, Литвы, Польши, Франции, Италии, Испании, Португалии, Голландии и других стран Европы.

Н. Орда получил образование в Свислочской гимназии, затем учился в Виленском университете на физико-математическом факультете. Из-за участия в обществе «Зоряне» он был исключен из университета и приговорен к тюремному заключению. В ходе боевых действий восстания 1830–1831 гг. Н. Орда был награжден «Орденом Военной доблести» (*Virtuti Militari*) [1, с. 257]. После подавления восстания Н. Орда эмигрировал во Францию в Париж, где продолжительное время общался со многими представителями европейской культуры того времени: Дж. Россини, Дж. Верди, Ж. Гуно, Г. Берлиозом, О. Бальзаком, А. Стендалем, П. Виардо и др. У Ф. Шопена и Ф. Листа он обучался композиции и игре на фортепиано. Будущий художник брал уроки рисования в студии известного французского мастера архитектурного пейзажа П. Жерара. Н. Орда участвовал в литературных собраниях, сопровождая игрой на фортепиано поэтические импровизации Адама Мицкевича [2, с. 14–18]. С 1847 г. он работал директором Итальянской оперы в Париже. Н. Орда как публицист принимал активное участие в деятельности Великой эмиграции [3, с. 161].

В 1856 г. после объявления амнистии политическим эмигрантам Н. Орда вернулся на родину в деревню Вороцевичи. Н. Орда умер в 76-летнем возрасте в Варшаве. Согласно завещанию он был похоронен в родовой усыпальнице в Янове – ныне город Иваново Брестской области [4, с. 518].

Жизни и творчеству Н. Орды посвящено значительное число научных работ исторического, искусствоведческого и этнографического характера.

Исследованию особенностей архитектурной графики в рисунках Н. Орды посвящены труды Е. И. Атрахович [5, с. 125–131], Т.В. Габрус [5, с. 113–122], М. В. Громько [5, с. 123–126], А. Н. Денисевич [6], М. Качановска [7], В. Климчук [8], В. Левандаускаса [9], Л. Д. Наливайко [5, с. 154–159], С. И. Ржеутской [5, с. 165–170], В. И. Рынкевича [5, с. 172–179] и др.

Специфика музыкального наследия Н. Орды раскрывается в работах Е. И. Ахвердовой [10], О. В. Дадимовой [5, с. 33–39], А. Л. Капилова [11], С.В. Пуш [5, с. 75–81], Н. А. Ювченко [5, с. 71–74] и др.

Осмысление роли жизненного и творческого пути Н. Орды в контексте изучения национальной истории и этнографии можно найти в исследованиях В. Гапоненко [12], Л. Н. Дробова [13], А. Крейдича [14], Ю. В. Лисай [5, с. 187–195], А. А. Мартиновича [15], Л. М. Нестерчука [16], В. С. Позднякова [5, с. 196–200] и др.

Несмотря на множество публикаций, посвященных рассмотрению наследия Н. Орды, остаются малоизученными документы на французском языке, освещающие его жизнь. Ксерокопии документов были переданы в Музей Белорусского Полесья в августе 2009 г. потомком Н. Орды – гражданином Франции Юбером Денорманди во время его поездки в Беларусь.

Цель статьи – ввести в широкий научный оборот сведения о жизни Н. Орды и его семьи на основе документов на французском языке, находящихся в личном архиве семьи Денорманди.

Основная часть. Документы из архива семьи Денорманди позволят прояснить многие неизвестные ранее факты биографии Н. Орды, поскольку французский период его жизни и творчества пока мало исследован. Особую значимость представляют следующие документы:

- 1) генеалогическое древо семьи Орда в двух разных графических изображениях;
- 2) фотография матери Наполеона Орды – Юзефы Бутримович;
- 3) свидетельство о том, что найдена запись о крещении Наполеона Орды в Янове (ныне Иваново);
- 4) сообщение о рождении Ирэны, будущей жены Наполеона Орды;
- 5) сообщение о свадьбе Ирэны и Наполеона Орды;
- 6) сообщение о свадьбе Лильки Орда и Генри Бурсе от лица Мадам Наполеон Орда-Бюлгарска, Месье и Мадам Эдмон Орда;
- 7) сообщение о свадьбе Лильки Орда и Генри Бурсе от лица Мадам Жюль Бурсе (матери Генри Бурсе);
- 8) письмо заместителя Министра иностранных дел послу Франции, датированное 24 января/5 февраля 1864 года;
- 9) два письма Посольства Франции в России, адресованных мадам Орда (Санкт-Петербург, 22 декабря 1866 года);
- 10) извещение о временном назначении Витольда Орды в чин подпоручика в Драгунском полку Императрицы;
- 11) завещание деда по материнской линии – Эдмона Бурса от 7/10 января 1910 года, составленное в Польше, Волыни;
- 12) послужной список Витольда Орды, сына Наполеона Орды, в рядах Драгунов экс-Гвардии и 13-го Драгунского полка (два документа на 3 страницах);
- 13) завещание Наполеона Орды¹.

Обратимся непосредственно к рассмотрению этих документов. Так, генеалогическое древо семьи Орды составлено семьей Денорманди; оно является ценным источником информации о предках и потомках Н. Орды (рис. 1).

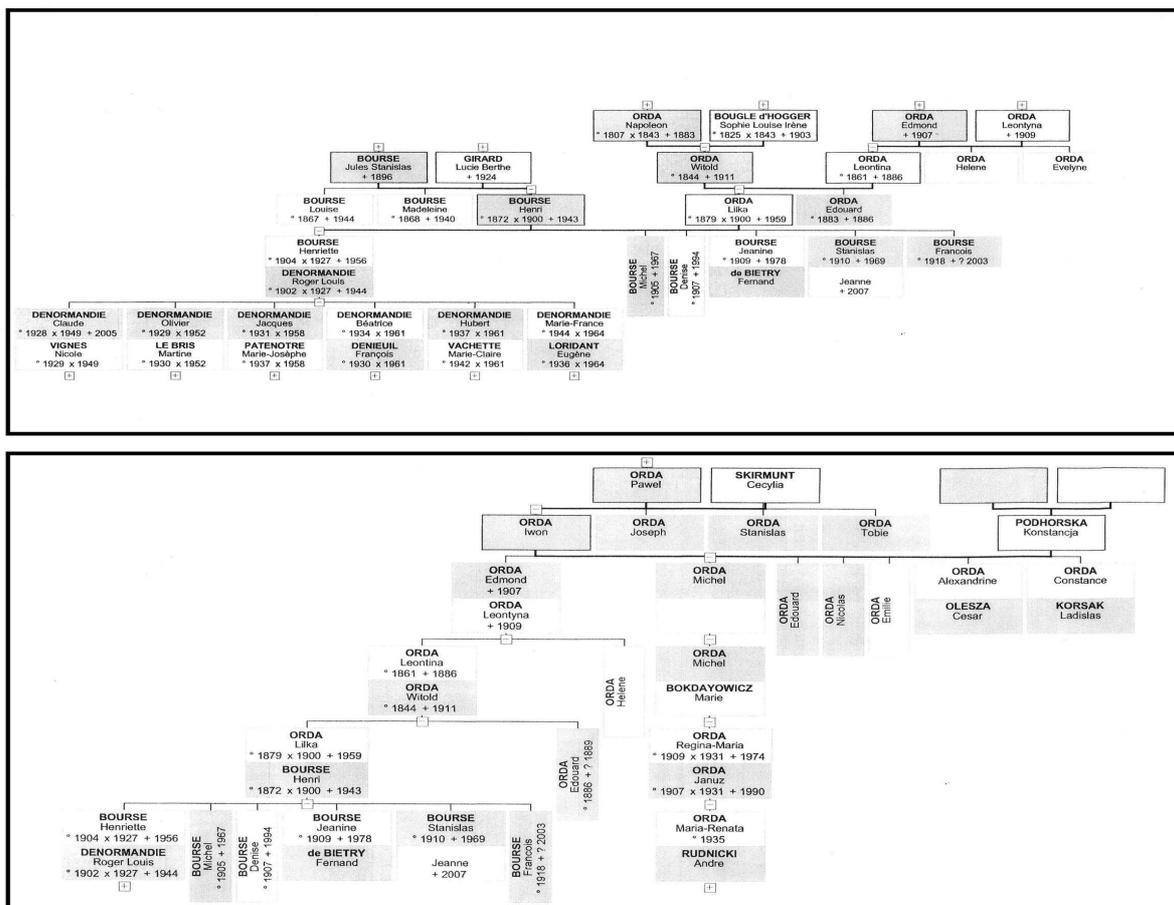

Рисунок 1. – Генеалогическое древо семьи Орда

¹ Личный архив семьи Денорманди. Сигнатуры документам не присвоены.

В личном архиве семьи Денорманди хранится свидетельство о том, что найдена запись о крещении Наполеона Орды в Янове (ныне Иваново). Согласно книге записей о крещении в парафии Янова «в феврале 1806 года появился на свет и был крещен святой водой ребенок по имени Наполеон Матье Шаде, сын Мишеля Орды и Юзефины Бутримович. Крестными родителями стали Феликс Орда, судья, и Кристина Лихтешоска из Вороцевич (рядом с Пинском – Польское Полесье)»².

Сообщение о рождении дочери³ написано от лица Месье Бугле и датировано 7 сентября 1824 года (рис. 2). В документе отмечается, что мать и ребенок чувствуют себя хорошо. Имя получателя не указано⁴, так как подразумевалось, что сообщение будет рассылаться нескольким разным лицам. В нижней части документа рукописным способом дописано: «Ирэна Бугле, жена Наполеона Орда-Бюлгарска, сочетаемая браком в 1843 году, 19 мая в Париже + 11 февраля 1903 года, в Париже Пасси⁵».

Сообщение о свадьбе Ирэны Булгарска и Наполеона Орды написано от лица родителей невесты – «Monsieur et Madame Bouglé» (Месье и Мадам Бугле) – и датировано 16 мая 1843 года (см. рис. 2).

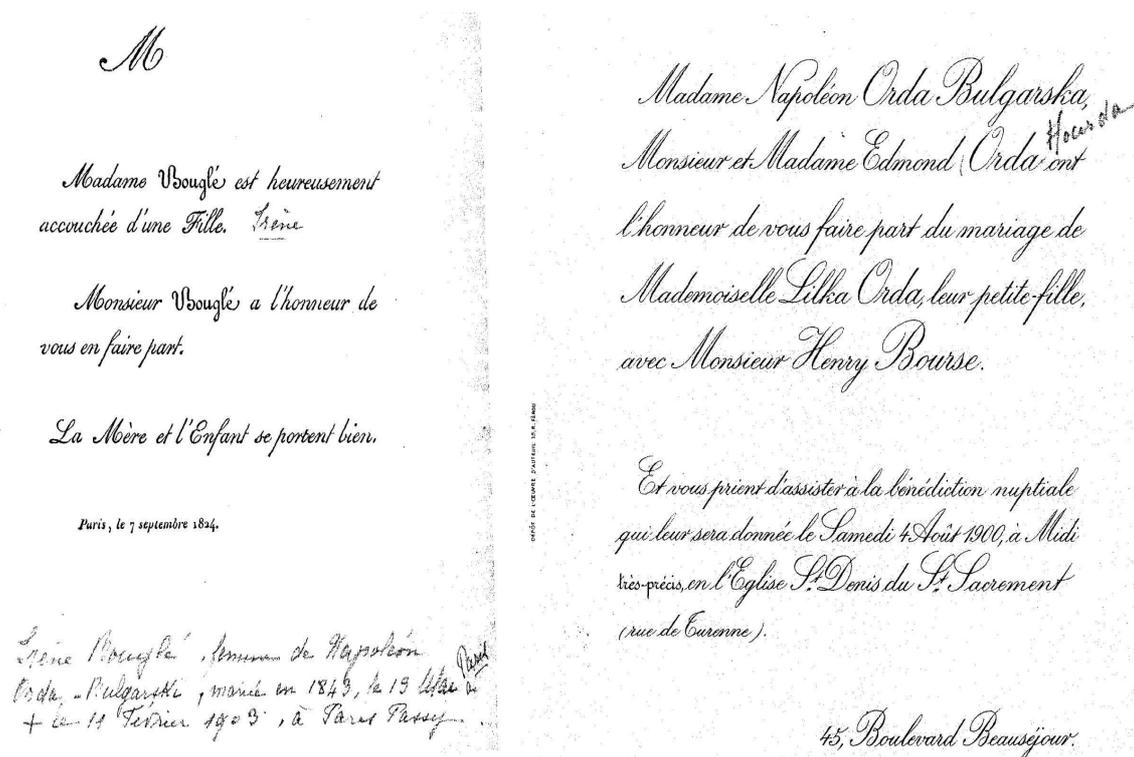

Рисунок 2. – Сообщение о рождении Ирэны Бугле и сообщение о свадьбе Наполеона Орда и Ирэны Булгарска

Сообщение о свадьбе Лильки Орда и Генри Бурсе составлено от лица Мадам Наполеон Орда-Бюлгарска, Месье и Мадам Эдмон Орда. В документе дается информация о предстоящем венчании – 4 августа 1900 года в полдень в церкви Сен-Дени на улице Тюренн в Париже. Под текстом значится адрес отправителя «45, Boulevard Beauséjour» (45, бульвар Босежур).

Сообщение о свадьбе Лильки Орда и Генри Бурсе от лица Мадам Жюль Бурсе (матери Генри Бурсе), проживающей по адресу 21, площадь Вож, содержит ту же информацию, что и в предыдущем документе.

В письме заместителя Министра иностранных дел Санкт-Петербурга послу Франции, датированным 24 января/5 февраля 1864 года, представляется отчет по делу Наполеона Орды, заключенного в тюрьму города Гродно. В письме содержится информация о том, что имперский кабинет министров в сотрудничестве с начальником военной канцелярии города Вильно допросили Наполеона Орду с целью получить сведения о его сыне. Последний подозревается в участии в восстании, хранении оружия, патронов и военных документов. Однако Наполеон Орда отклонил все обвинения. В письме также сообща-

² Личный архив семьи Денорманди.

³ Имя Ирэна дописано от руки.

⁴ Присутствует заглавная французская буква М, означающая слова Monsieur/Madame.

⁵ Пасси (фр. Passy) – район Парижа на правом берегу Сены, прилегающий к Булонскому лесу.

ется, что в доме Н. Орды была найдена переписка с женщиной, живущей за границей, и в письмах есть свидетельства присоединения их сына к повстанцам.

Тем не менее, эта переписка прямо не указывает, что сын Орда участвовал в последних волнениях в Польше, поэтому Наполеон Орда находится вне всяких обвинений по данному вопросу.

В заключительной части письма отмечается, что генерал-губернатор Западной провинции поспособствует передаче дела Наполеона Орды в комитет военного суда города Гродно (рис. 3).

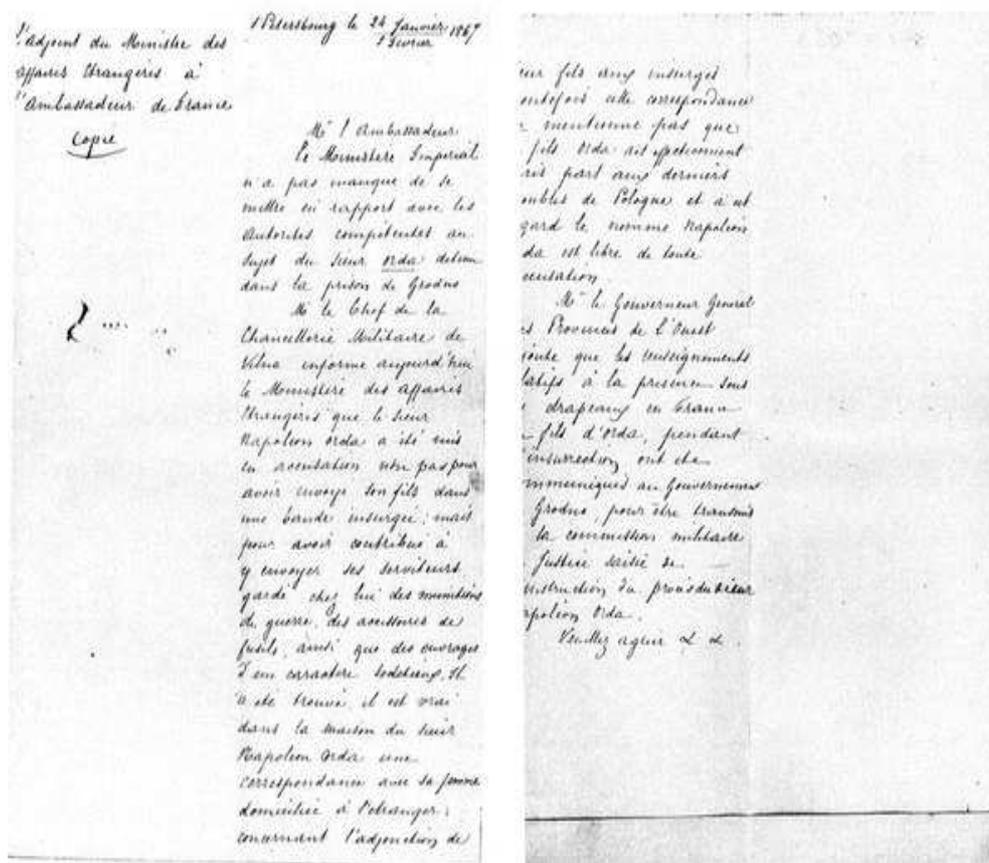

Рисунок 3. – Письмо заместителя Министра иностранных дел Санкт-Петербурга послу Франции

В архиве семьи Денорманди хранятся два письма из Посольства Франции в России (Санкт-Петербург, 22 декабря 1866 года), в которых высказывается благодарность Мадам Орде за то, что она предоставила им следующие документы: военный билет, в котором прописано, что Витольд (ее сын) служил в армии Франции; свидетельство о рождении Витольда Орды; сертификат консула Франции.

Интерес представляет извещение о временном назначении Витольда Орды в чин подпоручика, которое содержит следующую информацию:

«Армия Рейна

Маршал Франции,

Главнокомандующий армии Рейна,

сообщает Месье Орда [Витольд Эдуард Генри], сержанта Драгунского полка Императрицы, что по приказу от 22 сентября 1870 года, он временно произведен в чин подпоручика в Корпусе замещающая Месье Анжело, повышенного в чине подпоручика.

Это письмо является документом, легализующим его временное исполнение занимаемой должности.

В штаб главнокомандующего, 22 сентября 1870 года⁶.
 Месье Орда⁷. (рис. 4)

⁶ Подпись Маршала Франции.

⁷ Личный архив семьи Денорманди.

Рисунок 4. – Извещение о временном назначении Витольда Орды в чин подпоручика

Особую ценность среди документов архива семьи Денорманди имеет завещание деда по материнской линии – Эдмона Бурса, которое было составлено в Польше⁸. Дворянин Эдмон Бурс зарегистрировал свое завещание 19 января 1907 года в нотариальной конторе в Ракове-Кирсе Ковельского района (Вольнь, Польша). Эдмон Бурс объявил своими наследниками следующих лиц: свою жену Леонтину (дочери Пьера) и трех дочерей – Эвелину, жену Гадона, Мари, жену Микульского, и Мадемуазель Хелену Орда.

В документе указано, что наследство включает в 495 $\frac{1}{4}$ десятин пахотных земель и 102 десятины леса, иными словами, всех земель – 1194 $\frac{1}{4}$ десятины. Эта собственность, установленная в 1885 году, была разбита на десятины еще в 1589 году.

Согласно завещанию наследники также получают деревянный дом со старинной мебелью и прочей домашней утварью. Хозяйственные строения фермы включают 13 различных построек, мельницу, приводимая в действие бегом по кругу лошадей и действующий винокуренный завод.

Завещание вступило в силу 7/20 января 1910 года – после смерти Эдмона Бурсе.

В личном архиве семьи Денорманди хранятся также документы сына Наполеона Орды – Витольда Орды. К примеру, послужной список Витольда Орды, сына Наполеона Орды, в рядах Драгунов эскадри и 13-го Драгунского полка составлен в виде таблицы.

⁸ Две записи: «Вольнь, Польша» и «Отец по материнской линии Орды Бурсе» дописаны от руки на полях документа.

«Драгуны экс-Гвардии,

Месье Орда Витольд, Эдуард, Генри

Сын Матье Наполеона Шадэ и Софи, Луизы, Рени Бугле,

родившийся 24 апреля 1844 года в Париже, департамент Сены

Название службы, подразделения, прекращение службы	Звание (чин) или должность	Даты продвижения к каждому званию или должности	Длительность перерывов в воинской службе	Операции	Замечания
Драгунский полк Императрицы	Драгун	6 ноября 1863		Армия Рейна	⁹
Там же	Фуражир в учебной бригаде ¹⁰	31 мая 1864		С 21 июля 1870 по 28 октября 1870	
Там же	Сержант	25 февраля 1865		С 29 октября по 30 марта 1871	
Там же	Подпоручик	22 сентября 1870			
13-й драгунский полк	Подпоручик	4 февраля 1871			

В случае смерти важно немедленно сообщить точное место, дату и диагноз.

Мы, нижеподписавшиеся, казначейство полка Драгунов экс-Гвардии, подтверждаем точность настоящего послужного списка, составленного согласно требованиям министерской инструкции от 26 марта 1824 года, относящейся к составлению матрикульной книги Месье офицеров.

В Монтелимар¹¹, 16 декабря 1870 года Мажор,¹²

Подтверждаю майор интендантской службы¹³.» (рис. 5)

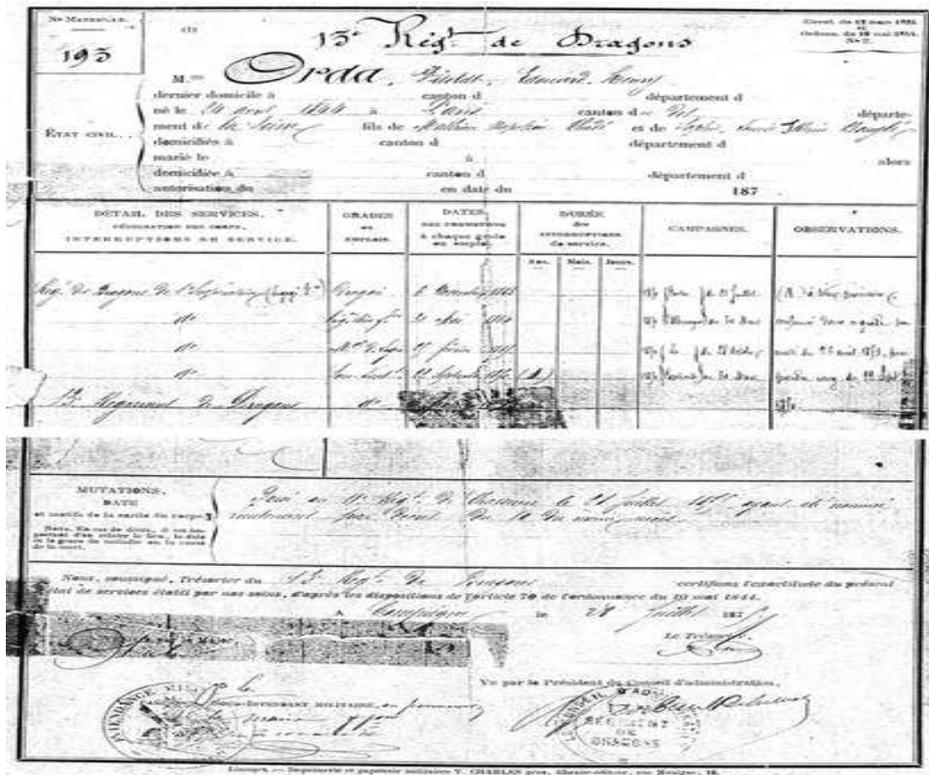

Рисунок 5. – Военный билет Витольда Орды, сына Наполеона Орды

⁹ Текст написан неразборчиво.

¹⁰ Фуражир – нижний чин, заведующий фуражом.

¹¹ Город Монтелимар находится на юго-востоке страны, в департаменте Дром региона Рона – Альпы, на северной границе Прованса.

¹² Подпись.

¹³ Подпись. Печать.

Следует также отметить уникальность завещания Наполеона Орды, которое, однако, нотариально не удостоверено и, таким образом, не является юридическим документом. Можно предположить, что этот своеобразный «черновой» вариант семейного завещания, в последующем составивший основу нотариально удостоверенного документа.

Завещание Наполеона Орды¹⁴

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Достигнув 75-летнего возраста и, чувствуя приближающуюся смерть, я записываю свою последнюю волю:

1) Я завещаю 2 тысячи рублей для выплаты стипендии от имени Наполеона Орды двум ученикам Пинской гимназии. Таким образом, проценты от этой суммы пойдут на оплату учебы и учебников для этих учеников, остаток от этой небольшой суммы следует отдать этим мальчикам после того, как они сдадут экзамен на бакалавра для того, чтобы они смогли продолжить свою учебу. Эти дети должны быть из семьи Жана Жака Орды.

В том случае, если по этой линии нет наследников, тогда другие «Орды» имеют право на это завещанное имущество в том случае, если они принадлежат к католическому вероисповеданию и гербу «Остойя»¹⁵. Если в этой семье больше нет мальчиков, тогда девочки имеют право на завещанное имущество. Ученик, который плохо учится или который отчислен из заведения за неудовлетворительное поведение, теряет право на эту денежную сумму.

Выбор учеников и исполнение этого завещанного имущества будут осуществлять три человека: Александр Скирмунт¹⁶, Александр Плотницкий и Эдмонд Орда. В случае если гимназию в Пинске закроют, деньги следует передать ученикам в Гродно. В случае если будет невозможно использовать эти деньги, как я описал выше, тогда сумма в две тысячи рублей¹⁷ возвращается непосредственно к моим наследникам¹⁸.

2) Я завещаю одну¹⁹ тысячу рублей своей невестке Леонтине, жене моего сына Витольда. Я ей также завещаю серебряный подсвечник и два серебряных торшера, которые мне были переданы матерью. Прошу их хранить как семейную реликвию. Я завещаю все польские книги моим внукам, очень веря, что они будут хорошо знать отцовский язык.

3) Я завещаю сыну Витольду все мои реликвии солдата, которые мне служили в бою за родину в 1831 году. Два офицерских эполета, шпору и крест "Виртути милитари"²⁰, полученный в битве возле реки Кок, деревянную домашнюю утварь и золотые часы, которые прослужили мне 50 лет.

4) Пианино и мебель я завещаю своей жене Ирэне.

5) Я завещаю тысячу пятьсот рублей троим детям Антуана Орды, по пятьсот рублей каждому, которые Месье Александр Скирмунт передаст лично в руки.

6) Я завещаю сто рублей на мои похороны и сто рублей – нищим. Я хочу, чтобы мое тело было перевезено в Янов и погребено рядом с могилой моей матери Жозефины.

7) Всю мою одежду и мое белье отдать прислуге, которая меня отправит в последний путь. Всем исполнителям завещания следует помогать и помогать некоторой суммой денег бедным.

8) Мои альбомы с рисунками и музыкальные записи на общую сумму 14 тысяч рублей я передаю в руки мадемуазель Александры Бутримович (кузины), чтобы она их продала. В качестве вознаграждения за свою работу она получит 50 рублей в год и пять процентов от полученной суммы. Если спустя два года после моей смерти еще останутся непроданные альбомы, их должны продать по объявлению в газете.

9) Все мои ценности в банковских бумагах и наличных деньгах – у Месье Александра Скирмунта, а альбомы и ноты, которые выставлены на продажу – в издательстве Жебетнер и Вольф.

¹⁴ Перевод с французского языка выполнен автором статьи – О. Ф. Жилевич.

¹⁵ «Остойя» подчеркнуто Наполеоном Орда.

¹⁶ Александр Александрович Скирмунт (1830–1908) – сын Александра Скирмунта. Государственный деятель, с 1847 года почетный смотритель училищ в Кобринском уезде. За труды по освобождению крестьян был награжден серебряной медалью, позднее стал почетным мировым судьей Пинского округа.

¹⁷ «две тысячи рублей» подчеркнуто Наполеоном Орда.

¹⁸ «наследникам» подчеркнуто Наполеоном Орда.

¹⁹ зачеркнут артикль un.

²⁰ Орден Воинской доблести (Орден военный Virtuti Militari, польск. Order Wojenny Virtuti Militari) – польский военный орден, вручаемый за выдающиеся боевые заслуги. Учрежден последним королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским 22 июня 1792 года в честь победы над российскими войсками в битве под Зеленцами во время русско-польской войны, упразднен в том же году самим королем по политическим мотивам.

10) Я прошу своего племянника Александра Плотницкого выступить в роли исполнителя завещания²¹ (рис. 6).

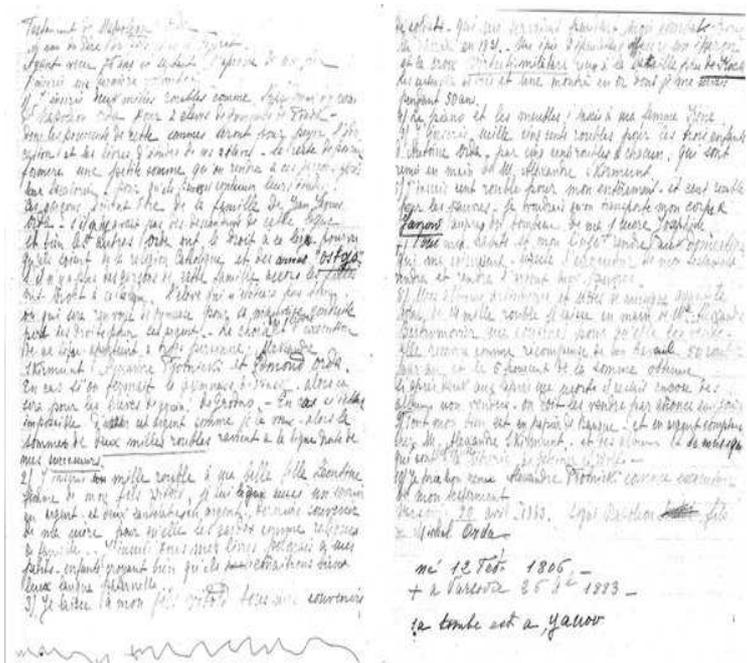

Рисунок 6. – Завещание Наполеона Орды

Будучи человеком набожным, Н. Орда начинает свое завещание с Божьего благословения: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Часто живя в нужде и лишениях, он неоднократно просит всех своих наследников помогать бедным и нищим людям, хотя бы небольшими суммами денег.

В первую очередь Н. Орда заботится о том, чтобы предоставить материальную возможность детям из рода Орда продолжить учебу в Пинской гимназии. Преимущество при этом имеют дети из семейства Орда герба «Остояя», которые являются католиками. Оставаясь истинным педагогом даже на склоне лет, Н. Орда оговаривается, что в случае низкой успеваемости ученик будет лишен права денежной помощи.

Из текста завещания следует уважительное отношение Н. Орды к своей невестке – Леонтине Орда. Он оставляет ей семейные реликвии: унаследованные от матери серебряный подсвечник и два серебряных торшера.

Написав для своего сына Витольда «Граматику польского языка» на французском языке, Н. Орда завещает внукам все свои польские книги, надеясь на то, что они тоже будут владеть в будущем отцовским языком. Своему сыну Витольду, офицеру французской армии, Н. Орда оставил военные награды и особо дорогие личные вещи. Н. Орда доверяет свои альбомы с рисунками и музыкальные записи кузине А. Бутримович, в доме которой он провел несколько лет после того, как был лишен родового поместья.

Закключение. Краткий обзор историко-культурологических трудов по проблеме изучения жизни и наследия Н. Орды указывает на отсутствие работ, анализирующих франкоязычные документы. В то же самое время в личном архиве семьи Денорманди насчитывается двенадцать копий документов на французском языке Н. Орды и его родственников, представляющих историческую ценность.

В ходе исследования были проанализированы такие документы, как письмо заместителя Министра иностранных дел послу Франции, датированное 24 января/5 февраля 1864 года; два письма Посольства Франции в России, адресованных мадам Орде (Санкт-Петербург, 22 декабря 1866 года); извещение о временном назначении Витольда Орды в чин подпоручика в Драгунском полку Императрицы; завещание деда по материнской линии – Орда Бурсе от 7/10 января 1910 года, составленное в Польше, Волинь; послужной список Витольда Орды, сына Наполеона Орды в рядах Драгунов экс-Гвардии и 13-го Драгунского полка; завещание Н. Орды.

Эти документы имеют большое значение для дальнейшего исследования жизненного и творческого пути нашего земляка. Автором настоящей статьи осуществлен перевод всех документов с французского на русский язык с целью заполнения существующей лакуны в историко-культурологическом знании, которая по-прежнему остается актуальной научной задачей, стоящей перед современными исследователями.

²¹ Личный архив семьи Денорманди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гадоў на Беларусі : біябібліяграфічны слоўнік / В.В. Гарбачова. – Мінск : БДУ, 2004. – 400 с.
2. Чаропка, В. Напалеон Орда: Выдатны беларускі музыка і мастак / В. Чаропка. – Мінск : Харвест, 2013. – 64 с. мал.
3. German, F. Orda Napoleon / F. German // Polski Słownik Biograficzny. – Warszawa, 1979. – Т. 24. – S. 161–163.
4. Хаўратовіч І. П. Орда Напалеон // Мысліцелі і асветнікі Беларусі : энцыклапед. даведнік / гал. рэд. Б. І. Сачанка. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1995. – С. 516–518.
5. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Наполеона Орды «Наполеон Орда: жизнь, творчество, художественное наследие», 15–16 февр. 2007 г. : материалы конф. / сост. Е. Г. Алферова [и др.] ; гл. ред. А. И. Локотко ; Нац. комиссия Респ. Беларусь по делам ЮНЕСКО, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К.Крапиви НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2007. – 231 с.
6. Денисевич, А. Н. Тенденции классицизма и романтизма в архитектурном пейзаже Наполеона Орды / А. Н. Денисевич. – Брест : Брестская типография, 2008. – 116 с.
7. Kaczanowska, M. Napoleon Orda tworca widoków architektonicznych: Zarys życia i twórczości / M. Kaczanowska // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. – Warszawa, 1968. – Т. 12. – S. 115–159.
8. Климчук, В. Наполеон Орда: творец архитектурного пейзажа / В. Климчук. – Брест : Облтипография, 1998. – 29 с.
9. Левандаускас, В. Иконографические особенности творчества Наполеона Орды / В. Левандаускас // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры. – 2004. – № 3. – С. 51–57.
10. Ахвердова, Е. И. Из истории фортепианного искусства Белоруссии XIX в. / Е. И. Ахвердова // Вопросы культуры и искусства Белоруссии : респ. межвед. сб. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – Вып. 3. – С. 69–77.
11. Капилов, А. Л. Наполеон Орда (1807–1883) / А. Л. Капилов, Е. И. Ахвердова // Музыкальная культура Беларуси XIX – начала XX веков. – Минск : ИСЗ, 2000. – С. 29–37.
12. Гапоненка, В. Наполеон Орда (1807–1883) / В. Гапоненка // Славутыя імяны Бацькаўшчыны : зб. – Мінск : Беларускі фонд культуры, 2000. – Вып. 1. – С. 220–232.
13. Дробаў, Л.М. Напалеон Орда – мастак і збіральнік / Л.М. Дробаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1971. – № 3. – С. 45–47.
14. Крэйдзіч, А. Палескі Напалеон : урыўкі з п'есы / А. Крэйдзіч // Берасцейскія карані '98 : гіст.-краязн. зб. – Брест, 1998. – С. 42–51.
15. Марціновіч, А. Занатавана для нашчадкаў. Напалеон Орда / А. Марціновіч // Зерне да зерня : гісторыя ў асобах, эсэ, нарысы. – Мінск : Юнацтва, 1996. – С. 239–249.
16. Несцярчук, Л. М. Напалеон Орда. Шлях да Бацькаўшчыны // Л. М. Несцярчук. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2012. – 430 с.

Поступила 15.12.2016

NAPOLEON ORDA'S AND HIS RELATIVES' FRENCH DOCUMENTS IN THE COLLECTION OF THE MUSEUM OF BELARUSIAN POLESIA

O. JILEVICH

The topicality of research into the facts of N. Orda's life in modern literary criticism can be explained by the growing interest in Belarusian cultural and historical heritage. This article contains the results of the author's translations of N. Orda's and his relatives' unique documents from the collection of the Museum of Belarusian Polesia from French into Russian. In this article French documents translated into Russian are presented for the first time in literary criticism. In conclusion the author expresses an opinion that further studies of N. Orda's life and works will be helpful for complex research into the heritage of our famous compatriot.

Keywords: *Napoleon Orda, the Museum of Belarusian Polesia, archival documents, family tree, Yuzefina Butrimovich, Witold Orda, testament, military card*

УДК 940:5

**ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ)**

канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ

(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)

На основе документов Национального архива Республики Беларусь рассматривается положение гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации. Обозначены различные аспекты жизни и быта гражданского населения, отраженные в документах партизан и подпольщиков (система регистрации и контроля граждан, материальное положение и медицинское обслуживание населения, торговля, коммунальные платежи). Отмечается, что документы партизан и подпольщиков являются важным источником, которые, в совокупности с документами немецкой и местной вспомогательной администрации, позволяют максимально объективно реконструировать положения гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации.

Ключевые слова: оккупация, Беларусь, гражданское население, партизаны.

Введение. Повседневная жизнь гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации традиционно реконструируется на основе документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации. Действительно, учитывая колоссальное количество сохранившихся документов, можно реконструировать различные аспекты жизни и быта граждан в условиях оккупации [1]. В то же время партизаны и подпольщики, помимо борьбы с оккупантами, уделяли внимание положению гражданского населения на оккупированных территориях. Соответственно, введение в научный оборот данной группы источников и сопоставления их с документами оккупационных органов власти является исключительно важным.

Основная часть. Партизаны и подпольщики стремились получить максимально полную информацию о положении гражданского населения. Пристальное внимание уделялось системе контроля на въездах и выездах из городов, где размещались контрольные пункты полицейских, которые проверяли документы у граждан [2, л. 142]. Периодически немцы и местная полиция проводили проверку документов на улицах населенных пунктов, выборочно – на рынках [3, л. 39]. Более продолжительное ограничение на выход из домов, чем обычный комендантский час, могло вводиться для крестьян, проживавших в непосредственной близости от железной дороги. Немцы и полиция проводили проверки домов на предмет нахождения в них подозрительных лиц, и, в случае обнаружения таковых, арестовывали вместе с семьей, их приютившей [4, л. 13 об.].

Проводимые периодически перерегистрации населения преследовали цель выявить семьи партизан. Для этого могли даже вводиться льготы в виде выдачи соли или отмены обязательной оплаты регистрации [5, л. 170].

В Западной Беларуси одной из наиболее дискриминируемых категорий граждан, не считая евреев, оказались так называемые «восточники» (семьи советских военнослужащих и чиновников, присланных в регион после сентября 1939 г.), которых оккупационные власти часто изгоняли из занимаемых квартир, в результате чего в одной комнате ютились по 3 – 5 семей. Эти люди вынуждены были ходить по деревням и менять оставшееся имущество на продукты или просить подаяние [6, л. 258 об.].

Партизанская разведка фиксировала использование оккупационными властями материальных ресурсов граждан и возникавшие в процессе сбора налогов конфликтные ситуации. Выявлялись виды наказаний немцами граждан, отказывавшихся сдавать продукты питания и необходимые оккупантам материалы. Так, по данным разведки, коменданты Витебска и Городка в феврале 1943 г. обещали лишать жилплощади граждан, которые не выполняли норму сдачи цветного металла [7, л. 28]. В ходе сдачи поставок мяса имели место злоупотребления старост, которые забирали коров в первую очередь у беднейших односельчан, богатые же откупались от поставок [8, л. 6 об.]. Население саботировало распоряжения о сдаче теплых вещей для вермахта, но откликалось на призывы сдавать продукты питания для военнопленных [9, л. 55]. В то же время в деревнях, контролируемых партизанами, население сдавало продукты не оккупационным властям, а партизанам [10, л. 24 – 25; 11, л. 119].

Данные партизанской разведки иллюстрируют бедственное положение городского населения. Мизерные продуктовые нормы, указанные в документах местной вспомогательной администрации, подтверждаются разведанными партизан [12, л. 181; 3, л. 37]. Продукты по карточкам выдавались с переборами, и возле магазинов стояли огромные очереди людей [13, л. 127]. Продукты питания в города поставлялись из подконтрольных оккупантам деревень, что еще более усиливало дороговизну, поскольку

многие деревни контролировались партизанами, и реквизиции оккупационными властями там не проводились [14, л. 91]. Продукты питания можно было получить оттуда только с помощью карательных отрядов [15, л. 122]. Выдача дефицитных товаров могла использоваться немцами для принудительной мобилизации на работу в Германию, как, например, в Толочине в ноябре 1942 г., где немцы оповестили население о выдаче соли [16, л. 13].

В отчете старшего помощника разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) о положении г. Борисова от 18.03.1944 г. приводились нормы продуктов, полагавшиеся горожанам по карточкам. Занятые на производстве рабочие получали 150 – 200 гр. хлеба в день, 100 гр. маргарина в неделю, иждивенцы – 100 гр. хлеба-суррогата. Ассортимент нескольких городских магазинов был представлен иглоками, булавками, стаканами и прочей мелочью, для покупки товаров нужно было иметь специальные талоны. Торговля крестьян на городском рынке была затруднена распоряжением комендатуры, запрещавшим продавать продукты питания, если сельская община не выполнила обязательные поставки продуктов в счет налогов. Запрещалась продажа мясных изделий и масла. Из-за сокращения выдачи крестьянам пропусков для поездки в город на рынок цены выросли вдвое. Ограничение выдачи пропусков объяснялось боязнью немцев, что под видом торговцев в город будут проникать агенты партизан. Выдача горожанам пропусков на поездки в деревню для обмена промтоваров на продукты зависела от благонадёжности просителя с точки зрения оккупационных властей [17, л. 150–151]. Констатировалось негативное отношение подавляющего большинства горожан к немцам по причине варварского обращения с рабочими и служащими. На предприятиях практиковались телесные наказания, в столовых предприятий пища для рабочих готовилась безо всяких жиров и картофеля. В городе по 2–3 раза в неделю проводились облавы и проверки документов на улицах, рынках, в квартирах. Задержанные отправлялись в тюрьму на проверку, и, если не вызывали подозрений как участники движения Сопротивления, отправлялись на строительство оборонительных сооружений [17, л. 150].

Проблема обеспечения продуктами питания была актуальна и для сельского населения. Ежемесячная норма потребления хлеба крестьянами 6 кг для взрослого, 3 кг для ребенка достигалась путем установления оккупационными властями квот на помол зерна [18, л. 90].

Дефицит продуктов питания использовался советскими подпольщиками в пропагандистском противостоянии оккупантам. Так, в г. Минске на стенах домов вывешивались листовки: «Долой гитлеровских 100 грамм хлеба, да здравствует Сталинский килограмм» [6, л. 225 об.].

Несколько лучшая ситуация с продуктами питания фиксировалась в Западной Беларуси, откуда жители восточных районов приносили продукты [15, л. 123]. В генеральном округе Белосток до сентября 1943 г. спички, мыло, керосин, табак можно было свободно приобретать в магазинах, позднее на эти товары были введены карточки [19, л. 81].

Частные предприятия общественного питания были недоступны для подавляющего большинства горожан по причине исключительной дороговизны и посещались в основном полицейскими и сотрудниками местной администрации [13, л. 127–128].

Помимо выдачи продуктов по карточкам, единственной альтернативой приобретения продуктов питания был рынок. Разведывательные данные партизан иллюстрируют масштабы вовлеченности городских и сельских жителей в торговые операции на рынке. В докладной записке руководителя оперчекистской группы НКВД по Витебской области сообщалось, что такие предметы первой необходимости как спички, мыло на рынке в г. Орше можно было купить только у спекулянтов. Продажа товаров осуществляется только на марки (теневого обменный курс составлял 18–20 руб. за марку) или на обмен. Пуд ржи стоил 120 марок, картофеля – 25–30, молоко – 5–6 за литр, яйца – 8–9 за десяток, сала и мяса на базаре не было вовсе, коробка спичек стоила 3 марки, 400 гр. мыла – 8, 50 гр. табака – 18. Соль за деньги не продавалась, ее можно было обменять на рожь и картофель: за пуд соли просили 2 пуда ржи или 5 пудов картофеля. Рабочие и служащие с зарплатой в 250–300 руб. могли за эти деньги купить на рынке всего полтора десятка яиц [3, л. 36–37]. В другом документе ситуация на рынках характеризовалась следующим образом: «Спекулируют все и всем. Из-под полы продают соль, мясо, одежду и обувь. Фиксированные цены игнорируются» [20, л. 19].

Вопреки запрету, в торговых операциях с местными жителями активно участвовали и немцы, у которых можно было получить на обмен дефицитные промышленные товары. Этим обстоятельством пользовались партизаны и подпольщики [21, л. 395; 22, л. 2]. Изголодавшееся городское население во многом жило за счет обмена вещей на продукты питания или спекуляции приобретенными у немцев товарами [18, л. 92]. С ухудшением в Германии социально-экономической ситуации немецкие солдаты стали получать меньше посылок с родины, стали меньше менять промышленные товары на продукты, что еще более усугубляло их дефицит [15, л. 122].

Сокращению количества продуктов на рынках способствовали фиксированные цены, по которым крестьяне торговать не желали, а также конфискации продуктов полицией и жандармерией [15, л. 123].

Закамуфлированной конфискацией была покупка полицейскими у торговцев на рынке продуктов по установленным ценам [20, л. 19].

Детальным образом оценивалось коммунальное хозяйство. Так, по информации одного из командиров партизанского отряда, ситуация в коммунальном хозяйстве г. Полоцка оценивалась как плачевная. Отмечалось, что поврежденные в период боевых действий дома в городе не ремонтируются, а разбираются на дрова. Сложная ситуация с жилым фондом была вызвана многочисленными разрушениями, а также тем, что многие дома были заняты немцами. Квартплата с горожан взималась по довоенным ставкам, от нее могли быть освобождены только инвалиды, имевшие советские удостоверения, поскольку заключениям врачебных комиссий местной вспомогательной администрации немцы не верили. Городская электростанция и водопровод не функционировали (правда, не оговаривалось, когда именно они прекратили работу), но за воду и очистку оплата с граждан взималась, несмотря на то, что данные услуги не предоставлялись [20, л. 15 – 17].

Одним из факторов выживания граждан в экстремальных условиях оккупации было наличие скота и земельного надела. По свидетельствам партизан, «хорошо только живут спекулянты и владельцы коров и больших огородов, остальные голодают». Наличие земельного участка у горожан теоретически должно было помочь им выжить в условиях мизерных продуктовых норм по карточкам. В то же время, если владелец огорода в Полоцке засевал более 0,2 га, он лишался продуктового пайка [14, л. 91]. Фактически оккупационные власти перекладывали проблему обеспечения горожан продуктами питания на них же самих. Увеличение приусадебного участка в сельской местности могло увязываться с наличием в семье трудоспособного [23, л. 9]. Тем самым семья, не имевшая трудоспособного члена, лишалась возможности получить дополнительный источник существования. Реквизиции партизанами скота у семей полицейских вызвали репрессии немцев по отношению к крестьянам из подконтрольных партизанам деревень. Так, согласно докладной о проделанной работе комсомольской тройкой Холопеничского района от 19 ноября 1943 года немцы переселили жители д. Студенка в другие деревни, отобрали у крестьян скот и передали коров семьям полицейских, у которых коровы были реквизированы партизанами [24, л. 107].

Медицинские учреждения, обслуживавшие гражданское население, испытывали острый дефицит персонала и медикаментов [23, л. 8]. Невозможность локализовать вспышки эпидемий приводила к физическому уничтожению тифозных больных. По данным партизанской разведки, в различных регионах оккупированной Беларуси немцы расстреливали и сжигали бараки с тифозными больными (в документах оккупационной и местной вспомогательной администрации подобные случаи не отражались). Напуганные перспективой физической ликвидации тифозных больных их родственники утаивали факт заболевания и не везли их в больницу, в результате люди умирали, не получив медицинской помощи [22, л. 2; 25, л. 14; 26, л. 5].

В условиях практически полного отсутствия медицинских учреждений в сельской местности и недоступности районных клиник для большинства крестьян единственной надеждой получить медицинскую помощь были партизанские врачи. В то же время руководство партизан признавало, что, несмотря на предпринимаемые меры, удовлетворить хотя бы минимальные нужды гражданского населения не имеется возможности по причине дефицита медикаментов [27, л. 229 – 230].

Разведданные иллюстрируют положение отдельных социальных групп. Следствием оккупации стал рост числа беспризорных детей. Многие из них лишились родителей в результате боевых действий лета 1941 г., другие оказались на улице, будучи вынуждены покинуть детские дома, которые могли перестать функционировать, или же повседневная реальность детдома (отсутствие питания и ухода за детьми) вынуждала их бороться за существование самостоятельно. Естественно, находящиеся в городах группы беспризорных детей рассматривались оккупационными властями как проблема, решить которую за счет органов социальной опеки местной администрации не представлялось возможным. В листовке ЦК ЛКСМБ за 1942 г. приводится выдержка из газеты «Минскер Цайтунг», описывавшей жизнь беспризорных детей г. Минска: «При всякой погоде они живут под открытым небом и пробавляются нищенством. Каждый поезд, приходящий на вокзал, осаждается беспризорными. Это дети от 5 до 12 лет». Далее в листовке сообщалось об облаве на беспризорников 27.09.1942 г., в ходе которой было задержано и расстреляно около 100 детей [28, л. 36].

Быт находившихся на государственном попечении воспитанников детских домов зачастую был немногим легче. В Полоцком детдоме дети умирали от голода (паек 100 гр. хлеба в сутки), ходили по городу и просили подаяние [14, л. 91]. В докладной записке ответственного организатора Витебского обкома ЛКСМБ отмечалось, что воспитанники Ветринского детдома фактически были предоставлены сами себе, самостоятельно боролись за выживание и существовали во многом благодаря помощи партизан [29, л. 450].

Интересна оценка участниками движения Сопrotивления эффективности работы оккупационных силовых структур. Так, в отчете о работе Могилевского Комитета содействия Красной Армии за период от сентября 1941 г. по 10 марта 1943 г. ответственный руководитель Комитета констатировал, что самым

опасным врагом советских патриотов являлись не немцы, а местная полиция и ее помощники среди гражданского населения. В отличие от немцев полицейские хорошо знали местные условия, людей, имеет сеть осведомителей из числа репрессированных советской властью по политическим мотивам и преступных элементов [30, л. 45].

Заключение. Партизаны и подпольщики активно анализировали ситуацию на подконтрольной оккупантам территории. Во-первых, было необходимо четко представлять реальное положение гражданского населения (размер налогов, заработной платы, продуктовых пайков, рыночных цен и т.д.). Поскольку подавляющему большинству граждан угрожали физическое уничтожение или голодная смерть, озлобленное репрессиями население в массовом порядке симпатизировало участникам антинацистского Сопротивления. Во-вторых, пристальное внимание к регламентации оккупационными властями порядка регистрации и передвижения граждан было обусловлено практическим интересом для партизанской разведки. Документы партизан и подпольщиков являются важным источником, которые, в совокупности с документами немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, позволяют максимально полно и объективно реконструировать положения гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
2. Разведывательное донесение, полученное от ответственного организатора Витебского обкома КП(б)Б тов. Кудинова, 22.01.1943 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887. Л. 142.
3. Разведсводка о состоянии противника в Белорусской ССР по Оршанскому району Витебской области // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–39.
4. Разведсводка БШПД по состоянию на 19.02.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 854. Л. 13 об.
5. Информация командира партизанской бригады Фалалеев // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 854. Л. 170.
6. Докладная записка о проведенной работе в тылу противника в районах Минской и Полесской областей и частично Пинской, Вилейской и Брестской областей за время с 23 июля по 21 сентября 1942 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887. Л. 258 об.
7. Оперативная разведывательная сводка БШПД на 4.04.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 854. Л. 28.
8. Докладная записка уполномоченного ЦК ЛКСМБ по Вилейской области, 9.11.1943 г. // НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 16. Д. 9. Л. 6 об.
9. Беседа гг. Ратнера и Малина с т. Василевич, 28.02.1942 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 306. Л. 47 – 67.
10. Беседа с делегатами партизанских отрядов Ушачского района Витебской области БССР, 11.07.1942 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 163. Л. 24 – 25.
11. Докладная записка делегатов штаба партизанской бригады Кирпича секретарю ЦК КП(б)Б Эйдинову об отрядах в Круглянском, Шкловском, Толочинском и Оршанском районах // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 163. Л. 119.
12. Письмо заместителя начальника ЦШПД начальнику БШПД, август 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15. Л. 181.
13. О положении во временно оккупированной территории Белоруссии // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 222 Л. 127–128.
14. Некоторые данные о городе Полоцке // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 257. Л. 90 – 97.
15. Положение в Полоцке // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. Л. 122 – 124 об.
16. Разведывательная сводка № 3(34) БШПД, 19.01.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
17. Общее положение города Борисова // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 55. Л. 150 – 151.
18. Краткий обзор по материалам партизанской разведки о положении на оккупированной территории в Полесской области БССР по состоянию на 15 февраля 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19. Л. 88 – 98.
19. Докладная записка Белостокского подпольного Обкома ЛКСМБ о работе комсомольской организации области // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 10. Л. 81.
20. Беседа с командиром партизанского отряда майором Шрамко Александром Федоровичем (бригада Марченко) // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 311. Л. 11 – 27.
21. Донесение партизанского агента (без даты) // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 66. Л. 395.
22. Докладная секретарю ЦУ КП(б)Б Эйдинову // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 164. Л. 2.
23. Собственноручные показания Минина Константина Кузьмича, 17 апреля 1942 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 44. Л. 8 – 9.
24. Докладная о проделанной работе комсомольской тройкой Холопеничского района // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 7. Л. 107.
25. Опросный лист партизана Борисова Ильи Ивановича из отряда им. Кузнецова бригады В.В. Щербина, действующей на территории Барановичской области // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887. Л. 14.
26. Докладная записка // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 37. Л. 5.
27. Отчет о санитарно-эпидемическом состоянии партизанских отрядов Могилевской области за май 1944 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 280. Л. 229 – 230.

28. Из листовки ЦК ЛКСМБ, 1942 г. // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 36. Л. 36.
29. Докладная ответственного организатора Витебского Обкома ЛКСМБ ЦК Комсомола Белоруссии // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 12. Л. 450.
30. Краткий отчет о работе Могилевского Комитета содействия Красной Армии за период от сентября 1941 г. по 10 марта 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58. Л. 45.

Поступила 18.11.2016

**THE CIVILIAN POPULATION OF BELARUS DURING THE NAZI OCCUPATION
(MATERIALS OF PARTISANS AND UNDERGROUND)**

Y. HREBEN

On the basis of the documents the National Archives of the Republic of Belarus is considered the civilian population under the Nazi occupation. The different aspects of life and living conditions of the civilian population are represented, as reflected in the documents of partisans and underground fighters (registration system and citizens' control, financial situation and medical services, commerce, utilities). It is noted that the documents of partisans and underground fighters are an important source, which, together with the documents and the local subsidiary of the German administration allow to objectively reconstruct the civil status of the population of Belarus under the Nazi occupation.

Keywords: *occupation, Belarus, civilian population, partisans.*

УДК 355.257.72(476)+94(476)«18/19»

**ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ
КАК СРЕДСТВО ЦЕРКОВНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

*канд. ист. наук, доц. П.В. ШЕВКУН
(Витебский государственный медицинский университет)*

На примере епархиальных ведомостей северо-западного края дана характеристика региональной православной церковной печати 1860-х – 1910-х гг. Показаны целевые установки и задачи, которые ставили перед изданием государственные и церковные власти. Отмечена специфика видения редакциями своей миссии. Раскрыты противоречия между характером ведомостей и их программой, утвержденной Св. Синодом и реализовывавшейся на уровне епархий весь рассматриваемый период. Выделены наиболее значимые группы проблем, с которыми сталкивались редакции независимо от региональных отличий. Сделан общий вывод о роли епархиальных ведомостей как средства адаптации церковных структур к реалиям современной эпохи.

Ключевые слова: ведомости, коммуникация, информация, печать, редакция, церковь, администрация, духовенство, приход.

Во второй половине XIX в. на территории Российской империи существенно усложняется социальное взаимодействие. Его потребностям в полной мере не отвечали существовавшие на протяжении веков такие устойчивые формы организации, как община или сословие. В 1860-х – 1870-х гг. проходят реформы, направленные на уменьшение сословных барьеров и ограниченное вовлечение в управление более широких слоев населения. На смену корпоративному характеру сотрудничества, закрепленному традицией и освященному церковью, приходит индивидуализированное, что предполагало «не отстраненную «точку зрения», а участие в процессе» [1]. В силу этого изменялись требования к получаемой информации. От нее ожидали новизны, актуальности, разнообразия. Возникла потребность в создании соответствующих информационных каналов. Наиболее значимыми были печатные издания: газеты и журналы.

Одним из таких коммуникативных проектов стали епархиальные ведомости. Решение Св. Синода об их издании было принято в конце 1859 г. Тогда же и утвердили унифицированную программу издания. Уже 8 марта 1860 г. начали выходить Ярославские епархиальные ведомости, затем Одесские. В 1861 и 1862 гг. подобные издания появились в Киевской, Тамбовской, Черниговской, Калужской, Каменец-Подольской и Тульской епархиях. На территории белорусско-литовских губерний первые ведомости вышли в Литовской епархии (1863 г.), затем в Минской (1868 г.), Полоцкой (1874 г.), Могилевской (1883 г.) и Гродненской (1901 г.).

На общецерковном уровне роль официального издания принадлежала до 1888 г. «Церковному вестнику», потом – «Церковным ведомостям». Кроме того, выходили «Вера и церковь», «Православный собеседник», «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Кормчий», «Воскресение», «Воскресный день», «Духовная беседа», «Странник», «Доброе слово» «Миссионерский сборник», «Православный путеводитель», «Миссионер», «Вера и разум», «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Монастырь», «Русский паломник», «Вестник военного духовенства» и некоторые другие средства массовой информации (СМИ) религиозной направленности [2, с. 11].

Подготовка программы издания началась в 1853 г. архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисов). Он отмечал, что «существование епархиальных ведомостей немало может служить к оживлению всего епархиального управления, к сближению его со всею паствою, к поощрению подведомого духовенства через обнародование похвальных и полезных действий и ревностных в служении своем лиц» [10, с. 51]. Епархиальные ведомости задумывались как своего рода аналог Губернских ведомостей. Органу светской власти должен был соответствовать и печатный орган духовной власти. «Задача губернских ведомостей – знакомить с административными распоряжениями гражданского начальства ... Такова по первоначальной цели и задача епархиальных ведомостей» [11].

В первом номере Литовских епархиальных ведомостей, вышедшем 1 января 1863 г., была также сформулирована миссия издания: быть для духовенства «органом начальственных распоряжений». Вместе с тем подчеркивалось: «другими своими статьями имеют воскрешать в памяти древнее минувшее, – к чему с душевностью обращается мысль и чувство ... служить по возможности выразителем пастырских надежд, радостей, скорби о затруднениях, неудачах, – общественным полем для обмена мыслей духовенства о долге своего звания, дабы по долгу современного общества православной паствы в нашей стране направлять свою деятельность к соответствующему исполнению своих священных обязанностей ...». Также отмечалось, что ведомости послужат «к большему и благотворнейшему сближению наших право-

славных с другими; еще крепче и сознательно-благодарнее к благотельному Престолу и Св. Церкви» [3, с. 2, 3]. В этом организаторам издания виделась региональная специфика проекта.

Более поздние епархиальные издания были лаконичнее и ограничивались пересказом инструкции Св. Синода, согласно которой номер должен был состоять из официальной и неофициальной частей. Первая предназначалась для публикации царских манифестов и указов, касающихся церкви, распоряжений Св. Синода, епархиального руководства, «местных семинарского и училищных правлений по предметам заслуживающего общего внимания; сведения об определении и увольнении начальственных лиц и наставников, о вакантных кафедрах, о пробных лекциях, о повышении, наградах и отличиях, приеме и увольнении воспитанников и под.», некрологи, извлечений из отчетов консистории, семинарии, епархиального попечительства, губернского присутствия по обеспечению духовенства и некоторых других учреждений.

В неофициальной части предполагалось публиковать тексты богословского содержания, проповеди и поучения, «статьи религиозно-нравственного содержания преимущественно по предметам, выяснение которых вызывается духом времени и местными потребностями», «описание местных праздников и обычаев религиозного характера», «замечательных церковных памятников, документов и прочего, описание монастырей и храмов, монографии по истории церкви, преимущественно местной», биографические и библиографические материалы, «известия и выдержки из периодической печати по предметам русской церковно-религиозной жизни и быта духовенства, а в конце объявления, имеющие общий и для духовенства в частности практический интерес» [4, с. 1–3]. Со своей стороны редакция Полоцких епархиальных ведомостей отмечала, что «издание предпринято по желанию местного духовенства на местные епархиальные средства. Поэтому ведомости должны прежде и паче всего удовлетворять местным потребностям духовенства и епархии» [4, с. 26].

Исходя из опубликованных программных положений, можно сделать выводы о том, что, во-первых, епархиальные издания должны были стать фактором более эффективной административной коммуникации. Это подразумевало ее регулярность и определенную открытость. Создавалась модель, которую можно назвать «регулярное руководство», когда подчиненные видели благодаря периодичности ведомостей постоянное присутствие и внимание к ним начальства. Кроме того, на епархиальном уровне, очевидно, осознали, что контролируемое стандартизированное печатное слово позволяет более успешно, с точки зрения функционирования системы, влиять на распространяемые устно потоки информации и некоторым образом контролировать ее восприятие. По крайней мере, места для домыслов либо преднамеренного искажения информации было меньше. Во-вторых, ведомости предполагались как значимое средство адаптации региональных структур православной церкви к изменяющимся общественным реалиям, должны были содействовать обновлению или выработке новых подходов и практик взаимодействия на уровне приходов. Общая задача издания виделась в том, что «таким образом ... теснее и живее сблизят пастырей между собою для стройного и единодушного действования» [3, с. 3].

Рассматривая программу издания можно отметить несколько наивное предположение, будто необходимость адаптации, вызванная «духом времени и местными потребностями», требует полного единства и большего количества прежде всего административной информации. Скорее наоборот, ведомости должны были стать способом разделения управления и социального действия. В первом случае предполагалось выполнение своих обязанностей и вертикальная система распределения власти, во втором – соучастие в жизни епархии (в том числе и на уровне принятия решений) при том не только духовенства, но и мирян, то есть всех заинтересованных лиц. В результате уже на уровне программы было заложено фундаментальное противоречие: с помощью количественного увеличения и унификации информации содействовать сохранению традиционных, корпоративных способов взаимодействия внутри клира, клира и мирян, церкви и общества. Сущностью этих отношений было сохранение прежнего сакрализованного способа передачи информации об обществе, и лишь его актуализация через обмен информацией, замкнутой на духовенстве.

Вместе с тем ведомости как печатное периодическое издание информационного характера подразумевали обновляемость, разнообразие, актуальность данных. Ведь «все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через масмедиа» [8]. Несложно заметить, что административной, богословской или исторической информации было недостаточно. Актуальность второй и третьей неоднозначна и опосредована, а первая, в большинстве своем, непублична и не подразумевает участия. Отсюда ведомости формировали существенно ограниченное представление о формах и содержании социального взаимодействия. В редакциях, сталкиваясь с внутренней логикой развития средств массовой информации (СМИ), пытались преодолеть это противоречие, выйти за рамки административного видения целей и задач деятельности. Для этого использовались подобные формулировки: «значение епархиальных ведомостей в посредстве между епархиальной властью и духовенством» при этом пояснялось, что «другой отдел Епархиальных Ведомостей – неофициальный; это есть, так скажем, орган духовенства, через который оно выражает свои мнения, недоумения из пастырской деятельности, обсуждает их и таким образом представляет обработанный материал, которым могут воспользоваться епархиальные съез-

ды для установления общих мероприятий по разным сторонам пастырской практики» [11]. Предполагалось, что ведомости станут фактором активизации деятельности духовенства. Несложно заметить, что это было идиллическое представление в духе единства интересов управляющих и управляемых, красивое на бумаге, но не существующее в реальности. Поэтому указанную проблему такие формулировки не решали.

Фундаментальное противоречие влекло за собой и трудности технического характера. Важнейшее среди них – это актуальность. С формальной стороны все выглядело благополучно. Периодичность составляла от двух до четырех раз в месяц. В условиях региональной коммуникации того времени этого было достаточно. Объем – около 40 страниц. Его хватало для размещения всей необходимой информации. Программа ведомостей предполагала разнообразие материала. Существовали рубрики: местные известия, летопись ведомостей, либо летопись текущих событий, заметки, гигиенические заметки, живое слово пастыря, миссионерский отдел, церковно-школьный отдел и некоторые другие. В период Русско-японской войны была рубрика «к событиям на Дальнем Востоке».

Тем не менее, программа издания была ограничена узко понимаемой (с позиции пастыря) церковно-духовной сферой и официальной доктриной, выдержанной в духе «православие, самодержавие, народность». Это существенно сужало информационные и аналитические возможности ведомостей. Кроме того, широко использовался перепечатываемый материал, а значит информация существенно запаздывала. Публикуемые отчеты о различных съездах духовенства и иных общепархиальных мероприятий имели дублирующий характер, поскольку само же духовенство, являвшееся подписчиком ведомостей, и принимало в них участие.

В условиях конкуренции с общегосударственными изданиями важен был поиск информационной ниши, в которой можно было бы утвердиться. Притом со временем проблема только усугублялась, поскольку общественная жизнь становилась все более насыщенной и многообразной. Так, редакция Полоцких епархиальных ведомостей в №3 за 1903 г. писала, что газета должна быть «исключительно местного характера» и отражать «главнейшие проявления текущей местной религиозно-церковной жизни и дать самый широкий простор всем трудам по местной церковной истории и археологии» [5, с. 53–54]. Разумеется, этой ниши было бы достаточно, если бы газета стала действительно средством коммуникации и участия всех заинтересованных групп. Однако подобный сценарий не предполагался, поэтому никаких кардинальных изменений не произошло. Стало публиковаться большее количество отчетов разных епархиальных ведомств, появились некоторые новые рубрики (епархиальная хроника, церковно-школьный отдел, из церковно-общественной жизни) и несколько больше трудов по епархиальной истории. Этого было недостаточно, чтобы выделиться среди многочисленных, ориентированных на различные группы населения и тематику средств массовой информации того времени.

Актуальность издания во многом зависела от профессионализма редакции. При этом речь идет не столько о качестве издания, сколько о том, являлась ли журналистика основным профессиональным занятием. В большинстве случаев редакции состояли из священнослужителей и действовали при духовных консисториях или семинариях. Первый состав редакции Полоцких епархиальных ведомостей включал священника Витебской Ильинской церкви М. Красавицкого и законоучителя Витебской губернской гимназии протоиерея Д. Преображенского. Редакция Минских епархиальных ведомостей состояла из священника Минского Екатерининского Собора Ф. Миткевича и учителя Минской духовной семинарии А. Орлова. Редактированием Литовских епархиальных ведомостей в разное время занимались протоиереи И. Котович, архимандрит, ректор семинарии Леонид; иеромонах, инспектор семинарии Евсевий; иеромонах Антоний; И.А. Нещеретов; архимандрит Алексей; А.И. Шестов; Н.И. Лузгин; и др. [2, с. 24].

Люди, для которых, в силу исполняемых обязанностей, издательская деятельность была дополнительной работой, не могли полностью посвятить себя такого рода деятельности. Кроме того, преобладание духовенства в редакциях приводило к конфликту интересов духовной и журналистской деятельности. Для журналиста основная цель – сбор и производство информации, при этом характер ее не принципиален, важна актуальность. Духовенство же ставило своей целью деятельность в соответствии с религиозным идеалом, которая была ограничена соображениями статуса и церковной дисциплины. Это вело к тому, что целые сектора общественной жизни, такие как политическая деятельность, освещение различных социальных проблем, в том числе и епархиального уровня, оказывались блокированы, как не соответствующие идеалу. Лишь некоторые из них были затронуты, но и они преподносились традиционно как «изъясны», которые необходимо «улучшать».

Общая цель изданий была направлена не столько на отражение и включение в общественную (и епархиальную как ее часть) жизнь, сколько на обособление верующих от многих явлений социальной жизни, формирование «монолитного» единства. Назидательная составляющая издания уже на уровне самих редакторов являлась главенствующей, явно подавляя и подчиняя информационную. Как отмечает В.И. Шимолин, в епархиальных ведомостях второй половины XIX – начала XX в. не существовало газетно-журнальных жанров в современной их классификации, а своеобразные жанры публикаций на страницах епархиальных ведомостей появились не сразу [2, с. 96].

Профессиональные проблемы проявлялись и в недостатке корреспондентов. Между тем, развитие корреспондентской сети – важнейший элемент успешности периодического издания особенно в реалиях рассматриваемого времени. От их работы зависел материал изданий, его актуальность и, в конечном итоге, потребительский спрос. Редакции пытались использовать те ограниченные ресурсы, которые у них были. Во-первых, значительную часть издания составляли материалы, получаемые из епархиального центра. Фактически весь официальный отдел и значительная часть неофициального состояли из такого рода информации. Во-вторых, предполагалось, что священники и станут той сетью, которая будет поставлять необходимую информацию. Уже в первом номере Полоцких епархиальных ведомостей отмечалось, что «особенно желательно редакции получать от приходских священников выдержки из заведенных при церквах летописей и частных записок» [3, с. 26–28].

Однако расчет на то, что потребители станут одновременно и производителями социальной информации, оказался ошибочным. Священно- и церковнослужители, выполнявшие многочисленные обязанности в связи со своей основной деятельностью, не стремились к активному участию в корреспондентской работе, не смотря на настойчивые приглашения. Редакция Литовских епархиальных ведомостей в 1865 г. обращалась ко всем «ревнителям о благе отечественной церкви, особенно духовенству епархий Литовской, Витебской и Минской», с просьбой присылать материалы краеведческой направленности [2, с. 99]. В заметке «Об издании Литовских епархиальных ведомостей» в 1892 г. «редакция просит покорнейше духовенство местной епархии, а равно и других лиц, принять деятельное участие в трудах ея на общую пользу. Страницы ведомостей будут доступны, по возможности, не только вполне обработанным статьям, но даже беглым заметкам и наблюдениям». В № 1 от 1905 г. Полоцких епархиальных ведомостей содержался призыв редакции участвовать сельскому духовенству в материалах ведомостей. Даже появилась рубрика – ответы редакции на вопросы священников [6, с. 10–12, 37]. В лучшем случае такие приглашения могли стать лишь незначительным подспорьем в работе над изданием, так как свидетельствовали о заинтересованности в установлении обратной связи с читателями. Тем не менее, подменить профессиональную корреспондентскую сеть такой формат был не способен. В результате жизнь региона не была адекватно представлена. Относительно пассивное участие духовенства в деятельности ведомостей имело еще один аспект – служебную субординацию, – поскольку не всякая корреспондентская деятельность могла понравиться начальству.

Важнейшим и тесно связанным с предыдущими фактором успешности проекта являлся вопрос его независимости административной, политической и финансовой. Только при таком условии потребитель является непосредственным участником коммуникации, поскольку от его спроса зависит перспектива издания. С этой точки зрения ведомости были существенно ограничены. Создавались они по инициативе Св. Синода и имели унифицированную программу. На епархиальном уровне решение принимал епископ, после чего соответствующее прошение отправлялось в Св. Синод. Так, инициатором издания Полоцких епархиальных ведомостей выступил архиепископ Минский и Бобруйский Михаил. 9 ноября 1867 г. он обратился в Синод с соответствующим рапортом, к которому прилагалась программа издания [2, с. 28].

Существовали ведомости, как было отмечено выше, при епархиальных учреждениях: консисториях или семинариях. Руководство редакцией осуществлялось с помощью директив и устных указаний, а также путем отчета редактора на представительных собраниях церковной власти. Так, в Полоцких епархиальных ведомостях была напечатана информация о таком отчете редактора, священника М. Красавицкого, на съезде духовенства Полоцкой епархии [2, с. 41]. Кроме того, не содействовало самостоятельности издания и принадлежность большинства редакторов к духовенству, поскольку наличие сана ставило их, помимо прочего, в подчиненное положение от церковных властей.

Тем не менее, административная зависимость лишь в самых общих чертах ограничивает деятельность редакции, а такая форма, как отчеты на съездах духовенства, может рассматриваться как способ предупреждения либо нивелирования чрезмерной административной опеки. С точки зрения независимости гораздо большее значение имеет политическая свобода, то есть отсутствие некоей извне сформулированной сверхцели издания. Между тем такая цель была – служить средством более эффективного администрирования. Поскольку его успешность определяется готовностью выполнять распоряжения и консенсус по поводу административных полномочий, то в таком случае любая позиция, которая не соответствует положениям, сформулированным высшей администрацией, не должна озвучиваться, так как она не содействует административному пониманию того, что необходимо для «стройного и единодушного действия». Неслучайно, например, в редакции Полоцких епархиальных ведомостей отмечалось, что она «полемики во всех родах будет избегать» [4, с. 28]. Слишком уж она не совпадает с требованием «единодушия». Однако это на епархиальном уровне. На общегосударственном, или идеологическом, оценкой событий занимались соответствующие светские структуры. Задачей же духовной власти была трансляция этих положений простому народу.

Наглядным выражением политической зависимости издания являлось наличие цензуры. В каждой епархии была должность цензора, который и проверял материал на соответствие его содержания административному и идеологическому видению той либо иной ситуации. Очевидно, что подобный род зависимости был

ключевым, поскольку он существенно ограничивал возможности редакции по производству и актуализации информации, так как устанавливал посредника между изданием и потребителем информации. В результате процесс коммуникации искажался, поскольку потребитель понимал, что не является ее действительным участником. В редакциях осознавали негативную роль епархиальной цензуры для развития ведомостей. В 1905 г. были большие надежды на ее отмену. По этому случаю даже появились публикации. Например, в Литовских епархиальных ведомостях. Однако и в последующие годы должность цензора сохранилась.

Значимым фактором независимости является финансовая составляющая. Изначально предполагалось, что издание будет осуществляться на епархиальные средства. Очевидно, под ними подразумевалась и подписка. Однако суммы, собираемые по подписке, не покрывали расходов. Они были унифицированы в империи (от 5 до 5,5 рублей в год), хотя издания отличались между собой объемом, качеством бумаги и печати. Разумеется, недостающие средства покрывались из епархиальных доходов.

Определенным источником дополнительных средств были рекламные объявления. В основном предлагалась информация о подписке на новые издания. Иногда появлялись объявления и о купле-продаже. В № 52 от 1901 г. Гродненских епархиальных ведомостей в неофициальном отделе было помещено объявление: «Пианино и рояли – продажа с льготной рассрочкой платежа» [9]. В некоторых случаях реклама доходила до половины объема номера, иногда она издавалась особым тиражом. Так было в Минских епархиальных ведомостях в 1905–1906 гг. В 1906 г. их редактор сделал еще одно предложение: подписывать на епархиальные ведомости прихожан. Обосновать такой шаг предполагалось путем придания материалам ярко выраженной краеведческой направленности, описания народных праздников, обрядов, истории и современной жизни приходов [2, с. 31]. Это была революционная инициатива, поскольку ведомости приобрели бы тогда характер издания, ориентированного на всех верующих, а не только на духовенство. Однако и она не была реализована. Очевидно, что подобными мерами невозможно было не только добиться независимости ведомостей, но и просто решить важнейшие финансовые проблемы.

Трудности в вышеизложенных областях суммарно выражались в востребованности. С первого взгляда можно сказать, что спрос на ведомости был стабильным. До Первой мировой войны периодичность не нарушалась и в основном составляла два раза в месяц. Св. Синод не вмешивался в этот процесс, и епархии могли действовать по своему усмотрению. Так, Литовские епархиальные ведомости с 1873 г. перешли на еженедельный график, однако с 1906 г. газета вновь стала выходить два раза в месяц. Минские епархиальные ведомости выходили два раза в месяц за исключением периода 1871–1872 гг., когда издание было еженедельным. В конце 1903 г. перед редакцией Полоцких епархиальных ведомостей была поставлена задача о переходе на трехразовый график. Однако только с 1 июля 1907 г. газета стала выходить уже еженедельно. Могилевские епархиальные ведомости печатались с 1 июля 1883 г. по 1904 г. – три раза в месяц, с 1905 по 1915 г. – два. Гродненские епархиальные ведомости выходили с 7 января 1901 г., не меняя своей периодичности, – 4 раза в месяц.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что инициатива издания ведомостей исходила не от самого духовенства, а от епископата. По крайней мере в первое время они имели не столько коммуникативный характер, сколько статусный. При этом подписка была обязательной для причтов и некоторых других епархиальных структур. Конечно, сам факт обязательной подписки является вполне красноречивым свидетельством проблем с востребованностью издания, однако не достаточным, поскольку всегда можно предположить, что духовенство, будучи ограниченным в средствах, крайне неохотно шло на приобретение даже самых необходимых предметов.

Тем не менее, даже на страницах епархиальных изданий в корректной форме проявлялась низкая заинтересованность духовенства. Примером может служить опубликованная в Полоцких епархиальных ведомостях информация о заслушивании на съезде духовенства епархии отчета редактора священника М. Красавицкого об улучшении содержания газеты. В итоговом документе отмечалось, что Полоцкие епархиальные ведомости «не хуже, не меньше и не дороже других». Редактору рекомендовалось сократить количество объявлений о подписке и выходе из печати новых книг и газет, а на освободившейся площади «перепечатывать из других изданий побольше статей, интересных и полезных для духовенства, и в конце каждого года печатать к сведению духовенства отчет о приходе и расходе денег, поступающих за епархиальные ведомости ...» [2, с. 41]. Косвенным подтверждением недостаточной востребованности издания служат отмеченные выше финансовые проблемы, и, прежде всего, небольшой круг подписчиков, расширить который, не меняя целевых установок, было невозможно.

Таким образом, появление ведомостей как средства массовой информации в церкви и для церкви фактически ознаменовало собой ее вступление в новую коммуникативную эпоху. Для нее характерен массовый, стандартизированный, «мозаичный»¹ характер информации, ориентация на индивидуальное, а не коллективное восприятие, участие в обмене ею всех групп населения, вовлечение в жизнь общества

¹ Термин, использованный М. Маклюэном для характеристики средств массовой информации. Он отмечал, что благодаря «мозаичности прессы удается формировать сложные многоуровневые групповые самосознание и сопричастность ...» [1].

и установление взаимосвязей, влияющих на все уровни социальной организации. Ранее информация, необходимая для больших групп населения, в которых «не происходит взаимодействия между отправителем и получателем информации как присутствующими друг для друга», распространялась с помощью церкви [8]. На невербальном и вербальном уровнях транслировались уникальные и необходимые знания об обществе, принципах его организации, структуре. С помощью ритуала сводилась к минимуму необходимость личного общения. Священник воспринимался как фигура сакральная, а предлагаемая им информация носила цельный, неизбирательный характер и предполагала коллективное действие.

В силу этого церкви, как средству массовой информации прошлого, было сложно отказаться от данной функции и адаптироваться к изменившимся социальным реалиям. Отсюда роль печатных СМИ в ее деятельности была крайне ограничена. Епархиальные ведомости, будучи помещены в «прокрустово ложе» традиционной церковной коммуникации, рассматривались лишь как способ ее адаптации и обновления. Как некое подспорье, притом епархиального уровня, для духовенства в его службе, а не как самостоятельное средство информации, активно участвующее в создании нового коммуникативного пространства современного общества. В результате имевшееся противоречие между характером ведомостей как печатных СМИ и целевыми установками, ориентированными на сохранение роли церкви, в качестве основного источника информации об обществе, порождало ряд проблем при функционировании издания: актуальность, сложность в поисках «собственного лица», ограниченность специфическими духовными вопросами, непрофессионализм и зависимость редакции, финансирование, аудитория, фактический запрет на дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн, М. Пресса: управление посредством утечки информации [Электронный ресурс] / М. Маклюэн // Отечественные записки. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/pressa-upravlenie-posredstvom-utechki-informacii>. – Дата доступа: 10.11.2015.
2. Шимолин, В.И. У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В.И. Шимолин. – Минск : БГУ, 2010. – 199 с.
3. От редакции Литовских Епархиальных ведомостей: [об изд. «Литов. епарх. ведомостей»] // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 1. – С. 1–5.
4. От редакции Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 1. – С. 1–4, 28.
5. От редакции Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 3. – С. 53–54.
6. От редакции Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – № 1. – С. 10–12.
7. Библиография периодических изданий России, 1901–1916 [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb2/bb2-2786.htm>. – Дата доступа: 15.11.2015.
8. Луман, Н. Реальность массмедиа [Электронный ресурс] / Н. Луман // Отечественные записки. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/realnost-massmedia>. – Дата доступа: 12.11.2015.
9. Объявления // Гродненские епархиальные ведомости. – 1901. – № 52. – С. 508
10. Чистяков, П. Минские епархиальные ведомости конца XIX – начала XX столетия как источник по церковному краеведению Беларуси / П. Чистяков // Мин. епархиальные ведомости. – 2003. – № 1. – С. 51–54.
11. Задача Епархиальных Ведомостей и отношение к ним духовенства // Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 22.

Поступила 24.10.2016

DIOCESAN GAZETTES OF THE NORTHWESTERN REGION AS A MEANS OF CHURCH COMMUNICATION

P. SHEVKUN

The characteristic of the orthodox ecclesiastical press in 1860s – 1910s is given in the article on the example of diocesan gazettes of the northwestern region. Purposes and objects, which state and church authorities have set before publication, have been shown. Specificity of vision of its mission by the editorial board has been mentioned. Contradictions between the character of gazettes and their programme, stated by St. Synod and implemented at the level of dioceses for the whole period considered, have been revealed. The most important groups of problems which editorial boards came across not depending on regional differences, have been singled out. General conclusion about the role of diocesan gazettes as a means of church structures adaptation to the reality of modern epoch has been made.

Keywords: gazettes, communication, information, publication, editorial office, church, administration, clergy, parish.

УДК 94(476«1812»)(45)

**РУССКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ МЕМУАРИСТИКА О ЛАГЕРЕ В ДРИССЕ
НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

*канд. ист. наук, доц. Т.П. ИВАНОВА
(Витебский филиал Международного университета «МИТСО»)*

Показано отражение в русских и французских мемуарах сведений об укреплённом лагере в Дриссе, представлена поляризация взглядов о роли Дрисского лагеря в военной стратегии начального этапа русско-французской войны 1812 года.

Ключевые слова: *русские и французские мемуары о войне 1812 года, укреплённый лагерь в Дриссе, роль Дрисского лагеря в войне 1812 года.*

Введение. Одним из интересных объектов русско-французской войны 1812 года является укреплённый Дрисский лагерь на территории Витебской губернии. Об этом историческом месте, связанном с временным пребыванием русской армии, есть достаточно много упоминаний в российских и французских мемуарах XIX века. Условно к этим мемуарам отнесем и воспоминания немцев, служивших в армиях Александра I и Наполеона. Исследуемая проблема в определенной степени отражает взаимодействие и трансляцию культур.

Несомненно, мемуары являются ценным историческим источником, способным восполнить небольшие, но важные факты, которые не вошли в документы официального характера. Как говорится в предисловии к изданию «Французы в России: 1812», «свидетельства современников донесли до нас детали, хранящие «вкус и запах времени», делающие картину событий более полной» [1, с. 6].

Основная часть. Записи событий 1812 года, происходивших на территории Витебской губернии, вел В.П. Тихановецкий. Его очерк был опубликован в нескольких номерах газеты «Витебские губернские ведомости» за 1891 год. В очерке обращается внимание на то, что из многочисленных планов военных действий, представленных Александру I накануне кампании 1812 года, был принят план, предложенный генералом К.Л. Фулем. Относительно лагеря в Дриссе В.П. Тихановецкий пишет следующее: «Военный лагерь русской армии, по мнению К.Л. Фуля, должен располагаться на расстоянии одного перехода от Друи, двух переходов от Полоцка, шести переходов от Витебска и мог служить прикрытием путей, ведущих из Вильно: 1) Через Друю на Петербург; 2) через Полоцк на Петербург; 3) через Витебск к Москве. Дрисский лагерь находился между Дриссой и д. Шатрово в изгибе Двины» [2].

Как пишет В.К. Добровольский, «по плану генерала Фуля предполагалось разделить главную армию на две части, чтобы при движении Наполеона одна часть действовала с фронта, а другая с фланга. На реке Западной Двине в Дриссе Витебской губернии были сделаны укрепления, и, по плану Фуля, 1-я армия Барклая де Толли должна была привлечь сюда Наполеона и вступить с ним в бой, тогда как 2-я армия Багратиона ударила бы с фланга. Это было бы возможно при равных силах с обеих сторон, но армия Наполеона оказалась слишком большой, чтобы можно было осуществить этот план в том смысле, чтобы соединить две армии в одну, но осуществить это тотчас же оказалось уже затруднительным» [3, с. 5].

Среди мемуаров по данной теме назовем труд известного военного ученого Карла фон Клаузевица «1812 год». К. Клаузевиц был назначен адъютантом к генералу К.Л. Фулю и имел прямое отношение к судьбе Дрисского лагеря и самого плана. Первая часть его книги носит название «Прибытие в Вильно. План кампании. Дрисский лагерь».

Фон Клаузевиц описывает месторасположение лагеря. «Плоская дуга, очерчивавшая фронт лагеря, была усилена по указаниям самого генерала Пфуля тройным рядом открытых и сомкнутых укреплений, а семь мостов должны были обеспечить отступление. По ту сторону реки не было никаких укреплений. На этом участке Двина, в сущности, представляет незначительную реку, хотя и довольно широкую, но крайне мелкую, так что через нее можно было переправиться даже вброд. Как видно уже с первого взгляда, тактическая сила этого пункта была невелика и сводилась единственно к силе укреплений».

К. Клаузевиц пишет и об авторе знаменитого плана и об отношении к нему Александра I следующее: «Император понимал, что «... на Пфуля можно смотреть лишь как на отвлеченный ум и что ему нельзя поручить никакой активной роли». К. Клаузевиц был послан с инспекцией в лагерь русских, чтобы проверить его готовность принять Первую армию. Свои наблюдения и выводы по поводу достоинств этого сооружения и его готовности он сообщает в городке Видзы собранию в составе графа А.И. Аракчеева, князя П.М. Волконского и его адъютанта ротмистра графа М.Ф. Орлова, полковника К.И. Толя. К.Л. Фуль обвинил Барклая де Толли в неверном исполнении его указаний, в оппозиции его плану и возложил на него ответственность за создавшееся положение. «Император призвал Пфуля, чтобы совместно с ним и несколькими другими офицерами своей свиты объехать лагерь... Судьба лагеря была решена. Перед лицом всей армии ее определило мнение видных штабных офицеров. Армия покинула лагерь и направилась, прикрываясь Западной Двиной, вверх по ее течению, к Полоцку» [4, с. 39–42].

Сведения из исторических мемуаров о расположении Дрисского лагеря подтверждаются и другими материалами – в частности, архивными. Так, в Предписании командующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли начальнику инженерной службы К.И. Остерману о выборе мест для укрепленного лагеря и крепостей на западной границе от 14 марта 1810 года говорилось: «Государь император высочайше указать соизволил, чтоб ваше превосходительство отправились, как возможно наискорее в Витебск, где обозрев все окрестности, должны вы избрать возле Будилова выгоднейшее месторасположение для укрепленного лагеря, по числу войск 30 тыс. с провиантскими запасами на 2–3 месяца и начертать, сообразно выгодам того места предположения ваши разбросанным полевым укреплениям со взаимною обороною» [5].

В архивах сохранились и записки К. Клаузевица (фрагмент о Дрисском лагере): «Хотя система была очевидно, чересчур искусственна, число отдельных укреплений слишком велико, и вся система в целом, казалось, была продумана без достаточного практического смысла, тем не менее оборона этого укрепленного лагеря значительной массой войск, при хорошо известной храбрости русского солдата, позволяла ожидать очень упорного сопротивления...». К. Клаузевиц отмечал также, что «местность перед фронтом позиции на левом берегу реки не отвечала требованиям наступления т.к. лагерь здесь был окружен болотом и лесами, не допускавшими даже обзора сил противника... Русская армия избежала опасности (катастрофы) лишь благодаря чрезмерной неловкости и слабохарактерности Пфуля, которые похоронили его план раньше, чем он успел вызвать катастрофу» [5].

Н.Е. Митаревский в «Воспоминаниях о войне 1812 г.» в главе III описывает свои впечатления от нахождения в лагере при Дриссе [13]. «Под Дриссой стояли мы несколько дней. Получен был приказ послать приемщиков за получением провианта и фуража из запасных магазинов. Ротный командир отрядил меня с требованием. Верстах в двух от нашего лагеря, на правом берегу Двины, были выстроены из досок огромные лабазы. В них помещались сухари, мука, крупа и овес, сено было тут же в огромных скирдах... Послан я был в третий раз... я заключаю, что подрядчиками не было заготовлено следуемого количества и они давали деньги. Когда армия выступила из лагеря при Дриссе, не успев разобрать заготовленного в магазинах, которые потом сожгли, то кроме казны, заплатившей подрядчикам вероятно сполна, потеряли и подрядчики все то, что раздали деньгами. В это же время я ездил и в город Дриссу достать чего-нибудь для офицеров, но уже прежде прибывшими войсками в нем было все закуплено и я ничего не мог достать. Вся армия выступила из Дрисского лагеря по дороге в Полоцк» [6].

Представляет интерес и бюллетень поручика М.Ф. Орлова, служившего при штабе М.В. Барклая де Толли. М.Ф. Орлову приходилось работать с секретными документами в Главной квартире русской армии. Именно генерал-адъютант А.Д. Балашов и поручик М.Ф. Орлов являлись русскими парламентариями, предложившими от имени Александра I Наполеону мирное урегулирование конфликта после перехода французами русской границы без объявления войны. М.Ф. Орлов был приглашен на экстренный военный совет 22 июля 1812 года, поскольку он первым из русских побывал во французской армии и дал «связное и обобщающее представление о состоянии французской армии в целом». Особенно были важны его сведения о продовольственном обеспечении французов [7, с. 416–438].

Н.Н. Муравьев в своих «Записках» писал, что М.Ф. Орлов, вернувшись в Видзы, «привез известие, что французская армия претерпевает нужду, особенно конница» [8]. Об этом же сообщал и А.Н. Муравьев: «Орлов донес, что вся дорога от Вильны до Дриссы покрыта трупами французских кавалерийских лошадей, насчитанных им примерно до 800; таким образом армия Наполеона начала разрушаться от переходов, жары и неимения достаточного продовольствия» [9]. М.Ф. Орлов подробно описал расположение французских войск и проанализировал первоначальный замысел Наполеона, рассчитывавшего дать генеральное сражение под Вильной. «Обманутые в своих надеждах, – писал М.Ф. Орлов, – они составили новый план, который, кажется, исходит из разделения их сил. Этот план состоит в сковывании нашего левого фланга, – с тем, чтобы отрезать нас от центра нашей страны и разбить разделенную на части русскую армию» [7, с. 435–436]. М.Ф. Орлов сумел разгадать стратегический замысел Наполеона, что в дальнейшем и подтвердили военные события. А русское командование пришло к единственно правильному решению – покинуть «дрисскую мышеловку», идти на соединение со 2-й армией и не дать французам разбить русские корпуса поодиночке [10, с. 27].

Весьма интересны и воспоминания П.Х. Граббе, поручика конной артиллерии и адъютанта А.П. Ермолова [11]. М.В. Барклай де Толли, довольный выполнением П.Х. Граббе секретных поручений, взял его к себе в адъютанты, а затем под благовидным предлогом передачи ответа на депешу Наполеона отправил с конвертом к маршалу Бертье. Тайной целью поездки было разведать, «где главная квартира Наполеона, какие силы направляются на Дриссу, в каком положении войска французские, которых стараться увидеть, сколько возможно будет; какие там носят слухи и надежды, и потому стараться не отдавать депеши на аванпостах, а под благовидным предлогом проникнуть, сколько можно, вглубь армии» [12, с. 420–430]. Из этой опасной разведывательной поездки вглубь французского расположения Граббе привез сведения о направлении и составедвигающихся французских сил, о настроении французских офицеров и солдат. Сведения, доставленные поручиком Граббе, сыграли свою роль в решении ведения начальной фазы войны.

«Совокупность полученных сведений достаточно убедила командование, «во-первых, что приготовленные для отражения нашествия на Россию средства далеко не соразмерны с огромными силами, введенными

ми в нее Наполеоном; во-вторых, что отступление 1-й армии в Дриссу, удалявшее ее от 2-й, была важная ошибка, требующая немедленного исправления, тем более что и позиция, избранная и укрепленная на Дриссе, оказалась вовсе не надежной, а главное и бесполезной, потому что не была бы и атакована, а каждый проведенный в ней день удалял бы возможность» соединения 1-й и 2-й армий» [10, с. 28–29].

Интересующему нас событию уделено значительное внимание в «Записках Бенкендорфа», вернее их части, посвященной войне 1812 года [13]. А.Х. Бенкендорф – пишущий по-французски русский немец. Он относился к тем людям, которые пришли служить в Россию из разных стран из «контрреволюционности», и для которых Россия стала святыней. Истинное (французское) наименование мемуаров – *Mémoires du comte Alexandre Benkendorf Général de cavalerie, Aide de Camp Général de S.M.E. l'Empereur de Russie* – дано не самим автором, появилось позднее, но при его жизни и относится к 1830-м гг. Современный российский источниковед Отечественной войны 1812 А.Г. Тартаковский называет это произведение «мемуарно-историческим сочинением». Он относит «Записки» к числу тех документов, что «проливают новый свет на ряд важных аспектов истории 1812 г.». В этих словах ученого даны и четкое типологическое определение, и оценка содержания мемуаров как уникального произведения о давно отгремевших событиях великой эпохи. Особое значение и ценность «Записок Бенкендорфа» определяется кругом проблем, которые они помогают осветить. Одна из главных – стратегический план высшего командования русских армий на начальном этапе войны. В качестве авторов этого плана А.Х. Бенкендорф называет самого царя Александра I, министра двора П.М. Волконского, а также полагает, что в какой-то мере участником разработки плана мог быть брат царя, принц Александр Вюртембергский [13, с. 79].

А.Х. Бенкендорф, говоря о знаменитом плане К.Л. Фуля, оценивает этот план как «классический образец сугубо кабинетной мудрости». «У плана Пфуля был тот же изъян, что и у печально знаменитой диспозиции, приведшей в 1805 году к катастрофе Аустерлица, – несоответствие действительному положению дел и пренебрежение возможными действиями противника».

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа помогают определить роль Дрисского лагеря и в целом плана К.Л. Фуля в той системе действий, что была намечена русским командованием еще до вторжения французов, а также в системе реального осуществления. А.Х. Бенкендорф показывает, что строительство Дрисского лагеря (что стоило немалых средств), соответствующие писанные распоряжения, следование соединенных корпусов Первой армии к лагерю – все это должно было убедить французов в том, что русские действуют «по Пфулю». Работа по дезинформации французов была проделана огромная. Дрисский лагерь был использован для полного сосредоточения вынужденно разбросанных в начале кампании корпусов Первой армии и для выхода на правый берег Западной Двины. Дрисский лагерь полностью оправдал затраты на его строительство. Оставление лагеря было для Наполеона неожиданным [14].

А.И. Попов, изучавший воспоминания французов, пишет следующее: 20 июля Бертье отдал Удино приказ: «Занять укрепленный лагерь в Дриссе вашей третьей дивизией и полностью его разрушить. Проведя эту операцию, вы, господин герцог, образуете обсервационный корпус, чтобы наблюдать за Динабургом, занять Дисну и прикрыть всю операционную линию армии от Дисны до Вильны и не допускать никакого противника на левый берег Двины. Император с нетерпением будет ждать известия, что вы снесли до основания Дрисский лагерь». Вечером того же дня Б.Ю. Маре, герцог Бассано, оставленный в Вильно, сообщил Макдональду, что «противник эвакуировал свой укрепленный лагерь в Дриссе и сжег все свои мосты; кажется, что именно движения к Витебску и Днепру вызвали эту эвакуацию. Его Величество приказал сообщить вам эту новость и поторопить вас направиться к Двине, между Динабургом и Якобштадтом, в соответствии с вашими инструкциями, чтобы перебросить мост через Двину» [15].

Из французских мемуаров важно обратить внимание на двухтомный труд графа Филиппа-Поля де Сегюра «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.» (*L'Histoire de Napoleon et de la Grande Armée pendant L'annee 1812*), опубликованный в 1824 г. Несмотря на то, что книга Сегюра разошлась массовым тиражом, она встретила неоднозначную оценку у современников. Многие из ярких бонапартистов, обожествлявших образ покойного императора, сочли этот труд Сегюра лживым и предательским. Против Сегюра публично выступил барон Гаспар Гурго, ординарец Наполеона в 1812 г. и верный его слуга в изгнании на острове Святой Елены. Гурго боролся за придание образу Наполеона в бурбоновской Франции героического характера. Возмущенный Гурго в 1825 г. издал свою работу «Наполеон и Великая армия в России, или Критический разбор материала г-на графа Ф.-П. де Сегюра». Конфликт между двумя бывшими наполеоновскими генералами зашел так далеко, что дело закончилось дуэлью между ними, к счастью, не имевшей серьезных последствий.

Во время кампании 1812 г. граф Сегюр находится в штабе Великой армии в качестве квартирмейстера и адъютанта Наполеона. Это позволяет ему из первых рук получать самую основную информацию, а также с особенным рвением фиксировать суждения и поступки императора. Он также сообщает, что укрепленный Дрисский лагерь был эвакуирован под Островно. Армия, оставив все позиции укрепления, возводившегося в течение двух лет, начала общее отступление [16, с. 53]. В 2014 году в Москве вышло полное издание книги Ф.-П. Сегюра «История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта», ранее в России оно печаталось со значительными сокращениями.

«Записки маркиза де Пасторе» были изданы в журнале «Русский архив» в 1900 году [17]. Его воспоминания переизданы в 1916 году в «Витебско-Полоцкой старине» [18]. В 2004 году в книге «Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев» опубликован фрагмент его воспоминаний [19].

В книге «Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев», изданной в 3-х частях к 100-летию войны 1812 года в Москве, а также в книге «Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев», изданной в 2004 году, содержится фрагмент воспоминаний «Дрисский лагерь» Рооса Генриха Ульриха, врача вюртембергского 3-го конно-егерского полка. Этот отрывок известен и под названием «Дрисский лагерь глазами французов». «При непрерывном приближении к главным окопам, необычайно высоким и снабженным большим количеством бойниц, у многих, вероятно, сердце забилося удвоенным или утроенным темпом. Чем больше мы подходили, тем тише становились все; не слышно было ни звяканья оружия, ни покашливания; ни одна лошадь не заржала; казалось, что и лошади умеют ходить на цыпочках. В любое мгновение мы ждали громового приветствия из этих окопов и их жерл и тихо подвигались к ним. Вдруг туман, застилавший нам глаза, рассеялся; тишина сменилась шепотом и затем хохотом; за огромными окопами не было ни одной пушки, ни одного солдата. Наверху бродил мужичок, которого раньше приняли за солдата, а посланные патрули скоро принесли известие, что русские на заре покинули свой лагерь и эти окопы. После того, как мы вследствие огромной нужды и затруднительных переходов уже понесли значительные потери людьми и лошадьми, и известие об уходе русских из лагеря под Дриссой подтвердилось. Армия продолжила свое продвижение и уже 22 июля оказалась на Дисне» [20, с. 103].

История с Дрисским лагерем произвела двойное впечатление на командующих и солдат французской армии. Одним отступление позволяло говорить о трусости русских, другие удивлялись беспечности, третьи видели в самом объекте свидетельство мощи противника. Так или иначе, все сводилось к одному: Великая армия продолжала наступать, а русские продолжали уходить вглубь страны, что все более беспокоило рядовых солдат обеих войск».

Изучаемому событию уделено внимание и в воспоминаниях маркиза Армана Огюстена Луи де Коленкура, бригадного генерала Наполеона. Впервые его воспоминания вышли во Франции в 1937–1940 гг. под названием «Мемуары герцога де Винченсе». На русском языке они изданы в 1933 г., затем в 1943, 1994 гг. под названием «Мемуары», в 1991, 2002 и 2004 гг. – под названием «Мемуары: Поход Наполеона в Россию».

Де Коленкур вспоминал: «17 июля 1812 года Наполеон выехал из Вильно, чтобы присоединиться к своей гвардии в Свенцянах. Там император получил донесения Неаполитанского короля, подробно сообщавшего ему о неудаче, постигшей его кавалерию. Одновременно он ему сообщил, что укрепленный Дрисский лагерь был эвакуирован русскими 18 июля и русская армия, оставив все позиции и укрепления, возводившиеся в течение двух лет, начала общее отступление. Багратион был бы отрезан от Баркляя и от южных губерний, если бы он не поторопился начать отступление» [21, с. 53].

Далее де Коленкур писал: «Одновременно было получено сообщение, что император Александр несколько дней тому назад покинул армию, выехал 18 июля из Полоцка и отправился в Москву, чтобы призвать народ к оружию. Решили, что он покинул армию, не желая, чтобы на него падала ответственность за последующие результаты военных действий, так как первые операции были неблагоприятны для русских: они разрезали армию и заставили эвакуировать укрепленный лагерь, который считался в России непобедимой преградой при наличии достаточно многочисленной армии» [21, с. 54]. И далее: «Император был страшно рад, когда узнал об эвакуации Дрисского лагеря, над укреплением которого русские работали в течение двух лет. Отъезд Александра из армии также казался ему успехом. Он с полным основанием приписывал его своим быстрым передвижениям, которые, помешав соединению главных сил русской армии, принудили Александра эвакуировать без боя свой лагерь, чтобы искать в более глубоком тылу тот пункт, где может произойти соединение... Он надеялся своими быстрыми маневрами принудить русскую армию принять сражение, которого он желал, или же деморализовать и изнурить ее непрерывным отступлением без боя» [21, с. 55]. У того же Коленкура читаем: «потерять надежду на большое сражение перед Вильно было для него все равно, что нож в сердце [21, с. 48].

Несомненно, имеются дальнейшие перспективы для исследования темы. Национальная библиотека Беларуси имеет значительную коллекцию рукописей об эпохе Наполеоновских войн на французском языке, в том числе воспоминания, дневники, исторические записки, корреспонденцию. В документах Витебского областного краеведческого музея хранятся: вырезка из газеты «Витебские губернские ведомости» за 1896 год с воспоминаниями де-ла-Флиза, доктора французской интендантской гвардии; отрывок из газеты «Новое время» за 5 (18) мая 1912 года с «Записками генерала графа де Сегюра», распоряжение губернатора графа Шарпантье (на французском языке) [22; 23; 24].

Выводы. В русских мемуарах отражены планы начальных боевых действий, расположение лагеря в Дриссе, его характеристики (как положительные, так и отрицательные), инспектирование лагеря Александром I, оставление лагеря русской армией, причины его оставления. Во французских мемуарах внимание в основном сосредоточено на оставлении лагеря русской армией, прибытии французских войск в этот район. Поскольку практически все выше названные мемуары были написаны после окончания войны, в них события, связанные с Дрисским лагерем, соотнесены с общей стратегией и тактикой действий русских и французских войск. В отличие от французской историко-мемуарной литературы, в русской наблюдается поляризации в

оценке роли Дрисского лагеря в войне от варианта недостаточной подготовки и укрепленности до хорошо продуманной тактики «скифской войны» и выполнения Дрисским укрепленным лагерем своей функции в деле объединения разрозненных войск Первой русской армии.

В память о событиях, связанных с пребыванием русской армии в Дрисском лагере, в 1912 г. к 100-летию Отечественной войны 1812 года в Дриссе поставлен обелиск (ныне Верхнедвинск Витебской области Беларуси, сквер на ул. Советской) [25, с. 159].

ЛИТЕРАТУРА

1. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. / сост. А.М. Васютинский, А.К. Живелегов, С.П. Мельгунов. – М. : Гос. публичная ист. б-ка России, 2012. – Ч. 1–2. – 736 с.
2. Тихановецкий, В.П. Военные действия в 1812 году на территории Витебской губернии / В.П. Тихановецкий // Витебские губернские ведомости. – 1891. – 26 окт.
3. Добровольский, В.К. Витебская губерния в Отечественную войну / В.К. Добровольский. – Витебск : изд-во Витебского реального училища, типогр. им. П.Подземского, 1912. – 21 с.
4. Клаузевиц, К. 1812 / К. Клаузевиц. – М. : Захаров, 2004. – 256 с.
5. Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации. 2006–2016 [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Дата доступа: 10.04.2016.
6. Митаревский, Н.Е. Воспоминания о войне 1812 г. / Н.Е. Митаревский. – М. : типогр. А.И. Мамонтова и К^о, 1871. – С. 1.
7. Тартаковский, А.Г. Бюллетень М.Ф. Орлова о поездке во французскую армию во время войны 1812 года / А.Г. Тартаковский // Археографический ежегодник. – 1961. – С. 416–438.
8. Муравьев, Н.Н. Записки / Н.Н. Муравьев // Русский архив. – 1885. – № 9. – С. 77–78.
9. Муравьев, А.Н. Автобиографические записки / А.Н. Муравьев // Декабристы. Новые материалы. – М. : [б.и.], 1955. – С. 177.
10. Павлова, Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. / Л.Я. Павлова. – М. : Наука. – 1979. – 129 с.
11. Глазырин, Е.В. События русско-французской войны на Полотчине во французской историко-мемуарной литературе [Электронный ресурс] / Е.В. Глазырин, Т.Н. Глазырина. – Полоцк. – 2012.
12. Граббе, П.Х. Из памятных записок / П.Х. Граббе // Русский архив. – 1873. – № 1. – С. 809–817.
13. Записки Бенкендорфа / 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников : материалы Военного-учетного архива Главного штаба / сост.: генерал-майор В.И. Харкевич. – Вильно. – 1903. – Вып. II. – С. 53–138.
14. Грюнберг, Н.П. История 1812 года и «Записки Бенкендорфа» [Электронный ресурс] / Н.П. Грюнберг // Российский мемуарий.
15. Попов, А.И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле-августе 1812 г.) / А.И. Попов, Ежов А.Н. – М. : ООО «Книга». – 2010. – 120 с.
16. Сегюр, Ф.-П. История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта / Ф.-П. Сегюр. – М. : Изд-во «Захаров», 2014. – 488 с.
17. Пасторе, А.Д. Записки маркиза Пасторе о 1812 / А.Д. Пасторе ; пер. с франц., примеч. П. Бартенева // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. Вып. 12. – С. 481–548.
18. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г., извлеченные из Витебского губернского архива / Полоцко-Витебская старина. – Витебск : издание Витебской учен. архивн. комиссии, 1916. – Вып. 3. – С. 242–306.
19. Ерофеев, В. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев : в 2 кн. / В. Ерофеев. – М. : Изд-во «Захаров», 2004. – 560 с.
20. Роос, Г. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии / Г. Роос ; пер. с нем., под ред. И.Н. Бородулина. – М. : Книгоиздательство Сфинкс, 1912. – 334 с.
21. Коленкур, А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию : пер. с франц./ А. Коленкур. – М. : Госполитиздат, 1943. – 375 с.
22. Вырезка из газеты «Витебские губернские ведомости» за 1896 год с воспоминаниями де-ла-Флиза, доктора франц. интендантской гвардии // Витебский областной краеведческий музей (далее – ВОКМ). – КП 7265/3.
23. Отрывок из газеты «Новое время» за 5 (18) мая 1912 года с «Записками генерала графа де Сегюра» // ВОКМ. – КП 7265/4.
24. Распоряжение губернатора графа Шарпантье (на французском языке) // ВОКМ. – КП 7265/1.
25. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1985. – 496 с.

Поступила 06.05.2016

RUSSIAN AND FRENCH MEMOIRS ON DRISSA CAMP IN VITEBSK PROVINCE DURING THE WAR OF 1812

T. IVANOVA

The article shows a reflection in Russian and French memoirs information about the fortified camp at Drissa, represented the polarization of views about the role of Drissa camp in the military strategy of the initial stage of the Russian-French war of 1812.

Keywords: *Russian and French memoirs on the war of 1812, fortified camp at Drissa, role of Drissa camp in the war of 1812.*

УДК 930(476):94:322:27(476)«192/193»

**СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ХРИСТИАНСКИМ КОНФЕССИЯМ
В БССР В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА***канд. ист. наук, доц. С.Ф. ВЕРЕМЕЕВ**(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)*

Рассматриваются основные направления исследований политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР в 20–30-е годы XX в. в современной белорусской историографии. Охарактеризованы условия развития историографии данной темы и причины, способствовавшие ее изучению на современном этапе. Проанализированы научные достижения церковных исследователей. Выделяются аспекты, которые разрабатывались белорусскими светскими и церковными историками при изучении политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР. Делается вывод о том, что к настоящему времени в наибольшей степени изучена политика советских властей по отношению к Православной и Римско-Католической церквям на территории БССР.

Ключевые слова: *христианские конфессии, белорусская историография, советская власть, Православная церковь, Римско-Католическая церковь, протестантские общины.*

Введение. Одним из самых сложных и трагических периодов в истории христианства в Беларуси являются 20-30-е годы XX в. Православная церковь, которая являлась в Российской империи «первенствующей и господствующей», подверглась небывалому ранее прессингу со стороны пришедших к власти большевиков. Преследования и гонения со стороны властей испытали на себе и представители других христианских конфессий. Соответственно, изучение конфессиональной политики тех лет, опыта церковно-государственных отношений представляет большое научное и практическое значение.

Основная часть. В белорусской советской историографии указанные темы не получили должного освещения. Ситуация коренным образом изменилась в постсоветский период. Демократизация белорусской исторической науки способствовала началу изучения тех аспектов прошлого, которые ранее оставались без внимания со стороны историков. За прошедшие более чем два десятилетия было издано значительное количество работ по истории христианства в Беларуси, что в первую очередь связано с введением в научный оборот недоступных ранее исследователям архивных документов. «Архивная революция» 90-х гг. в России также способствовала расширению возможностей для поиска, выявления и изучения соответствующих источников в российских архивах. Изучение истории христианских конфессий стимулировалось и общественным интересом. В условиях возрождения религиозной жизни в Республике Беларусь, увеличения числа верующих многие хотели получить достоверную информацию о том, какая же в действительности проводилась политика по отношению к церкви и верующим в советское время, какие цели преследовали власти, какие методы и средства использовали для достижения поставленных целей.

На современном этапе в Беларуси сформировалась генерация профессиональных историков, специализирующихся в области конфессиональной проблематики, регулярным стало проведение международных научных конференций, посвященных различным аспектам истории христианства. Одной из первых среди белорусских исследователей, кто в начале 90-х гг. XX в. обратился к изучению политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР, была Т.С. Протько. В своих публикациях она основное внимание сосредоточила на рассмотрении политики властей по отношению к Православной церкви [1–3]. По мнению Т.С. Протько, к середине 20-х гг. XX в. Православная церковь утратила экономическую самостоятельность, а уже в 1929 г. она перестала существовать как общественно-политическая организация [2]. Вместе с тем Т.С. Протько отмечает, что «в борьбе с государством-монолитом, потрясшим мир своим могуществом, церковь выстояла». Последствия антицерковной борьбы она оценила как «трагические». Результатом этой борьбы стала «ущербная духовность» и «бытовое разложение» населения, рост преступности, оторванность церкви от процессов возрождения и становления национальной культуры белорусов [3, с. 309]. В исследованиях Т.С. Протько затрагивалась также и политика советской власти по отношению к католикам в БССР. Было отмечено, что в тот период имели место гонения на Римско-католическую церковь, а католическим священнослужителям предъявлялись фальсифицированные обвинения [3, с. 296].

В 1998 г. в Минске был издан первый в белорусской историографии обобщающий труд по конфессиональной истории – «Канфесіі на Беларусі». Большая его часть посвящена именно христианским конфессиям. В одной из глав этого труда анализируется политика советской власти по отношению к православным, католикам и протестантам в БССР в 20–30-е гг. XX в. [4, с. 155–179]. Автор соответствующей главы, белорусский историк В.И. Новицкий рассмотрел основные мероприятия, проводимые властями

в тот период: кампании по вскрытию мощей святых, изъятию церковных ценностей 1922 г., осуществление антирелигиозной пропаганды и деятельность Союза воинствующих безбожников, репрессии в отношении духовенства и верующих, закрытие и разрушение храмов. Кампания по изъятию церковных ценностей, как считает ученый, была направлена на подрыв экономики церкви и, соответственно, улучшение финансового положения советской власти [4, с. 159]. Деятельность Союза воинствующих безбожников В.И. Новицкий оценил как неэффективную. Итогом антирелигиозной политики государственных органов, по его мнению, стало насильственное закрытие всех церквей и молитвенных домов на территории БССР в конце 30-х гг. XX в. [4, с. 176].

Изучение политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР значительно активизировалось в белорусской историографии в начале XXI в. В этот период появляется ряд диссертаций, монографий, научных статей, непосредственно посвященных указанной проблематике. В научный оборот был введен значительный фактический материал.

В 2000 г. в Беларуси началось издание коллективного обобщающего труда «Гісторыя Беларусі» в шести томах, в котором представлен наиболее полный обзор белорусской истории. В 5-м томе, изданном в Минске в 2006 г. (автор соответствующих параграфов – В.И. Новицкий), охарактеризованы основные мероприятия, осуществляемые властями БССР в конфессиональной сфере в 20–30-е гг. [5]. На страницах данного труда были не только аккумулярованы соответствующие научные данные, известные на тот момент, но и введены в научный оборот новые факты, например, связанные со вскрытием мощей католического святого Андрея Боболи, которые тогда находились в Полоцке [5, с. 251–252].

Политика советских властей по отношению к Православной церкви в БССР рассматривалась в исследованиях И.И. Янушевича [6–11; 13]. Историк выделил следующие направления данной политики в период 1917–1927-е гг. XX в.: идеологическое, экономическое, вмешательство во внутрицерковные дела [6, с. 14]. По его мнению, именно РПЦ являлась «главным политическим противником» советских властей [7, с. 72]. И.И. Янушевич уделил значительное внимание в своих работах рассмотрению советских антирелигиозных мероприятий в 20-е гг. XX в., в том числе и анализу деятельности Союза Воинствующих Безбожников в БССР [8]. Приводимые им факты свидетельствуют о наличии в сфере антирелигиозной пропаганды существенных недостатков в тот период. По мнению историка, антирелигиозная работа не носила системного характера и единообразия, была тесно связана с внутривластной ситуацией в стране. Успеху «безбожников» в БССР препятствовало «духовенство, стремящееся честно исполнять свой пастырский долг» [8, с. 62]. Неэффективными были названы и мероприятия властей по подрыву церковной экономики: «абсолютное большинство приходов выживало даже в условиях жесткого административного давления» [6, с. 4]. И.И. Янушевич отмечает, что в конце 20-х гг. XX в. власти оказались перед дилеммой: нормализовать церковно-государственные отношения либо еще более ужесточить политику по отношению к Православной церкви. На его взгляд, выбор второго варианта был предопределен всей предшествующей спецификой церковно-государственных отношений [6, с. 16]. Кардинальное изменение государственной политики в отношении всех религиозных организаций на территории СССР он связывает с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», жестко регламентирующем их деятельность [8, с. 67].

В ряде работ И.И. Янушевича рассматривается и период 30-х гг. XX в. в истории христианских конфессий, политика государства по отношению к ним [8–11]. Историк отмечает, что к 1941 г. власти добились существенных результатов в борьбе с православием в БССР: была разрушена структура организации и управления церковью, возросла численность атеистов в республике. Это, по его мнению, «создало почву для нового и возможно, победоносного наступления на церковь» [11, с. 34]. Следует отметить, что в своих исследованиях И.И. Янушевич широко использовал труды российских историков постсоветского времени, что позволило раскрыть особенности реализации политики по отношению к Православной церкви на фоне антирелигиозной политики в рамках всего Советского государства.

Общепризнанным в белорусской исторической науке является факт поддержки со стороны властей обновленческого движения. В. Новицкий, основываясь на рассекреченных материалах из архивов КГБ РБ, описал в своих исследованиях роль ОГПУ в становлении и развитии обновленческого раскола внутри Православной церкви на территории БССР [12]. И.И. Янушевич назвал обновленчество «проектом развала» РПЦ, а его появление объяснил стремлением властей разложить православную церковь изнутри, «усмирить, уgomонить верующих» при помощи лояльного духовенства [13, с. 55].

Белорусский историк А.Д. Лебедев исследовал политику советской власти по отношению к Римско-католической церкви в 20-е гг. XX в. [14–17]. В основу его работ положено изучение большого количества документов партийных и советских органов власти тех лет, зачастую впервые вводимых в научный оборот. Это придает указанным работам дополнительную научную ценность.

А.Д. Лебедев пришел к выводу, что в течение 1919–1929 гг. политика по отношению к РКЦ (Римско-католическая церковь – *С.В.*) «претерпела значительную эволюцию» и в ней можно выделить три этапа: 1919–1923 гг.; 1923–1927 гг.; 1927–1929 гг. Изменения в данной политике историк связывает с

важнейшими событиями тех лет: военным коммунизмом, НЭПом, формированием административно-командной системы в стране [14, с. 4, 16]. А.Д. Лебедев проанализировал влияние международного фактора на политику советских властей по отношению к Римско-католической церкви на территории БССР в 1920-е гг. Как отмечает историк, «протесты со стороны мирового сообщества в лице Ватикана, Польши и других государств» вынуждали власти в ряде случаев идти на уступки и корректировать свой курс по отношению к католической церкви. По его мнению, тайный визит в СССР папского легата М. д'Эрбиньи спровоцировал усиление репрессий в отношении католического духовенства [15, с. 33, 40]. В его работах подробно рассматриваются мероприятия властей по ограничению влияния Римско-Католической церкви в БССР: административный контроль, репрессивная политика, атеистическая работа, наблюдение и сбор информации [15]. А. Д. Лебедев описал процесс проведения кампании по изъятию ценностей из католических храмов в БССР в 1922 г. [15, с. 41–47; 16]. По его мнению, именно Римско-католическая церковь показала себя в данном вопросе, как самая нелояльная к властям. Как считает историк, одной из причин этого являлась «давняя традиция частной собственности и уважение к этому институту в связи с западноевропейским происхождением РКЦ» [15, с. 47].

А. Д. Лебедев впервые в белорусской историографии специально исследовал деятельность Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) по отношению к католическим верующим в БССР. Он пришел к выводу о «невысокой результативности» антирелигиозных мероприятий и отсутствии «массовой атеизации» [15, с. 65–66; 17]. Неэффективность усилий СВБ объясняется, на его взгляд, высоким уровнем религиозности населения, а также формальным отношением работников данной организации к своим обязанностям. Вместе с тем историк признает, что архивные документы содержат сведения и об определенном падении религиозных настроений среди молодежи [15, с. 82, 88].

В работах А. Д. Лебедева поднимается проблема репрессий властей в отношении католиков в БССР (аресты священнослужителей и рядовых верующих, правовые ограничения) [15, с. 52]. Историк отмечает, что с 1927 г. в республике наблюдалась активизация репрессий против католического духовенства и усиление атеистической пропаганды [14, с. 16]. Было проанализировано правовое положение Римско-католической церкви в БССР в 20-е гг. XX в. По мнению А.Д. Лебедева, советское законодательство носило универсальный, общий для всех конфессий характер и «было направлено на вытеснение институтов РКЦ из привычных сфер культурной, общественной и экономической жизни, на правовую дискриминацию духовенства, на установление контроля и регламентацию деятельности религиозных объединений» [15, с. 26].

В конечном итоге А. Д. Лебедев пришел к выводу, что в 20-е гг. XX в. «властям не удалось ни ликвидировать РКЦ, ни поставить ее под свой контроль», но ее влияние в обществе в тот период было ослаблено, а в конце 1930-х гг. ее институты в БССР были ликвидированы [14, с. 18].

Политический курс властей БССР в отношении протестантских общин в разной степени анализировался в работах В.И. Новицкого, И.И. Янушевича, Т.В. Опиок [4; 5; 8; 18]. Историки сходятся во мнении, что 1926 г. стал поворотным во взаимоотношениях властей и протестантов в республике, связывая это с принятием постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О положении сектантства в СССР – его политической и экономической роли», которое ставило задачу полной ликвидации протестантских организаций на территории Советского Союза [4, с. 195–196; 8, с. 121]. До этого времени, как пишет И.И. Янушевич, протестанты являлись «тактическим союзником» большевиков [8, с. 117]. Результатом политики советской власти по отношению к протестантам в белорусской историографии считается ликвидация их официальных структур на территории БССР. Как отмечает Т.В. Опиок, в конце 1920-х гг. протестанты были вынуждены перейти на нелегальное положение, в 1937 г. были закрыты все молитвенные дома евангельских христиан и баптистов, а большинство пресвитеров репрессировано [18, с. 47–48].

Необходимо отметить, что несмотря на наличие в белорусской историографии ряда исследований по истории протестантизма политика советской власти в отношении протестантских общин в 20–30-е гг. XX в. изучена пока еще недостаточно. Так, к настоящему времени по-прежнему нет диссертаций и специальных исследований, посвященных данному вопросу, а существующая научная литература позволяет составить о нем лишь общее представление. Отсутствуют и отдельные работы, в которых бы анализировалась политика властей по отношению к старообрядческим общинам на всей территории республики.

Н.В. Довгяло впервые в белорусской историографии предприняла попытку комплексно исследовать конфессиональную политику советской власти в БССР в 20–30-е гг. XX в. В 2016 г. она защитила кандидатскую диссертацию по данной теме. Н.В. Довгяло выделила два направления советской конфессиональной политики: административно-контрольное и репрессивно-ограничительное. Административно-контрольное направление включало учет религиозных объединений, контроль за их деятельностью, меры экономического воздействия. По мнению Н.В. Довгяло, «самой эффективной мерой экономического воздействия» со стороны властей по отношению к религиозным организациям в тот период являлось «налогообложение» [19, с. 13]. К репрессивно-ограничительным мерам властей историк относит ограни-

чение гражданских и избирательных прав служителей культа, ограничение свободы или физическое уничтожение представителей духовенства и наиболее активных верующих; конфискацию церковных ценностей, национализацию культовых зданий. Были выделены 4 периода активизации репрессий против духовенства и верующих: 1922 г., 1926–1927 гг., 1928–1933 гг., 1937–1938 гг. [19, с. 15–16]. В одном из разделов своего диссертационного исследования она рассмотрела также формы сопротивления духовенства и верующих конфессиональной политике государства. Анализируя советское законодательство о культах, Н.В. Довгяло отмечает, что данное законодательство не предполагало прямого гонения на религию и церковь, однако сущность декретов и постановлений определялась методами их реализации [19, с. 15].

Наряду с изучением политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в целом научную разработку получили и отдельные ее аспекты. В белорусской историографии достаточно подробно исследованы особенности проведения кампании по изъятию культовых ценностей в БССР в 1922 г. [20]. Отдельные работы белорусских ученых посвящены анализу антирелигиозных мероприятий властей и их значения. Так, академик М.П. Костюк отмечает, что они были тесно связаны с характером большевистской власти, ее эволюцией по пути к административно-командному, авторитарному правлению, отличались активностью, наступательным характером, бескомпромиссностью и оказали отрицательное воздействие на духовную жизнь населения [21, с. 77].

В постсоветский период в белорусской исторической науке активизируется исследование истории национальных меньшинств в БССР (работы В.В. Тугая, В.Н. Жука, И.А. Пушкина, В.П. Пичукова) [22]. В указанных работах были рассмотрены значение и условия функционирования католических религиозных обществ, особенности проведения антирелигиозной политики по отношению к католикам, протестантам. Историки сходятся во мнении, что у представителей национальных меньшинств, несмотря на все усилия властей, сохранялся высокий уровень религиозности.

Начиная с 90-х гг. XX в. в Беларуси возрождается традиция церковной историографии, которая была прервана в 20-е гг. XX в. [23]. Церковные историки обратились к изучению прошлого, используя открывшиеся для этого благоприятные возможности. Анализ содержания их работ показывает, что в них доминирует тема репрессий советской власти по отношению к Православной церкви [24]. Заслугой церковных историков является установление имен многих репрессированных, воссоздание обстоятельств их жизненного пути. В основу соответствующих исследований положены рассекреченные материалы из архивов КГБ РБ.

Большой интерес у белорусских исследователей как светских, так и церковных, вызывает история христианских конфессий в пределах отдельного региона, о чем свидетельствует наличие в историографии большого числа публикаций по этому направлению [25]. Тем самым в научный оборот был введен значительный фактический материал, показывающий реализацию официальных мероприятий властей по отношению к христианским конфессиям на микроуровне.

Заключение. В современной белорусской историографии динамично развиваются исследования политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР в 20–30-е гг. В большей степени изучена политика государства по отношению к Православной и Римско-католической церквям, в меньшей – к протестантским общинам, старообрядцам. Круг вопросов, разрабатываемых белорусскими историками, включает кампании по вскрытию мощей святых и изъятию церковных ценностей в 1922 г., антирелигиозную пропаганду и ее итоги, деятельность Союза воинствующих безбожников, обновленческое движение, репрессии по отношению к служителям культа и верующим, эволюцию конфессиональной политики государства. Свой вклад в изучение истории христианства вносят и церковные историки, усилия которых преимущественно концентрируются на изучении репрессий со стороны властей в отношении духовенства и верующих в 20–30-е гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протько, Т.С. Репрессированная вера / Т.С. Протько // Советская Белоруссия. – 1992. – 14 авг. – С. 3
2. Процька, Т.С. Адносіны савецкай дзяржавы да Царквы (1917–1941 гг.) / Т.С. Процька // Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і Праваслаўнай царквы на Беларусі, Мінск, 25 верас. 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 58–59.
3. Протько, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протько. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
4. Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. / У.І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – С. 155–234.
5. Навіцкі, У. Барацьба з рэлігіяй / У.І. Навіцкі // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – С. 249–260; Навіцкі У. Разгром рэлігійных арганізацый /

У.І. Навіцкі // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – С. 328–335.

6. Янушевіч, І.І. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви 1917–1927 гг.: на материалах Беларуси : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Янушевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, БГУ, 2001. – 20 с.

7. Янушевіч, І.І. Змена становішча канфесій у Беларусі (1917–1929 гг.) / І.І. Янушевіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2006. – № 2. – С. 72–81.

8. Янушевіч, І.І. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории, 1917–1928 гг. / И.И. Янушевич. – Минск : БГУ, 2005. – 143 с.

9. Янушевіч, І.І. Православная церковь в БССР (1924 – 1953 гг.) / И.И. Янушевич, А.Л. Ленкевич // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць : зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., 7–8 кастр. 2004 г. / рэдкал.: У.П. Люкевіч, П.П. Крусь, Я.У. Скакун. – Брэст, 2005. – С. 278–281.

10. Янушевіч, І.І. Основные направления деятельности партийно-государственных структур по отношению к Православной церкви в Беларуси (1917–1941 гг.) / И.И. Янушевич // Известия Гомел. гос. ун-та. – Гомель. – 2011. – № 5. – С. 150–156.

11. Янушевіч, І.І. Взаимоотношения государства и Православной церкви в Беларуси: периодизация и содержание (1917–2004 гг.) / И.И. Янушевич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2006. – № 4. – С. 32–39.

12. Навіцкі, У.І. Фактар АДПУ ў ажыццяўленні расколу Рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (20-я гг. XX ст.) / У.І. Навіцкі // Православие в духовной жизни Беларуси : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апр. 2007 г. / редкол.: М.Э. Чесновский, А.А. Горбачкий, А.Н. Вабищевич. – Брест, 2008. – С. 51–57.

13. Янушевіч, І.І. Характер и причины форсированного решения «церковного вопроса» партийно-государственными структурами в 1917–1924 годы / И.И. Янушевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – Полоцк. – 2010. – № 7. – С. 49–55.

14. Лебедев, А.Д. Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919–1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Д. Лебедев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 26 с.

15. Лебедев, А.Д. Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919–1929 гг.) / А. Д. Лебедев. – Минск : РИВШ, 2013. – 196 с.

16. Лебедев, А.Д. Конфискация церковных ценностей в католических костелах БССР (1922 г.) / А. Д. Лебедев // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : зб. навук. арт. : у 2 ч. / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2009. – Ч. 1. – С. 152–161.

17. Лебедев, А.Д. Антикатолическая деятельность Союза безбожников в БССР (1920-е гг.) / А. Д. Лебедев // Хрысціянства ў гістарычным лесе беларускага народа : зб. навук. арт. / рэдкал.: С.В. Марозава, Э.С. Ярмусік, С.У. Сілава. – Гродна, Гродзен. дзярж. ун-т, 2008. – С. 133–136.

18. Апіок, Т.У. Хрысціянскія канфесіі на Беларусі ад старажытнасці да нашага часу / Т.У. Апіок. – Магілёў : Выд-ва МДУ, 2000. – 72 с.

19. Довгяло, Н.В. Конфессиональная политика в Белорусской ССР в 1921–1939 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.В. Довгяло. – Минск, 2016. – 24 с.

20. Врублевский, А. Государство и церковь в Белоруссии в межвоенный период (1917–1941) [Электронный ресурс] / А. Врублевский // Репрессивная политика советской власти в Беларуси. – 2007. – Вып. 1. – Режим доступа : <http://lib.psunbrb.by/bitstream/112/7890/1/3.pdf>. – Дата доступа : 22.01.2011.

21. Касцюк, М.П. Узаемаадносіны савецкай улады і праваслаўя і іх уплыў на духоўнае жыццё Беларусі (1917–1941 гг.) / М.П. Касцюк // Православие в духовной жизни Беларуси : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Брест, 25–26 апр. 2007 г. / редкол.: М.Э. Чесновский, А.А. Горбачкий, А.Н. Вабищевич. – Брест, Брест. гос. ун-т, 2008. – С. 75–81.

22. Тугай, У. Польскія нацыянальныя саветы на Беларусі (20–30-я гг. XX ст.) / У. Тугай // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў : матэрыялы беларус.-пол. навук. канф., Минск, 20–21 лістап. 2000 г. / рэдкал.: У. Міхнюк, П. Гарнцарэк (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск ; Warszawa, 2001. – С. 184–189.; Жук, В.Н. Польское национальное меньшинство в БССР (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Н. Жук ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск, 2009. – 24 с.; Пушкін, І. А. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці. 20-я гады XX ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / І. А. Пушкін ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2002. – 20 с.; Пичуков, В. Религия в жизни немцев белорусского Восточного Полесья в межвоенный период: люди и власть / В. Пичуков // Диаспоры. – 2010. – № 2. – С. 38–65.

23. Синодик за веру и церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918–1951 годы) / сост. Ф. Кривонос. – Киев : Свято-Троиц. церковь, 1996. – 98 с.; Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет: неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Ф. Кривонос. – Минск : Мин. ф-ка цв. печ., 2007. – 240 с.; Шиленок, Д. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922–1939): «Обновленческий» раскол в Белоруссии / Д. Шиленок. – М. : Крутиц. патриаршее подворье : О-во любителей церков. истории, 2006. – 216 с.

24. Веремеев, С.Ф. История христианских конфессий Беларуси 1917–1941 годов в освещении церковной историографии / С.Ф. Веремеев // Христианство и общество : к 1700-летию Миланского эдикта : материалы Междунар. науч. конф., 17 мая 2013 г., Барановичи / редкол.: А. В. Никишова (гл.ред.), А. В. Демидович (отв. ред.) [и др.]. – Барановичи, 2013. – С. 114–116.

25. Пишуленок, М. В. Православная церковь на Витебщине в 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам государственного архива Витебской области) / М.В. Пишуленок // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 1996. – № 1. –

С. 12–16; Веремеев, С.Ф. Из истории религиозной жизни на Туровщине в 20-30-е гг. XX в. / С.Ф. Веремеев // Историческое наследие города Турова : матер. науч.-практ. конф. – Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С.120–123; Веремеев, С.Ф. Протестанты на Ветковщине в 20-е годы XX века / С.Ф. Веремеев // Юбилейная научн.-практ. конф., посвящ. 85-летию Гомельского гос.ун-та им. Ф.Скорины, Гомель, 17 июня 2015 г. : материалы : в 4 ч. / редкол.: О.М. Демиденко (гл.ред.) [и др.]. – Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – Ч. 3. – С. 97–100.

Поступила 15.12.2016

MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY POLICY OF THE SOVIET AUTHORITIES TOWARDS THE CHRISTIAN CONFESSIONS IN BSSR IN 20-30-s XX CENTURY

S. VEREMEEV

The main directions in relation to the Christian confessions in BSSR research policy of the Soviet power in the 20-30-ies twentieth century in modern Belarusian historiography. The conditions of development of a historiography of this subject and the reason promoting her studying at the present stage are characterized. Scientific achievements of church researchers are analysed. The author marks out those aspects which were developed by the Belarusian secular and church historians when studying policy of the soviet power in relation to Christian confessions in BSSR. The conclusion that the policy of the soviet authorities in relation to Orthodox and Roman Catholic churches in the territory of BSSR is so far most studied is drawn.

Keywords: *christian denominations, the Belarusian historiography, the soviet power, the Orthodox church, the Roman Catholic Church, the protestant community.*

УДК 94(47+57)"1917/1991"

**ОТ НОВО-ОГАРЁВО ДО ВИСКУЛЕЙ:
НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР ИНТЕГРАЦИОННОГО ФОРМАТА¹**канд. ист. наук **Д.В. ЮРЧАК***(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

Рассматривается вопрос заключения нового союзного договора в условиях нарастания дезинтеграционных тенденций в Советском Союзе в 1991 году, а также попытки союзного центра сохранить СССР в новом формате, что проявилось в проведении общесоюзного референдума о сохранении Советского Союза в марте 1991 г., начале переговоров по подготовке нового соглашения в Ново-Огарёво. Обращается внимание на форсирование со стороны президента СССР М.С. Горбачёва завершения переговорного процесса, который был прерван в результате августовского путча. Отмечается, что последний усилил дезинтеграционные тенденции, что особенно проявилось в радикализации позиции руководства России относительно формата нового договора и решении Украины провести референдум о независимости.

Ключевые слова: Советский Союз, Содружество Независимых Государств, Вискули, ново-огарёвский процесс.

Введение. Сегодня мы все дальше удаляемся от того периода, когда ранее могущественное государство – Союз Советских Социалистических Республик – прекратил свое существование. Для многих события 1991 года воспринимаются как трагедия, а все обвинения в развале страны чаще всего направлены на участников Беловежских соглашений. Вместе с тем изучение причин произошедшего позволяет увидеть различные факторы, ускорившие дезинтеграционные процессы в СССР, которые проявляли себя на протяжении нескольких лет. Их логическим завершением стал выход отдельных республик из состава СССР и подписание Соглашения об образовании СНГ.

Дезинтеграционные процессы, охватившие Советский Союз в 1990 году, и так называемый «парад суверенитетов» привели к тому, что в 1991 году на повестке дня главным стал вопрос сохранения СССР. Однако в прежнем формате он уже не устраивал многих, поэтому велась речь о «переформатировании» Союза. И ключевую роль в этом отыгрывали республики, с которыми приходилось считать союзному центру. Президент СССР М.С. Горбачёв пытался маневрировать между позициями национальных республик и кремлевской элиты в поисках компромисса, что нашло отражение в ново-огарёвском процессе. Но и этот путь в условиях 1991 года не дал результатов, что подтолкнуло руководство РСФСР, УССР и иных республик к решительным действиям. Данная тема на сегодняшний день является весьма актуальной, так как до сих пор не утихают споры о том, что же произошло в Советском Союзе в 1991 году.

Вопрос распада СССР и создания СНГ довольно детально изучен в современной историографии. Об этом могут свидетельствовать работы В.В. Алексеева [1], А.С. Барсенкова [2], Дж. Боффа [3], Р.А. Медведева [4], В.А. Печенева [5], З.А. Станкевича [6], С.В. Четко [7], Р.А. Ялышева [8] и др. исследователей.

Основная часть. Принято считать, что ведущая роль в дезинтеграционных процессах сыграли республики Прибалтики. Однако не стоит преуменьшать роль других центров. В частности, таких ключевых субъектов советской федерации, как Россия и Украина. Если руководство первой стремилось к большей самостоятельности, то российский лидер Б.Н. Ельцин был больше всех недоволен тем, что ему приходилось делить свою власть в Москве с союзным руководством. Это только усиливало дезинтеграционные тенденции в стране. Как отмечал Дж. Боффа: «Без России движение за развал Союза было бы делом меньшинства, с Россией оно становилось доминирующим» [3, с. 231].

Однако и в Москве, и в республиках были силы, стремящиеся противостоять этим тенденциям. Так В.В. Алексеев отмечает, что «нельзя отрицать того обстоятельства, что и М.С. Горбачёв, и Политбюро ЦК КПСС, и союзный парламент, и иные политические деятели не пытались сохранить целостность СССР. Даже во фрондирующих республиках Прибалтики имелись лидеры, готовые вести конструктивный диалог с центром. В конечном итоге был выбран путь, предлагаемый прибалтами, т.е. обновление СССР посредством перезаключения Союзного договора с предоставлением республикам самых широких полномочий. Другое дело, что, согласившись с этим, М.С. Горбачёв на заседании Политбюро 2 марта 1990 г. делал акцент на то, что Союз должен сохраниться в федеративной форме» [1, с. 20].

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук, проф. А.А. Коваленя), подпрограммы 13.1 «История и культура» (науч. рук. – канд. ист. наук, доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04 «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – канд. ист. наук, доц. А.П. Косов).

С целью легитимировать свои действия по сохранению Советского Союза М.С. Горбачёв пошел на проведение общесоюзного референдума, на который был вынесен один вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Этот референдум прошел 17 марта 1991 г. В нем приняли участие 80% граждан, обладавших правом голоса. Из них 76,4% ответили «да» на вопрос референдума о сохранении Союза, 21,7% дали отрицательный ответ. Однако провести референдум удалось лишь в девяти республиках, так как Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония отказались от его проведения.

Свои особенности имело проведение референдума в Украине. Вместе с общесоюзным референдумом о будущем Советского Союза в УССР на всенародное голосование выносился дополнительный вопрос: «Согласны ли вы с тем, что Украина может быть в составе Союза Советских Суверенных Государств на принципах Декларации о государственном суверенитете Украины?». Положительно на этот вопрос ответили 80,2 % граждан, принявших участие в голосовании (в то время как за сохранение СССР проголосовали 70,2 %) [9, с. 273]. Тем самым, в отличие от тех республик, которые отказались от проведения плебисцита о сохранении СССР и провели собственные референдумы либо «опросы населения» о независимости, украинское руководство сумело вынести на референдум практически два противоречащих друг другу вопроса и получить на оба положительные ответы, что в дальнейшем давало возможность для манипулирования результатами референдума. Позиция руководства РСФСР, вынесшего на республиканский референдум вопрос о введении поста президента республики, на наш взгляд, была близка к украинской, но более сдержанной.

23 апреля 1991 г. представлявший СССР М.С. Горбачёв и руководители 9 (председатель Верховного Совета РСФСР, главы правительств БССР и УССР, президенты Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) подписали «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». В нем говорилось: «Участники встречи считают, что непереносимым условием стабилизации обстановки в стране является принятие решительных мер по восстановлению повсеместно конституционного порядка, неукоснительному соблюдению действующих законов впредь до принятия нового Союзного договора и Конституции Союза. Из этого должны исходить в своей деятельности союзные и республиканские органы власти, местные советы и исполнительные комитеты, должностные лица всех организаций и предприятий, граждане. Первоочередной задачей для преодоления кризиса является заключение нового договора суверенных государств с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума. В этой связи участники встречи считают необходимым завершить в ближайшее время работу над проектом нового Союзного договора с тем, чтобы согласованный документ можно было подписать делегациями названных республик; – не позднее шести месяцев после подписания договора подготовить и принять на Съезде народных депутатов СССР новую Конституцию Союза, в основе которой должны быть положения договора о Союзе суверенных государств; после принятия новой Конституции подготовить и провести выборы органов власти Союза, предусмотренных договором и Конституцией; в течение всего переходного периода должна обеспечиваться нормальная деятельность органов власти Союза и республик, Советов народных депутатов всех ступеней; высшие руководители союзных республик, участвующие во встрече, признавая право Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Грузии и Армении самостоятельно решать вопрос о присоединении к Союзному договору, вместе с тем считают необходимым установление режима наибольшего благоприятствования для республик, подписавших Союзный договор, в рамках единого экономического пространства, ими образуемого; недопустимы дискриминация по национальному признаку, разжигание межнациональных конфликтов, нарушения прав граждан СССР, где бы они ни проживали. Все факты подобного рода должны решительно пресекаться правоохранительными органами» [10].

Параллельно начался процесс подготовки нового союзного договора об образовании Союза Советских Суверенных Республик, который в итоге получил новое название Союза Суверенных Государств. Первое парафирование названного соглашения состоялось 23 апреля 1991 года, второе – после его доработки 17 июня 1991 года. При этом договор предусматривал превращение СССР в федерацию, посредством предоставления широких прав республикам. Новый союзный договор был создан поспешно и не устраивал многих специалистов, которые видели во многих его статьях юридические противоречия. Касалось это и Верховного Совета СССР, настаивавшего на доработке документа.

Позиции всех республик по новому договору также были далеки от единства. Как показывали результаты консультативной встречи рабочих групп Верховных Советов пяти республик, состоявшейся еще 17 апреля 1991 г., Украина к тому времени окончательно взяла курс на независимость. Об этом явственно свидетельствует позиция руководителя украинской делегации И.Р. Юхновского [11, л.32]. Украина, умело апеллируя результатами мартовского республиканского референдума, добивалась заключения нового союзного договора с учетом собственной декларации о государственном суверенитете, что подрывало и без того сложный переговорный процесс.

Тем не менее, в июле 1991 г. М.С. Горбачёв берет курс на скорейшее подписание договора, игнорируя при этом мнения многих. 2 августа 1991 года во время своего телеобращения к народу он озвучил трехступенчатый график подписания договора. Предполагалось, что 20 августа своими подписями его скрепят РСФСР и Казахстан; 2 сентября – Беларусь и Узбекистан, 17 сентября – Азербайджан и Таджикистан; в октябре должны были присоединиться Туркменистан и Кыргызстан, затем Украина, возможно, Армения с Молдовой, и, лишь затем последний договор должна была завизировать союзная делегация. Как предполагает В.В. Алексеев, это был тактический ход Горбачёва, надеющегося выиграть время для дальнейших действий [1, с. 22].

Однако все планы по подписанию нового союзного договора были нарушены консервативным крылом советской элиты, которая стояла за так называемым «августовским путем». События 19–21 августа 1991 г. поставили крест на планах президента СССР. Члены Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и их приверженцы желали сохранить Советский Союз на прежних условиях, считая, что дезинтеграционные процессы может остановить лишь жесткое вмешательство из центра. Однако именно действия ГКЧП, закончившиеся провалом, полностью разрушили тот компромиссный вариант сохранения СССР в составе 9 республик с возможностью расширения, который активно продвигал М.С. Горбачёв.

Вслед за событиями в Москве в союзных республиках к решительным действиям перешли настроенные против сохранения СССР силы. Их влияние в Вильнюсе, Киеве, Минске, Таллинне и иных столицах было различным, но все они успешно воспользовались растерянностью и бездействием сторонников сохранения Советского Союза. Поэтому республики одна за другой заявили о выходе из СССР либо придали декларациям о независимости силу конституционного закона. Еще одним итогом августовского путча стало усиление роли Б.Н. Ельцина, который стал лидером противостояния с ГКЧП и все меньше желал делить власть с союзным центром.

В сентябре 1991 г. V Съезд народных депутатов СССР в условиях ослабления союзного центра конституционным большинством одобрил предварительно согласованное с союзными республиками постановление, которое отменило примат общесоюзного законодательства [12, с. 3]. Данное решение задумывалось парламентариями как возможная юридическая основа Союза Суверенных Государств, но оно только усилило дезинтеграционные процессы, так как дало возможность каждой республике самостоятельно определять форму своего участия в Союзе.

Однако переговоры в ново-огаревском формате продолжились с учетом новых политических реалий. И здесь особое место занимал украинский фактор, так как без участия Украины многие не представляли обновленного союза. 18 октября 1991 г. президентом СССР М.С. Горбачёвым и руководителями восьми республик был подписан Договор об экономическом сообществе суверенных государств. Среди подписавших договор республик Украины не было [13]. Для урегулирования разногласий 23 октября было опубликовано обращение Президента СССР и руководителей восьми республик к Верховной Раде, на что последняя в тот же день ответила заявлением «Об основных принципах правопреемственности Украины относительно внешнего долга и активов СССР» [9, с. 278]. А через два дня, 25 октября 1991 г., Верховная Рада приняла постановление, в котором шла речь о невозможности участия республики в деятельности каких-либо межреспубликанских структур, угрожающих суверенитету Украины, и сформировала из числа депутатов группу, направленную в Совет Республик Верховного Совета СССР исключительно в качестве наблюдателей [14, л. 86].

В ноябре переговоры по дальнейшей судьбе обновленного Союза продолжились. Следовательно, попытки довести до логического завершения ново-огарёвский процесс продолжались. М.С. Горбачёв придерживался необходимости сохранения общего «союзного» государства с единым гражданством, территорией, статусом субъекта международного права и новым руководящим центром, которому решениями членов Союза будут отведены соответствующие полномочия. Против этого резко выступал Б.Н. Ельцин, так как при таком варианте сохранялась бы определенная зависимость России от союзного Центра. Как альтернативу он предлагал преобразовать СССР в конфедеративное государство. Президент СССР был вынужден согласиться с главой РСФСР. В результате в окончательном варианте договора появился текст о новом союзе в формате «конфедеративного демократического государства» под названием «Союз Суверенных Государств». Роль союзной Конституции должен был выполнять сам договор о ССГ. Именно в таком виде решили осуществить 25 ноября 1991 г. парафирование текста «Договора о Союзе Суверенных Государств». Однако в назначенный день подписания договора в Ново-Огарёво Б.Н. Ельцин потребовал внести в текст новые изменения, в частности, определить формат союза как «конфедерацию демократических суверенных государств». Его поддержали С.А. Ниязов и И.А. Каримов. В итоге, под предлогом необходимости дождаться результатов референдума о независимости Украины, а также соответствующих доработок подписание договора в очередной раз отложили [1, с. 24]. Как оказалось, это была последняя глава в истории ново-огарёвского процесса и нового союзного договора, так и не ставшего реальностью.

1 декабря 1991 г. в Украине прошли референдум и выборы президента. Это событие, по мнению М. Рабчука, существенно изменило ситуацию во всей Европе [15, с. 19]. После референдума Верховная Рада обратилась с посланием «К парламентам и народам мира», в котором говорилось: «1 декабря 1991 г. народ Украины свободным волеизъявлением подтвердил «Акт провозглашения независимости Украины», одобренный Верховной Радой Украины 24 августа этого года. Более 90 % участников референдума высказались за независимую Украину. Осуществились вековые мечты и устремления одного из самых многочисленных народов Европы возродить свою неоднократно разрушенную государственность... Договор об образовании СССР от 1922 г. Украина считает по отношению к себе недействительным и недействующим» [16].

Судьба нового союзного договора без УССР была предрешена. Поэтому в условиях отсутствия решительной реакции со стороны союзного центра, инициатива полностью перешла к лидерам союзных республик, в первую очередь к Б.Н. Ельцину и тем, с кем его интересы совпадали. 7 декабря 1991 г. новоизбранный Президент Украины Л.М. Кравчук начал свой первый зарубежный визит. Показательно, что в эти же сроки Беларусь посетило руководство РСФСР. После прибытия российской делегации, о котором украинская сторона знала, переговоры перенесли в правительственную резиденцию Вискули, где был реализован разработанный в Москве и поддержанный в Киеве сценарий, с которым белорусская сторона вынуждена была согласиться. Среди участников переговоров не было полного единства. Но это не помешало 8 декабря 1991 г. руководителям Беларуси, России и Украины подписать Соглашение об образовании СНГ и заявить о денонсации Договора об образовании СССР от 30 декабря 1922 г., что сильно противоречило итогам мартовского референдума в большинстве республик. Все это привело к прекращению существования некогда могущественной и великой страны, заслуженно считающейся одним из самых влиятельных геополитических центров. При этом с подписанием нового соглашения, по мнению исследователей, произошло автоматическое признание республиками независимости друг друга, хотя прямо это в тексте не упоминалось [17, с. 54].

Такие действия руководства России, Украины и Беларуси окончательно поставили крест на новоогарёвском процессе. Б.Н. Ельцин, используя украинский референдум и заручившись поддержкой Л.М. Кравчука, сумел полностью перехватить инициативу по определению формата фактически уже постсоветской интеграции и лишить М.С. Горбачёва возможности для дальнейшего политического маневра. Последующая ратификация договора и присоединение к СНГ среднеазиатских республик говорила о том, что выбора у президента СССР уже не было, как фактически не было и самого Советского Союза.

Вместе с тем стоит обратить внимание, чем же было Содружество Независимых Государств для его создателей. Данное межгосударственное объединение рассматривалось нашей страной как способ сохранения прежних политических, хозяйственно-экономических и культурных связей, правда, в ином формате «обновленного союза независимых государств». Но такой позиции придерживались не все в республике. В белорусском парламенте в начале 1990-х гг. было достаточно приверженцев «ухода от России», что, несомненно, накладывало определенный отпечаток на внешнюю политику республики. Однако в целом позиция Республики Беларусь в этот период характеризовалась стремлением следовать в русле реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Б.Н. Ельцин рассматривал создание СНГ как решающий удар в борьбе с союзным центром, понимая, что в новом интеграционном объединении все равно ведущая роль будет отведена Москве. Отдалять от себя Украину и другие республики руководство РСФСР не желало, но этот риск они считали оправданным при достижении более важной для них политической цели. Руководство же Украины никогда не скрывало, что СНГ для них это «форма цивилизованного развода». Поэтому именно беловежский формат соглашения и устроил все три республики, а впоследствии и другие постсоветские страны.

Закключение. 1991 год стал переломным для Советского Союза. Мартовский референдум однозначно показал, что большая часть населения тех республик, в которых он был проведен, поддерживает сохранение СССР в «обновленном формате». Только республиканские и кремлевские элиты так и не смогли определить этот формат. Основные переговоры велись в направлении, которое определили руководители 9 республик и президент СССР в апреле 1991 года в Ново-Огарёво. Однако новоогарёвский процесс был весьма противоречивым и имел множество противников как в регионах, так и в Кремле. Последние, организовав августовский путч, окончательно подтолкнули национальные республики и их руководство к самостоятельности. После августа 1991 попытки реанимировать новоогарёвский процесс в условиях жесткой позиции Украины и все возрастающих требований российского президента Б.Н. Ельцина не увенчались успехом. Наоборот, лидеры РСФСР и УССР перехватили инициативу и сумели в кратчайшие сроки в Беловежской пуще выработать свой, согласованный с руководством Беларуси, компромиссный вариант посредством образования СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В.В. Ново-Огарёвский проект – был ли шанс сохранить Советский Союз? / В.В. Алексеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 10 (36) : в 2-х ч. – Ч. II. – С. 16–25.

2. Барсенков, А.С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 : курс лекций /А.С. Барсенков. – М. : Аспект-Пресс., 2002. – 367 с
3. Боффа, Дж. От СССР к России: история неоконченного кризиса: 1964-1994 / Дж. Боффа ; пер. с ит. Л. Я. Хаустовой. – М. : Международные отношения, 1996. – 320 с.
4. Медведев, Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец Советской империи / Р.Медведев. – М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2010. – 637 с.
5. Печенев, В.А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. / В.А. Печенев. – М. : Норма, 2004. – 365 с.
6. Станкевич, З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты / З. А. Станкевич. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 318 с.
7. Четко, С.В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. / С.В. Четко. – М. : Ин-т этнологии РАН, 1996. – 320 с.
8. Ялышев, Р.А. Проблема нового Союзного договора и его роли в распаде СССР : автореферат дис. ... канд. ист. Наук : 07.00.02 / Р.А. Ялышев. – СПб., 2011. – 24 с.
9. Бойко, О.Д. Нариси з новітньої історії України (1985–1991 гг.) / О.Д. Бойко. – Київ : Кондор, 2004. – 358 с.
10. Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса // Правда. – 1991 – 24 апр. – С. 1.
11. Нац. архив Респ. Беларусь. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4145.
12. Бровко, Ю. Республика Беларусь в условиях интеграции / Ю. Бровко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1998. – № 2. – С. 3–5.
13. Дагавор падпісаны // Нар. газ. – 1991. – 19 кастр. – С. 1.
14. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 66.
15. Рабчук, М. The Nowhere Nation, або Ці мае Україна гісторыю? / М. Рабчук // АРСНЕ. Пачатак. – 2001. – №5 [Українські нумар]. – С. 18–29.
16. К парламентам и народам мира: Обращение Верховного Совета Украины // Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 12. Л. 226.
17. Камышев, К. Международное признание Республики Беларусь / К. Камышев // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 1. – С. 51–56.

Поступила 19.12.2016

FROM NOVO-OGARYOVO TO VISKULI: HARD CHOICES INTEGRATION FORMATS

D. YURCHAK

The author addresses the question of signing a new union treaty under conditions of growing tendencies of disintegration of the Soviet Union in 1991. We consider the attempts to preserve the Soviet Union center in the new format, which was manifested in the conduct of the all-Union referendum on preserving the Soviet Union in March 1991, the beginning of negotiations on a new agreement in Novo-Ogaryovo. Attention is drawn to the crossing by the President of the USSR Mikhail Gorbachev completion of the negotiation process, which was interrupted as a result of the August coup. This strengthened the disintegrative trend, which is especially evident in the radicalization of the position of the Russian leadership for a new agreement format and Ukraine's decision to hold a referendum on independence.

Keywords: Soviet Union, Commonwealth of Independent States, Viskuli, Novo-Ogaryovo process.

УДК 94(476)«1914/1918»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБУВЬЮ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*канд. ист. наук Л.Ю. ПАВЛОВ**(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Рассматривается деятельность государственных органов и общественных организаций Гродненской губернии по обеспечению обувью российской армии в годы Первой мировой войны. Проведен анализ предшествующей историографии по рассматриваемой проблеме, определен круг ранее не решенных вопросов. Выявлены основные причины возникновения проблем с обеспечением сапогами российской армии в годы Первой мировой войны. Раскрыты задачи, возложенные на земские приемные комиссии по пошиву обуви. Определены факторы, негативно влиявшие на деятельность общественных организаций, рассмотрены меры, предпринятые губернскими властями по их преодолению. На основе анализа источников установлены объемы производства обуви в Гродненской губернии, раскрыто положение дел с порядком расчета за выполненную работу с производителями.

Ключевые слова: *Первая мировая война, военный округ, интендантство, Гродненская губерния, общественные приемные комиссии, обувь, реквизиции.*

Введение. Первая мировая война являлась крупнейшим военным конфликтом начала XX века, в который было вовлечено 38 стран. Огромная численность армий противоборствующих сторон, затяжной характер войны потребовали колоссального расхода материальных и денежных средств. Особого внимания требовало снабжение войск различными видами интендантского довольствия. Просчеты военных теоретиков о предполагаемой длительности военного конфликта, недооценка его масштабов со стороны военного руководства Российской империи не позволили заблаговременно создать необходимые запасы вещевого имущества.

Особенно сложным было положение с обеспечением действующей армии обувью, недостаток которой российская армия стала испытывать уже в сентябре 1914 года. С целью удовлетворения потребности войск российской армии в сапогах их пошив осуществлялся как на фабриках и мастерских, так и общественными земскими и губернскими организациями.

Рассмотрение вопроса организации заготовок обуви общественными организациями для обеспечения российской армии в годы Первой мировой войны на примере Гродненской губернии помогает выявить позитивные и негативные стороны данного процесса, определить объемы производства, объективно оценить систему вещевого обеспечения действующей армии рассматриваемого периода в целом.

Анализ историографии по данной проблеме показывает, что вопросы обеспечения российской армии вещевым имуществом в годы Первой мировой войны нашли свое отражение в ряде научных работ.

Значительный интерес представляет собой труд генерала Ф.А. Макшеева «Военное хозяйство: Курс Интендантской академии» [1]. В работе, изданной в форме учебного пособия для интендантской академии, раскрывается организация продовольственного, вещевого, денежного, медицинского довольствия, порядок обеспечения войск полевыми инженерными средствами, а также боеприпасами. Ф.А. Макшеев рассмотрел также вопросы устройства тыла, эшелонирования войсковых запасов материальных средств, деятельности подразделений и частей, предназначенных для их подъема и пополнения, организации заготовок. Необходимо отметить, что автор обстоятельно осветил лишь теоретические подходы к организации вещевого обеспечения в военное время.

Заслуживает серьезного внимания двухтомная фундаментальная работа генерала Н.Н. Головина «Военные усилия России в Мировой войне» [2; 3]. Этот труд отличается глубиной анализа качественных характеристик российской армии в годы Первой мировой войны. Во втором томе отдельная глава посвящена проблемам обеспечения войск различными видами интендантского довольствия. Рассматривая ситуацию с вещевым обеспечением, генерал Н.Н. Головин обращал внимание на общую неподготовленность государства к удовлетворению потребности армии в ходе ведения современной большой войны. Раскрывая проблемы вещевого снабжения войск в годы Первой мировой войны, автор отмечал: «Такого острого кризиса, как в снабжении обувью, в прочих видах снабжения не приходилось переживать [3, с. 91]. Целью работы генерала Н.Н. Головина являлась оценка военных усилий Российской империи в масштабах государства, поэтому вопросы организации заготовок обуви общественными организациями оказались вне поля внимания автора.

В середине 80-х годов XX века вышла в свет монография Л. Г. Бескровного «Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала» [4]. В ней автор раскрывает вопросы организации, состава, комплектования, военного управления, боевой подготовки войск, освещает порядок

обеспечения российских вооруженных сил стрелковым вооружением и боеприпасами к нему, дает оценку состояния транспорта и связи, анализирует уровень государственных расходов на армию и флот. Отдельная глава посвящена тылу и снабжению российской армии в годы Первой мировой войны. В ней освещаются некоторые шаги, предпринятые военным руководством после русско-японской войны, по усовершенствованию организации тыла и снабжения. Л.Г. Бескровный лишь касается отдельных вопросов продовольственного и вещевого довольствия войск в рамках действующей армии.

Серьезным достижением современной российской историографии стали научные труды А.В. Арановича, научный интерес которого составляет интендантское снабжение российской армии во второй половине XIX – начале XX в. По данной проблематике им защищены кандидатская и докторская диссертации [5; 6]. В монографии «Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны» рассматривается деятельность интендантского ведомства российской армии, характеризуются основные виды довольствия и определяется степень эффективности работы интендантства по развертыванию системы обеспечения [7]. В работе приводится краткая история и структура интендантства, раскрываются системы вещевого, лазаретного, госпитального, денежного и квартирного довольствия. Отдельная глава посвящена вопросам вещевого снабжения, в которой автор рассматривает предметы походного обмундирования и снаряжения, находящиеся на снабжении войск в предвоенный период, а также в годы Первой мировой войны. А.В. Аранович выявляет причины изменений военной формы одежды, вызванные войной. В работе раскрываются масштабы заготовительных мероприятий, проводимых с началом мобилизации, для удовлетворения потребности войск. Однако автор при работе над монографией не ставил задачу раскрыть роль земских и губернских общественных организаций в заготовке обуви для действующей армии в годы Первой мировой войны.

В отечественной историографии интерес по рассматриваемой проблематике представляет монография В.Н. Черепицы «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности» [8]. В ней автор исследует вопросы формирования гродненского ополчения, строительных работ на объектах Гродненской крепости, освещает мероприятия по переводу жизни города на военные рельсы, эвакуации городских учреждений. В рамках изучения проблемы военных реквизиций у гражданского населения Гродненского укрепрайона В.Н. Черепица в незначительной степени рассмотрел вопрос организации заготовок обуви для нужд действующей армии.

Таким образом, при всей значимости опубликованных работ, положение дел по организации пошива обуви для российских войск Северо-Западного фронта в годы Первой мировой войны отражено лишь фрагментарно.

Исходя из актуальности темы, ее недостаточной изученности, целью статьи является выявление особенностей в деятельности государственных органов и общественных организаций Гродненской губернии по обеспечению обувью российской армии в годы Первой мировой войны.

Основная часть. В годы Первой мировой войны российская армия испытывала серьезные трудности с вещевым обеспечением военнослужащих. Особенно сложным было положение с обеспечением действующей армии обувью, недостаток которой российская армия стала ощущать уже в сентябре 1914 года. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в конце 1914 года был вынужден приостановить активные боевые действия по двум причинам: отсутствие снарядов, а также недостаток сапог в армии [3, с. 88].

Главный интендант военного ведомства генерал Д.С. Шуваев с началом Первой мировой войны предвидел повышенные расходы материальных средств, установленные для войск на военное время. Им были приняты меры по заготовке больших объемов интендантского имущества. Однако потребность российской армии в вещевом имуществе значительно превзошла его расчеты. Данное обстоятельство вынудило интендантство сделать очень крупные заказы на различные предметы снабжения за границей, которые очень дорого обошлись казне [3, с. 87].

Для удовлетворения потребности войск в обуви были приняты неотложные меры со стороны правительства, интендантства, региональных органов власти. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков в телеграмме от 19 сентября 1914 года № 5648 на имя губернаторов просил оказать незамедлительное и полное содействие интендантству в изготовлении сапог. Для этого было рекомендовано привлечь всех сапожников в городах и населенных пунктах губерний, обязав каждого из них изготавливать сапоги из собственного материала. Кроме того, кожевенные заводы и оптовые торговцы кожами были обязаны продавать сапожникам товар по ценам, установленным на местах [9, л. 1–2]. Главный интендант, генерал Д.С. Шуваев 22 сентября 1914 года направил распоряжение интендантам военных округов по оказанию содействия и помощи местным органам власти в организации пошива сапог [9, л. 76], согласно которому в каждой губернии или уезде, по согласованию с губернатором, были созданы центральные временные склады, предназначенные для приема, хранения и последующей отправки сапог в вещевые склады военно-окружных интендантских управлений.

В Гродненской губернии незамедлительно приступили к выполнению мероприятий по организации пошива обуви. Полученные от главного интендантского управления Описания пошива сапог были высланы во все города и уезды. Гродненскому полицмейстеру и городским головам губернатор направил телеграммы с требованием в трехдневный срок представить сведения о количестве сапожников, запасах кожевенного сырья и местах его содержания [9, л. 6; 10, л. 1]. Согласно поступившим данным, в Гродненской губернии насчитывалось 2 127 сапожников, в том числе: в Гродненском, Белостоком, Сокольском, Волковыском и Бельском уездах, входившим в состав Двинского военного округа, – 1 481, в Брестском, Кобринском, Пружанском и Слонимском уездах, входившим в состав Минского военного округа, – 646 [9, л. 516, 533, 539].

В целях качественной организации работ по пошиву обуви для нижних чинов в городах и уездах губернии были созданы общественные приемные комиссии под председательством городского головы. В состав каждой комиссии входили два гласных городской думы, представитель военного ведомства, а также полицмейстер. На общественные приемные комиссии были возложены следующие задачи: равномерное распределение работ между сапожниками, контроль за изготовлением сапог, прием от сапожников готовой продукции и ее клеймение, производство расчетов с сапожниками, доставка сапог в центральные временные склады [10, л. 1].

Каждому сапожнику вменялось в обязанность изготавливать по две пары сапог в неделю. Цена готовой продукции была установлена в диапазоне от 7 руб. до 8 руб. 50 коп. за пару в зависимости от качества товара [10, л. 17]. При этом обувь должна была быть прочной и годной к носке. Допускались незначительные отступления от установленных требований к пошиву, которые не влияли на пригодность к носке. Пошив сапог осуществлялся с обязательным соблюдением процентной ростовки. Каждый сапог клеймился специальным клеймом приемной комиссии, и на его внутренней стороне делалась надпись с указанием пункта изготовления и фамилии сапожника. Например: «Волковысская уездная комиссия, Волковыск, сапожник Иван Блажиевич» [9, л. 76]. Принятые сапоги укупоривались в ящики по 50 пар, на каждом из которых делалась надпись с наименованием общественной приемной комиссии, количеством пар, указанием размера [10, л. 58].

Определение имеющихся в Гродненской губернии запасов кожевенного сырья, пригодного для изготовления сапог, выявило проблему его отсутствия в необходимых объемах. Данная ситуация была характерна для большинства регионов Российской империи. Связано это было с нехваткой кож и дубильных веществ, необходимых для их выделки. При этом помощник военного министра генерал А.С. Лукомский отмечал: «На рынке кож не хватало, а на фронте сгнивали сотни тысяч кож, снимавшихся со скота, употреблявшегося в пищу для армии... Заводы для приготовления дубильных веществ, если бы об этом подумали своевременно, не трудно было устроить; во всяком случае не трудно было своевременно получить из-за границы и готовые дубильные вещества» [3, с. 87].

На объемах пошива обуви также отрицательно сказывалась непродуманная организация работы общественных приемных комиссий на начальном этапе. Были отмечены случаи, когда в некоторых уездах полицейские чины проявляли чрезмерное усердие, стремясь выполнить указания губернаторов по привлечению к пошиву обуви всех сапожников. Для этого они пытались собрать мастеров со всех населенных пунктов и под конвоем доставить их в уездный город, что вызывало серьезное недовольство среди местного населения [3, с. 87].

Вследствие этого в Гродненской губернии к пошиву обуви для нужд армии приступили в середине ноября 1914 года, к концу года было изготовлено менее 14 тыс. пар сапог. Двинскому военно-окружному интендантству было поставлено 12 244 пары сапог, в том числе: Гродненской приемной комиссией – 642, Белостокской – 1 500, Волковысской – 350, Бельской – 9 752 [9, л. 307, 309]. Минскому военно-окружному интендантству – 1 640, в том числе: Брестской приемной комиссией – 630, Кобринской – 350, Пружанской – 310, Слонимской – 350 [11, л. 1–5]. При этом, исходя из потребности армии, производство обуви в целом по стране необходимо было увеличить примерно вдвое [9, л. 512].

Для увеличения объемов пошива солдатских сапог в декабре 1914 года губернские власти приняли дополнительные меры. Была возобновлена работа сапожных мастерских Гродненской, Белостокской и Брестской тюрем, которые свернули свою деятельность в виду полной эвакуации заключенных. Для работы в них были привлечены мастера и ратники государственного ополчения. Был ужесточен спрос за невыполнение требования по пошиву не менее 2-х пар сапог в неделю без веских оснований. Виновные привлекались к административной ответственности по законам военного времени в виде штрафа до 3 000 рублей или заключения в тюрьму на срок до 3 месяцев.

В результате принятых мер производительность пошива обуви в Гродненской губернии значительно возросла и составила в январе 25 874 пары сапог, в феврале – 32 514 пар [9, л. 516]. Однако, по мнению В. Н. Шебеко, весь потенциал Гродненской губернии в вопросе пошива обуви для нужд армии использован не был. В телеграмме на имя Главного военного интенданта от 28 февраля 1915 года № 943 он сообщал, что при наличии большого количества кожевенных заводов сапожники не должны были

испытывать недостаток в материале, необходимом для пошива сапог. В действительности такая проблема существовала и принимала порой очень острый характер, заставляя местные организации искать товар далеко за пределами губернии. Причиной такого положения дел являлась деятельность представителей окружных интендантских управлений, которые производили реквизиции кожевенного сырья, необходимого для пошива сапог, без учета потребностей местных общественных комиссий, занимавшихся пошивом обуви для нужд армии. В целях правильной организации взаимодействия губернатор предложил генералу Д.С. Шуваеву отдать распоряжения начальникам военно-окружных интендантских управлений, в которых необходимо было предусмотреть:

- согласование мест и объемов производства реквизиций кожевенного товара с губернским начальством;
- удовлетворение в первую очередь потребностей местных общественных комиссий в сырье, необходимом для пошива сапог, при производстве реквизиций;
- обеспечение уполномоченных общественных комиссий документом на право приобретения определенного количества кожевенного товара;
- запрет на скупку больших партий товара лицами, фирмами, банками, не имеющими на то специальных доверенностей и приобретаемых с явно спекулятивной целью;
- отмену для кожевенных заводов ограничительных положений о продаже свободных излишков кожи, не пригодных для пошива сапог, что позволяло бы сбывать весь товар и не приводило к сокращению производства;
- предоставление ежемесячно в губернскую администрацию от кожевенных заводов сведений о находящемся на складах запасах сапожного товара, а также сырья, подлежащего переработке;
- обеспечение кожевенных заводов сырьем, получаемым от убоя животных в войсковых бойнях [9, л. 426, 427].

Реализация поданных предложений положительно сказалась на увеличении объемов пошива обуви в Гродненской губернии. В апреле 1915 года общественными приемными комиссиями Гродненской губернии было принято 37 821 пара сапог (табл. 1), отправлено в вещевые интендантские склады 37 514 пар, в том числе: в Двинский склад – 26 350, Минский склад – 8 581, Гродненский склад – 2 583 [9, л. 629].

Таблица 1. – Сведения о приемке и отправке сапог, изготовленных в Гродненской губернии в период с 25 марта по 25 апреля 1915 года

Город	Остаток на 25.03.1915 г.	Принято	Отправлено	Остаток на 25.04.1915 г.
Гродно	8	2 868	2 583 Гр. скл.	293
Белосток	21	4 720	4 725 Дв. скл.	16
Бельск	–	18 450	18 450 Дв. скл.	–
Волковыск	–	3 050	3 050 Дв. скл.	–
Соколка	–	136	125 Дв. скл.	11
Брест	976	12	–	988
Пружаны	–	4 256	4 256 Мн. скл.	–
Кобрин	–	1 975	1 975 Мн. скл.	–
Слоним	1	2 357	2 350 Мн. скл.	8
Итого:	1 006	37 821	37 514	1 316

К весне 1915 года проблема обеспечения обувью солдат российской армии серьезно обострилась. Связано это было, во-первых, с увеличением численности войск действующей армии (табл. 2) [12, с. 96].

Таблица 2. – Состав войск, управлений и учреждений действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны

Периоды	Состояло по списку					
	Всего	В том числе			Солдат	
		Офицеров	Классных чинов	Солдат		
				Строевых	Нестроевых	
На 1.01.1914 г.	2 711 253	38 156	17 512	2 283 831	371 754	
На 1.12.1914 г.	2 000 000	27 400	14 400	1 675 000	283 200	
На 1.01.1915 г.	3 513 745	48 886	27 023	2 890 392	547 444	
На 15.05.1915 г.	3 941 689	52 872	20 212	3 356 071	512 534	

Во-вторых, с огромными людскими потерями, которые понесла к этому времени с начала боевых действий российская армия в ходе нескольких кровопролитных сражений (Восточно-Прусская, Варшавско-Ивангородская, Галицийская, Лодзинская, Ченстохово-Краковская, Августовская, Праснышская битвы).

В целом в период с 4 октября 1914 года по 14 апреля 1915 года для увеличения численности войск и восполнения потерь в действующую армию было призвано 2 млн. 968 тыс. человек, которых надо было обуть и одеть [2, с. 81]. Согласно донесениям Главных начальников военных округов, на которые было возложено формирование запасных батальонов для отправки на фронт, обеспечение нижних чинов обмундированием и обувью являлось предметом особой заботы командиров батальонов и рот. Перед отправкой каждой маршевой роты сапоги и прочее обмундирование тщательно осматривалось и при необходимости заменялось новым.

В-третьих, кроме обеспечения обувью нижних чинов, призываемых в действующую армию, существовала необходимость замены сапог у солдат, которые уже находились на фронтах. Вызвано это было высокой маневренностью боевых действий, особенно характерной для первого года войны. Войска зачастую пешком совершали многокилометровые марши. Это приводило к повышенному износу обуви и преждевременному приведению в негодность. В связи с этим в военное время были отменены нормы носки, и установлен порядок снабжения «по мере надобности» [4, с. 158]. Главное интендантское управление при расчете потребности военного ведомства в сапогах предусматривало использование на одного солдата 5 пар обуви в год [7, с. 33].

В-четвертых, с осени 1914 года стали выявляться случаи прибытия в действующую армию большого количества нижних чинов в обуви, негодной для носки. При этом виновными являлись сами солдаты, которые во время следования на фронт в корыстных целях продавали местному населению выданную им обувь, а вместо нее приобретали негодную, с расчетом получить новую по прибытии на место назначения. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич в телеграмме Главному начальнику Двинского военного округа от 11 января 1915 года № 308 сообщал: «Явление это, нарушая существенные интересы армии, представляет собою преступное деяние как со стороны нижних чинов, так равно и со стороны частных лиц, скупающих у них казенное обмундирование. В виду этого Августейший Верховный Главнокомандующий повелел срочно принять все меры к тому, чтобы зло это было пресечено в корне» [13, с. 61]. Для недопущения подобного нижним чинам, отправляемым в действующую армию, объясняли необходимость бережного отношения к казенным вещам и предупреждали о том, что за утрату, продажу или обмен предметов обмундирования и обуви в пути следования по прибытии на место они будут привлечены к ответственности по всей строгости закона военного времени. По требованию Главных начальников Двинского и Минского военных округов гродненским губернатором были отданы распоряжения всем начальникам полиции принять самые строгие меры к задержанию на железнодорожных станциях нижних чинов, продающих военное обмундирование и обувь [13, с. 60]. Лица, уличенные в скупке солдатского имущества, подвергались в административном порядке денежному штрафу до 3 000 рублей или заключению в тюрьму на срок до 3 месяцев [14, л. 37]. Генерал Н. Н. Головин, описывая данную ситуацию, отмечал: «Упомянутая выше отрицательная черта Русской солдатской массы военного времени привела к тому, что требуемое от страны количество различного вида материального, в особенности же вещевого снабжения превосходило нормальную потребность. Это вызывало в свою очередь излишнее непродуктивное напряжение страны» [3, с. 94]. За годы Первой мировой войны российской армией было израсходовано предположительно 65 млн. пар сапог [15, с. 61]. По мнению генерала Н. Н. Головина, эта цифра была еще больше [3, с. 94].

В целом к весне 1915 года для удовлетворения потребности российских войск в обуви требовалось двукратное увеличение ее производства. С этой целью Главнокомандующий Северо-Западного фронта генерал М. В. Алексеев приказал к маю снабдить пехотные части при отсутствии сапог поршнями и лаптями [16, л. 2]. Поршни – обувь в виде лаптя, изготавливаемая из одного куска кожи, сшиваемая сыромятным ремнем [17, с. 651]. По запросу начальника военно-окружного интендантского управления Двинского военного округа в Гродненской губернии была проведена оценка возможности срочного изготовления поршней и лаптей лыковых. Согласно представленным сведениям губерния обладала возможностью производства до 1 мая 1915 года 30 тыс. пар поршней по цене до 2 руб. за пару и 5 тыс. пар лаптей лыковых по цене до 30 коп. [16, л. 129–130]. Фактически же было изготовлено лишь 10 401 пара поршней и 3 857 пар лаптей ввиду отсутствия необходимого количества умельцев, так как данный промысел давно потерял востребованность в губернии [16, л. 1].

При этом изготовление сапог не прекращалось. Установленная норма пошива не менее 2-х пар в неделю каждым сапожником определяла месячный объем производства обуви в Гродненской губернии немногим более 17 тыс. пар. Общественными приемными комиссиями городов и уездов этот плановый показатель был превышен вдвое. Так в мае – июне 1915 года среднемесячный объем пошива сапог составил более 30 тыс. пар, в июле – 35,5 тыс. пар [11, л. 144]. В августе 1915 года деятельность обществен-

ных приемных комиссий по пошиву обуви в Гродненской губернии была прекращена в связи с захватом ее территории германскими войсками в ходе Великого отступления российской армии.

Для производства расчетов с сапожниками денежные кредиты переводились окружными интендантами в распоряжение губернатора. Во избежание задержек с оплатой за пошив обуви председатели общественных комиссий представляли требования об отпуске авансов за неделю до производства расчетов. Общая сумма денежных средств, перечисленных военно-окружными интендантскими управлениями в Гродненскую губернию за изготовление обуви, составила более 1,8 млн. руб., в том числе: по Двинскому военному округу – 1,5 млн. руб., по Минскому военному округу – более 0,3 млн. руб. [11, л. 1–5]. Серьезных задержек с выплатой денег сапожникам за выполненную работу не было.

Общее количество сапог, изготовленных силами общественных приемных комиссий Гродненской губернии для нужд российской армии в годы Первой мировой войны, составило более 228 тыс. пар. При этом за январь – июль 1915 года было изготовлено 216 тыс. пар [9, л. 307, 309, 386, 516, 565, 629; 11, л. 144]. В течение 1916 года на территории России было изготовлено 14,7 млн. пар сапог, получено из-за границы 5,7 млн. пар [7, с. 33]. Наметившийся в российской армии в 1915 году «сапожный» кризис в 1916 году был ликвидирован. Значительную роль в этом сыграли земские и губернские общественные организации. Вместе с тем, по мнению генерала Н. Н. Головина, необходимого уровня организации работы по пошиву обуви в государстве, который позволил бы получить максимум снабжения при наименьшем напряжении сил, достигнуто не было [3, с. 91].

Заключение. Близость к театру боевых действий определила активность государственных и общественных организаций Гродненской губернии по обеспечению нужд действующей армии. С началом Первой мировой войны в Гродненской губернии приступили к организации работ по пошиву обуви для нижних чинов российской армии. В уездах были созданы общественные приемные комиссии, проведена регистрация сапожников, установлены объемы запасов кожевенного сырья и места их хранения. Отсутствие четкой организации работы и взаимодействия с интендантскими органами на начальном этапе привело к тому, что общественные приемные комиссии приступили к пошиву сапог лишь с середины ноября 1914 года. Предпринятые губернскими властями меры позволили в 1915 году не только довести месячные объемы заготовок обуви до установленных плановых показателей, а даже превзойти их вдвое. В связи с отступлением российских войск деятельность государственных органов и общественных организаций Гродненской губернии по обеспечению обувью российской армии в августе 1915 года была прекращена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макшеев, Ф. А. Военное хозяйство: Курс Интендантской академии : в 3 ч. / Ф.А. Макшеев. – Пг. : Тип. П. Усова, 1915. – Ч. 3 : Снабжение в военное время. – 687 с.
2. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне : в 2 т. / Н. Н. Головин. – Париж : Т-во объедин. изд., 1939. – Т. 1. – 242 с.
3. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне : в 2 т. / Н.Н. Головин. – Париж : Т-во объедин. изд., 1939. – Т. 2. – 211 с.
4. Бескровный, Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала / Л.Г. Бескровный. – М. : Наука, 1986. – 237 с.
5. Аранович, А.В. Интендантство русской армии накануне и в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Аранович. – СПб., 2000. – 245 с.
6. Аранович, А.В. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.В. Аранович. – СПб., 2006. – 482 с.
7. Аранович, А.В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны : моногр. / А.В. Аранович. – СПб. : СПГУТД, 2004. – 144 с., ил.
8. Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности : моногр. / В.Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 536 с.
9. Переписка с городскими головами, с уездными исправниками и др. об изготовлении солдатской обуви сапожниками Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 447.
10. Дело о порядке заготовки обуви и обмундирования для войск // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 125. Оп. 1. Д. 90.
11. Дело об ассигнованиях денежных средств для заготовки обуви для армии в Гродненской губ. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 466.
12. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев [и др.] ; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М. : Олма-пресс, 2001. – 607, [1] с.
13. Документы о порядке эвакуации лечебных заведений, изготовления сапог для нужд армии, выдачи удостоверений поставщикам лошадей; о перевозке беженцев по ж/д и др. (циркуляры, рапорты, маршруты следования, обязательства и др.) // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 301. Оп. 1. Д. 6.
14. Приказы, постановления, объявления коменданта Брест-Литовской крепости за 1914–191 г. в связи с военным положением // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 674. Оп. 1. Д. 165.

15. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) / Коллектив авторов. – М. : Центральное стат. упр. Отд. воен. статистики, 1925. – 104 с.

16. Переписка с уездными исправниками, с уездными предводителями дворянства о заготовке поршней и лаптей для армии в Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 489.

17. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 24а : Полярные сияния – Прая. – 1898. – II, 476–958, II, [6] с.: ил., карты.

Поступила 15.12.2016

**ACTIVITIES OF STATE BODIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS OF GRODNO PROVINCE
TO ENSURE FOOTWEAR FOR THE RUSSIAN ARMY
DURING THE FIRST WORLD WAR**

L. PAVLOV

The article discusses the activities of state bodies and public organizations of Grodno province to ensure that the Russian army footwear during the First World War. In the introduction, the analysis conducted prior historiography on the problem, defined the terms of the previously unanswered questions. In the main part identified the main causes of problems with ensuring the boots of the Russian army during the First World War. Solved tasks entrusted to foster zemsky commission for making shoes. The factors that negatively affect the activity of public organizations, reviewed the measures taken by the district authorities to overcome them. On the basis of established sources of production volume of footwear in Grodno province, disclosed the status of the order of calculation for the work with the producers.

Keywords: World War I, Military District, intendance, Grodno province, public selection committee, footwear, requisition.

УДК 94(476.6):355(09)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ РОССИЙСКИХ ВОЙСК, ДИСЛОЦИРОВАВШИХСЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**А.Б. АРЛУКЕВИЧ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*

Раскрывается система территориального расположения российских войск на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX вв. Устанавливаются причины дислокации войск на белорусских землях, определены их состав, численность и места расположения в границах белорусских губерний. Исследование построено на широком круге впервые вводимых в научный оборот источников, выявленных автором в Национальном историческом архиве Беларуси, Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно, что позволило раскрыть значение белорусских земель в качестве крупнейшего центра дислокации российских войск на территории Российской империи в период с середины XIX в. до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: дислокация войск, белорусские земли в составе Российской империи, Виленский военный округ, белорусские губернии.

Введение. Белорусские земли, став частью Российской империи, представляли собой в военно-стратегическом отношении наиболее удобный плацдарм для развертывания российских войск в случае начала военных действий на европейском театре. При этом главным военно-политическим оппонентом России в рассматриваемом регионе выступала Пруссия (Германская империя), граница которой находилась в непосредственной близости от верхнего течения р. Немана. Внимание русского Генерального штаба к этому стратегическому участку объясняется боязнью возможного окружения русских войск в польском мешке (в случае совместных действий Австрии и Пруссии против России), избежать которого помогло бы их равномерное продвижение вглубь Восточной Пруссии именно с территории белорусских губерний. Вместе с тем русский генералитет не был уверен в успехе возможного наступления, и поэтому рассматривал белорусские земли, прилегавшие к германской границе (и прежде всего бассейн р. Неман), в качестве основного оборонительного рубежа на западном направлении.

Основная часть. С началом Крымской войны, обострившей отношения Российской империи с Австрией и поддерживавшей ее в этот период Пруссией, лежавшие в непосредственной близости от восточно-прусской границы белорусские губернии, в случае военной агрессии, открывали кратчайшие пути для наступления немецких войск на Петербург и Москву. Активные действия в Крыму, на Кавказе и Дунае заставили, по оценкам Николая I, восполнять малочисленность войск на западной границе их «качеством» и отправить сюда элитные подразделения императорской гвардии. Подчеркивая важность этого стратегического направления, Николай I, в случае открытого противостояния с австро-германским блоком, собирался лично отправиться в Брест [1, с. 68]

В июле 1854 г. (после того как отпала угроза высадки английского десанта в районе Петербурга) военное министерство сообщило Виленскому генерал-губернатору И.Г. Бибикову о планировавшемся движении гвардии в район белорусских губерний. По сведениям, полученным минским губернатором 15 сентября 1854 г., ее правая колонна (конно-гренадерский, уланский и гусарский полки, а также 2-я легкая и Донская батарея), следовавшая из Петербурга, между 21 октября и 14 ноября 1854 г. должна была пройти через Оршу – Коханово – Толочин – Бобр – Начу – Борисов – Жодино – Смолевичи – Юхновку – Минск. За Минском колонне предстояло разделиться: одна группа направлялась в район Койданово, Сверженья, Несвижа, Мира и Новогрудка, вторая – в составе гвардейской кирасирской дивизии, переправившись за Гончарами Новогрудского уезда через Неман в первой половине октября, должна была остановиться в районе Пружан (первая часть Лейб-кирасирского полка), Волковыска (вторая часть Лейб-кирасирского полка), Рожан (батареяная и 1-я конная батареи), Слонима (Лейб-гвардии конный полк) и Новогрудка (Кавалергардский полк) [2, л. 5, 10, 11 об., 12].

По сведениям генерал-губернатора, полученным ранее (в июле 1854 г.), гвардия должна была быть разделена не на 2, а на 3 колонны. Правой колонне, в частности, предстояло расположиться на территории Гродненской губернии в районе Волковыска, Свислочи, Рудни, Беловежи, Каменки, Каменец-Литовского и Брест-Литовска. Средняя колонна должна была остановиться в районе Дзенциола, Задворжья, Слонима, Мижевич, Считно, Сельца, Пружан, Терешева, Чимер, Брест-Литовска; левая колонна – в районе Моловид, Чемел, Михнович, Березы, Сватбич, Запруд, Кобриня, Ракитницы и Брест-Литовска [3, л. 3, 3 об.].

Движение гвардии к западным границам предполагалось начать со 2-й гвардейской дивизии, направив ее в район Вильно. Первую гвардейскую дивизию предполагалось направить в район Бреста или Гродно. Так, в числе прочих, отбив инспекторский смотр в 5,5 часов, 9 сентября из Петербурга выступил лейб-гвардии

Финляндский полк [4, с. 317–325]. В сентябре приказ о выступлении в поход к западным границам получили солдаты и офицеры лейб-гвардии Казачьего полка [5, с. 476]. Второго сентября в поход по маршруту Порхов – Витебск – Минск – Слоним на Волковыск двинулся также лейб-гвардии уланский полк [6, с. 273]. В сентябре 1854 г. по Ковенскому шоссе из Санкт-Петербурга в направлении Вильно начали движение также 2-я лейб-гвардии пехотная дивизия, лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада, лейб-гвардии саперный батальон, два дивизиона лейб-гвардии Казачьего полка и лейб-гвардии Донская батарея. Неоднократно командующие гвардейских войск просили уездных чиновников о предварительном ремонте дорог и мостов на своем пути [3, л. 57 об.].

Губернаторы, получая выписки из маршрута движения войск (эти документы назывались «маршрутными картами»), командировали гражданских чиновников для встречи и сопровождения гвардейских подразделений, закупки необходимого им продовольствия и отвода гражданских жилищ. Все расходы по продовольствию и использованию гражданских подвод заносились в специальные шнуровые книги [70, л. 80–80 об.]. Пространство на пути следования гвардий делилось на так называемые этапы, где войска меняли подводы, а также пополняли запасы продовольствия и фуража. Так, в частности, на участке брест-бобруйского шоссе в Мисской губернии в качестве этапных пунктов выделялось Городище, Моствиловичи, Филиповичи, Лядно, Слуцк, Горки, Дороги, Осиповичи и Бобруйск [7, л. 21]. На упомянутых пунктах по ценам, согласованным с губернским предводителем дворянства, должно было быть заготовлено от 1,6 до 3,2 тыс. ведер водки, от 1,2 до 2,4 тыс. четвертей овса, по 7,5 тыс. пудов сена. Для варки пищи и разложения костров необходимо было также запастись дровами, которых могло хватить на обогрев 130 тыс. человек [7, л. 16–18]. На упомянутых пунктах также должна была быть заготовлена 3301 обывательская подвода из 9 ближайших уездов (по 370 подвод на уезд) [7, л. 32]. Для этого помещикам заблаговременно были разосланы извещения о выставлении необходимого числа подвод [7, л. 49]. Для присмотра за ожидавшими войска подводами на станциях Осиповичи и Дороги уездным предводителем в качестве депутатов от дворянства были назначены Людвиг Поповский и Карл Аллингер [7, л. 53 об.]. В марте 1855 генерал-губернатор объявил благодарность помещикам Минской губернии за усердное исполнение возложенной на них обязанности в поставке подвод [7, л. 56 об.].

Так, колонну Московского полка постоянно сопровождали 72 обывательские подводы [8, л. 70 об, 71]. Такое же количество подвод понадобилось и для перевозки тяжестей Новоингерманландского (не принадлежавшего к гвардии) полка. Кроме того, новоингерманландцам необходимо было «отводить для склада вещей помещения в безопасных от огня местах, и, по малому числу конвоя, наряжать от местного гражданского начальства на ночлегах караулы и в помощь для перекладки тяжестей на подводы рабочих» [9, л. 131–131 об.]. Население за использованные подводы получало так называемые «контрамарки», или «расписки», которые в последствии обналичивались [10, л. 15 об.]. Прогонны не могли оплачиваться наличными деньгами на месте, так как «при выборе даже самых лучших нижних чинов трудно было ручаться, чтобы кто-либо из них не растратил денег, которые были даны им на уплату прогонов, а по неграмотности, был не в состоянии вести отчетности» [9, л. 223 об.]. Поэтому прогонные деньги выплачивались населению местными гражданскими чиновниками при предъявлении контрамарок, выдаваемых войсками в качестве свидетельства об использовании подвод. Мещане Витебской губернии жаловались в губернское правление на то, что для проходящих полков и воинских команд использовались преимущественно мещанские подводы. Дворяне, чиновники и купцы под разными предлогами (пользуясь законом, который к натуральной повинности их не обязывал, или ссылаясь на отсутствие лошадей) уклонялись от несения подводной повинности [10, л. 53–53 об.]. Генерал-губернатору не раз приходилось напоминать дворянам, чиновникам и купцам о том, что все сословия, имеющие в городах недвижимое имущество должны отправлять подводную повинность уравнительно [10, л. 53–53 об.]. Жители городов Витебской губернии (в частности, Люцина) просили разрешения взамен выставления лошадей по подводной повинности собирать ежегодно «по 15 к. с души». Полоцкое мещанское общество и Городокская городская дума в очередной раз готовы были отбывать эту повинность «наймом» и разыскивали желающих принять подряд [10, л. 53–53 об.].

Передвигались армейские обозы медленно, в день прохода в среднем от 15 до 30 верст. К примеру, дорога для Финляндского полка из Петербурга в Вильно осенью 1854 г. заняла долгих два месяца [4, с. 317–325]. Передвигавшиеся на подводах части могли задержать в дороге дождь, распутица, метель и т. п. [11, л. 42 об.]. Так, в феврале 1855 г. «по случаю постигшей метели обывательских подвод на станциях к назначенному в маршрутах сроку заготовлено не было, поэтому войска смогли выступить только с наступлением хорошей погоды» [11, л. 54]. Солдаты пехотных полков в походе шли пешком, офицеры – в нанятых на почтовых станциях повозках, за ними тянулись подводы с полковым хозяйством. Обоз лейб-гвардии Московского полка состоял из 26 ротных повозок, 24 провиантских телег, 17 офицерских повозок, 2 телег для лазаретных вещей, церковной фуры, инструментальной повозки, казначейской телеги, 6 телег для перевозки больных, аптечного вьюка, «ящика для казны и дел», 13 патронных ящиков, 94 полковых подъемных лошадей и 72 фурштатских лошадей. Полк был обеспечен 4-х дневным провиантом, для полковых тяжестей было взято 42 обывательские подводы и еще 30 обывательских подвод для «слабосильных» нижних чинов [11, л. 70 об, 71]. «В походе (вспоминает С. Гулевич. – А. А.) для каждой роты было определено свое место в

строю, который замыкался караулом. При караульной роте следовали: знамена, обоз, лазарет, музыканты и нестроевые нижние чины. Караульные роты сменялись после дневки на первом привале. При дежурной роте постоянно следовала штучерная команда. Каждую колонну войск в пути сопровождал колонный офицер, отвечавший за правильную организацию ее движений» [8, л. 8 об.]. Колонны также сопровождали провиантмейстеры, назначенные обер-провиантмейстером гвардейских корпусов. По свидетельству последнего, малейшая остановка в продовольствии войск гвардии должна была лечь на его ответственность, «а равно на те лица, от коих произойдет остановка или замедление в доставлении нужных сведений или в оказании содействия», т. е. местных чиновников, «которые со своей стороны призваны оказывать означенным лицам всевозможные содействия по заготовлению провианта, фуража, мяса, соли, и вина и сообщали без замедления справочные цены, указывая промышленников и места, где купить продукты с большей выгодой будет сложно, а также способы к перевозке, где она требуется» [3, л. 7 об.]. Войска имели небольшой запас муки, крупы, хлеба или сухарей, пополняя его в пути следования из провиантских магазинов или покупая на местных рынках. Однако остановка в местах торговли, которые зачастую лежали на значительном удалении от прямого пути их следования, могла занять слишком много времени. Поэтому местные чиновники по возможности должны были заранее заготовить продукты и доставить их по маршруту следования войск [3, л. 1, 1 об.]. Заготовка дров для кухонь гвардейских полков была возложена на дворянство губернии [8, л. 38].

Расположение гвардии на территории белорусских губерний определялось как их близостью к восточно-прусской границе, так и уровнем развития сети транспортной коммуникации (обеспечивавшей быструю переброску войск), плотностью и благосостоянием населения, дававшими преимущества в качестве квартирного довольствия и продовольственного обеспечения военнослужащих. Так, по оценкам российского генерального штаба, Витебская губерния из-за бедности населения и слабой производительности труда не могла стать центром дислокации большой массы войск [12, с. 32]. Низкая плотность населения Могилевской губернии, дороговизна и недостаток фуража делали ее неудобной для расквартирования кавалерии и артиллерии [13, с. 1]. Неблагоприятными для расположения войск была признана большая часть Минской губернии, за исключением Новогрудского, Слуцкого, Минского, части Игуменского и Борисовского уездов. Особенно неудобными для этого были малонаселенные долины Припяти и Березины, усеянные редкими небольшими деревнями, не имевшими между собой надежного сообщения [14, с. 45]. По этой причине генеральный штаб старался избегать расположения войск в Пинском, Мозырском, Речицком и Бобруйском уездах, а также на левобережье р. Березины, используя для стоянки войск лишь населенные пункты, лежавшие вдоль почтовых дорог [14, с. 45]. Особым образом выделялась Гродненская губерния, расположенная в непосредственной близости от восточно-прусской границы, а также отличавшаяся наиболее высокой плотностью населения, которая позволяла расположить на ее территории армейский корпус в полном составе [15, с. 15]. Расположение гвардии на белорусских землях полностью соответствовало оценкам генерального штаба, когда на территории Гродненской, а также соседних с ней уездов Виленской и Минской губерний расположился кавалерийский и пехотный корпус императорской гвардии [2, л. 13].

Подобным образом, «дойдя до г. Лиды расположились на зимних квартирах лейб-казаки эскадроны – нижние чины в окрестных деревнях, а штаб полка – в городе (22 Февраля 1855 г. штаб полка перешел в Новогрудок, весной 1855 г. – в м. Домачев. Там полк пробыл до зимы, а на зимние квартиры перешел в Пружаны. – А.А.)» [5, с. 463–464]. В Волковыск на зимних квартирах остался лейб-гвардии уланский полк, расположив эскадроны по окрестным селениям [6].

Схема расположения гвардейских подразделений на белорусских землях составлялась непосредственным командованием (дивизионным квартирмейстером) на местах. В ее разработке также активно участвовали губернаторы. К лету 1855 г. дивизионный штаб и штаб л.-гв. Конно-Гренадерского полка квартировал в Пружанах, штаб л.-гв. Уланского полка был расположен в Кобрине, штаб л.-гв. Гусарского полка – в Высоколитовске, штаб л.-гв. Казачего полка – в м. Домачево, л.-гв. Конная № 2 батарея квартировала в Сельце, л.-гв. Донская батарея – в Березе-Картузской, штаб л.-гв. Финляндского полка стоял в Бельске, штаб л.-гв. Гренадерского полка находился в Белостоке, л.-гв. Батарея № 4 батарея – в Маковлянах, л.-гв. легкая № 5 батарея была расположена в Кринках, л.-гв. Батарея № 3 батарея с бригадным штабом – в Соколке, штаб л.-гв. Павловского полка был расположен в Волковыске, штаб л.-гв. Финского стрелкового батальона – в Деречине, лейб-гвардии саперный батальон – в районе Гродно [8, л. 34, 34 об., 35 об., 36].

В конце августа 1855 г. Гродно и его окрестностям предстояло стать местом проведения летних сборов 2-й гвардейской пехотной дивизии. На это же время были назначены сборы 1-й легкой кавалерийской дивизии в районе Брест-Литовска (до начала августа сборы кавалерийской дивизии планировалось проводить в районе Пружан). Проведение сборов было одобрено Николаем I [8, л. 34–36]. В июле в Гродно был командирован дивизионный квартирмейстер 2-й гвардейской пехотной дивизии капитан Н.Н. Обручев, «для выбора учебного места и составления дислокации на тесных квартирах в ближайших окрестностях» (впоследствии Обручев стал известным ученым-реформатором, «умом военного министерства», разработавшим стратегический план победоносной войны с Турцией). Здесь частям дивизии предстояло пройти ряд тактических занятий [8, л. 1]. Командующий гвардейским корпусом П.А. Витовтов просил губернатора позаботиться «об отводе для дивизии учебного места в возможно скорейшем времени, чтобы жалонерные учения могли начаться

тотчас по сборе в Гродно 8 августа, а также об отводе помещений для желонеров всех частей дивизии в числе 5 обер-офицеров и около 100 нижних чинов» [8, л. 1 об.]. Дивизионным квартирмейстером Н.Н. Обручевым для предстоящих учений в окрестностях Гродно лучшими местами были признаны «пространства по правую сторону р. Немана между селениями Станиславовым, Пршеселками и Грандичами, а по левую – между мытой Августовкой и городом». «Но так как с полей помянутых пространств, – докладывал губернатору Обручев в середине августа 1855 г., – хлеб еще не снят, то я имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство о распоряжении дабы хлеб сей был убран в возможно скорейшем времени и не позже как к 19 числу сего августа месяца». Н.Н. Обручев также просил несколько теснее поставить людей местного гарнизонного батальона, расквартированного в городе [8, л. 23, 23 об.].

Сбор войск 2-й гвардейской пехотной дивизии должен был посетить командующий западной армией генерал-адъютант С.П. Сумароков. Его сопровождал «исправляющий должность» начальника штаба западной армии генерал-майор М.Л. Фантон-де-Веррайон, генерал-квартирмейстер полковник В.С. Семека, начальник артиллерии генерал-майор Лутновский [8, л. 12]. К приезду генералов, а также возможному посещению города императором в Гродно готовились. Из отношения гродненского губернатора Х.Х. Ховена местному полицмейстеру: «На случай приезда Николая и по поводу ожидаемого прибытия в Гродно генерала-фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича-Эриванского, а также командующего западной армии генерал-адъютанта С.П. Сумарокова, я уже предписал Вашему Высокоблагородию вчерашнего числа о приведении города в благовидное состояние» [8, л. 15]. Гостей-генералов было решено разместить в губернаторском доме. Сам губернатор вынужден был его покинуть, остановившись у князя Четвертинского, которому по требованию его поверенного платил по 150 р. в месяц [8, л. 91–91 об.].

Еще до начала сборов гвардейской дивизии активно заготавливались подводы, дрова, солома, «содержалось в совершенной готовности нужное число экипажей с лошадьми для доставления к сборным местам войск высоких гостей» [8, л. 45–46]. Для учебного места 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии возле Брест-Литовска было выбрано «луговое пространство под самым Брестом, а также поле под Белостокскою слободкою, имеющее около квадратной версты» [8, л. 49]. По окончании сборов «комиссии для оценки потопанных полей», предстояло определить сумму компенсации местным жителям за нанесенный ущерб [8, л. 49, 49 об.]. Однако все приготовления оказались напрасными – эпидемия холеры встала на пути как гвардейских частей, так и высоких гостей. Сегодня трудно установить, каким путем болезнь проникла на территорию белорусских губерний, однако, по оценкам командования гвардейских подразделений, во многих местах она свирепствовала еще до прихода гвардии [4, с. 317–325].

Неудачи Крымской кампании положили начало всестороннему реформированию военного хозяйства. Эпидемии, недостаток продовольствия, лишения длительного похода не могли не запечатлеться в памяти столичного гарнизона, который, вернувшись после окончания Крымской войны в петербургские казармы, должен был стать одним из главных катализаторов военной реформы (до 1862 г. при отдельном гвардейском корпусе работала комиссия «для улучшений по военной части»). Одним из ключевых элементов ее деятельности стала организация новой системы военно-территориального управления и расположения армии в мирное время. В частности, к лету 1862 г. были сформированы органы управления образованного Виленского военного округа, вобравшего территорию Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской губерний [16, с. 10–51].

Создание органов военно-территориального управления должно было уменьшить расходы на содержание войск в мирное время, а также более эффективно организовать схему их территориального расположения и квартирного довольствия на местах. Органы военного управления должны были стать неотъемлемой частью административного аппарата белорусских губерний (в частности, до 1912 г. должность командующего войсками Виленского военного округа преимущественно совмещалась с генерал-губернаторской). Так, согласно «табели о рангах» губернаторы были равны начальникам дивизий (на белорусских землях округа их было 8) и крепостей (2), корпусные командиры были выше губернаторов (с 1877 г. на территории белорусских губерний их было 5!) [17, с. 590]. Таким образом, войска приводили с собой по меньшей мере 15 высших военно-политических сановников Российской империи. С образованием округа постепенно сложился и постоянный состав армейских соединений, дислоцировавшихся на белорусских землях, многие из которых не покинули территорию белорусских губерний до начала Первой мировой войны (т.е. дислоцировались здесь на протяжении пятидесяти лет). «Управление округа представляло собою в миниатюре Военное министерство. Оно состояло из окружного штаба, военно-окружного совета и шести отделов: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского и окружного инспектора военных госпиатлей» [18, с. 90].

Стратегическое значение пограничного округа подтверждает назначение в случае войны командующего округом на должность командующего действующей армии и преобразование окружных отделов в отделы ее полевого управления (что и произошло с началом Первой мировой войны) [18, с. 106]. Войска округа были призваны составить костяк будущей западной армии, а возможно некоторое время вести боевые действия без подкрепления. Таким образом, на белорусских землях (как и на территории всего округа) должны были дислоцироваться самые боеспособные части российской армии. Образование округа совпало с началом восстания 1863–1864 гг., что также способствовало увеличению численности военного контингента на наших зем-

лях. «С началом 1863 г. войска приграничных округов (и в первую очередь Виленского. – А.А.) стали усиливаться передвижением полевых войск из внутренних округов... В начала лета польский вопрос принял общеевропейский характер и пришлось (дополнительно. – А.А.) стягивать наши войска к западным границам. Туда были перемещены почти все резервные батальоны для переформирования их в полки» (в 1865 г. на белорусские земли из Московского округа была переведена 16-я пехотная и 7-я кавалерийская дивизии) [16, с. 76–77]. Из состава последних на белорусских землях были сформированы 26-я, 27-я, 28-я, 29-я, 30-я и 31-я пехотные дивизии [16, с. 77]. На белорусских землях Виленского военного округа также были сформированы 25-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я, 30-я и 31-я артиллерийские бригады», которые привязывались к одноименным пехотным дивизиям (по принципу «26-я» пех. див. – «26-я» арт. бриг, «30-я» пех. див. – «30-я» арт. бриг. и т.д.) [17, с. 10].

К 25 октября 1863 г. 26-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Вильно и Динабурга (в 1866 г. она была направлена из Динабургского района в Гродненский, а ее место заняла 16-я пехотная дивизия, которая уже в 1868 г. поменялась местами с 29-й, дислоцировавшейся в районе Могилева); между Вильно и Лидой расположились 2 полка 27-й пехотной дивизии; 28-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Витебска (в 1865 г. она была направлена в район Ковно); 29-я пехотная дивизия, дислоцировалась между Могилевом, Оршей и Борисовом; 30-я пехотная дивизия растянулась между Вильно, Минском, Пинском и Новогрудком; 31-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Слуцка и Бобруйска (в 1868 г. она была перемещена в Харьковский военный округ); кроме того, на Гродненщине была дислоцирована 3-я пехотная дивизия (в 1866 г. она перешла в Московский военный округ); на Гродненщине также дислоцировались 2 полка 1-ой кавалерийской дивизии (в 1865 г. на ее место из Московского округа были переведены части 7-й кавалерийской дивизии) и две артиллерийские бригады; артиллерийская бригада дислоцировалась также между Вильно, Ошмянами и Сморгонью; кроме того, по территории белорусских губерний были рассредоточены многочисленные гарнизонные подразделения корпуса внутренней стражи; для борьбы с повстанцами с Дона и Урала было стянуто шесть казачьих полков (штабы которых расположились в Кобрине, Могилеве, Вильно, Белостоке, Слуцке и Гродно) [18]. Таким образом, всего на белорусских землях к концу 1863 г. было расположено 6,5 пехотных дивизий, 3 артиллерийских бригады и 6 казачьих полков – всего около 60 тыс. солдат и офицеров.

Большинство соединений, сформированных на белорусских землях во время образования Виленского военного округа, не покинуло его территорию до начала Первой мировой войны (26-я пех. див. с 26-й артбригадой – Гродненской губернии, 27-я пех. див. с 27-й артбригадой – белорусских уездов Виленской губернии, 30-я пех. див. с 30-й артбригадой – Минской губернии). С 1863 по 1880 гг. на территории Витебской и Могилевской губернии дислоцировались также 16-я пех. див. с 16-й артбригадой, уступившие в 1881 г. место 41-й пех. див. с 41-й артбригадой. В том же году на территорию Гродненской губернии вступили 38-я пех. див. с 38-й артбригадой. Регулярно Гродненская и соседние с ней уезды Минской губернии становились центром дислокации различных кавалерийских соединений (с 1863 г. по 1865 г. – 1-й див, с 1876 г. по 1882 г. – 7-й див, с 1882 г. по 1903 г. – 14-я). До 1882 г. в каждой губернии находилось по одному батальону местных войск, впоследствии переформированных в 43-ю пех. див.

До начала 80-х гг. XIX в. пехотные полки (делившиеся на 3 батальона, каждый из которых был разделен на 5 рот) были расположены на территории белорусских губерний таким образом, что не только батальоны, но и роты одного полка никогда одновременно не находились на территории одного населенного пункта. Штаб-квартиры отдельных батальонов, как правило, располагались в трех наиболее крупных населенных пунктах вокруг своего полкового штаба. Так, например, в 1868 г. штаб 1-го батальона Углицкого полка (полковой штаб которого находился в Орше) был расположен в Горках, штаб 2-го батальона – в Шклове, штаб 3-го батальона – в Копыси. В свою очередь, штаб-квартиры отдельных рот (ротные дворы) располагались в пяти наиболее крупных населенных пунктах вокруг своего батальонного штаба на удалении 10–15 верст друг от друга, а их личный состав, квартировавший в домах гражданского населения, в составе небольших групп по 5–10 чел. располагался в окрестных селах, расположенных вокруг ротного двора. Подобную схему территориального расположения использовали также кавалерийские полки и артиллерийские бригады. При этом районы расположения отдельных полков и артиллерийских бригад никогда не перекрывали друг друга, что при подобной схеме территориального размещения покрывало территорию белорусских губерний равномерной сетью ротных дворов, превращая в центры расположения различных мелких армейских подразделений одновременно около 2 тыс. населенных пунктов на белорусских землях.

Все соединения российской армии, дислоцировавшиеся на белорусских землях в рассматриваемый период, условно можно разделить на четыре группы, а именно: гарнизонные («местные») подразделения, специальные части, казаки и полевые войска. К числу первых, по существовавшим в то время административным нормам (в частности, на основании утвержденного 25 октября 1854 г. «мнения» Государственного Совета), следует отнести армейские подразделения, постоянно находившиеся на территории белорусских губерний и использовавшиеся при охране административных учреждений, этапировании заключенных, сопровождении рекрут и т. п. [19, л. 1–1 об.]. Гарнизонные подразделения во второй половине XIX – начале XX вв., как правило, не участвовали в военных кампаниях и десятилетиями не меняли места своего расположения, находясь в распоряжении губернаторов. Именно по этой причине содержание данных соединений было отнесено к местным губернским повинностям, а в отношении потребностей воинского управления производилось за счет

отчислений из фонда так называемых «местных сборов на общие земские повинности» [19, л. 1–2]. К их числу следует отнести дислоцировавшиеся во всех губернских и крупных уездных городах части Корпуса внутренней стражи (гарнизонные, а позднее губернские батальоны и уездные («инвалидные») команды). В отличие от современных внутренних войск гарнизонные подразделения не отличались ни высокой степенью мобильности, ни специальной подготовкой, пополняя свои ряды преимущественно из ветеранов полевых войск, а иногда и нарушителей армейской дисциплины, переведенных туда в качестве наказания. Учитывая последнее обстоятельство, называть их внутренними войсками в современном понимании было бы некорректно. Гарнизонные подразделения в некоторых источниках могут называться «внутренними», но лишь в отношении какой-то ограниченной территории (в первую очередь, губернии). В отличие от современных внутренних войск, они не могли также в полной мере выполнять полицейские функции. С последней задачей справлялись не столь многочисленные, но подготовленные и мобильные казачьи отряды. Возможно это стало одной из причин ликвидации в начале 80-х гг. XIX в. изживших себя гарнизонных подразделений (Корпус внутренней стражи как таковой был упразднен еще в середине 60-х гг. XIX в.), переформированных в полевые пехотные полки [19, л. 1].

В период восстания 1863–1864 гг. местные войска, уступив место мобильным казачьим отрядам, зарекомендовавшим себя в качестве силовой опоры гражданской администрации (в чем, собственно, и состоит одна из основных функций внутренних войск). В связи с этим командование новообразованного Виленского военного округа в середине 60-х гг. XIX в. стало активно изучать опыт использования казачьих формирований в интересах гражданских властей на местах [92, л. 1]. Оказалось, что к этому времени казачьи отряды непрерывно привлекались уездными чиновниками к полицейской, охранной и даже таможенной работе. Так, казаки 1-й сотни 32-го Донского казачьего полка (штаб которого в это время находился в Брест-Литовске), квартируя в 1866 г. в пограничных местечках и деревнях Белостокского уезда, «несли службу на импровизированных таможенных постах, наблюдая и преследуя неблагонадежных и беспаспортных, а, в случае надобности содействовали полиции и жандармерии» [20, л. 3]. Казаки этой же сотни, квартируя по пять человек при станковых квартирах, занимались рассылкой экстренных бумаг, выполняя таким образом функции современной фельдъегерской службы [92, л. 3об.]. Большинство же из них использовалось как для разъездов по Белостоку (которые можно считать прототипом современной патрульно-постовой службы), так и «при обысках, для взывания штрафов и контрибуции (в том числе и частного характера, как это было в Пружанском уезде. – А. А.)», выполняя в данном случае функции судебных приставов [20, л. 3об., 20]. В Волковысском уезде полусотня того же полка использовалась как «для усиления полицейского надзора», так и дежурства на станковых квартирах. Часть из них, находясь в распоряжении военного начальника Волковысского уезда, выполняла различные поручения гражданских чиновников [20, л. 3об.].

Брестский военно-уездный начальник подполковник Агелин жаловался на то, что, по его мнению, казаки в губернии дислоцировались неравномерно и не у всех местных властей была возможность прибегать к их помощи, указывая тем самым на необходимость организации на их основе внутренних войск, среди которых не нашлось место старым подразделениям корпуса внутренней стражи [20, л. 10–10 об.]. 16 декабря 1866 г. появилась и широко растиражированная «Инструкция для службы казаков в Виленском военном округе», которая официально закрепляла их функции: «Служба их заключается в преследовании преступников, ночных разъездах, предупреждении беспорядков при значительном стечении народа и в разных других обстоятельствах, неизбежно требующих военного содействия» [20, л. 30–30 об.]. Таким образом, в руках казаков к середине 60-х гг. XIX в. сосредоточились полицейская, таможенная, патрульно-постовая, фельдъегерская службы, в чем были заинтересованы в первую очередь гражданские чиновники.

Уже в 60-е гг. XIX в. из состава местных войск также начали выделяться отдельные учебные (резервные) стрелковые батальоны, пешие, а также конные этапные и охранные команды, которые следует отнести к войскам, выполнявшим специальные задачи: этапирование заключенных, подготовку военнослужащих новобранцев, охрану различных казенных объектов (напр. продовольственных складов). В отличие от местных войск специальные содержались за счет отчислений из фонда так называемых «общих государственных повинностей» («на счет общих государственных повинностей») [20, л. 2] и были профессионально более подготовлены к выполнению поставленных перед ними задач.

Самую многочисленную группу дислоцировавшихся в рассматриваемый период на белорусских землях армейских подразделений составляли регулярные полевые войска, к которым следует отнести все пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерные подразделения, составлявшие военную мощь государства. К середине 60-х гг. XIX в. по числу дислоцировавшихся полевых войск новообразованный Виленский военный округ уступал в Российской империи лишь приграничному Варшавскому и значительно опережал Киевский, Одесский, Харьковский, Санкт-Петербургский и пр. На его территории в конце 60-х гг. XIX в. дислоцировалось около 60 тыс. солдат и офицеров.

Среди дислоцировавшихся на белорусских землях полевых войск доминировали сведенные в несколько дивизий пехотные подразделения, которые лишь периодически несли так называемые городские караулы или направлялись на «кордонную» службу для усиления подразделений пограничной стражи, назначались для охраны участков железной дороги в пути следования царских поездов. По воспоминаниям одного из офи-

церов устюжского полка, «служба полка заключалась, главным образом, в содержании караулов при штабе полка, а также в крепости Брест-Литовск, для чего один батальон полка по очереди располагался со своею стрелковою ротой в крепости на два с половиной месяца. Кроме того, один батальон полка, без своей стрелковой роты, ходил изредка на русско-прусскую границу, занимая по ней участок между местечками Таурогеном и Юрбургом Росиенского уезда Ковенской губернии, где располагался вдоль границы по кордонам, помогал пограничной страже наблюдать за контрабандистами и не позволял им проносить через границу запрещенные товары» [21, с. 124].

В непосредственной близости от прусской (германской) границы (в Августовской, Ковенской и Митавской губерниях), на польских, литовских и латышских землях, традиционно дислоцировалась кавалерия. На белорусских землях, как правило, находилось не больше одной кавалерийской дивизии. Широко на территории наших губерний была представлена находившаяся в непосредственной связи с пехотой артиллерия. В Динабургском, Виленском и Бобруйском укрепленных районах также постоянно содержались части крепостной артиллерии и некоторые подвижные артиллерийские парки. В 70-е гг. XIX в. на белорусских землях появились первые саперные и понтонные батальоны. Во второй половине 70-х гг. XIX в. передвижение войск на белорусских землях стали обеспечивать три железнодорожных батальона, сведенные в 1886 г. в железнодорожную бригаду, поставленную у ст. Барановичи-Полесские [22, с. 181–195.] В начале XX в. в Вильно, Гродно и Лиде были образованы первые воздухоплавательные роты.

С началом военной реформы и завершением восстания 1863–1864 гг. предстояло, в первую очередь, упорядочить систему территориального расположения войск. Военный министр надеялся решить эту проблему, привлекая к подготовке очередного проекта «квартирного расписания» местные органы государственной власти и, в первую очередь, губернаторов: «Отныне, – писал министр, – подробное размещение определенного для округа числа войск с возможными для них удобствами может быть окончательно установлено только при ближайшем соображении всех местных обстоятельств и при участии в сем деле гражданского начальства» [23].

Что касается передвижения войск внутри военного округа, то в официальном послании Д.А. Милютину министру внутренних дел от 6 ноября 1864 г. было замечено, что «постоянное картирование войск на одних и тех же местах представляет столь важные неудобства, что заставляет совершенно отказаться от прежней системы назначения для них постоянных квартир: повременная смена частей войск необходима, как в видах уравнительного распределения службы между войсками, так и для придания им большей подвижности, дабы они не считали себя, так сказать прикрепленными к одним и тем же пунктам, не увеличивали без надобности своего хозяйства, составляющего и ненужное и дорогостоящее бремя при каждом передвижении, не заводили бы напрасных складов, требующих только лишних людей для их охранения и были бы готовы к выступлению, куда надобность укажет» [23, л. 2].

Насколько недалеким была программа развития системы территориального расположения войск министра Д.А. Милютин свидетельствует то, что сразу же после завершения русско-турецкой войны командование Виленского военного округа постаралось сосредоточить части подразделений, рассредоточенные по уездам белорусских губерний в наиболее крупных городах – Гродно, Бресте, Минске, Витебске, Могилеве, Вильно. Это было связано с тем, что, если до середины 70-х гг. XIX в. «медленность в сосредоточении армий обеих сторон (России и ее потенциальных противников. – А.А.) исключала необходимость заблаговременно разработанного плана дислокации мирного времени», то после окончания русско-турецкой войны расположение войск в конкретных географических точках получило принципиальное значение [24, с. 31]. По мнению Генерального штаба, «вследствие преимущества в быстроте сосредоточения войск враждебной стороны еще в мирное время должны были быть составлены не только общие соображения об употреблении вооруженных сил в случае войны, но и тщательно разработаны расчеты районов их расположения» [24, с. 32].

С этого момента важнейшим фактором, определявшим расположение войск в границах белорусских губерний, становилась близость отдельных населенных пунктов к границе Германской империи. Так, в частности, Гродно от нее отделяло не более 70 км, Вильно – немногим более 150. Крепостные сооружения нового типа, возводившиеся вокруг этих губернских центров с начала 80-х гг. XIX в., усиленные самыми многочисленными на белорусских землях гарнизонами, оказались вытянутыми вдоль ее восточного полумесяца. Район брестской крепости должен был разделять прусский и австрийский фронты, препятствуя передвижению немецких и австрийских войск с севера на юг и обратно. Дислокация войск на белорусских землях и, в частности, их сосредоточение в Принеманском регионе сопровождалось активным развитием сети железнодорожных коммуникаций.

Сосредоточенное расположение войск значительно упрощало процесс боевой подготовки, повышало общую дисциплину, способствовало улучшению качества питания военнослужащих и пр. В тоже время подобная модель территориального расположения войск ставила перед крупными городами ряд серьезных задач, главными из которых были казарменное строительство и развитие необходимой инфраструктуры.

Важной составляющей подготовки российских войск, дислоцировавшихся на белорусских землях, являлись летние лагерные сборы, проводившиеся для всех подразделений округа ежегодно с мая (июня) по сентябрь. «Местности, отводимые под лагерные сборы, находились вблизи крупнейших городов окру-

га: Динабурга, Гродны, Вильны, Ковны, Риги, Бобруйска и Могилева, – в каждом пункте для одной пехотной дивизии с ее артиллерией, и в Трокском уезде, около местечка Оран, – для всей артиллерии округа и стрелковой бригады, собственно для стрельбы, по окончании которой все артиллерийские части отправлялись в лагерь своих дивизий, а стрелковая бригада в лагерь под Гродно» [25, с. 550–551.].

Так, лагерь под Могилевом к концу 70-х гг. XIX в. «раскинулся в 500 шагах от Днепра, на левом его берегу, в версте от предместья Луполово. Суздальский, Углицкий и Казанский полки располагались в одну линию; ближе к городу, на территории лагеря были построены деревянные здания лазаретов, кухня, цейхгаузов, офицерских собраний, гимнастические городки, хлебопекарни, конюшни и пр.; почти у каждого офицера был свой деревянный барак, или под палатку, или в виде отдельного домика. Впереди лагеря, на открытом бугре – деревянная находилась дивизионная церковь. В Суздальском и Углицком полку все палатки утопали в густых березовых аллеях. Вокруг офицерских палаток устраивались дерновые скамейки, деревянные ограды и разводились целые цветники» [26, с. 668, 669].

В конце XIX – начале XX вв. центром крупнейших на белорусских землях армейских сборов стал Брест-Литовск. За один только теплый период 1904 г. в летнем лагере близ города прошли подготовку соединения трех армейских корпусов российской императорской армии: из состава 6-го артиллерийского корпуса – 4-я артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля), 16 артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля), 4-й конно-артиллерийский дивизион (с 20 мая по 20 июля); из состава 14-го армейского корпуса – 2 пехотная дивизия (с 20 мая по 20 июля), 2 артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля); из состава 19 армейского корпуса – 38 пехотная дивизия (с 27 апреля по 15 августа), 38 артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля), 49 пехотная резервная бригада (с 1 мая по 28 августа), 7 кавалерийская дивизия (с 5 июля по 19 сентября), 7 конно-артиллерийская дивизия (с 20 мая по 20 июля и с 15 по 19 сентября); донская казачья дивизия (с 5 по 9 сентября), донская казачья артиллерийская дивизия (с 5 по 19 сентября) и гарнизон местной крепости.

Заключение. Дислокация российских войск на белорусских землях в рассматриваемый период была обусловлена как временными обострениями отношений Российской империи с западными соседями в период Крымской войны и восстания 1863–1864 гг., так и устойчивым ростом военной напряженности с австро-германским блоком, начавшимся в конце 70-х гг. XIX в. и продолжавшимся до начала Первой мировой войны. Главным военно-политическим оппонентом России в рассматриваемом регионе выступала Пруссия (Германская империя), граница которой находилась в непосредственной близости от белорусских губерний. Расположение значительного воинского контингента вблизи восточно-прусской границы было обусловлено быстрыми темпами развития сети транспортных коммуникаций у потенциального противника и, как следствие, сокращением сроков мобилизации его армии, а также обширностью территорий самой Российской империи, что затрудняло быструю переброску войск в случае вооруженного конфликта. При этом если до начала 60-х гг. XIX в. расположение частей регулярной армии на белорусских землях носило эпизодический характер и происходило главным образом непосредственно в период обострения военно-политической ситуации (в частности, дислокация тридцатитысячной группировки войск в период Крымской войны), то к началу 60-х гг. XIX в. российское правительство пришло к пониманию необходимости создания на белорусских землях устойчивой единицы военно-территориальной организации (военного округа) с постоянным составом воинского контингента. Белорусские земли, ставшие в 1863 г. территориальной основой сильнейшего в Российской империи Виленского военного округа, в момент его образования оказались также центром формирования 6 пехотных дивизий (26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й) и 6 артиллерийских бригад (26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й), большинство из которых не покинули территорию белорусских губерний до начала Первой мировой войны. Общая численность воинского контингента, располагавшегося на белорусских землях в период существования округа, составляла от 60 тыс. (в 60-е гг. XIX в.) до 40 тыс. (в 70 гг. XIX – нач. XX вв.) военнослужащих. Его подразделения до начала 80-х гг. XIX в. регулярно меняли места расположения, но не выходили за границы отведенных им губерний, оставляя штабы в губернских либо уездных городах и равномерно распределяя личный состав по уездам губерний. С началом активного казарменного строительства, соединения округа оказались сконцентрированы на территории крупнейших городских центров (Вильно, Гродно, Бреста, Минска, Витебска, Бобруйска, Могилева, Слонима, Кобрин, Лиды, и др.), лежавших вдоль важнейших транспортных магистралей и получивших к тому времени железнодорожное сообщение, обеспечивавшее быструю переброску личного состава и вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарле, Е. В. Крымская война / Е. В. Тарле. – М. : Изографус, 2003. – 348 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 320. Оп. 2. Д. 77.
3. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 13. Д. 794.
4. Гулевич, С. История Лейб-Гвардии Финляндского полка : в 3 ч. / С. Гулевич. – СПб., 1906. – Ч. 2 : 1825–1855 гг. – 387 с.
5. История лейб-гвардии Казачьего его величества полка. – СПб. : типография второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. – 167 с.

6. Александровский, К. Очерк истории лейб-гвардии уланского ея величества государыни императрицы Александры Федоровны полка / К. Александровский. – СПб. : тип. Эдуарда Гоппе, 1897. – 267 с.
7. НИАБ. – Ф. 320. Оп. 1. Д. 334.
8. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 29. Д. 834.
9. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 809.
10. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 879.
11. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 846.
12. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента генерального штаба : в 17 т. – СПб. : в типографии департамента генерального штаба, 1848. – Т. 8. – Ч. 1 : Витебская губерния. – 282 с.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента генерального штаба. – СПб. : в типографии департамента генерального штаба, 1848. – Т. 8. – Ч. 3 : Могилевская губерния – 154 с.
14. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Генерального Штаба : в 17 т. – СПб. : в тип. департамента Генерального Штаба, 1849. – Т. 9. – Ч. 3 : Гродненская губерния. – 161 с.
15. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича (1855–1880 гг.) / сост. ген.-майор Шилдер [и др.]. – СПб. : типография М. Стасюлевича, 1880. – 543 с.
16. Осоргин, М. М. Воспоминания или Что я слышал, Что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 / М. М. Осоргин. – М., 2008. – 1000 с.
17. Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1973. – 349 с.
18. Гевеке. Материалы для истории окружного артиллерийского управления и артиллерийских частей, учреждений и заведений, подчиненных начальнику артиллерии Виленского военного округа с 1864 по 1911 год / Гевеке. – Вильно : «Знич», 1912. – 64 с.
19. Расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 февраля 1914 г. – СПб. : военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. – 578 с.
20. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 60.
21. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 152.
22. Поликарпов. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го Устюжского генерала князя Багратиона полка (1797–1897) / Поликарпов. – Вильна : типогр. шт. Вил. воен. окр., 1897 г. – 186 с.
23. К вопросу о преобразовании железнодорожной бригады // Военный сборник. – 1903. – № 3. – С. 181–195.
24. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 136.
25. Зайончковский, А. М. Подготовка России к империалистической войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам) / А. М. Зайончковский. – М. : Государственное военное издательство, 1926. – 425 с.
26. Виленский военный округ. Военное обозрение Виленского военного округа : в 2 т. / сост. офицерами Генерального штаба, состоящими при окружном штабе. – Вильна, 1877. – Т. 1. – 588 с.
27. Борисов, В. Походы 64-ого Казанского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича полка / В. Борисов, А. Сыщанко. – СПб. : тип. И. Скороходова, 1888. – 819 с.

Поступила 10.12.2016

GEOGRAPHICAL LOCATION, NUMBER AND STRUCTURE OF THE RUSSIAN TROOPS STATIONED IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

A. ARLUKEWICZ

The article describes the system of territorial arrangement of Russian troops on the Belarusian lands in the second half of XIX – beginning of XIX centuries, the causes and the stationing of troops on Belarusian lands, to determine their composition, number and location within the boundaries of the Belarusian provinces. The study built on the great circle for the first time introduced into scientific circulation of sources found in the National historical archives of Belarus, National historical archives of Belarus in Grodno, which helped to reveal the value of the Belarusian lands in the center of deployment of Russian troops on the territory of the Russian Empire in the period from the mid-nineteenth century until the outbreak of the First world war.

Keywords: *dislocation of troops, the Belarusian lands in the Russian Empire, Vilna military district, the Belorussian province.*

УДК 902 (476)

БУСЫ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВОСХОД: ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЕ

Е.П. КОРОЛЁВА

(Могилевский государственный университет)

Для женского погребального костюма характерно использование разнообразия бус по материалу, размерам и форме. Рассмотрен ряд аспектов: типология, хронология, комбинации и назначение в погребальном костюме бус, полученных в ходе археологических раскопок курганного могильника Восход в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: стеклянные бусы, ожерелье, технология изготовления, химический состав, рубленый бисер, бусы из сердолика, древнерусский период.

Введение. В ходе археологических раскопок курганных насыпей исследователи часто сталкиваются с поврежденными погребениями (из-за кладоискательских ям, корней деревьев и т.п.). Артефакты в таких случаях располагаются не на своем первоначальном месте. Из-за хрупкости материала бусы не всегда идеально сохраняются. Если сохранность и расположение бус не подвергались существенным повреждениям, то это неоценимый «клад» для исследователя. При этом артефакты требуют детального изучения и введения в научный оборот. Объектом исследования в данной статье являются бусы курганного могильника Восход, расположенного около населенного пункта Восход Могилевской области (Республика Беларусь), в урочище «Курганне». Он был открыт в 1988 г. В.Ф. Копытиным [1]. Археологические раскопки на курганном могильнике в 1995 г. проводил Я.Г. Риер [2]. Исследователем было археологически изучено 5 курганов, в 3-х из них были найдены бусы. На протяжении 2006–2010 гг. археологические работы на данном памятнике продолжал И.А. Марзалюк [3–7]. Под его руководством в ходе археологических раскопок было изучено 44 курганные насыпи. Из них в 14 были обнаружены бусы (рис. 1). Исследователи относят курганный могильник к древнерусскому периоду и датируют его концом X–XI вв.

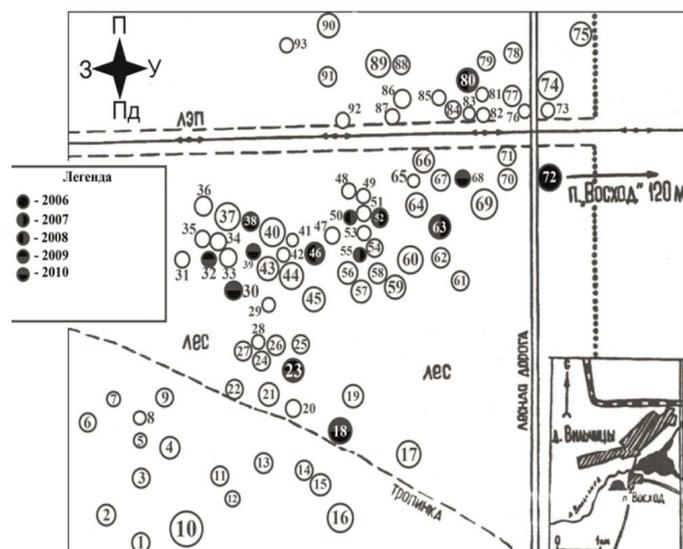

Рисунок 1. – Расположение курганных насыпей
(за основу взят план курганного могильника Восход по И.А. Марзалюку [3, с. 13])

Основная часть. По результатам многолетних археологических исследований курганного могильника Восход была собрана репрезентативная коллекция бус как из стекла, так и из природного материала. Бусы были найдены в 17 из 49 изученных курганов. В коллекции стеклянные бусы значительно преобладают над бусинами из природного материала. Могилевское Поднепровье и Посожье в древнерусский период являлись важным элементом в международной трансконтинентальной торговой системе. В определении характера обменных и торговых операций, их динамики и направлений связей важная роль принадлежит стеклянным бусам. Они являются одним из хронологических индикаторов археологических памятников.

В изученных курганах с мужскими погребениями и в кенотафах бусы не были найдены. Бусы были археологически зафиксированы в женских погребениях. Самым богатым является женское ожерелье из кургана № 63 (погребение конца X – начала XI в., ингумация), зафиксированное в районе шеи погребенной (рис. 2). Оно включает: рубленый бисер обычной формы (25 экз.), серебряные округлые лимонovidные двухчастные (42 экз.) и одночастные (4 экз.) бусы. Термин «рубленый бисер» (группа VIII, подгруппа 3, по З.А. Львовой) в научный оборот был введен Ф.Д. Гуревич [8, с. 86]. *Рубленый бисер* из стекла голубого цвета (19 экз.) преобладает. Он имеет гладкую блестящую поверхность и следы полировки. Для того чтобы получить такую поверхность и уменьшить количество брака, готовый бисер ссыпали с сосуд с мелким песком или золой, который слегка нагревали [8, с. 86]. Хорошую сохранность имеет бисер коричневого цвета (4 экз.). Верхний слой у бисера желтого цвета (2 экз.) ирридирован, а внутренний расстеклован до белого крупчатого состояния.

Рисунок 2. – Ожерелье КП 004533-004545 (МИМ)

Все *серебряные округлые лимонovidные одночастные и двухчастные стеклянные бусы* декорированы серебряной фольгой. Из них 2 экз. двухчастных бус сохранились фрагментарно, примерно на 50 % (1 экз. имеет поперечный скол; 1 экз. – продольный скол). Все неровности и прожилки имеют продольное направление. Изготовлены они из тянутых стеклянных трубочек и относятся к группе VIII, подгруппе 1 (по З.А. Львовой) [8, с. 82]. Процесс изготовления таких бус осуществлялся двумя способами: 1) стеклянную основу с металлической фольгой покрывали жидким стеклом; 2) на стеклянную основу с металлической фольгой надевали более широкую трубочку из стекла [9, с. 324, рис. 1]. Для изготовления использовали специальный инструмент (щипцы), с помощью которого из стеклянной трубочки с тремя слоями формировали округлые дольки. Использовали также и специальные каменные формы для изготовления таких бус [9, с. 325, рис. 2]. На таком способе изготовления специализировались ближневосточные мастерские, ориентированные на международную торговлю [8, с. 82–85; 10, с. 219]. З.А. Львова отмечает, что рассматриваемые бусы бытуют в северных и центральных районах Восточной Европы в X–XI вв., в Западной Европе – в VIII–IX вв., расцвет бытования в южных районах Восточной Европы также приходится на VIII–IX вв. н.э., но в X в. здесь они практически исчезают [8, с. 84]. Такие изделия характерны для курганов X–XI вв. Минской, Могилёвской, Смоленской, Черниговской, Полтавской и Тверской губерний (по наблюдениям Ю.Л. Щаповой) [11, с. 174]. В погребениях волжских булгар (IX–X вв.) массовым серийным способом из тянутой стеклянной трубочки изготовлено более 80% бус [12, с. 52]. В Смоленской, Калужской, Владимирской, Калининской и Ярославской областях золоченые бусы преобладают над бусами из цветного стекла [13, с. 158].

Золоченые и серебряные цилиндрические стеклянные бусы изготовлены по другой технологической схеме – путем навивки (кручения) стеклянной массы на твердую основу (группа IV, по З.А. Львовой [8, с. 73–80]). Для таких бус характерен индивидуальный и серийный способ изготовления. Изделия изготавливали из крученых (не тянутых, что характерно для бус группы I, по З.А. Львовой) трубочек. Технологические приемы изготовления самих крученых трубочек могли быть разными. Способ 1 – многократное накручивание на стержень тонкой полоски стекла. Способ 2 – толстый лист стекла один раз обернули вокруг стержня с последующим скреплением концов. После этого трубочки разделяли на отрезки разной длины, окатывали и оплавливали края [8, с. 73]. У золоченых бус (6 экз.) фольга сверху покрыта бесцветным слоем стекла, виден стык краев фольги. На изделиях присутствуют элементы коррозии, сохранность цвета фольги достаточна яркая. Фольга не всегда расположена ровно и не покрывает всю по-

верхность бусин. По краям фольги присутствует кайма из бесцветного стекла. Этот признак (по Ю.Л. Щаповой) появляется в конце X – начале XI в. и характерен для бус византийского производства [14, с. 87–88, 178–180]. Единичным экземпляром представлена серебряная бусина цилиндрической формы. Такие бусы бытуют на территории Древней Руси с конца X в. до начала XII в. [13, с. 297–298]. В Могилевском Поднепровье и Посожье серебряные бусы встречаются реже золоченых [15, с. 21]. Золоченые стеклянные бусы представлены единичными экземплярами. Они изготовлены путем навивки стеклянной массы на твердую основу и последующим приданием необходимой формы (группа IV, по З.А. Львовой [8, с. 73–80]). Такие бусы относятся к ранним формам золоченых бус. На древнерусских памятниках они бытуют в X–XI вв. [2, с. 158]. При визуальном (внешнем) анализе битрапецидной бусины можно отметить, что золотая фольга обтянута защитным слоем из бесцветного стекла и покрывает артефакт не на всю высоту. Местами фольга имеет плохую сохранность. На поверхности есть скол верхнего защитного стеклянного слоя и золотой фольги до уровня нижнего основного слоя из бесцветного стекла.

Сердоликовые бусы в составе ожерелья представлены немногочисленно. Они включают бусы призматической восьмигранной (4 экз.) и зонной (3 экз.) формы (табл. 1). Такие формы бус были широко распространены на территории Древней Руси с X по XII вв., что подтверждает и картографирование артефактов [13]. Единственным экземпляром представлена бусина из горного хрусталя (см. табл. 1). Она имеет правильную многогранную форму. Могилевское Поднепровье и Посожье в X–XI вв. входит в зону сосредоточения каменных бус восточного импорта [13, с. 156].

Таблица 1. – Каменные бусы

Тип	Номер кургана/ Количество	Итого (экз.)
Сердоликовые бусы	№ 63 / 7; № 72 / 1; № 23 / 1; № 30 / 1; № 46 / 1; № 50 / 1; № 32 / 2	14
Хрустальные бусы	№ 63 / 1	1

Бусы из цветных камней (хрусталя, яшмы, агата, аметиста, сердолика) относят к одним из ранних изделий южного иноземного импорта (Восток, Византия, Кавказ и Средняя Азия). География распространения каменных бус во многом совпадает с распространением кладов монет. Считается, что поступали бусы такого типа по тем же торговым путям, что и арабские дирхемы, а затем «вливались» во внутреннюю торговлю [16, с. 155, 158; 13, с. 154]. Во второй половине XX в. исследователи картографировали археологические находки каменных бус [13; 16, с. 156, рис. 1]. Результат их научных исследований показал, что по количеству доминируют сердоликовые бусы, второе место занимают хрустальные бусы. Эти артефакты чаще встречаются в курганах нижнего Посожья, междуречья Березины, Западной Двины и Днепра [16, с. 156, рис. 1].

Таким образом, в состав ожерелья из кургана № 63 входят бисер, хрустальная, сердоликовые и стеклянные бусы. Кроме них присутствуют украшения из металла (язычковые подвески) [4, с. 8; 17] (рис. 2). В рассматриваемом кургане сочетание бус относится к сборной комбинации. Известно, что при изучении наборов бус из древнерусских курганов X – начала XI в. выделяют 3 типа комбинаций (образцовая, общая, сборная) [18, с. 144; 19, с. 238–239; 20, с. 244–259].

Рисунок 3. – Стеклянные бусы как элемент погребального костюма (курган № 80)

Бусы на территории формирующегося древнерусского государства в X – начале XI вв. являлись в основном женским украшением. Знатные по социальному положению женщины предпочитали носить более дорогие ожерелья со сборными комбинациями, которые включали бусы из стекла и природных материалов (хрусталь, сердолик и т. п.). Исследователи отмечают, что такого рода сборные комбинации характерны чаще всего для скандинавских погребений [17; 19, с. 240].

Беспорядочно разбросанные стеклянные золоченые бусы были зафиксированы во время археологических раскопок кургана № 80 [5, с. 13, 16, 73]. Бусы (КП 004857-004898 (МИМ)) располагались в области шеи погребенной и в совокупности составляли ожерелье (рис. 3). Назначение бус в костюме погребенной женщины из кургана № 80 – украшение. Оно составлено по образцовой комбинации (см. рис. 3). Технология изготовления бус – навивка (кручение) стеклянной массы на твердую основу (группа IV, по З.А. Львовой [8, с. 73–80]).

Золоченные бусы цилиндрической формы насчитывают 12 экз. Технология изготовления таких бус соответствует технологии, по которой выполнены аналогичные бусы из выше рассмотренного кургана № 63 (бусы изготовлены путем навивки). Особый интерес представляют 3 бусины цилиндрической формы, которые не имеют явных признаков наличия металлической фольги. Они имеют на месте золотой и серебряной фольги полосу из желтого стекла, расположенную между двумя слоями бесцветного стекла. Что касается цвета полосы, то известно, что в стеклоделии для окрашивания изделий в желтый цвет использовали несколько красителей, в том числе и серебро. Ионы серебра при нагревании могли из самой фольги проникать в стекло и придавать ему желтоватый цвет. В древнерусский период это получалось непреднамеренно. С XIV в. и до настоящего времени для такого процесса окрашивания используют краску из порошкового серебра (диффундирование или диффузное окрашивание) [21, с. 198–200]. Рассматриваемые 3 бусины имели прокладку из серебряной фольги, которая из-за воздействия высокой температуры расплавилась, и ионы серебра придали бусине красную окраску. Аналогичные изделия были обнаружены на Мякининском курганном могильнике [9, с. 326, 327]. В ожерелье среди золоченых бус преобладает бочонковидная (или эллипсоидная, усеченная дважды) форма (20 экз.). Золотая фольга покрывает не всю поверхность изделия, есть элементы коррозии. Виден стык краев фольги, которая по цвету достаточно яркая.

Украшения имеют разные размеры. Размеры бус определялись по методике М.Д. Полубояриновой: «Учитываются два размера – высота (расстояние между отверстиями) и наибольший диаметр. Бусы у которых высота или диаметр больше 10 мм, относятся к крупным, от 6 до 10 мм – к средним, до 5 мм – к мелким» [22, с. 152]. Мелкие бусы имеют хорошо выраженное ребро. У крупных бус ребро более сглажено и кайма по краю более широкая. Для мелких бус характерны широкие хронологические рамки (по курганным материалам) – X–XII вв., а в Новгородской земле они бытуют в X–XI вв. [23, с. 139]. Аналоги крупных бус встречаются в северо-восточной и северо-западной Руси в конце X – начале XII вв., в Новгороде бытуют до XIII в. (основная масса приходится на XI в.) [13, с. 290, прил. III, 5; 24, с. 139].

На территории Восточной Латвии бочонковидная форма бус с металлической фольгой была более распространена, чем цилиндрическая [25, с. 74]. На территории Древней Руси золоченые бочонковидные бусы, также как и цилиндрические, относятся к наиболее распространенным формам стеклянных бус с металлической фольгой. О том, что они имеют большую территорию распространения, отмечал ещё А.В. Арциховский. Используя метод картографирования находок, он показал, что бочонковидные золоченые стеклянные бусы характерны для территории кривичей конца X – начала XII вв. [24, с. 111, 137]. Это мнение поддержала и Т.Н. Никольская [26, с. 79–80]. М.В. Фехнер на основе изучения материала северо-восточной и северо-западной Руси отмечает, что данный вид бус в XI в. взаимосвязан с территорией распространения дирхема, а это территория значительно шире территории кривичей. С прекращением притока дирхемов в Древнюю Русь стеклянные бусы с металлической фольгой могли использоваться как денежные единицы, учитывая, что максимальное распространение этих бус приходится на XI в. [13, с. 166]. Ю.Л. Щапова считает, что не совсем правильно связывать территорию распространения ближневосточных бус XI в. с территорией распространения дирхемов X в. [27, с. 89]. М.В. Фехнер была проведена значительная работа по картографированию находок бус с металлической фольгой и установлены пути поступления этого типа бус на территорию Древней Руси из стран Ближнего Востока – предположительно, через Волжскую Булгарию. М.Д. Полубояринова при изучении стеклянных изделий Болгарского городища указывает, что возможно этот тип бус специально предназначался для Древней Руси, потому что на самом Болгарском городище они почти не встречаются [22, с. 157]. Эту особенность – практическое отсутствие золоченых бус для средневожских памятников начиная с XI в. – отмечает и С.И. Валиулина [12, с. 58–59]. Х. Седлачкова, при изучении изделий из стекла IX – середины XVI вв. с территории Моравии, отмечает, что стеклянные бусы с золотой и серебряной прокладкой импортировались с территории Киевской Руси в Моравию и характерны для раннего средневекового периода (950–1200 гг.) [28, с. 194].

16 экз. золоченых бус цилиндрической формы входили в состав шейного украшения пожилой женщины, погребенной в кургане № 55 [4, с. 8]. Особый интерес вызывает погребение из кургана № 18 (ингумация). Это единственное детское погребение (конец X–XI в.), в котором в области шеи погребенной были археологически зафиксированы бусы (все стеклянные) [7, с. 6, рис. 3, рис. 12:2–4, 4а, фото 41:4, 8]. Они представлены округлыми многочастными (15 экз.) и одночастными (4 экз.) лимонovidными бусами из синего стекла (рис. 4). Погребение приходится на конец X–XI вв.

Рисунок 4. – Бусы-пронизки
КП 005877-005894¹ (МИМ)

¹ МИМ – Музей истории Могилева.

Аналогичные бусы были зафиксированы в детском погребении в одном из курганов Избищенского могильника [29, с. 219]. Изготовлены все бусы из тянутых трубочек (группе VIII, подгруппа 4, по классификации З.А. Львовой) [8, с. 82]. Для таких бус характерно серийное производство. Лимоновидные бусы относятся к ранним, если они имеют «чистый» цвет. Более блеклым цвет (грязно-бирюзовый, грязно-зеленый) становится на поздних этапах [30, с. 117].

В ходе археологических раскопок в кургане № 52 (ингумация) были найдены: золоченая боченковидная бусина, рубленый бисер, зонная стеклянная бусина и три бусины из стекла фрагментарной сохранности. По количеству доминирует бисер (17 экз.), по одной представлены золоченая боченковидная и зонная стеклянные бусины. Цветовая гамма бисера представлена светло-синим цветом. Зонная стеклянная бусина имеет темно-коричневый цвет, золоченая боченковидная бусина, благодаря наличию золотой фольги между двумя слоями бесцветного стекла, имеет золотой цвет. Зонная и золоченая боченковидная бусины занимают центральное место в низке [4, с. 49, рис. 35:1, 6, 7].

В ходе археологических раскопок кургана № 23 (ингумация) было найдено ожерелье [6, с. 8, рис. 5, рис. 16:1-21, рис. 17:2, фото 33:1-22], состоящее из рубленого бисера, сердоликовой восьмигранной (бипирамидальной) бусины и стеклянных бус разной формы. Типы бус и их количество указаны в таблицах 2–4. Вид ожерелья представлен на рисунке (рис. 5).

Таблица 2. – Бусы стеклянные, изготовленные из тянутой трубочки

Декор	Тип	№ кургана / количество бус	Итого
Без декора	Бисер обычный	№ 63 / 25; № 72 / 254; № 52 / 17; № 23 / 72; № 39 / 271; № 68 / 18; № 69 / 16; № 81 / 45; № 82 / 58	776
	Бисер крупный	№ 72 / 1; № 82 / 2	3
С декором	Лимоновидные двухчастные (сдвоенные*)	№ 18 / 15; № 23 / 1; № 82 / 4; № 50 / 1; № 32 / 1	22
	Лимоновидные одночастные	№ 18 / 4; № 23 / 3 № 32/1	8
	Серебряные лимоновидные двухчастные	№ 63 / 42;	42
	Серебряные лимоновидные одночастные	№ 63 / 4;	4
	Лимоновидные одночастные продольно-полосатые	№ 23 / 3	3
Фрагментированные		№ 52 / 3	3

сдвоенные – бусины, сделанные из трубочки-заготовки, разделенные инструментом на две или три соединяющиеся части.*

Таблица 3. – Бисер рубленый

Цвет	Форма	Номер кургана / количество бисера (экз.)	Итого
синий	обычный	№ 82 / 46	46
светло-синий	обычный	№ 63 / 19; № 72 / 16; № 52 / 17	52
коричневый	обычный	№ 63 / 4; № 81 / 12; № 82 / 12	28
зеленый	обычный	№ 72 / 21; № 39 / 1; № 69 / 1; № 81 / 4	27
жёлтый	обычный	№ 63 / 2; № 72 / 114; № 23 / 67; № 30 / 3; № 39 / 270; № 68 / 18; № 69 / 13; № 81 / 29	516
жёлтый	крупный	№ 72 / 1; № 82 / 2	3
неопределенно	обычный	№ 72 / 103; № 23 / 5; № 69 / 2.	110

Таблица 4. – Навитые бусы

Декор	Форма	№ кургана / количество бус	Итого
Без декора	Зонная	№ 52 / 1; № 23 / 3; № 30 / 4; № 82 / 2; № 38 / 3	13
	Грушевидная	№ 32 / 1	1
	Цилиндрическая	№ 38 / 1	1
С декором	Золоченые цилиндрические	№ 63 / 6; № 80 / 12; № 55 / 16	34

Окончание таблицы 4

Декор	Форма	№ кургана / количество бус	Итого
	Серебряные цилиндрические	№ 63 / 1; № 80 / 3	4
	Золоченые битрапециодные	№ 63 / 1; № 52 / 1	2
	Золоченые ребристые с кружковым орнаментом	№ 63 / 1	1
	Боченовидная (или эллипсоидная, усеченная дважды)	№ 80 / 20	20

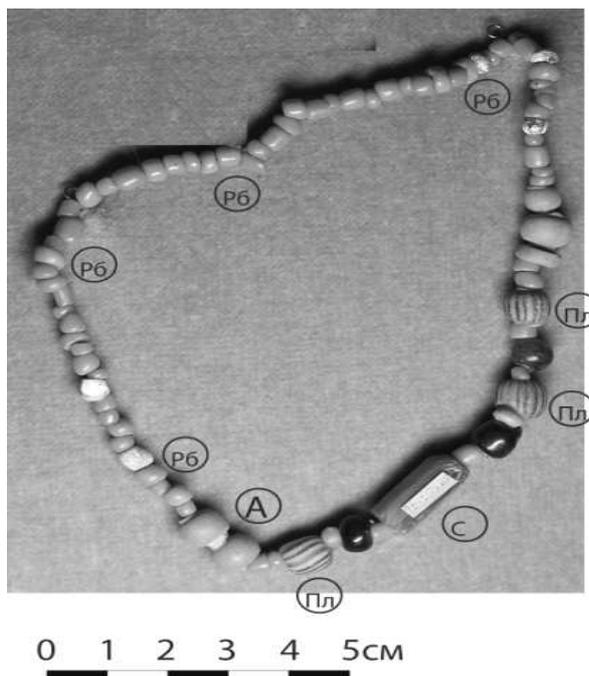

Рисунок 5. – Низка бус КП 005217 – 005296 (МИМ):
А – одноцветные округлые многочастные
лимоновидные бусы; Р6 – рубленный бисер;
Пл – одночастные продольно-полосатые лимоновидные бусы;
С – сердоликовая восьмигранная бусина

В кургане № 30 было археологически зафиксировано два женских погребения (ингумация). Погребение 1, по сравнению с погребением 2, более богатое по погребальному материалу. Исследователь И. А. Марзалюк предполагает, что второе погребение принадлежит рабыне или служанке женщины из первого погребения, так как оно расположено в ногах, имеет следы насильственной смерти и скудный сопровождающий погребальный инвентарь [7, с. 8, рис. 4, рис.13:3-5, 7, 9, 10, рис. 14:1-3, 5, 7]. Знатной женщине из погребения 1 принадлежит ожерелье-оплечье. Сохранился бронзовый подвеска-держатель для ожерелья, на который крепились украшения и нашивался бисер и бусы из стекла.

В погребении 2 кургана № 30 из бус зафиксирована одна сердоликовая зонная бусина (см. табл. 1) [7, с. 8, рис. 4]. Использовалась в погребальном наряде женщины эта бусина в качестве пуговицы.

Низка из рубленого бисера (желтого (270 экз.) и зеленого (1 экз.) цвета (таблица 5), язычковых и петлевидных подвесок была зафиксирована в кургане № 39 (погребение 2, ингумация) [7, с. 10, рис. 8, рис. 16:6,7, рис. 17:1-12, фото 45: 6, 7, фото 46:1-13, фото 47:1, фото 48: 3-7]. Рубленный бисер в составе ожерелья был археологически зафиксирован в кургане № 68 (погребение 2) [7, с. 12, рис. 10; рис. 11]. Он изготовлен из стекла желтого цвета и представлен в 18 экземплярах (см. табл. 3). В комплексе с украшениями из металла (рыбовидные привески, лунницы с орнаментом, бронзовые ажурные привески) бисер (16 экз. (табл. 5) (рис. 6:1)) из желтого и зеленого стекла был археологически зафиксирован в кургане № 69 (ингумация) [2, с. 2].

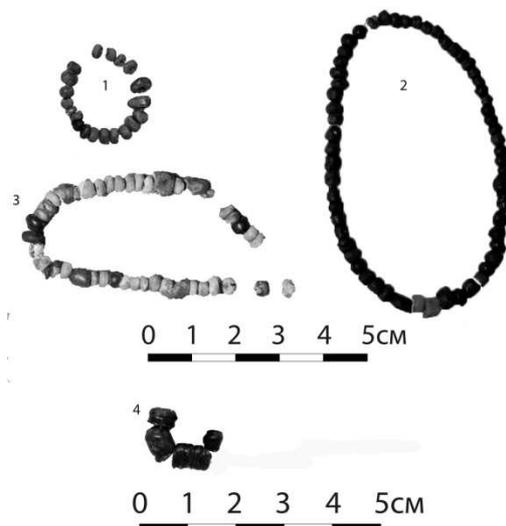

Рисунок 6. – 1 – рубленый бисер КП1176 1-16 (МИМ); 2 – рубленый бисер КП 1189 1-60 (МИМ); 3 – рубленый бисер КП 1184 1-42 (МИМ); 4 – бусы-пронизки КП 1190 (МИМ)

Рисунок 7. – Стекланные бусы как элемент погребального костюма (курган № 72)

Среди украшений погребенной были бронзовые и бубенчики-привески [3, с. 8]. Все украшения хаотично располагались в районе шеи погребенной. Среди бусинного материала по количеству доминирует рубленый бисер (254 экз. обычной формы; 1 экз. крупный бисер). Цветовая гамма бисера указана в таблице 3. Технология изготовления бисера аналогична технологии бисера из описанного выше кургана № 63. Известно, что бисер использовали по-разному в составе костюма: как шейное украшение – низка, расшивали верх одежды в области груди и шеи, нанизывали на височные кольца и т.п. Единственным экземпляром среди погребального инвентаря (курган № 72) представлена шарообразная бусина из сердолика. Она имеет яркий цвет и хорошую сохранность. Время бытования таких форм каменных бус X–XI вв. [13, с. 152].

В кургане № 46 была найдена только одна сердоликовая восьмигранная бусина [5, с. 40, рис. 13:10], расположенная в районе груди. Две бусины было найдено в кургане № 50: сердоликовая бипирамидальная шестигранная бусина [5, с. 70, фото 42:3] и стеклянная бусина-пронизка цилиндрическая лимонного цвета [5, с. 70, фото 42:4]. Курган № 32 – бусы из сердолика (2 экз. прямоугольной формы) и стеклянные бусы (грушевидной формы, одночастной лимонovidной из синего стекла, двухчастная бусина-пронизка из синего стекла) [5, с. 11, рис. 10, фото 19:1-8, фото 36:1-8]. В ходе археологических раскопок кургана № 38 были найдены 3 зонные стеклянные бусины жёлтого цвета и 1 стеклянная бусина, имеющая форму цилиндра [7, с. 9, рис.7, рис. 19:1-5, фото 48: 1-5].

Заключение. По результатам археологического изучения курганного могильника Восход была собрана репрезентативная коллекция бус. Она состоит из 831 экз. стеклянных, 14 экз. сердоликовых бус и 1 экз. представлена хрустальная бусина. Коллекция включает артефакты как целые, так и фрагменти-

рованные. Количество бус в погребениях варьируется от 1 до 271 экз. Бусы, которые встречаются в погребениях в небольшом количестве (менее 6 экз.) и чаще в районе груди, использовали в качестве пуговиц для одежды. В курганном могильнике Восход археологически изучено 5 таких погребений. Крупные наборы бус (от 60 до 271 экз.) зафиксированы в 6 курганных насыпях. 6 погребений включает меньшее количество бус: от 10 до 60 экз. Крупные наборы бус комбинировали по-разному и их использовали в составе ожерелья, низки и ожерелья-оплечья.

Подводя итог анализу бус курганного могильника Восход, отметим, что здесь присутствуют бусы хронологически разных центров стеклоделия. Обусловлено это прежде всего тем, что Могилевское Поднепровье и Посожье являлось частью единой международной торговой системы на пути «из варяг в греки». В материалах конца IX – начала X вв. преобладает продукция специализированных мастерских Ближнего Востока, в которых стеклянные бусы изготавливали из трубочки. В этот период единичными являются изделия византийских и западно-европейских мастерских, для которых характерно изготовление стеклянных бус навивкой. С XI в. и началом «безмонетного периода» стеклянные бусы активно были включены в международную торговлю, возможно, и в качестве денежной единицы. С этого времени значительно увеличивается количество бус вдоль важных водных торговых путей, в том числе днепровского, волжского. Таким образом, в XI в. господство по-прежнему принадлежит ближневосточной продукции. Однако при этом более заметными становятся изделия других мастерских (византийских прежде всего).

В рассмотренной коллекции присутствуют каменные бусы. При их анализе подтверждается отмеченная выше закономерность – доминирование по количеству сердоликовых бус над хрустальными. Могилевское Поднепровье и Посожье в X–XI вв. входит в зону сосредоточения каменных бус восточного импорта. Каменные бусы использовали в комбинациях ожерелья в меньшем количестве. Использование большего количества каменных бус в сочетании со стеклянными бусами характерно для женщин более высокого социального положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Могилёва и окрестностей. – Могилёв. / В.Ф. Копытин – Могилёв : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1993. – 100 с.
2. Рьер, Я.Р. Справоздача: аб выратавальным даследванні курганоў каля пас. Усход у 1995 г. / Я. Р. Рьер. – 23 с. (рукапіс).
3. Марзалюк, І.А. Справоздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка "Усход" у Магілёўскім раёне ў 2006 г. / І.А. Марзалюк. // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2400. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова, 2007. – 31 с.
4. Марзалюк, І.А. Справоздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка "Усход" у Магілёўскім раёне ў 2007 г. / І.А. Марзалюк. // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2522. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова, 2008. – 56 с.
5. Марзалюк, І.А. Справоздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка "Усход" у Магілёўскім раёне ў 2008 г. / І.А. Марзалюк. // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2594. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова, 2009. – 77 с.
6. Марзалюк, І.А. Справоздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка "Усход" у Магілёўскім раёне ў 2009 г. / І.А. Марзалюк. // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2699. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова, 2010. – 46 с.
7. Марзалюк, І.А. Справоздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2010 г. / І.А. Марзалюк – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова, 2011. – 86 с. (рукапіс).
8. Львова, З.А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. / З.А. Львова // Археологический сборник / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа – 1968. – Вып. 10. – Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения. – С. 64–94.
9. Столярова, Е.К. К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода / Е.К. Столярова // КСИА 224. – М., 2010. – С. 323–333.
10. Безбородов, М.А. Стеклоделие в Древней Руси / М.А. Безбородов. – Минск : Изд-во АН БССР, 1956. – 306 с.
11. Щапова, Ю.Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода / Ю.Л. Щапова // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1956. – Вып. 55. – С. 165–179.
12. Валиулина, С.И. Стеклянные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII–начале XIII вв. / С.И. Валиулина // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары / редкол.: А.Н. Кирпичников [и др.]. – СПб. : ИПК «Вести», 2000. – С. 51–64.
13. Фехнер, М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М.В. Фехнер // Труды ГИМ. / Очерки по истории русской деревни X–XIII веков. – М., 1959. – Вып. 33. – С. 149–225.
14. Щапова, Ю.Л. Стекло Киевской Руси / Ю.Л. Щапова – М., 1972. – 210 с.
15. Риер, Я.Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. По археологическим данным : монография / Я.Г. Риер. – Могилёв : МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. – 176 с.

16. Сергеева, З.М. Археологические материалы о торговле западнорусских земель в X–XIII вв. (по находкам южного иноземного импорта) / З. М. Сергеева // Труды VI Международного конгресса славянской археологии / отв. ред. В.В. Седов – М., 1997 – Т. 4 : Общество, экономика, культура и искусство славян – С. 154–160.
17. Тодорова А.А. Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) [Электронный ресурс] / А.А. Тодорова. – Дата доступа: 03.04.2014.
18. Жиронкина, О.Ю. Категория археологических находок – бусы (история изучения: основные тенденции и методы) / О.Ю. Жиронкина // Древности 2006–2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков : ООО “НТМТ”, 2008. – Ч. 2. – С. 137–153.
19. Тодорова, А.А. Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) / А.А. Тодорова // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 дек. 2003 г. – СПб, 2004. – С. 236–240.
20. Лихтер, Ю.А. Гнездовские бусы. По материалам курганов и поселений / Ю.А. Лихтер, Ю.Л. Щапова // Смоленск и Гнездово. – М., 1991. – С. 244–259.
21. Ланцетти, А.Г. Изготовление художественного стекла / А.Г. Ланцетти, М.Л. Нестеренко. – М., 1987. – 303 с.
22. Полубояринова, М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища / М. Д. Полубояринова // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 151–217.
23. Лесман, Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) / Ю.М. Лесман // Археологические исследования Новгородской земли. – Л., 1984. – С. 118–153.
24. Арциховский, А.В. Курганы вятичей / А.В. Арциховский. – М. : РАНИОН, Северный печатник, 1930. – 221 с.
25. Мугуревич, Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. / Э.С. Мугуревич ; Акад. наук Латв. ССР. Ин-т истории. – Рига : Зинатне, 1965. – 145 с.
26. Никольская Т.Н. Этнические группы Верхнего Поволжья XI–XIII вв. / Т.Н. Никольская // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXIV. – С. 78–83.
27. Щапова, Ю.Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю.Л. Щапова // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 81–96.
28. Sedlačkova, H. Ninth- to Mid- 16th- Century Glass Finds in Moravia / H. Sedlačkova // Journal of Glass Studies 48. – S. 191–224.
29. Скрипченко, Т.С. Бусы Избищенского могильника / Т.С. Скрипченко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ін-т гісторыі / рэдкал.: В.М. Ляўко (гал. рэд. [і інш.]). – Мінск : Ін-т гісторыі, 1957 – Вып. 19 : Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны. – 2010. – С. 217–221.
30. Макаров, Н.А. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем / Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, С.В. Шполянский // Диалог культур и народов средневековой Европы : К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / отв. ред.: А.Е. Мусин (ред. сост.), Н.В. Хвоцинская. – СПб., 2010. – 512 с. – С. 113–141.

Поступила 09.12.2016

BEADS OF VOSHOD BURIAL GROUND: TYPOLOGY, CHRONOLOGY, PRODUCTION TECHNOLOGY AND THE APPOINTMENT

E. KOROLYOVA

Female funerary costume diversity characterized by the use of beads on the material size and shape. In the article we consider a number of aspects: the typology, chronology, production technology and the combination of the appointment in a funeral suit beads obtained in the course of archaeological excavations burial ground Voshod at the end of XX - beginning of XXI centuries.

Keywords: *glass beads, necklace, manufacturing technology, chemical composition, chopped beads, carnelian beads, Old Russian period.*

УДК 947.032.4+321.9(471)

**ВАССАЛЬНАЯ СЛУЖБА ФЕОДАЛОВ ВКЛ И ИХ БОРЬБА
ЗА СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО СОСЛОВНОГО ИММУНИТЕТА В XV–XVI ВЕКАХ****И.Ю. УВАРОВ***(Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого)*

Рассматриваются сложные вопросы эволюции сословия служилых бояр-шляхты Великого княжества Литовского в XV–XVI вв. Отмечается, что кроме экономического благосостояния шляхтичи стремились заключать родственные отношения с представителями крупных магнатских родов, духовенством и купечеством. Система сложившегося феодального иммунитета в ВКЛ делала вассально-зависимыми все слои общества. Землевладельцы стремились к расширению своих латифундий как за счет отправления земской службы, так и в результате покупки земли. Почти в каждом феодальном пожаловании сказано о необходимости отправления вассальной службы в пользу своего пана или великого князя непосредственно.

Ключевые слова: бояре, шляхта, магнаты, жалованные грамоты, феодальный иммунитет, сословный интерес, вассальные отношения.

Введение. Изучение истории военно-служилого сословия шляхты Великого княжества Литовского в XV–XVI вв. является на сегодняшний день одним из приоритетных в современной отечественной медиевистике.

Исследуя обширный комплекс источниковедческих материалов, автор настоящей работы поставил цель выявить ряд факторов, которые указывали на то, что вассальная служба феодалов ВКЛ и их стремление сохранить свой сословный иммунитет напрямую зависели от власти представителей господарской администрации и от самого великого князя. Кроме этого, военно-политическая обстановка и социально-экономические причины могли способствовать получению целого ряда привилегий боярам-шляхте ВКЛ в XV–XVI вв.

Основная часть. Утверждение принципа сословных устремлений шляхты ВКЛ XV–XVI вв. проходило в сложных условиях феодальной эпохи: усиление великокняжеской власти, совершенствование системы государственного управления и много другое. Но главной причиной были бесконечные войны, в ходе которых из числа свободных людей выделился особый слой, класса воинов бояр, у которых было по несколько крестьян или часто не имелось даже своих феодально-зависимых людей, как было сказано в источнике «конные бояре, которые людей немають» [1, с. 41; 2, с. 23–32, 35, 38, 39]. О том, что войско ВКЛ было конным, свидетельствует в своей хронике польский историк Я. Дугош. Вся система военно-служилого вассалитета в конце XIV в. и в последующие периоды строилась по принципу владения землей, которой у бояр было всегда недостаточно [3, с. 111; 4, с. 45].

Термин боярин был широко распространен в летописании русских князей. В период подготовки похода против хана Мамай в 1380 г. московский князь Дмитрий Иванович разослал мобилизационные грамоты во все свои города с призывом к боярам и боярским детям собираться в Москве. Увеличение численности служилых людей в ВКЛ связано с активной военной политикой Витовта. Как свидетельствуют источники, первое упоминание о полоцких путных слугах относится к событиям 1 сентября 1435 г. Когда полоцкие ратники приняли участие в битве под Вилькомиром, выступив на стороне Свидригайло. Имеющиеся данные подтверждают тот факт, что польская шляхта не хотела воевать и нести материальный убыток, связанный с военным делом. Польские паны рассчитывали переложить все тяготы отправления земской службы на плечи бояр-шляхты ВКЛ. В 1454 г. Казимир Ягеллончик издал особое постановление, по которому монарх не станет издавать новых законов без ведома сейма и будет требовать от польских феодалов отправления службы в войске ВКЛ [5, с. 116–117]. Это способствовало увеличению количества служилых людей в Княжестве, о чем свидетельствуют акты конца XV – начала XVI вв. [3, с. 186; 6, с. 272–275]. Подтверждением повсеместного распространения служилых людей на полотчине может быть привилегия великого князя Александра Полоцку на магдебургское право от 4 октября 1498 г., где названы «путные слуги».

В этот период проходило свое развитие сословие шляхты ВКЛ. Шляхтич в переводе с древневерхне-немецкого языка – *slahta* – род [1, с. 40]. Шляхетское сословие постепенно становится многочисленным и приобретает большой удельный вес в социальной структуре феодального общества. Внутри этого первенствующего сословия выделилось три слоя: крупные феодалы магнаты, средняя и мелкая шляхта. Но, как свидетельствуют многочисленные исследования, определить критерии их взаимного обособления оказалось очень трудно. Под термином магнат подразумевают крупных светских феодалов земледельцев, членов знатных родов, занимавших высшие должности в аппарате административного управле-

ния. Так, например, державца слонимский Станислав Янович в июле 1517 г. был земским маршалком, а в конце декабря 1518 г. эти должности уже занимает Григорий Станиславович Остик, он же пан-рады ВКЛ [7, с. 52, 54]. К магнатам следовало относить феодалов, каждому из которых принадлежало не менее чем по тысяче крестьянских дворов. В XVI в. среди средней шляхты имелись различия в имущественном положении и политическом значении ее отдельных групп. Это нашло отражение в терминологии той эпохи. Так, например, в статутах ВКЛ и других актовых материалах упомянуты паны-рады духовные и светские, панове хоруговные, просто паны и даже панята.

Среди многих документов начала XVI в. привлекли внимание несколько документов о пожаловании Сигизмундом I земли вдове своего брата великого князя Александра, дочери московского князе Елене Ивановне. Которая и без того унаследовала от своего мужа обширные владения в поднепровских волостях. В 1510 г. 3 декабря ей был пожалован монастырь Святой Троицы «в месте Виленском до живота ее милости» в пожизненное держание. В наставлении к жалованной грамоте было сказано, что новая владелица сама назначает архимандрита, но не имеет права этот монастырь кому-либо завещать, так как это господарское владение... «тот монастырь и подане есть у воли нашої и наследков наших» [8, с. 156, 345–346]. Однако Елена Ивановна, как и другие крупные магнаты ВКЛ, выдавала грамоты своим подданным на отдельные участки земли. В 1509 г. 24 февраля она выдала грамоту Ивашке Чертову на два двора в Оболенском повете. В 1510 г. 5 мая Елена Ивановна наделила землей боярина М. Ивановича с назначением его на должность ключника в своем дворе [8, с. 316–317, 350]. И это далеко не полный перечень пожалований именитым и крупным феодалам. В 1519 г. господарь дал привилею князю Василию Ивановичу Соломирицкому, по которому он получил в имущественное держание целую волость Любошаны сроком на три года и правом собирать в ней все подати и налоги «з даню нашою грошевою и медовою и бобры и куницами, и с ыншыми нашими доходами...» [7, с. 86–87].

Самой нижней ступенью шляхетского сословия оставалась мелкая шляхта, имевшая небольшие участки земли. Эти люди находились в вассальных отношениях с магнатами и средней шляхтой. Мелкая шляхта испытывала притеснения со стороны великокняжеской администрации, старост и крупных феодалов. В разных регионах ВКЛ, а затем и Речи Посполитой были свои условия и формы имущественного держания, свидетельствующие о величии или худородности этих людей. Кроме экономического благополучия, большую роль для шляхты имели родственные отношения с людьми из числа крупных магнатских фамилий, связи с представителями церковной иерархии и обладание должностями в государственных учреждениях. Были и другие случаи, когда для увеличения личного благосостояния благородные шляхтичи женились на дочках богатых и знатных купцов и даже ремесленников. Такая ситуация могла вызвать выборочную проверку шляхетских прав у отдельных особ со стороны представителей господарской власти [9, с. 105].

Наряду с сословными привилегиями шляхты сложились традиции публичной жизни – участие в сеймовой деятельности, что создавало иллюзию участия всей шляхты в управлении феодальным государством. Вся эволюция шляхетского сословия ВКЛ развивалась под воздействием «золотых вольностей» польской шляхты в совокупности публично-правовых и частных привилегий. Из воспоминаний европейских путешественников можно делать вывод, как относились иностранцы к шляхетским вольностям в ВКЛ в XVI в. Так, например, англичанин Джильс Флетчер, описывая отношения магнатов к военной службе, пишет «у них такая свобода делать все, что угодно, что они не пользуются, а злоупотребляют своею безграничною вольностью».

Система землевладельческих отношений, которая была установлена в начале XV в., позволяла боярам пользоваться вотчинными и пожалованными владениями. Это были участки земли размером в 4–5 волюки (1 волюка = 21,36 гектара) с сенокосами, дубравами и прочими угодьями. Главным условием сохранения прав служилых людей на землю было отправление военной службы, нарушение этих условий влекло за собой передачу земли другому владельцу, от которого великий князь получит пользу государству. Такая ситуация была распространена и в соседних русских землях. Как считает С.М. Каштанов, в Московском княжестве жалованные грамоты феодалам на землевладение служили средством осуществления политики внутри княжества [10, с. 42–43].

Система сложившегося иммунитета в ВКЛ делала вассально зависимыми все слои феодального общества. Землевладельцы стремились к расширению своих латифундий как за счет отправления земской службы, так и в результате оформления сделок на куплю и продажу земли [11, с. 55]. Как свидетельствуют источники, многие шляхтичи, опасаясь полного разорения, вынуждены были продавать часть своих владений, например, треть имения, дубравы, озера и т.д. Таким образом, с ростом фольварочного производства возникли представители более зажиточного среднего слоя шляхты, которые вели постоянную борьбу за утверждение своих социально-экономических позиций [12, с. 281].

Главным стремлением к получению имущественных держаний на основе сюзеренства и вассалитета была и забота о благе потомства. Семья как социальная ячейка феодального общества ВКЛ носила патриархальный характер. Вотчина не могла быть передана по завещанию, если владелец не имел потом-

ства. В таком случае вотчина переходила к владениям великого князя. Такое положение сохранялось до принятия второго Статута ВКЛ 1566 в., в котором это было отменено.

В первой половине XV в. сложились социально-правовые отношения в среде представителей боярского сословия. К этому времени сформировались две группы бояр: те, которые раньше держали землю, оставленную им по наследству от отца при условии несения военной службы, и те, которые получили землю в качестве господарских пожалований за нынешнюю службу согласно военной обязанности. В условиях сословного общества XV в. бояре уже не могли выйти за пределы своей сословной группы, поскольку их правоспособность была ограничена отсутствием средств, а значит и прав считаться более привилегированными особами. Верхушку феодального класса в 30-е гг. XV в. составляли привилегированные знатные бояре (паны), постепенно они сформировались в единую большую магнатскую группу, состоящую из панов-рады и княжат, с единым сословным интересом, не зависимо от национальной и религиозной принадлежности. Положение каждой магнатской семьи основывалось на их экономической и военной силе. Вся система вассальных отношений, как свидетельствуют источники, строилась на иерархической лестнице и владении земельной собственностью. В 1435 г. великий князь Сигизмунд Кейстутович, находясь в Троках, дал грамоту старосте Жемойтскому пану Монтовту о регулировании отношений с феодально-зависимыми вассалами. В содержании этого документа упомянуты служилые бояре «И ты бы, сед с тивуны, з бояры, дсмотрел» [13, с. 535]. Из следующей грамоты от 18 июня 1438 г., адресованной жемойскому старосте пану Контовту, видно, что великий князь повелевает дать служилому человеку Енюре участок земли в Шырейкове, поскольку это место никем незанято «Ино буть-ли огодити, и ты бы ему дал тую землю» [13, с. 536]. Об имущественном достатке феодальной знати свидетельствует еще один документ. В 1446 г. 20 июля великий князь Свидригайло Ольгердович награждает за службу пана Петрашку Ланевича, маршалка земского, со всей его родней участком земли в Луцком повете. В содержании этого документа перечислены следующие места – «...селища, нивы, пашни, леса, дубравы и бортные угодия, рощи, леса, ловы бобровые с реками и озерами с болотами, и с железными рудами и с лугами и с сеножатями и со всеми пожитками». Как было сказано в документе, этот пан может для себя все улучшить, расширить и преумножить свои богатства. А все выше названные места даны пану навсегда, и владеть этим имуществом могут его дети и внуки. Они в праве все эти имения отдать, продать и променять [14, с. 293–294]. В 1452 г. 8 января Казимир IV Ягеллончик издает привилей князю Михаилу Константиновичу на имения в Луцком и других поветах на вечность [14, с. 290–291]. Почти в каждом феодальном пожаловании сказано о необходимости отправления вассальной службы в пользу своего сюзерена или господаря. Примером тому может служить еще одна великокняжеская грамота от 12 апреля 1465 г., данная князю Ивану Андреевичу Можайскому. Документ содержит следующую информацию: «А ему нам с того верно служить». А все служилое боярство со своих имений, как было и раньше, обязаны ему служить [15, с. 123–124]. Такие случаи господарской милости можно приводить и дальше. Таким образом, как мы видим, что в эти годы идет процесс раздачи крупных земельных латифундий. Но к середине XV в., как свидетельствуют многие источники, не было указано четких размеров владения в той или иной волости. Границы имений обозначались условно, в пределах каких-то селений, дубрав, рек, озер и т.д. Из-за этого могли возникать споры между феодалами – кто, чем владеет, дела могли доходить даже до судебных разбирательств. В 1467 г. 7 июля на основании приказа, поступившего от великого князя Казимира, князь Иван Иванович Жеславский, наместник меньский, и пан Михайло Корсакович, наместник марковский, судили пана Олехна Судимоновича, наместника полоцкого, с паном Юрием Юрьевичем Зеновевича за участок земли. В этом документе дана точная географическая привязка к местности «за Оленцом за речкою» и дорогой Витовтовой, которая начинается от Марковского перевоза с мостом. Границы лесных угодий в последствии со всей строгостью были привязаны к разным топонимам местности, что облегчало королевским чиновникам проводить ревизию этих владений. Пан Юрий говорил перед наместниками против пана Олехну, что выше указанные места есть «дедизна моих предков», пока Олехну не захватил перевоз, каменный мост и местность Ляевичи с зависимыми людьми. Из данного разбирательства видно, что пану Юрию земля с крестьянами отошла по наследству от его предков. Эти факты свидетельствуют о передаче феодальных владений в среде крупных феодалов от отца к сыну.

Однако, наделяя знатных людей феодальным имуществом, великий князь мог потребовать от них исполнения любого своего желания. Примером тому явилось одно из предписаний Казимира IV, отправленное из Дубичей 26 февраля 1486 г. сразу несколькими именитым особам. Из текста документа видно, что господарь обращается к панне Михайловой, панне Яцыниной и панне Василевой, а также к сыну Копачевича построить мост через реку возле г. Ковно. Для выполнения этой работы необходимо отправить работных людей, обеспечив их строительным лесом и прочими материалами из лесных угодий, сколько будет необходимо [14, с. 228–129]. Строительство мостов в ВКЛ было обязанностью зависимого населения, мосты на дубовых опорах стали стоять в XIV–XV вв. В Гродно первый мост построили в 1486 г., о строительстве моста в Орше есть упоминание в 1515 г.

Привилегированность служилых бояр проявлялась, в том, что они могли рассчитывать при необходимости на господарскую защиту. В 1496 г. 26 февраля трое бояр Радунской волости жаловались великому князю Александру на наместника волости Януша Костевича, за то, что он заставлял их косить ему сено и «дякла давати» преимущественно зерном. На эти требования служилые люди заявили отказом. Господарский ответ по этому поводу гласил: «Ненадобе им сена косить и дякол давати, и мають они нам служити службою тою, как и иные бояре шляхты». Этот случай свидетельствует о том, что в конце XV в. сословные права служилых людей нарушались представителями феодальной знати и требовали особой защиты со стороны государства [16, с. 141–142]. Но все это не являлось помехой в наделении новых владельцев феодальным имуществом. Очередной жалованной грамотой великого князя, подписанной 5 марта 1499 г., явилось право владеть фольварком в имениях несвижских владений [17, л. 21]. Жалованная грамота от 20 октября 1499 г. фактически давала право ее владельцу на куплю фольварка в имении Холхла Минского повета [18, л. 149]. И таких примеров можно привести множество.

Земля, данная в имущественное держание в указанный период, очень часто являлась предметом острых споров и темой судебных расследований. Просители даже пробивались к великому князю прямо на заседание вального сейма, вручая ему различные прошения. Так, например, из жалобы господарского боярина Миколая Будковича на князя Андрея Ивановича Лукомского видно, что были предъявлены обвинения в захвате А.И. Лукомским боярской пашни и бортного участка леса возле озера и р. Пуколовицы. В ходе судебного разбирательства пострадавшей стороны представил письменные документы на свои владения. Суд, который возглавлял сам великий князь Александр, 29 мая 1499 г. обязал князю А.И. Лукомскому выплатить денежный штраф в пользу М. Будковича. Так, с соизволения господарской власти, суд был выигран в пользу «боярина господарского дворянина». Из источника видно, что данный боярин именовался дворянином, т.е. состоял на государевой службе при дворе великого князя. Из другой грамоты, рассмотренной великим князем в тот же день, видно, что господарский суд стоял не только на защите справедливых постановлений, но и соблюдал интересы привилегированных особ. Михаил Иванович Мстиславский, обратившись в суд, получил решение судебной коллегии на право владеть имениями Косминичи и Фильковщина и подчинить своему сюзеренитету господарского дворянина Сенька Володковича, не пожелавшего ему служить. Таким образом, видно, что личность состоятельного феодала была надежно защищена существующими нормами государственного права. Уже во второй половине XVI в. шляхта, жившая на землях магнатов и служившая им, оставалась подсудна магнатам. Однако шляхтичи имели право апеллировать решение замковых магнатских судов в государственных городских судах. Из грамоты Сигизмунда I от 13 мая 1507 г. следует предписание маршалку, старосте Берестинскому и Лидскому Юрию Ивановичу Илинчу, в том, чтобы он разобрался в отношении жалобы бояр из Пинска. Эти бояре – Просолович и Сочкович – жаловались на князя Юрия Семеновича, что он их хотел вернуть в службу тягловыми людьми, которую когда-то служили их предки. Однако в действительности эти бояре освобождены от тягловой повинности еще при великом князе Казимире и с тех пор несут боярскую конную, военную службу, которая являлась их главной повинностью [19, с. 12–13; 20, л. 18^{об}, 22^{об}; 21, л. 14, 14^{об}, 21^{об}; 15, с. 770–773; 22, л. 1, 2^{об}].

Служба в пользу своего сюзерена была широко распространена в XV–XVI вв. как на белорусских землях, так и в пределах всех территорий ВКЛ. К примеру, следует отметить еще один документально зафиксированный факт. В 1515 г. боярин – вассал пана О.М. Гаштолта – имел отряд своих слуг [23, с. 245–246]. Этот боярин нес военную службу со своего земельного владения, выезжая на войну по мобилизационной грамоте великого князя. Остальные повинности, также как подводная, замковая, мостовая, городовая, ложились на плечи зависимого населения – крестьян [24, с. 585]. Бояре, а затем и шляхта не участвовали в уплате поголовщины и выполнении тяговых повинностей, за исключением военной во время войны и выплаты серебщены.

Заключение. С развитием и укреплением феодального строя отмечен процесс консолидации в поведении представителей шляхетского сословия [25, с. 419–426]. При этом необходимо отметить, что верховная власть полностью находилась на стороне классовых интересов феодалов. Основой такого отношения было отправление шляхтой военной повинности. Решающую роль в системе повинностей играла не столько боязнь «разорения», сколько желание сократить свои расходы на государство и принудить господаря вести нужную шляхте политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из истории благородного сословия в Беларуси и соседних государствах / сост. Чекалов И.В., ред. А.Н. Васильева – Минск : Энциклопедикс. 2007. – 240 с. – (Рыцарство. Шляхта. Дворянство).
2. Литовская Метрика / ред. С.Л. Пташицкий // Русская историческая библиотека. Отд. 1. – СПб., 1915. – Т. 33. Ч. 3. Книги публичных дел. Т. I. Переписи войска литовского. – 1378 с. и стб. разд.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния, 1846. – Т. I. 1340–1506. – 419 с.

4. Kutrzeba, S. *Historja zrodeł dawnego prawa polskiego* / S. Kutrzeba. – Lwow, Warszawa, Krakow, 1926. – Т. II. – 463 s.
5. *Volumina Leguni. Przedruk zbioru praw.* – Petersbueg, 1859. – Т. I–II. Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki. – 482 s.
6. Литовская метрика = *Lietuvos metrika* / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijai leidykla, 1993. Т. 5. Книга записей (1427–1506) / подгот.: Э. Банионис [и др.]. – 402 с., 4 л. факс.
7. Литовская метрика / подгот. А. Дубонис. – Вильнюс, 1997. – Кн. 11 : Кн. записей 11 (1518–1523). – 227 с.
8. Литовская метрика = *Lietuvos metrika* / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijai leidykla, 1996. Т. 8. Книга записей (1499–1514) / подгот.: А. Балюлис [и др.]. – 708 с.
9. Уваров, И.Ю. Ретроспективный взгляд на социально-правовое положение шляхты Великого княжества Литовского в XVI в. / И.Ю. Уваров // *Ученые записки УО УО «ВГУ им. П.М. Машерова»* : сб. науч. тр. : в 10 т. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – С. 103–108.
10. Литовская Метрика / подготовили С. Лазутка [и др.]. – Вильнюс, 1997. – Кн. 224 (1522–1530). 4-я книга судебных дел: (Копия конца XVI в.). – CXLVIII, 512, (1) с., (1) л. факс.
11. Блануца, А.В. Ринок землі у Великому Князівстві Литовському в 1529–1566 рр.: джерелознавчі, правові та соціально-економічні аспекти / А.В. Блануца // *Український історичний журнал.* – 2010. – № 1. – С. 52–65.
12. Petrauskas, R. *Socialiniai ir istorigrafiniai lietuviu kilmes is romenu teorijos aspektai* / R. Petrauskas // *Literatūros istorija ir jos kurejai / Lietuviu literatūros ir tautosakos institutas*; red. S. Narbutas. – Vilnius. 2004. – P. 270–285.
13. *Документы Московского архива Министерства юстиции* / сост. и введ. М.В. Довнар-Запольский. – М., 1897 – Т. I. – 596 с.
14. Литовская метрика = *Lietuvos metrika* / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijai leidykla, 1998. – Т. 25. Книга записей (1387–1546) – 459 с.
15. Литовская Метрика / ред. И.И. Лаппо // *Русская историческая библиотека.* Отд. 1. – СПб., 1910. – Ч. 1. Книги записей. Т. I. Т. 27. – 1074 с. и стб. разд.
16. Литовская метрика = *Lietuvos metrika* / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijai leidykla, 1995. т. 6. Книга судебных дел. (1494–1506) / подгот.: И. Валинконте [и др.] ; ред. кол.: С. Лазутка (отв. ред.) [и др.]. – CXLVIII, [2], 337 с : факс., ил.
17. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 694. Оп. 4. Д. 5790.
18. НИАБ. – Ф. 694. Оп. 4. Д. 5704.
19. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1897. – Т. 24. Акты о боярах. 1491–1796 гг. – XLIV, 547 с.
20. НИАБ. – Ф. КМФ–18 (Коллекция микрофильмов – далее КМФ). Оп. 1. Д. 13.
21. НИАБ. – КМФ–18. Оп. 1. Д. 16. Ч. 1.
22. НИАБ. – Ф. 694. Оп. 1. д. 1016.
23. Литовская Метрика / ред. П.А. Гильтебрандт. // *Русская историческая библиотека.* Отд. 1. – СПб., 1903. – Т. 20. Ч. 2. Книги судебных дел. Т. I. – 1885 с. И стб. Разд.
24. Сборник императорского русского исторического общества. – М. : Императорское русское историческое общество, 1882. – Т. 35 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством: 1487–1533. – 946 с.
25. Bardach, J. *Historia panstwa i prawa Polskiego* / J. Bardach, B. Lesnodorski, M. Pietzak. – Wyd. 4, popr. i uzuped. – Warszawa : PWN, 1985. – 587 s., 7 map.

Поступила 25.06.2016

FEUDALS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA VASSAL SERVICE AND THEIR STRUGGLE TO PRESERVE THEIR CASTE IMMUNITY IN XV–XVI CENTURIES

I. UVAROV

The article deals with the complex issues of evolution class servitors boyars, the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the XV–XVI centuries. It is noted, that in addition to the economic well-being of nobles sought to enter into kinship with the big magnate families, clergy and merchants. The system prevailing feudal immunity in the Grand Duchy of Lithuania did vassal-dependent all sectors of society. Landowners sought to expand their estates, both at the expense of the county administration services, and as a result of the purchase of land. This has contributed to the emergence of a prosperous middle class gentry layer. In almost every feudal award says about the necessity of departure vassal service in favor of his Pan or the Grand Duke himself.

Keywords: *boyars, nobles, barons, charters, feudal immunity, class interests, a vassal relationship.*

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«14/15»

**РАСКОПКИ НА МОГИЛЬНИКУ
КАЛЯ ВЁСКИ ІВЕСЬ ГЛЫБОЦКАГА РАЁНА Ў 2013 ГОДЗЕ****В.У. ЧАРАЎКО**
(*Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт*)

Апісваюцца археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку каля в. Івесь Глыбоцкага раёна ў 2013 г. Мэтай раскопак быў працяг вывучэння пахавальных помнікаў, пачатага ў 2010 г. Ускрытая ў 2013 г. плошча складала 36 м². Адзначаецца, што стратыграфія раскопа 2013 г. суадносіцца са стратыграфіяй шурфоў і раскопаў 2010–2012 гг. Было даследавана 7 пахаванняў (3 мужчынскіх, 2 дзіцячых; 2 пахаванні належалі дарослым, пол якіх не быў устаноўлены). Пахаванні былі пазначаны каменнымі надмагільнымі канструкцыямі. Касцякі арыентаваны галавой на паўночны захад (што фіксуецца на могільніку каля вёскі Івесь упершыню) і на захад з адхіленнем да поўначы. У чатырох пахаваннях знойдзены цвікі ад трун. Робіцца выснова, што выяўлены ў дзіцячым пахаванні інвентар (2 завушніцы) датуецца XV–XVI стст.

Ключавыя словы: *Беларускае Падзвінне, археалагічныя даследаванні, пахавальныя помнікі XV–XVI стст., пахавальны інвентар, пахаванні.*

Уводзіны. Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. параўнальна нядаўна сталі прадметам мэтанакіраваных даследаванняў. Познесярэднявечныя могільнікі, асабліва вясковыя, застаюцца недастаткова вывучанай катэгорыяй археалагічных аб'ектаў. Іх адметнасцю з'яўляецца безынвентарнасць пераважнай большасці пахаванняў, што ўскладняе датаванне могільнікаў, рэканструкцыю матэрыяльнай культуры і пахавальнай практыкі познесярэднявечнага насельніцтва [1, с. 20–21; 2, с. 25–26]. Вывучэнне познесярэднявечных могілак, асабліва вясковых, з'яўляецца перспектыўным напрамкам археалагічных даследаванняў.

Могільнік каля в. Івесь Псуеўскага сельсавета Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці знаходзіцца на заходнім беразе возера Івесь, паміж возерам і дарогай з в. Івесь у в. Шо. Інфармацыя аб могільніку атрымана ў 2009 г. ад дацэнта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, канд. гіст. навук Уладзіміра Аляксандравіча Лобача. У тым жа годзе на помніку былі праведзены візуальныя разведкі. Была зафіксавана наяўнасць чатырох каменных крыжоў і ямы ад несанкцыянаваных раскопак. У 2010, 2011 і 2012 гг. на могільніку намі праводзіліся археалагічныя даследаванні [3–5]. Працягам планамернага вывучэння могільніка сталі раскопкі 2013 г.

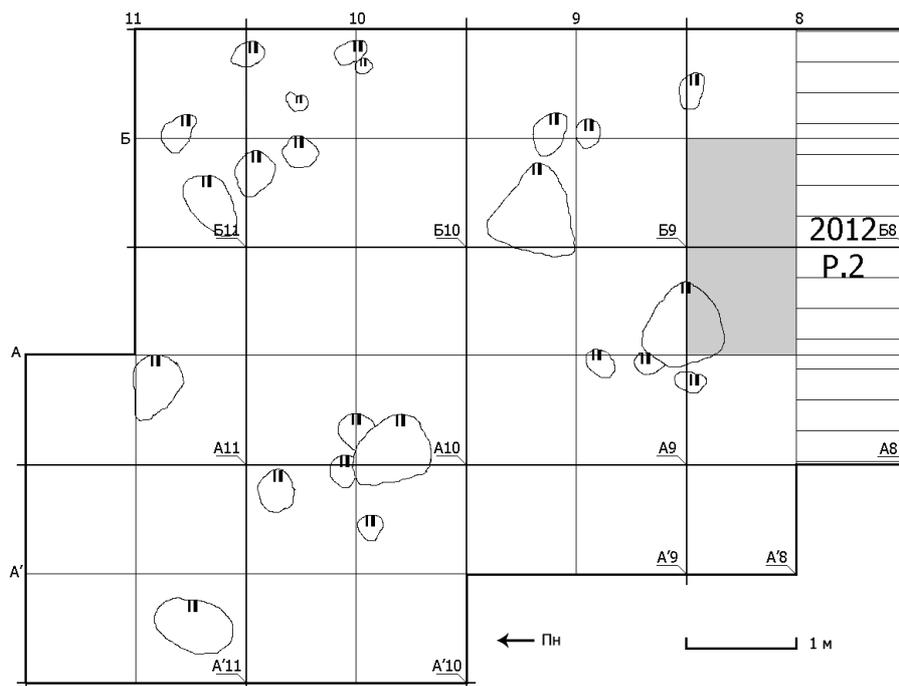
Асноўная частка. Апісанне могільніка і гісторыя яго археалагічнага вывучэння. Грунты могільнік каля в. Івесь густа парос лесам і хмызняком. Рэльеф мясцовасці ў асноўным роўны, з нязначнымі перападамі вышынь. На поўдзень ад грунтовага могільніка знаходзіцца курганная група. Заўважаны шэрагі магіл па лініі «поўнач – поўдзень», магілы арыентаваны па лініі «ўсход – захад». Магільныя насыпы адсутнічаюць. Прасочваюцца надмагільныя канструкцыі ў выглядзе задзернаваных каменных абкладак і буйных валуноў у галавах/нагах пахаванняў. На некаторых валунах высечаны крыжы [3, с. 379].

Найбольшая колькасць візуальна заўважных надмагільных камянёў была сканцэнтравана на пляцоўцы плошчай каля 400 м², якая ў 2010 г. была ачышчана ад хмызняку і мінулагодняга лісця. На пляцоўцы ў 2010 г. быў закладзены шурф плошчай 12 м², пры даследаванні якога было ўскрыта 4 пахаванні [3]. У 2011 г. на пляцоўцы быў закладзены шурф плошчай 22,5 м² і даследавана 7 пахаванняў [4]. У 2012 г. на могільніку было закладзена 2 раскопа агульнай плошчай 37,75 м² і даследавана 5 пахаванняў [5]. Такім чынам, у 2010–2012 гг. на могільніку было ўскрыта 72,25 м² плошчы. Шурф 2011 г. і раскопы 2012 г. прыразіліся да шурфа 2010 г., што дазваляе разглядаць усю ўскрытую плошчу як адзін раскоп.

Пахаванні былі пазначаны каменнымі надмагіллямі ў выглядзе задзернаваных абкладак магілы па перыметры і сучэльных вымастак, у тым ліку з вялікімі валунамі ў галавах/нагах. Касцякі арыентаваны галавой на захад, у некаторых выпадках – з невялікімі адхіленнямі да поўначы і поўдня [3–5]. Антрапалагічную экспертызу астэалагічнага матэрыялу раскопак 2010–2012 гг. праводзіла кандыдат біялагічных навук, дацэнт В.А. Емяльянчык [6, с. 125–126].

З шаснаццаці даследаваных у 2010–2012 гг. пахаванняў толькі 2 мелі пахавальны інвентар, прадстаўлены чатырнаццаццю тонкімі бляшкімі-накладкамі XII–XIV стст. з сярэбранага сплаву ад жаночага галаўнога ўбору і вузкапласцінчатым пярсцёнкам XIV–XV стст. з двайным рыфленнем з меднага сплаву [4, с. 422–423; 5, с. 389]. Акрамя таго, у адным пахаванні быў знойдзены прадмет з меднага сплаву ў выглядзе расплюшчанага з аднаго боку стрыжня, што нагадваў мініяцюрны меч [3, с. 382]. У верхніх пластах культурнага слою могільніка былі выяўлены фрагменты сценак, венцаў і донцаў познесярэднявечнага керамічнага посуду, які інтэрпрэтуецца як памінальны інвентар [3–].

Апісанне раскопа 2013 г. Археалагічныя раскопкі на могільніку каля в. Івесь у 2013 г. праводзіліся сіламі валанцёраў з ліку студэнтаў, магістрантаў і выпускнікоў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Актыўны ўдзел у раскопках і камеральнай апрацоўцы рэчавага матэрыялу прымаў выкладчык кафедры гісторыі А.Л. Коц.¹ У 2013 г. на расчышчанай у 2010 г. пляцоўцы намі быў закладзены раскоп першапачатковай плошчай 28 м², які прымыкаў з паўночнага боку да раскопа 2012 г. (мал. 1). Паміж раскопам 2012 г. і раскопам 2013 г. засталася недаследаванай плошча 2 м², занятая дубам, высакаць які ўяўлялася немагчымым. На планах недаследаваны ўчастак у 2 м² пазначаны шэрым колерам. У працэсе раскопак былі выяўлены пахаванні, што выходзілі за межы першапачатковага раскопа. Таму ў паўночна-заходнім куце была зроблена прырэзка плошчай 6 м². Агульная ўскрытая ў 2013 г. плошча складала такім чынам 34 м².

Малюнак 1. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г.
Каменныя канструкцыі на ўзроўні дзённай паверхні

Была працягнута нумарацыя квадратаў, пачатая ў 2010 г. У межах раскопа 2013 г. размяшчаліся квадраты А9, А10, В9, В10, А'10, А'11 цалкам, квадраты А8, А11, В8, В11, А'8, А'9 – часткова (гл. мал. 1). Пахаванні нумараваліся з пазначэннем года (2013) у парадку выяўлення ад 2013-1 да 2013-7. Усяго было выяўлена 7 пахаванняў.

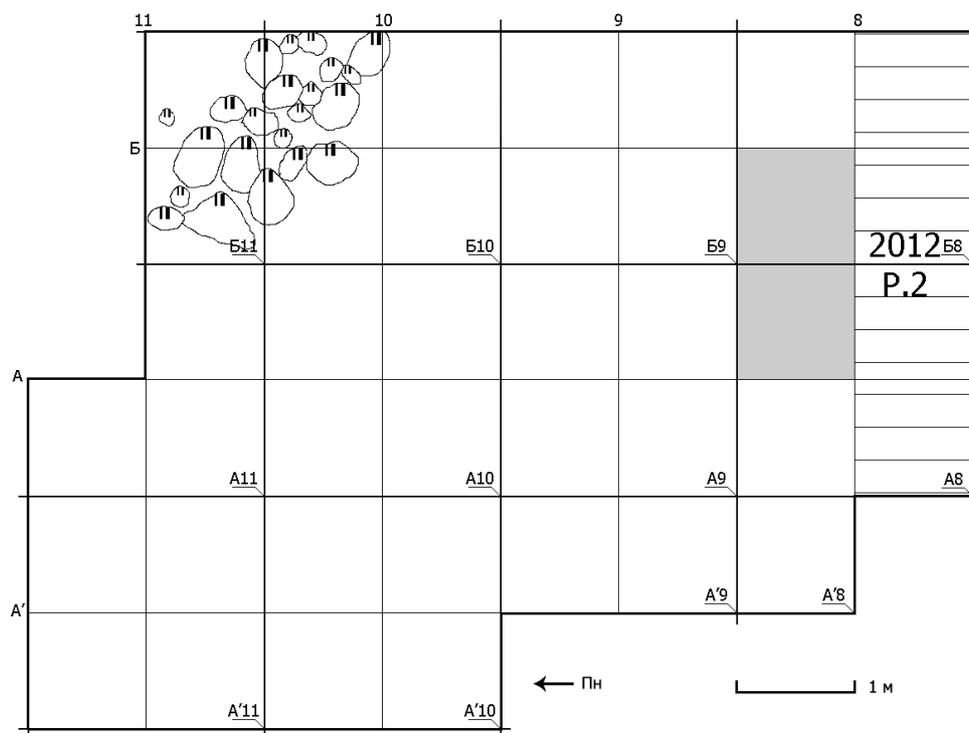
Візуальны агляд і нівеліроўка дзённай паверхні раскопа выявілі нязначны перапад вышынь паміж паўночна-ўсходнім кутом раскопа і астатняй яго плошчай (рознiца ў 0,2–0,3 м).

Размяшчэнне камянёў надмагільных канструкцый у межах раскопа на ўзроўні дзённай паверхні дазваляла меркаваць наяўнасць там 4–5 пахаванняў, пры гэтым валунныя камяні маглі разглядацца як маркеры галавы/ног пахавання (гл. мал. 1). На самой справе было выяўлена 7 пахаванняў.

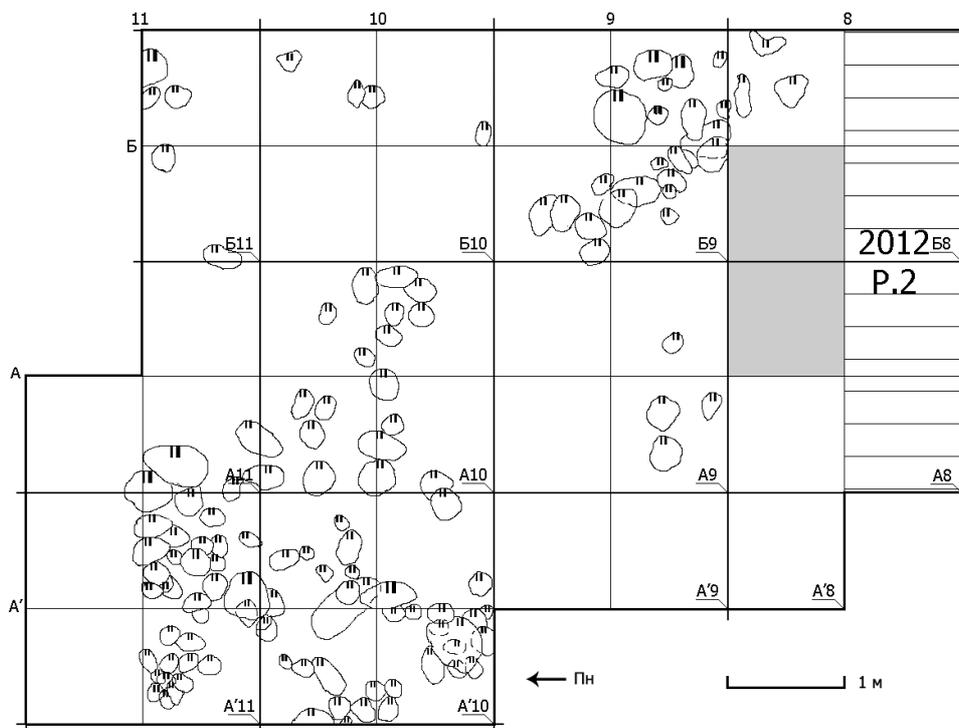
На ўзроўні дзённай паверхні ў паўночна-ўсходняй частцы раскопа ў квадратах В10–В11 знаходзілася 8 камянёў памерамі ад 0,1 да 0,6 м (гл. мал. 1). Камяні ўтваралі абкладку магілы па перыметры. Абкладка была арыентаваная па лініі «паўночны захад – паўднёвы ўсход». У пласце 1 (глыбіня 0,2 м ад узроўня дзённай паверхні) канструкцыя набыла выгляд суцэльнай вымасткі з 21 камяня памерамі 0,1–0,6 м (мал. 2). У пласце 2 (0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) выявіліся яшчэ 8 камянёў памерамі 0,1–0,3 м (мал. 3). У пласце 3 (0,6 м ад узроўня дзённай паверхні) зафіксаваны яшчэ 1 камень (мал. 4). У пласце 4 (0,8 м ад узроўня дзённай паверхні) выявілася 18 камянёў памерамі

¹ Аўтар выказвае падзяку выкладчыку кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістру гістарычных навук Аляксею Леанідавічу Коцу за ўдзел у археалагічных раскопках і камеральнай апрацоўцы рэчавага матэрыялу.

0,05–0,2 м (мал. 5). Кам'яні ў пластах 2–4 размешчаны хаатычна і без каманёў на ўзроўні дзённай паверхні і ў пласце 1 не даюць уяўлення аб характары надмагільнай канструкцыі. Пад згаданымі камянямі было выяўлена пахаванне 2013-2.

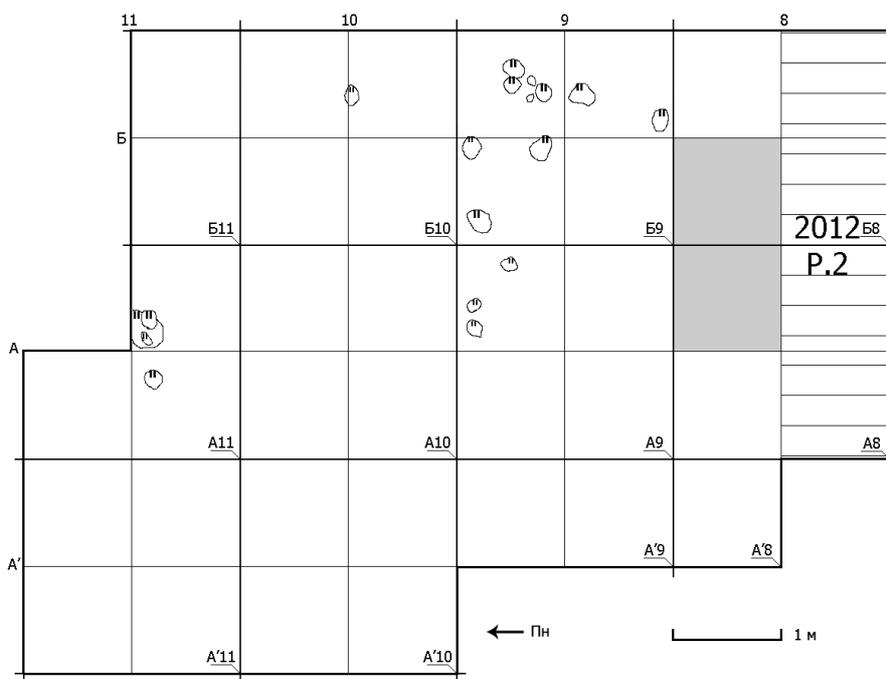

Малюнак 2. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г. Каменныя канструкцыі пласта 1

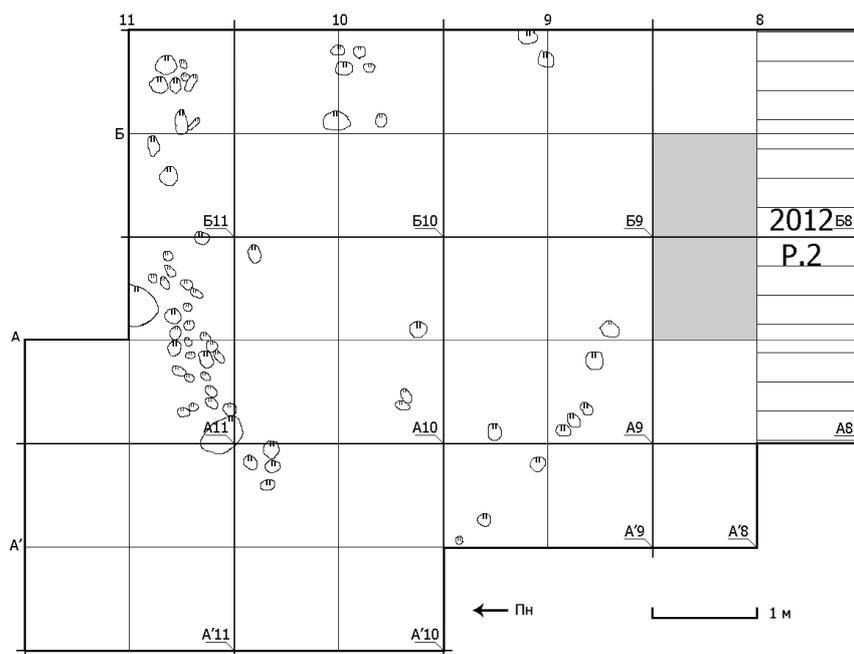

Малюнак 3. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г. Каменныя канструкцыі пласта 2

У паўднёва-ўсходняй частцы раскопа ў квадратах Б9–Б8 на ўзроўні дзённай паверхні знаходзілася 4 камяні памерамі 0,3–0,85 м (гл. мал. 1). Самы вялікі камень маркіраваў галаву пахавання і меў высечаны з заходняга боку крыж. У пласце 1 (0,2 м ад узроўня дзённай паверхні) камянёў выяўлена не было, аднак у пласце 2 (0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) выявілася суцэльная вымастка з 28 камянёў памерамі 0,1–0,5 м, арыентаваная па лініі «паўночны захад – паўднёвы ўсход» (гл. мал. 3). У пласце 3 (0,6 м ад узроўня дзённай паверхні) было выяўлена яшчэ 10 камянёў (мал. 4), у пласце 4 (0,8 м ад узроўня дзённай паверхні) – 2 камяні памерамі ад 0,05 да 0,25 м (мал. 5). Каменная канструкцыя аналагічная папярэдняй. Пад ёй выяўлена пахаванне 2013-3.

Малюнак 4. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г. Каменныя канструкцыі пласта 3

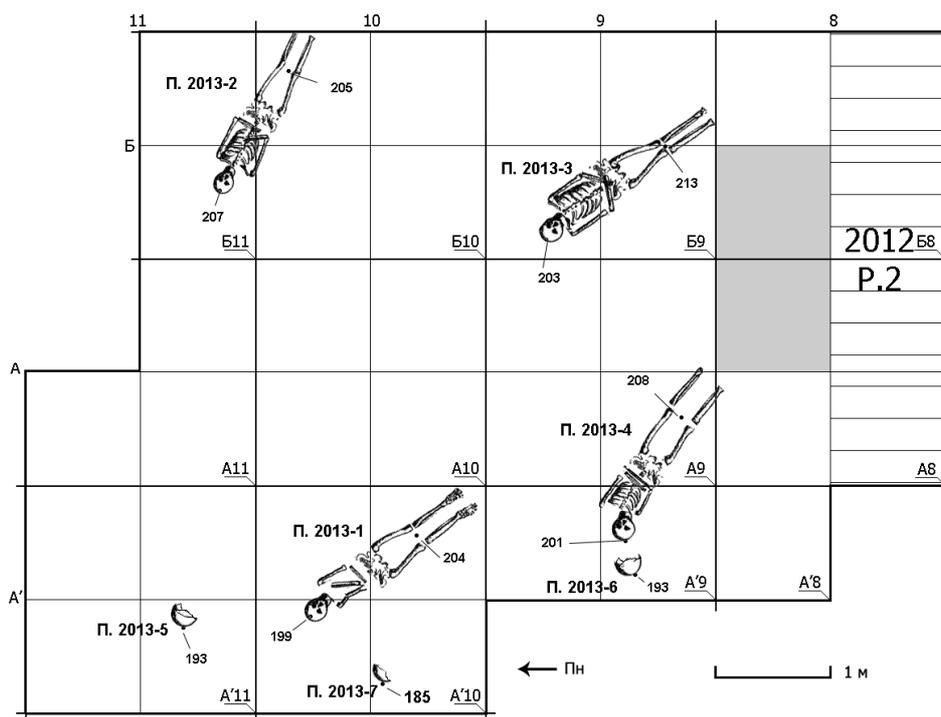
Малюнак 5. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г. Каменныя канструкцыі пласта 4

У паўднёвай частцы раскопа ў квадратах А8–А9 на ўзроўні дзённай паверхні знаходзілася 4 камяні памерамі ад 0,2 да 0,85 м (гл. мал. 1). У пласце 1 (0,2 м ад узроўня дзённай паверхні) камянёў выяўлена не было. У пласце 2 (0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) зафіксавана 4 камяня (гл. мал. 3), у пласце 4 (0,8 м ад узроўня дзённай паверхні) – 8 камянёў памерамі 0,1–0,3 м (гл. мал. 5). Каменная канструкцыя можа быць вызначана як вымастка з вялікім камянем у нагах пахавання. Пад ёй выяўлена пахаванне 2013-4.

У паўночна-заходняй частцы раскопа ў квадратах А10, А11, А'10, А'11 на ўзроўні дзённай паверхні знаходзілася 7 камянёў памерамі 0,2–0,8 м (гл. мал. 1). У пласце 1 (0,2 м ад узроўня дзённай паверхні) камянёў выяўлена не было. У пласце 2 (0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) выявілася вялікая колькасць камянёў памерамі 0,05–0,6 м, якія складалі суцэльную вымастку (гл. мал. 3). Паколькі пад ёй было выяўлена 3 пахаванні: 2013-1, 2013-6 і 2013-7 – згаданая канструкцыя ўяўляла сабой вымастку трох пахаванняў, дакладнае размежаванне якіх уяўляецца праблематычным.

У межах раскопа 2013 г. стратыграфія мела наступны выгляд. Пад слоём дзёрну на глыбіню 0,2–0,4 м ішоў пласт шэра-жоўтага, попелападобнага па структуры пяску, падзолу. Глыбей залягаў пласт жоўтага пяску магутнасцю 0,3–0,5 м. На глыбіні 0,5–0,8 м ад дзённай паверхні знаходзіўся слой мацерыковага шчыльнага пяску бледна-жоўтага колеру. Магільныя ямы былі запоўнены шэрым пяском. Стратыграфія раскопа 2013 г. суадносіцца са стратыграфіяй шурфоў 2010–2011 гг. і раскопаў 1–2 2012 г.

Пахаванні. *Пахаванне 2013-1* (мал. 6) размяшчалася ў заходняй частцы раскопа ў квадраце А'11 на глыбіні 0,62 м ад узроўня дзённай паверхні. Касцяк арыентаваны галавой на паўночны захад. Правая рука пакладзена на грудзі, левая – на живот. Антрапалагічную экспертызу костных парэшткаў праводзіла кандыдат біялагічных навук, дацэнт В.А. Емялянчык.² У адпаведнасці з высновамі антрапалагічнай экспертызы ўзрост пахаванага складае 50 або болей гадоў, пол вызначыць не ўдалося з прычыны недавальняючай захаванасці костных парэшткаў.

Малюнак 6. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г. План размяшчэння пахаванняў

Пахаванне 2013-2 (гл. мал. 6) размяшчалася ў паўночна-ўсходняй частцы раскопа ў квадратах Б10–Б11 на глыбіні 0,82 м ад узроўня дзённай паверхні. Касцяк арыентаваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Правая рука пакладзена на грудзі, левая – на живот. Паводле даных антрапалагічнай экспертызы пахаванне належыць мужчыне ва ўзросце ад 50 гадоў.

² Аўтар выказвае падзяку в.а. загадчыка кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, канд. біал. навук, дацэнту Вользе Антонаўне Емялянчык за праведзеную антрапалагічную экспертызу костных парэшткаў.

Пахаванне 2013-3 (гл. мал. 6) размяшчалася ў паўднёва-ўсходняй частцы раскопа ў квадраце Б9 на глыбіні 0,7 м ад узроўня дзённай паверхні. Касцяк арыентаваны на паўночны захад. Рукі складзены на тазавых костках, правая на левай. Па высновах антрапалагічнай экспертызы пахаванне належыць мужчыне ва ўзросце 20–25 гадоў.

Пахаванне 2013-4 (гл. мал. 6) размяшчалася ў паўднёва-заходняй частцы раскопа ў квадраце А'9 на глыбіні 0,69 м ад узроўня дзённай паверхні. Касцяк арыентаваны на паўночны захад. Левая рука пакладзена на грудзі, правая знаходзіцца на тазавых костках. Паводле антрапалагічнай экспертызы пахаванне належыць мужчыне ва ўзросце ад 50 гадоў.

Пахаванне 2013-5 (гл. мал. 6) размяшчалася ў паўночна-заходняй частцы раскопа ў квадраце А'11 на глыбіні 0,56 м ад узроўня дзённай паверхні. Ад касцяка захаваліся толькі фрагменты чэрапа. Па даных антрапалагічнай экспертызы пахаванне з'яўляецца дзіцячым, узрост пахаванага – 4 гады. Пахаванне мае інвентар – завушніцы (мал. 7), – таму належыць дзяўчынцы.

Пахаванне 2013-6 (гл. мал. 6) размяшчалася ў паўднёва-заходняй частцы раскопа ў квадраце А'9 на глыбіні 0,58 м ад узроўня дзённай паверхні. Ад касцяка захаваліся толькі фрагменты чэрапа, сам касцяк быў пашкоджаны каранямі дрэва. Паводле антрапалагічнай экспертызы пахаваны меў узрост ад 50 гадоў. Пол вызначыць немагчыма з прычыны адсутнасці костных парэшткаў.

Пахаванне 2013-7 (гл. мал. 6) размяшчалася ў заходняй частцы раскопа ў квадраце А'10 на глыбіні 0,48 м ад узроўня дзённай паверхні. Ад касцяка захаваліся толькі фрагменты чэрапа. Паводле высноў антрапалагічнай экспертызы пахаванне з'яўляецца дзіцячым, узрост пахаванага – 5 гадоў.

Звяртае ўвагу арыентыроўка пахаванняў 2013-1, 2013-3, 2013-4. Пахаванні маюць моцнае адхіленне на поўнач, асабліва ў выпадку пахаванняў 2013-1 і 2013-3, што фіксуецца на могільніку каля в. Івесь упершыню.

Знаходкі. Індывідуальныя знаходкі прадстаўлены:

– двюма завушніцамі з дзіцячага пахавання 2013-5 (гл. мал. 7). Завушніцы зроблены з меднага або бронзавага дроту і маюць выгляд пыталніка. Адна завушніца мае пашкоджаную пятлю. Рэшткаў прыёсак не выяўлена, хаця наяўнасць пятлі ўказвае на іх першапачатковую наяўнасць. Завушніцы датуюцца XV–XVI стст.

– каванымі цвікамі ад трун з пахаванняў 2013-1, 2013-2, 2013-3, 2013-4 (31 пазіцыя) Аналагічныя цвікі былі выяўлены на могільніку ў ходзе папярэдніх раскопак.

Пазамагільны інвентар прадстаўлены фрагментамі познесярэднявечнай керамікі (7 пазіцый), у тым ліку масіўнай ручкай ад керамічнай накрыўкі. Кераміка выяўлена ў пластах 1–3 культурнага слою. Паверхня фрагментаў керамічнага посуду шурпатая, неахайна загладжана. Цеста неаднароднае, з дамешкамі жарствы. Аналагічная кераміка была выяўлена на могільніку каля в. Івесь у 2010–2012 гг. [3–5]. Керамічны матэрыял у верхніх пластах культурнага слою могільніка Івесь суадносіцца з практыкай абрадавага памінання памерлых на могілках у ходзе «трацін», «прыкладзінаў», прымеркаванага да восеньскіх Дзядоў ці Радаўніцы ўпарадкавання магілы [7, с. 385; 8, с. 414–416; 9, с. 148–149]. Аналагічны памінальны інвентар прысутнічае на шэрагу іншых познесярэднявечных могільнікаў Беларускага Падзвіння: каля вв. Туржэц 2 Полацкага, Доўгае Глыбоцкага, Жарнасекава і Клешчыно Бешанковіцкага, Дубраўка Гарадоцкага раёнаў [10, с. 266; 11, с. 45–46].

Заклучэнне. У 2013 г. намі было працягнута археалагічнае вывучэнне могільніка каля в. Івесь Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці. Да шурфоў і раскопаў 2010–2012 гг. быў прырэзаны раскоп плошчай 34 м². Агульная плошча, ускрытая на могільніку за ўвесь перыяд яго вывучэння, складала 106,25 м². Пераважнай формай надмагільных канструкцый, даследаваных у 2013 г., з'яўляюцца суцэльныя вымасткі магіл з вялікімі валунамі ў галавах/нагах пахавання. У ходзе раскопак выяўлена 7 пахаванняў, у тым ліку 3 мужчынскіх, 2 дзіцячых і 2 пахаванні дарослых людзей, пол якіх не быў устаноўлены з прычыны незадавальняючай захаванасці костных парэшткаў. Агульная колькасць пахаванняў, даследаваных на могільніку ў 2010–2013 гг., складала 23. Арыентыроўка касцякоў была вызначана ў чатырох выпадках. Два шкілеты арыентаваны галавой на захад з істотным адхіленнем да поўначы, два – на паўночны захад, што зафіксавана на могільніку ўпершыню. Рукі пахаваных пакладзены на грудзі,

Малюнак 7. – Могільнік каля в. Івесь Глыбоцкага р-на. 2013 г. Інвентар пахавання 2013-5 (завушніцы)

жывот або тазавыя косткі (палажэнне рук прасочана ў чатырох пахаваннях), што суадносіцца з данымі археалагічнага вывучэння 2010–2012 гг.

У чатырох пахаваннях выяўлены каваныя цвікі ад трун. У адным пахаванні (2013-5) знойдзены пахавальны інвентар, прадстаўлены дзвюма завушніцамі з меднага або бронзавага дроту ў выглядзе пыталніка. Завушніцы датуюцца XV–XVI стст. і з’яўляюцца трэцяй ювельнай знаходкай, выяўленай на могільніку ў 2010–2013 гг. у 23 даследаваных пахаваннях. Завушніцы пацвярджаюць вызначаны раней дыяпазон функцыянавання могільніка (XIV–XVI стст.).

Выяўлены ў верхніх пластах культурнага слою могільніка Івесь кераміка суадносіцца з практыкай рытуальнага памінання памерлых на могільках, зафіксаванай этнаграфічна, і сведчыць аб ажыццяўленні аналагічных абрадавых дзеянняў у познім сярэднявеччы.

ЛІТАРАТУРА

1. Клімаў, М.В. Лучанскі ґрунтовы могільнік 1 / М.В. Клімаў // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковых канферэнцый / рэдкал.: Г.У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка, 2013. – С. 20–23.
2. Чараўко, В.У. Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стагоддзяў: вызначэнне, структура і класіфікацыя / В.У. Чараўко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарныя науки. – 2012. – № 1. – С. 24–27.
3. Чараўко, В.У. Археалагічныя разведкі на ґрунтавым могільніку каля в. Івесь Глыбоцкага раёна ў 2010 годзе / В.У. Чараўко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2012. – Вып. 23. – С. 379–383.
4. Чараўко, В.У. Археалагічнае вывучэнне могільніка каля в. Івесь Глыбоцкага раёна ў 2011 г. / В.У. Чараўко // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 20–23 мая 2012 г. ; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 417–426.
5. Чараўко, В.У. Археалагічныя раскопкі на могільніку каля в. Івесь Глыбоцкага раёна ў 2012 г. / В.У. Чараўко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2014. – Вып. 25. – С. 382–389.
6. Емельянич, О.А. Краниологическая характеристика населения XIV–XVI вв. / О.А. Емельянич // Палеоантропология Беларуси / И.И. Саливон [и др.] ; науч. ред. И.И. Саливон, С.В. Васильев. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 123–127.
7. Васілевіч, У.А. Памінкі / У.А. Васілевіч // Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя ; рэдкал. : І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 385.
8. Лобач, У.А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сяміятычнай перспектыве / У.А. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. — 510 с.
9. Аўсейчык, У.Я. Абрад «прыкладзіны» ў беларусаў Падзвіння / У.Я. Аўсейчык // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. Канф. і да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ), Полацк, 17–18 крас. 2014 г. : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – Ч. 1. – С. 144–156.
10. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на ґрунтавым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна / Д.У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – № 15. – С. 261–269.
11. Чараўко, В.У. Пазамагільны інвентар вясковых пахаванняў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст.: наменклатура, інфарматыўнасць, інтэрпрэтацыя / В.У. Чараўко // Тэзісы навукова-краязнаўчай канферэнцыі да 90-годдзя Краязнаўчага музея Полацка, Полацк, 7–8 снежня 2016 г. / уклад. І.П. Воднева. – Полацк : НППКМЗ, 2016. – С. 45–46.

Паступіў 13.12.2016

THE EXCAVATIONS AT THE CEMETERY NEAR IVES VILLAGE OF GLUBOKSKY DISTRICT IN 2013

V. CHARAUKO

The article describes archaeological excavations at the ground cemetery near Ives village of Gluboksky district in Vitebsk region in 2013. The aim of the excavations is to continue the investigation of the funerary burials, which were started in 2010. The area opened in 2013 was 36 m². The stratigraphy of excavation pits correlates with the stratigraphy of pits of 2010–2012. 7 burials (2 children, 3 men and 2 people, whose sex could not be determined) were open. Funerary complexes were marked with gravestone constructions. The heads of skeletons are oriented to the Northwest (for the first time at the ground cemetery near Ives village) and to the West, with small deviations to the north. Coffin nails have been found in four burials. Two earrings, typical for the 15th–16th centuries, have been found in the children grave.

Keywords: *Belarusian Dvina region, archaeological research, funerary monuments of the 15th–16th centuries, grave goods, burials.*

УДК 94(476)“9”

СТАНАЎЛЕННЕ ЎЛАДЫ РАГВАЛОДА
Ў СІСТЭМЕ САЦЫЯЛЬНЫХ АДНОСІН ПОЛАЦКАЙ ЗЯМЛІ

Ю.М. КЕЖА

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Аналізуюцца асаблівасці ўсталявання ў Полацку ўлады скандынаўскага правадыра Рагвалода (сярэдзіна X ст. – 978 г.). Робіцца выснова, што Рагвалод быў запрошаны ў Полацк прадстаўнікамі мясцовых эліт у сярэдзіне X ст. Фактарамі ўкняжэння Рагвалода было выкананне ім функцый кантролю над сярэднедзвінскім гандлёвым маршрутам “з вараг у грэкі” і абароны дадзенай тэрыторыі ад знешняй пагрозы. Пад уладай Рагвалода ў другой палове X ст. апынуліся тэрыторыі ад Браслаўскага Паазер’я да Лукомля і Друцка, з насельніцтвам гэтых тэрыторый былі ўсталяваны падаткова-данніцкія адносіны.

Ключавыя словы: Рагвалод, Полацкая зямля, укняжэнне.

Уводзіны. Перыяд IX–X стст. на землях Усходняй Еўропы з’яўляецца пераходным этапам ад родаплемянных структур да раннесярэднявечных дзяржаўных утварэнняў [1, с. 31]. У гэты перыяд назіраюцца змены і трансфармацыі сацыяльных інстытутаў раннесярэднявечнага грамадства. Разам з новымі ўмовамі функцыянавання інстытутаў улады змяняецца характар улады князя.

У дадзяржаўным перыядзе развіцця насельніцтва Усходняй Еўропы патэстарна-палітычныя структуры, якія канцэнтравалі ў сваіх руках кіраўніцтва над грамадствам, у сацыяльнай антрапалогіі атрымалі назву “*cheftdom*” (“правадырства”) [2, с. 57], у сувязі з іх палітычным ладам, дзе важную ролю ў грамадскім жыцці адыгрываў інстытут правадыра і дружыны. Дадзеная форма грамадскага кіраўніцтва з’яўляецца прамежкавым звяном паміж родаплемянным ладам і дзяржаўнымі ўтварэннямі [3, с. 15–16]. Аб значным статусе князя (правадыра) у грамадстве пры пераходзе ад родаплемяннага ладу да дзяржаўных арганізацый сведчыць этымалогія гэтага тэрміну. Зыходзячы са значэнняў, слова “князь” ў заходнеславянскіх мовах (славацк. *kňaz*; польск. *ksiadz* – “святар”), вынікае, што князі выконвалі не толькі свецкія, але і святарскія функцыі [4, с. 58].

Акрамя ўлады правадыра (князя), на апошнім этапе развіцця родаплемяннага грамадства вылучаюцца такія сацыяльныя інстытуты, як савет старэйшын і народны сход (веча). Наяўнасць улады князя як ваеннага кіраўніка сведчыць аб наяўнасці бліжэйшага княжацкага атачэння (дружыны) [5, с. 17]. Пры гэтым, акрамя племянной княжацкай улады, вялікую ролю ў жыцці грамадства адыгрывалі прадстаўнікі наблітэту (племянное баярства) [6, с. 157–158]. Аб эканамічнай і сацыяльнай магутнасці племяннога баярства сведчаць зямельныя надзелы гэтай сацыяльнай групы, якія з’явіліся раней, чым іх атрымалі князі, якія ўзначальвалі пазнейшыя дзяржаўныя ўтварэнні [7, с. 382].

Асноўным паказчыкам сацыяльнага развіцця грамадства з’яўляецца ступень функцыянальнай дыферэнцыяцыі, якая трансфармуецца ў сацыяльную і маёмасную дыферэнцыяцыю [8, с. 20]. Як адзначае Э. Сэрвіс, «лік статусаў павышанай каштоўнасці абмежаваны так, што далёка не ўсе хто валодае здольнасцю займаць дадзены статус маюць яго» [3, с. 21–34]. Пасля развіцця трансэўрапейскіх гандлёвых шляхоў вышэйшыя сацыяльныя структуры набываюць функцыю ўплыву над перамеркаваннем залішняга прадукту, які накопліваецца ў выніку кантролю над шляхамі гандлю і спагнання даніны з падуладнага насельніцтва. Адною з асноўных сацыяльных з’яў гэтага перыяду з’яўляецца інстытут палюддзя [9].

Пачатак палюддзя як сістэматычнага збору даніны трэба шукаць у перыядзе ўтварэння племянных княстваў (VIII–IX стст.). Пры гэтым дадзены інстытут непасрэдна звязаны са станаўленнем правадырства, а ў ходзе далейшай эвалюцыі грамадства з інстытутам вярхоўнай княжацкай улады [10, с. 108]. Палюддзе ўзнікла як “грамадска неабходны і грамадска карысны інстытут, які забяспечваў нармальнае функцыянаванне ўлады князя, і, такім чынам соцыўма ў цэлым” [11, с. 468]. Вытокі палюддзя ў племянным грамадстве непасрэдна выцякаюць з успрыняцця падуладным насельніцтвам дара. Князь, які з’яўляўся сакральным і фізічным гарантам міру і дабрабыту, патрабаваў ад насельніцтва адказнага дара [5, с. 18]. Падданыя, з якіх збіралася даніна, запрашалі правадыроў на піры, адорвалі іх з надзеяй на падтрымку і адказныя дары [12, с. 234]. Такім чынам, уладар атрымліваў добраахвотныя дары ад славянскіх плямёнаў, якія разлічвалі на тое, што ён будзе выконваць асноўныя грамадскія функцыі: абарону ад знешняй агрэсіі і ўнутранае кіраванне [13, с. 126]. З цягам часу палюддзе разглядалася як легітымнае прызнанне вярхоўнай улады князя на тэрыторыю [14, с. 9–11]. Асоба князя, які збіраў пэўную колькасць натуральнага прадукту з падуладнага насельніцтва, успрымалася як неабходная для грамадства і, такім чынам, сакральная. У гэтым выпадку паказальным з’яўляецца функцыянаванне падобнай з’явы ў Скандынавіі.

дынаўскіх краінах. Падчас збору вейцы ў Скандынавіі ў асобе конунга насельніцтва бачыла ўвасабленне дабрабыту краіны. Удзел конунга ў сумесным піры падчас палюддзя быў залогам далейшага росквіту падуладнай яму тэрыторыі [15, с. 184].

Асноўная частка. З сярэдзіны IX – пачатку X ст. пачынаецца актыўнае функцыянаванне заходне-дзвінскага гандлёвага адрэзку шляху “з вараг у грэкі”. Становішча Полацка ў геапалітычнай прасторы Усходняй Еўропы стала адной з галоўных прычын прыходу ў сярэдзіне X ст. на землі крывічоў скандынаўскага конунга Рагвалода.

У гэтай сувязі варта звярнуць увагу на якаснае адрозненне Полацка ад Рурывава Гарадзішча (Ноўгарада) і Ладагі ў IX–X стст. Калі ініцыятарамі гандлёвых зносін і заснавальнікамі ўмацаваных пунктаў у Ладазе і Рурывавым Гарадзішчы былі скандынавы, у Полацку раннегарадская структура была заснавана на славянскай аснове [16, с. 44]. Дадзеная акалічнасць, як адзначае Д.У. Дук, “вызначыла своеасаблівае Полацка ў этнакультурных працэсах Усходняй Еўропы” [17, с. 48].

Археалагічныя дадзеныя сведчаць, што ў Полацкай зямлі X ст. адбываліся істотныя змены, якія маглі быць звязаны з прыходам скандынаваў. З гэтага часу на полацкім гарадзішчы пачынаецца актыўнае фартыфікацыйнае будаўніцтва, што можна ўскосна звязаць з часам усталявання Рагвалода [18, с. 290]. Аб паступовым узрастанні эканамічнай і, разам з ёй, палітычнай магутнасці Полацка ў гэты перыяд сведчыць наяўнасць манетных скарбаў, звязаных з горадам і яго акругай. У 1973 г. у в. Каз’янкі пад Полацкам быў знойдзены скарб арабскіх дырхемаў, які змяшчае 7711 срэбраных куфіцкіх манет [19, с. 72]. Выява на манеце з каз’янкаўскага скарба двузубца, як сімвалічнага знака княжацкай улады, было выканана ў 10–30-я гг. X ст. Таксама сярод графіці, якія былі адбіты на манетах, паводле Е.А. Мельнікавай, значную частку займаюць выявы скандынаўскіх сімвалічных знакаў [20, с. 245]. Часам з’яўлення гэтага скарба ў Полацкай зямлі можна лічыць 30–40-я гг. X ст. Яшчэ адзін клад, які адносіцца да 70–80-х гг. X стст., быў знойдзены ў 1888 г. у іменні Струнь каля Полацка [19, с. 73]. Самым вядомым і значным лічыцца скарб выпадкова знойдзены на тэрыторыі полацкага Ніжняга замка ў 1984 г. Скарб складаецца з 6 залатых прадметаў – шыйных грыўняў і бранзалетаў [21, с. 138; 22, с. 210]. У дадзеным скарбе таксама знойдзены прадметы ўзбраення ў Ніжнім Падзвінні, што сведчыць аб панаванні ўздоўж Заходняй Дзвіны ў першай палове – сярэдзіне X ст. ваенізаванай варажскай арганізацыі на чале з князем, якая з’яўлялася галоўным носьбітам улады ў рэгіёне [18, с. 290].

Паводле звестак Аповесці мінулых часоў у 6488 (980 г.): “*бе бо Рогьволодь прішель и-заморья имяше власть свою в Полотьске а Туры Турове от негоже и Туровци прозва*” [23, с. 54]. Аб скандынаўскай прыналежнасці першых вядомых князёў Полацка і Турава сведчыць паведамленне, што яны “прыішлі з-за мора” (Скандынавіі – Ю.К.) і скандынаўская этымалогія іх імёнаў. Рагвалод, яго дачка Рагнеда, Тур – славянізаваныя формы скандынаўскіх імёнаў Ragnvaldr, Ragnhildr і Torir.

Імя Ragnvaldr мае адметную этымалогію, якая сведчыць аб яго прыналежнасці да імёнаў, характэрных да эліты скандынаўскага грамадства. Скандынаўскае імя Ragnvaldr складаецца з дзвюх частак. Першая частка “Ragn” даслоўна перакладаецца як “сіла боства”, пераклад другой часткі “valdr” гучыць як “уладар” (“улада дадзеная багамі”) [24, с. 74]. Значэнне дадзенага імя ўказвае на тое, што яго носьбітам быў прадстаўнік знатнага і магутнага роду, які валодаў уладай.

Усталяванне ўлады Рагвалода ў племянным цэнтры полацкіх крывічоў у сярэдзіне X ст. суправаджалася ўнутрапалітычнай нестабільнасцю на Русі пасля забойства кіеўскага князя Ігара, што магло спрыяць ункняжэнню нарманскага ўладара ў Полацку. Горад займаў значнае месца на важнейшым водным шляху. Такім чынам, Полацк з прыходам Рагвалода пачаў кантраляваць выхад на сярэдняю плынь Заходняй Дзвіны, які адкрываў прамы шлях на Балтыку [25, с. 44].

Акрамя лаканічнага паведамлення АМЧ аб факце прысутнасці ў Полацку і Тураве X ст. варажскіх князёў, звестак аб іх дзейнасці больш няма. Летапіс не гаворыць пра характар усталявання ўлады Рагвалода ў Полацку. Аднак на аснове аналізу сацыяльна-палітычных фактараў супастаўленні дзяржаватворчых працэсаў і этнічнай сітуацыі на землях Усходняй Еўропы можна выказаць пэўныя гіпотэзы на гэты конт.

Ва ўмовах барацьбы за кантроль важнейшых адрэзкаў гандлёвага шляху мясцовыя племянныя князі не маюць дастатковых рэсурсаў і магчымасцей, каб аб’яднаць значныя тэрыторыі пад сваёй уладай. У гэтай сувязі прадстаўнікі мясцовых эліт вымушаны запрасяць асобу, якая этнічна не звязана з мясцовым грамадствам.

Згодна з запрашэннем прадстаўнікамі “паўночнай канфедэрацыі плямёнаў” Рурыва з братамі ў Ладагу ў сярэдзіне IX ст. паміж мясцовым наблігітам і іншаземнай нарманскай дружынай было заключана пагадненне – “ряд”. Тэрмін “ряд” у тэксце легенды аб запрашэнні варагаў указвае, што ва ўспрыняцці летапісца пачатку XII ст. прызванне варажскіх князёў ажыццяўлялася ў адпаведнасці з пэўнымі нормама права, якія існавалі ў раннесярэднявечным славянскім грамадстве [26, с. 190].

Сітуацыя, якая склалася на землях Прыільмення ў сярэдзіне IX ст., вызначыла ядро легітымізацыі ўлады і далейшыя ўзаемаадносіны князя і асноўнай часткі насельніцтва. Варагі і хазары прадстаўлялі ва

ўсходнеславянскіх землях знешнюю сілу, якая перашкаджала натуральнаму развіццю дзяржаватворчых працэсаў. Кантакты мясцовага насельніцтва славян, фінаў і балтаў з іншаземцамі ў IX ст. часта суправаджаліся ваеннымі выправамі з боку апошніх, рабаваннем, захопам жыхароў і накладаннем даніны. Акрамя гэтага, развіццё дзяржаўнасці спынялі міжэтнічныя супрацьстаянні паміж славянамі і фіна-угорскімі плямёнамі, а таксама міжродавыя спрэчкі ўнутры племянных аб'яднанняў [23, с. 17]. Так, варагі маглі выступаць у якасці арганізуючай знешняй сілы, якую можна выкарыстоўваць для абароны насельніцтва ад нападаў з боку іншаземцаў і гаранта стабільнасці ўнутры грамадства. У выніку на ўсходнеславянскіх землях з'яўляецца дагаворны характар улады [27]. Менавіта дагаворам у Сказанні аб прызванні варагаў тлумачыцца ўзнікненне ўлады Рурыка і ўсталяванне нарманскай дынастыі ў Ладазе і Ноўгарадзе. Варта адзначыць, што ў пазнейшы перыяд асноўнымі абавязкамі князя з'яўляліся функцыі абароны (ваенная) і суда. У гэтай сувязі можна меркаваць, што якасці князя як палкаводца і судзі выцякаюць з дагаворнага характару ўлады і звязаны з запрашэннем варагаў на ўсходнеславянскія землі.

У сярэдзіне X ст. рэгіён Полацкага Падзвіння апынуўся перад тымі ж праблемамі, перад якімі стаялі паўночныя землі ўсходніх славян сярэдзіны IX ст. Полацк у раннім сярэднявеччы знаходзіўся на мяжы балта-славянскіх кантактаў, як і Наўгародская зямля, якая знаходзілася на мяжы кантактаў славяна-фінскіх. У запрашэнні Рурыка 862 г. прымалі ўдзел як прадстаўнікі славянскіх плямёнаў (славене і крывічы), так і прадстаўнікі фіна-уграў (чудзь і мера). Летапіснае сказанне аб запрашэнні варагаў гаворыць аб сутыкненнях паміж рознымі этнічнымі групамі. Тое ж самае магло адбывацца і ў Полацку сярэдзіны X ст., калі ў выніку сутыкненняў і канфліктаў паміж крывічамі і балцкімі плямёнамі неабходна было запрасіць трэцю асобу – скандынава Рагвалода [28, с. 104]. Племянному аб'яднанню крывічоў-палачан і балцкім супольнасцям, якія жылі побач, была патрэбна знешняя кіруючая сіла, якая магла забяспечыць знешнюю бяспеку, унутраную стабільнасць грамадскага жыцця, ахову гандлёвых шляхоў зносін [29, с. 142].

На дагаворны характар усталявання ўлады Рагвалода ў Полацку ўказвае той факт, што, акрамя Рурыка і Рагвалода (магчыма таксама Тура), старажытнарускія крыніцы больш не ўзгадваюць скандынаўскіх уладароў, якія атрымалі ўладу і замацаваліся на тэрыторыі Усходняй Еўропы. Таму ваенны шлях набыцця ўлады Рагвалодам малаверагодны, бо наступнае афармленне ў Полацкай зямлі ўлады ўнука Рагвалода – Ізяслава – было ажыццяўлена непасрэдна пры ўдзеле полацкай знаці, якая, паводле высноў В.М. Ляўко, заключыла з Ізяславам дагавор “ряд” [5, с. 19; 1, с. 45; 30, с. 47;]. Як адзначае даследчыца: “Ряд”, заключаны Ізяславам з мясцовымі “мужамі” і “людьми”, прадугледжваў выкананне ім сваіх абавязкаў на карысць Полацкага княства. Гэта ўмова выконвалася ў далейшым і ў адносінах усіх нашчадкаў Рагвалода, якія кіравалі Полацкай зямлёй” [31, с. 397]. Калі ўлічваць, што сацыяльныя інстытуты Полацкай зямлі IX–X стст. былі дастаткова разгалінаваныя і прадстаўнікі мясцовай улады мелі значны ўплыў на грамадства, ваенны захоп Рагвалодам Полацкай зямлі павінен быў прадугледжваць ліквідацыю карэнных сацыяльна-палітычных арганізмаў. З гэтым нельга пагадзіцца. На сённяшні момант вядомы адзінкавыя фрагменты скандынаўскай прысутнасці ў матэрыяльнай культуры Полацка X ст. [32]. Скандынаўскай, паводле свайго этнічнага паходжання, была адносна нешматлікая вайсковая эліта на чале з Рагвалодам. Не вельмі заметная археалагічная прысутнасць у Полацку скандынаваў гаворыць аб тым, што Рагвалоду трэба было абапірацца на мясцовыя сацыяльныя інстытуты з выкананнем пэўных умоў.

Акрамя дамовы паміж славянскай і фіна-ўгорскай знацю з Рурыкам 862 г., вядомы тыпалагічна падобныя пагадненні паміж уладарамі заходнеўрапейскіх каралеўстваў і нарманамі канца IX–X стст. [33, с. 35–48]. Дагаворы ўэсэксага караля Альфрэда Вялікага з правадыром датскага войска ў Англіі Гутрумам, якія былі заключаны першы – у Вэдмары ў 878 г., другі – паміж 878 і 890 гг., вядомы паводле “Хронікі Альфрэда Вялікага”, напісанай Асэрам. Яшчэ адна дамова была заключана Карлам Праславатым у 911 г. у Сен-Клерсюр-Эпт з нарманскім уладаром Роланам (Хрольвам) вядома паводле граматы Карла ад 14 сакавіка 918 г., а таксама звестак шэрагу нарманскіх храністаў.

Звяртаючы ўвагу на тое, што гэтыя дамовы былі заключаны пры розных сацыяльна-палітычных абставінах, яны маюць выразныя тыпалагічныя рысы. Іх аб'ядноўвае факт дамоўных адносін паміж правадырамі скандынаўскіх атрадаў і прадстаўнікамі мясцовых улад. Па сутнасці, усе гэтыя пагадненні легітымизуюць пранікненне і рассяленне вікінгаў на пэўнай тэрыторыі, у выніку чаго ўзнікаюць новыя тэрытарыяльна-палітычныя ўтварэнні. На тэрыторыі Англіі з цягам часу афармляецца незалежная ад Уэсэкса вобласць дацкага права – Дэнло, у межах тэрыторыі Францыі, на паўночнай яе частцы, утвараецца герцагства Нармандыя. На тэрыторыі Усходняй Еўропы ўзнікае раннедзяржаўнае аб'яднанне зямель з цэнтрам у Ладазе (ці Рурыкавым гарадзішчы). Адным з галоўных працэсаў, які аб'ядноўвае гэтыя дамовы, з'яўляецца імкненне мясцовых эліт інкарпараваць скандынаваў у сваё грамадства. Таксама пагадненне з Рурыкам прадугледжвала выкананне скандынавам Рурыкам мясцовых норм права, што адлюстравана ў тэрміналогіі летапіснага “Сказання” [26, с. 194].

Рурык запрашаецца “княжить”, “володеть”, “судить” і “рядить” па праву, што абумоўлівае сукупнасць абавязкаў і правоў будучага ўладара паўночнай канфедэрацыі, якія сыходзілі з тых задач, якія імкнулася вырашыць мясцовая племянная эліта з дапамогай запрашэння [26, с. 194]. Як адзначаў У.Ц. Пашута, у дадзеным паведамленні назіраецца імкненне мясцовых эліт да усталявання моцнай улады князя, які бы абараняў інтарэсы не аднаго племяннога аб’яднання, а агульныя інтарэсы рэгіёна [34, с. 103–110].

У Лаўрэнцьеўскім летапісу тлумачыцца, што Рагвалод “*державую і владеющую Полотскую землю*” [23, с. 115]. Першы вядомы полацкі князь быў пачынальнікам полацкай княжацкай лініі, а гэта значыць яго падтрымлівала пэўная частка мясцовага грамадства, якую ён абараняў ад знешняй пагрозы і быў ахоўнікам унутранага парадку. Такім чынам, факт укняжэння Рагвалода ў Полацку сярэдзіны X ст. сведчыць, што ў гэтым рэгіёне дзяржаўная арганізацыя ўзнікла самастойна да яго запрашэння, а далей звязваецца з яго імем [35, с. 33].

У АМЧ змешчана два паведамленні, у якіх фігуруюць полацкі князь Рагвалод і яго дачка Рагнеда. Летапісны заснавальнік Турава – Тур – узгадваецца аднойчы ў кантэксце першага летапіснага паведамлення аб Рагвалодзе і Рагнедзе: “*а Туры (у – Ю.К.) Турове от негоже и Туровци прозваши*” [23, с. 54]. Паведамленне аб князе датычыцца 980 г., але ўжо ў 988 г. тут паводле летапісу княжыць прыемны сын кіеўскага князя Уладзіміра Святаполк. Як пазначае П.Ф. Лысенка: “У раннефеадальным Тураўскім княстве грамадскае развіццё пайшло ўжо далей, і фарміраванне княжацкай улады адбывалася на падставе новай феадальнай структуры грамадства, з фарміраваннем сталай дынастычнай улады” [36, с. 68]. Княжэнне дрыгавічоў змяняецца раннесярэднявечным княствам у выніку адміністрацыйнай рэформы вялікага кіеўскага князя Уладзіміра Святаславіча. У Тураве князем быў пасаджаны прыёмны сын Уладзіміра Святаполк. Гэтым актам скончылася існаванне княжання дрыгавічоў і быў пакладзены пачатак існаванню Тураўскага княства. У адрозненні ад Полацкага зямлі ў Тураўскім княстве не было сфарміравана адасобленай ад Рурыкавічаў княжацкай дынастыі, і станаўленне княжацкай улады на землях беларускага Палесся звязана з Кіеўскім вялікім князем, якому яна была падпарадкавана.

Скандынаўская дынастыя, пад уладай якой на працягу другой паловы IX–X ст. аказваюцца амаль усе ўсходнеславянскія землі, абапіралася і выкарыстоўвала мясцовыя сацыяльныя інстытуты ў сваіх мэтах і на іншым сацыяльным узроўні. У прыватнасці, гэта паказальна на прыкладзе інстытута палюддзя.

Функцыянаванне палюддзя падчас станаўлення скандынаўскай дынастыі на землях Старажытнай Русі падрабязна апісвае візантыйскі імператар Канстанцін Парфірародны ў трактаце “*Аб кіраванні імперыяй*” (сярэдзіна X ст.), пры гэтым супрацьпастаўляючы адрасатаў даніны – “*росаў*” і тых хто яе выплачвае – славян [37, с. 140]. Дзейнасць скандынаўскіх вайсковых атрадаў (росаў) і апісанні Канстанціна Парфірароднага вельмі блізка карэлююцца з паведамленнямі арабскіх пісьменнікаў канца X ст., дзе гаворыцца аб вылучэнні «знатных русаў» (адасобленага ваеннага слою) і падпарадкаванага насельніцтва – славян (якіх усходнія аўтары называюць «ас-сакаліба»). З славянскага насельніцтва скандынавы спаганяюць даніну [38].

На землях Усходняй Еўропы, у тым ліку і на тэрыторыі Полацкага Падзвіння, у X ст. фарміруецца інстытут княжацкай улады, які заснаваны на скандынаўскай, адасобленай у этнічным плане ад асноўнай часткі насельніцтва аснове. Дадзены фактар садзейнічае элітацызму новай улады, яшчэ большаму ўзвышэнню і адасобленню князя і інстытута дружыны над мясцовым усходнеславянскім грамадствам.

Таксама ў новых ўмовах інстытут палюддзя аказаўся эфектыўным фактарам, які аб’яднаў рознаэтнічныя племянныя саюзы ў адзіную тэрыторыю пад вярхоўнай уладай князя. Аб’езд уладаром і дружынай падуладнай тэрыторыі, хоць і вельмі фрагментарна, але ўжо паступова ствараў абрысы будучых дзяржаўных утварэнняў.

З усталяваннем Рагвалода ў Полацку сярэдзіны X ст. пачынаецца паступовае фарміраванне межаў Полацкай зямлі праз усталяванне княжацкай улады ў аддаленых ад цэнтра (Полацка) землях. У другой палове X ст. пачынаецца рассяленне дружыны ў сельскіх мясцовасцях, аб чым сведчыць узнікненне могільнікаў Банонь і Бельчыца [39, с. 179–196]. Інвентар пахаванняў адпавядае характэрнаму інвентару іншых могільнікаў з дружыннымі пахаваннямі. З’яўленне ў другой палове X ст. каля Полацка насельніцтва з рэчамі старажытнарускага аблічча можна звязаць з прыходам Рагвалода і ўсталяваннем ім кантролю над гандлёвымі шляхамі па Дзвіне [40, с. 179]. Падобная сітуацыя назіраецца на паўночным усходзе Полацкай зямлі (Вышчадкі) у басейне Дзісны (Чарневічы). Таксама рэгіёны, дзе знойдзены ў пахаваннях статусныя рэчы, уключае вярхоўя Бярэзіны Дняпроўскай (Бірулі, Вітунічы), Ушачы Дзвінскай (Рыбакі, Селішча, Славены) і Віліі Нёманскай (Ізбішча) [40, с. 180]. Амаль усе пахаванні адносяцца да другой паловы X – пачатку XI ст., што гаворыць аб працэсе ўключэння гэтых тэрыторый у сферу інтарэсаў Полацка.

Працэс падпарадкавання зямель балтаў і асобных славянскіх племянных утварэнняў, паводле археалагічных матэрыялаў, суправаджаўся ваенным шляхам. У выніку археалагічных даследаванняў на лукомльскім гарадзішчы (цэнтры племені “лукамлян”) на ім даволі поўна прадстаўлены перыяд X–XI стст. [41, с. 143]. Да гэтага часу належаць ланцэтавідныя наканечнікі стрэл, з’яўленне якіх Г.В. Штыхаў звязвае з дзейнасцю варагаў [42, с. 54; 43, с. 12–13]. Таксама наяўнасць слядоў пажара X ст.

на ўмацаваным гаразішчы Лукомля [44, с. 111] сведчыць аб уключэнні дадзенай тэрыторыі ў склад Полацкага княства [45, с. 27].

У могільніку Замошша, што знаходзіцца ў наваколлі Лукомля, вылучаецца пахаванне з элементамі наборнага поясу X ст., што з'яўляецца паказчыкам высокага сацыяльнага статусу пахаванага і прыналежнасці яго да дружыны або княжацкай адміністрацыі. Верагодна, пасля ваеннага падпарадкавання лукомльскага княжэння на гэтай тэрыторыі была размешчана адміністрацыя полацкага князя, якая займалася адміністрацыйным кіраваннем: зборам даніны, выкананнем судовых і адміністрацыйных функцый. Прысутнасць у раёне Лукомля пахавання чалавека з высокім сацыяльным статусам, які быў пахаваны па абрадзе больш характэрным для Полацкага Падзвіння, адлюстроўвае працэсы, звязаныя са стварэннем дзяржаўнага ўтварэння з цэнтрам у Полацку.

Паводле археалагічных даследаванняў М.А. Плавінскага ў другой палове X ст. на тэрыторыі Браслаўскага Паазер'я (ваколліца азёр Укля – Абстэрна – Важа) з'яўляюцца курганныя могільнікі, якія атаясамліваюцца з прытокам новага насельніцтва з больш усходніх рэгіёнаў беларускага Падзвіння [46, с. 129]. Паводле часу з'яўлення новага насельніцтва на ўсходзе Браслаўскага Паазер'я можна меркаваць аб паступовым пранікненні прадстаўнікоў полацкай княжацкай улады ў гэты рэгіён. Знойдзеныя ў могільніках богінска-дрывятскага мікрарэгіёна прадметы ўзбраення старажытнарускіх і паўночнаеўрапейскіх формаў (сякеры, ланцэтавідныя наканечнікі коп'яў з “гатычным” арнаментом), якія датуюцца X – першай паловай XI ст. [46, с. 131], таксама могуць быць пахаваннямі полацкай княжацкай адміністрацыі. З дзейнасцю прышлага насельніцтва ў Браслаўскім Паазер'і варта звязваць і могільнік Пагошча, да якога належаць 10 курганоў, якія таксама інтэрпрэтаваны М.А. Плавінскім як пахаванні прадстаўнікоў полацкай княжацкай улады [46, с. 131].

Працэсы распаўсюджвання прадметаў старажытнарускага і паўночнаеўрапейскага паходжання празрыста ўказваюць на пашырэнне княжацкай улады з цэнтрам у Полацку на перы-ферыйныя тэрыторыі ад наваколляў Лукомля на паўднёвым усходзе, да Браслаўскага Паазер'я на паўночным захадзе. Працэс “акняжэння” тэрыторый часта суправаджаўся ваенным шляхам, аб чым сведчаць сляды пажараў на гарадзішчы Лукомля, гарадзішча “Замак” на возеры Дрысвяты і на гарадзішчы “Замкавая гара” ў Браславе [47, с. 103]. На тэрыторыі, якія былі ўключаны ў сферу інтарэсаў Полацкай зямлі, распаўсюджвалася даніна. Аб існаванні інстытута палюддзя сярод першых полацкіх князёў ускосна сведчыць тапонім *Палюдавічы* на мяжы Полацкага і Міёрскага раёнаў.

У сярэдзіне – другой палове X ст. на тэрыторыі Полацкага Падзвіння ўтвараецца самастойная тэрытарыяльна-палітычная арганізацыя, заснаваная на скандынаўскай уладзе скандынаўскага конунга Рагвалода пры актыўнай ролі ў грамадскім жыцці прадстаўнікоў мясцовай знаці. Паводле вызначэння Г.М. Семенчука, дадзенае ўтварэнне (“княжэнне Рагвалода”) было тыпалагічна падобна на “варварскія каралеўствы” Заходняй Еўропы V–VIII стст. [48, с. 69].

Канец X ст. звязаны з цэнтралізацыяй улады на ўсходнеславянскіх землях. Гэты складаны працэс быў звязаны з дзейнасцю кіеўскага князя Уладзіміра Святаславіча. Распаўсюджанне ўлады кіеўскага князя на тэрыторыю Полацкай зямлі адлюстравалася ў летапісным паведамленні аб заваёве Полацка Уладзімірам 980 г. Летапісная легенда аб сватанні Уладзіміра да Рагнеды і паходзе кааліцыі паўночных плямёнаў на Полацк захавалася ў Пачатковым летапісе пад 6488 (980) г. Паведамленне аб паходзе Уладзіміра і Дабрыні на Полацк, згодна з высновамі А.А. Шахматава, мае характар устаўкі. Рабаванне горада, на думку даследчыка, адносіцца да больш ранняга часу (пачатак 970-х гг.), што лагічна зрушвае перыяд у княжэння Рагвалода ў Полацку на сярэдзіну X ст. [49, с. 118]. Галоўнай мэтай паходу Уладзіміра, такім чынам, было падпарадкаванне Полацка і кантраляванне гандлёвага шляху па Дзвіне, або перакрыццё гэтага шляху на карысць Ноўгарада, што абумовіла далейшае актыўнае супрацьстаянне двух гарадоў у XI ст.

Рабаванне Полацка і фізічнае знішчэнне Рагвалода і яго сыноў пераследавала мэты распаўсюджвання кіеўскай улады на незалежны ад Кіева цэнтры – Полацк і, магчыма, Тураў. З дзейнасцю Уладзіміра звязана прызнанне роду Рурыкавічаў адзіным легітымным прадстаўніком улады на Русі.

Заклучэнне. Напярэдадні прыходу ў Полацк Рагвалода на тэрыторыі Полацкага Падзвіння існавала сістэма ўлады, якая гуртавалася на ўладзе мясцовых правадыра(оў) пры вялікім уплыве на грамадскае жыццё наблітэту (полацкага баярства). Актыўнае функцыянаванне заходнедзвінскага маршруту “з вараг у грэкі” з'явілася адной з асноўных прычын усталявання ў Полацку ўлады Рагвалода. К сярэдзіне X ст. мясцовыя племянныя князі не мелі значных сіл і рэсурсаў для ажыццяўлення кантролю над полацкім гандлёвым маршрутам. У княжэнне Рагвалода ў Полацку адбылося па ініцыятыве мясцовых палітычных эліт шляхам пагаднення “рыда” паміж скандынаўскім уладаром і мясцовым наблітэтам. У гэтай сувязі ўмацаванню ўлады Рагвалода ў Полацкай зямлі садзейнічала агульнасць інтарэсаў мясцовых эліт і інтарэсаў скандынаваў. Умовамі ў княжэння Рагвалода было выкананне функцый кантролю над сярэднедзвінскім гандлёвым маршрутам “з вараг у грэкі”. Відавочна, што дадзенае кіраўніцтва ажыццяўлялася пад непасрэдным уплывам мясцовай арыстакратыі. Кантроль над сярэднедзвінскім напрамкам даваў значнае матэрыяльнае ўзбагачэнне як княжацкай уладзе, прадстаўленай

скандынавам Рагвалодам, так і племянной эліце. Таксама “ряд”, заключаны прадстаўнікамі мясцовай знаці з Рагвалодам, як правадыром аднаго са скандынаўскіх атрадаў, прадугледжваў наданне яму ў якасці князя вярхоўнай улады з мэтай абароны ад знешняй пагрозы і забеспячэння інтарэсаў племянных эліт на ўмовах захавання мясцовых нормаў звячаёвага права. Падпарадкаванне навакольных тэрыторый ад Браслаўскага Паазер’я да Лукомля і Друцка ў другой палове X ст., устанаўленне з насельніцтвам гэтых тэрыторый налогава-данніцкіх адносін спрыялі паступоваму станаўленню княжацкай адміністрацыі і распаўсюджванню ўлады полацкага князя. Такім чынам, асаблівасці ўсталявання ў Полацку ўлады Рагвалода, а менавіта верагоднага пагаднення, заключанага скандынаўскім уладаром з мясцовымі элітамі, абумовілі далейшы працэс станаўлення самастойнай полацкай княжацкай дынастыі Рагвалодавічаў і адметнае гістарычнае развіццё Полацкай зямлі на працягу XI–XII стст.

ЛІТАРАТУРА

1. Левко, О.Н. Племенные структуры, погосты и волости Витебского Подвинья в конце I-го – начале II тысячелетия / О.Н. Левко // Учёные записки Витебского ун-та. – 2003. – Т. 2. – С. 31–49.
2. Oberg, K. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America / K. Oberg // American Anthropologist, 1955. – 488 s.
3. Service, E.R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. / E.R. Service. – N.Y., 1975. – 115 s.
4. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. – М. : Аспект пресс, 1998. – 205 с.
5. Ляўко, В. Раннесярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Беларусі (структура, служылыя арганізацыі, павіннасці) / В. Ляўко // Штогоднік Інстытута гісторыі Нац. Акадэміі навук Беларусі. – Мінск : Ін-т гісторыі, 1999. – С. 17–25.
6. Пьянков, А.П. Происхождение общественного и государственного Строя Древней Руси / А.П. Пьянков. – Минск : Изд.-во БГУ, 1980. – 208 с.
7. Левко, О.Н. Формирование землевладельческих структур / О.Н. Левко // Беларусь: народ, государство, время. – Минск : Беларус. Навука, 2009. – С. 381–383.
8. Мельникова, Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) / Е.А. Мельникова // Древняя Русь и Скандинавия : избр. Тр. – М. : Русский Фонд Содействию образования и Науке, 2011. – С. 15–34.
9. Полюдьбе: всемирно-историческое явление. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. – 791 с.
10. Темушев, С.Н. Налогово-данническая система древнерусского государства: современное понимание проблемы / С.Н. Темушев // Российские и славянские исследования : науч. сб. – Минск : БГУ, 2007. – Вып. 2. – С. 106–112.
11. Фроянов, И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И.Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 512 с.
12. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги / А.Я. Гуревич. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 352 с.
13. Темушев, С.Н. Налоги и дань в Древней Руси / С.Н. Темушев. – Минск : БГУ, 2015. – 279 с.
14. Темушев, С.Н. Генезис и эволюция института верховной власти в славянских раннефеодальных государствах (VII–XII вв.) : автореф. дис.... канд. ист. наук / С.Н. Темушев ; Бел. гос. ун-т., 2003. – 20 с.
15. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Норвежское общество в раннее средневековье / А.Я. Гуревич. – М. : Изд-во «Традиция», 2009. – 470 с.
16. Дук, Д.У. Феномен станаўлення дзяржаўнасці на землях полацкіх крывічоў (IX–XI стст.) / Д.У. Дук // Спадчына. – 2003. – № 6. – С. 40–46.
17. Дук, Д.В. Заурядный городок, затаившийся в речных излуцинах? Новая концепция роли и места Полоцка в ранней древнерусской истории / Д.В. Дук // Родина. – 2013. – № 6. – С. 47–49.
18. Русь в IX–XI веках : археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. А. Макаров. – М. ; Вологда : Древности Севера, 2012. – 496 с. : ил.
19. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – Минск : Народная асвета, 1977. – 399 с. : ил.
20. Мельникова, Е.А. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей / Е.А. Мельникова // Древняя Русь и Скандинавия : избр. тр. – М. : Русский Фонд Содействию образования и Науке, 2011. – С. 241–248.
21. Археалогія Беларусі : у 4 т. / Я.Г. Звяруга [і інш.] ; навук. рэд. П.Ф. Лысенка. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – Т. 3. Сярэднявеквы перыяд (IX–XIII стст.). – 554 с. : іл.
22. Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.). – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. Л – Я. – 464 с. : іл.
23. Полное собрание русских летописей. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – 379 с.
24. Самонова, М.Н. Рогъволодь – Ragnvaldr: к вопросу о возможной идентификации / М.Н. Самонова // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 73–78.
25. Темушев, С.Н. К вопросу об истоках политической самостоятельности Полоцкой земли в древнерусский период / С.Н. Темушев // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі, Полац. дзярж. ун-т. ; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко – Минск, 2012. – С. 39–51.
26. Мельникова, Е.А., Петрухин, В.Я. «Ряд» легенды о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. – М. : Русский Фонд Содействию образования и Науке, 2011. – С. 190–200.

27. Соловьев, К.А. Эволюция форм легитимации государственной власти в древней и средневековой Руси. IX – первая половина XIV вв. [Электронный ресурс] / К.А. Соловьев. – Рэжым доступу: <http://krotov.info/history/09/3/solo1999.html>. – Дата доступу: 07.07.2012.
28. Кежа, Ю.М. Устанаўленне княжацкай улады ў Полацку (IX–X стагоддзі) / Ю.М. Кежа // Труды молодых специалистов Полоц. гос. ун-та. – Новополоцк, 2009. – Вып. 34. – С. 103–105.
29. Новікаў, Я.У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.) / Ягор Новікаў. – Мінск : Логвінаў, 2006. – Т. 1. – 208 с.
30. Левко, О.Н. Полоцкое княжество / О.Н. Левко // Беларусь: народ, государство, время. – Минск : Беларус. навука, 2009. – С. 45–51.
31. Левко, О.Н. Социальные институты IX – начала XI в. / О.Н. Левко // Беларусь: народ, государство, время. – Минск: Беларус. Навука, 2009. – С. 377–380.
32. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., іл.
33. Мельникова, Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // Древняя Русь и Скандинавия : избр. тр. – М. : Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2011. – С. 35–48.
34. Пашуто, В.Т. Летописная традиция о «племенных княжествах» и варяжский вопрос / В.Т. Пашуто // Летописи и хроники. – М., 1974. – С. 103–110.
35. Штыхаў, Г.В. Полацкае княства – калыска дзяржаўнасці на беларускіх землях / Г.В. Штыхаў // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навуц. канф., Полацк, 22–23 мая 2012. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 31–38.
36. Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П.Ф. Лысенко. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 268 с., ил.
37. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – Т. II : Византийские источники / сост. М.В. Бибииков. – 384 с.
38. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – Т. III : Восточные источники / сост. Ч. I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова ; Ч. II – В.Я. Петрухин. – 264 с.
39. Ляўданскі, А.Н. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе / А.Н. Ляўданскі // Зап. Адз. Гуманіт. Навук. – Менск, 1930. – Кн. II : Працы археалагічнай камісіі. Т. II. – С. 179–196.
40. Вайцяховіч, А. Змены ў абразе крэмацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X ст. / А. Вайцяховіч // Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян : зб. матэрыялаў Міжнар. навуц. канф., Мінск, 29–30 верас. 2009 г. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 178–184.
41. Штыхаў, Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.: іл.
42. Штыхов, Г. Древний Лукомль – материальная культура в этническом аспекте (I тысячелетие н.э.) / Г. Штыхов // Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян : зб. матэрыялаў Міжнар. навуц. канф., Мінск, 29–30 верас. 2009 г. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 45–59.
43. Штыхов, Г.В. Лукомль: археологический комплекс железного века и средневековья / Г.В. Штыхов. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 167 с.: ил.
44. Еремеев, И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой / И. Еремеев, Г. Штыхов // Acta Archaeologica Albaruthenica. – 2011. – Vol. I (Вып. 1). – С. 110–134.
45. Левко, О.Н. Полоцкая земля в государствообразующих процессах Восточной Европы IX–XII вв. / О.Н. Левко // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навуц. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 22–30.
46. Плавінскі, М. Насельніцтва Браслаўскага Паазер'я ў другой палове I – пачатку II тысячагоддзя н.э. (па матэрыялах пахавальных помнікаў) / М. Плавінскі // Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян : зб. матэрыялаў Міжнар. навуц. канф., Мінск, 29–30 верас. 2009 г. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 126–137.
47. Алексеев, Л.В. Раскопки древнего Браслава / Л.В. Алексеев // КСИА. – 1960. – Вып. 81. – С.95–106.
48. Семянчук, Г.М. Пачатковы этап фарміравання Полацкай зямлі (IX–X стст.) / Г.М. Семянчук // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1991. – № 3. – С. 69–74.
49. Шахматов, А.А. Разыскания о русских летописях / А.А. Шахматов. – М. : Академический проект, Жуковський : Кучково поле, 2001. – 880 с.

Паступіў 14.12.2016.

FORMATION OF AUTHORITIES ROGOVOLOD IN SOCIAL RELATIONS POLOTSK

J. KEZHA

The article analyzes the characteristics of the establishment in Polatsk of Scandinavian leader Rogvolod power (mid-tenth century till 978). It is concluded that Rogvolod was invited to Polatsk by representatives of local elites in the middle of the tenth century. Power factor was Rogvolod perform their oversight functions over the Polatsk trade route and the protection of the territory from external threats. Under Rogvolod power in the second half of the tenth century were large areas. With a population of these territories the tax relations were established.

Keywords: Polatsk, Rogvolod, power.

УДК 94(476)«1917/1941»

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ПОЛОЦКА В 1917–1941 ГОДАХ

А.А. ОГОРОДНИКОВ

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Рассматривается трансформация социальной сферы Полоцка в период 1917–1941 годов, охватившая все пространство городской жизни – от условий труда и быта, образа жизни, благосостояния и досуга горожан до социально-классовых, конфессиональных и национальных отношений. Анализируются коренные изменения в системе образования, культуре, здравоохранении, социальном обеспечении, коммунальном хозяйстве, в менталитете и городском пространстве Полоцка. Делается вывод, что подобная трансформация была вызвана социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в БССР со времени Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Полоцк, городское пространство, социальная сфера.

Введение. Понятие социальной сферы охватывает все пространство жизни человека – от условий его труда и быта, здоровья и досуга, образа и уровня жизни, благосостояния и потребления до социально-классовых, конфессиональных и национальных отношений. Также в понятие социальной сферы входит образование, культура, здравоохранение, социальное обеспечение, общественное питание, коммунальное обслуживание, связь и прочее.

Период с 1917 по 1941 годы был временем серьезных изменений в социальной сфере Полоцка. Трансформация продуцировалась социально-экономическими и политико-идеологическими процессами, происходившими в Советской России, БССР и СССР со времени Октябрьского переворота до начала Великой Отечественной войны.

Основная часть. Одним из важнейших направлений развития социальной сферы Полоцка в период 1917–1941 годов было совершенствование системы образования.

Начало организации новой системы народного образования в Полоцке было положено сразу после установления советской власти. Газета «Известия армейского Совета солдатских депутатов III армии и Полоцкого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (№ 18 от 25 января 1918 года) выразила установку новой власти: школа – это «... оплот революционного строительства новой жизни, проводник света в темные массы, воспитательница новых поколений, носительница прогресса. Школа перестала быть оружием угнетения в руках господствующих классов» [1].

Старая сословная школа была упразднена, началось строительство новой, советской единой трудовой школы, секуляризованной и общедоступной. Уже в 1918–1919 учебном году в Полоцке было 11 школ первой и второй ступеней образования [2].

В Полоцке получило развитие школьное образование для нацменьшинств. С апреля 1919 года в городе начала действовать польская национальная школа. Число учащихся в ней составляло свыше 100 человек [3, с. 63]. В 1921 году в городе уже действовали две еврейские школы [4], где обучался 181 ребенок [5, с. 80].

В 1920 году в Полоцке, по данным демографической переписи населения, насчитывалось 2909 детей школьного (8–15 лет) возраста, из них грамотными были 2098 детей (72 %) [6].

Кроме развития школьной системы, происходило становление профессионально-технического образования. Так, 15 сентября 1920 года в Полоцке открылось профессионально-техническое училище с четырехгодичным сроком обучения для подготовки специалистов лесного хозяйства [7].

20 сентября 1921 года в Полоцке состоялся IX уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В резолюции съезда подчеркивалась «... необходимость улучшения деятельности школ, открытия специальных учебных заведений» [8, с. 360]. При этом губернскими отделами народного образования еще в августе 1921 года строго предписывалось, что лицам, не достигшим 18 летнего возраста, в учебные заведения, в которых преподавались религиозные вероучения, не допускались [9].

Зимой 1922 года в городе был открыт рабочий факультет (рабфак), готовивший рабочую молодежь для поступления в вузы [10, с. 180].

В начале 1920-х годов в учебных и дошкольных учреждениях реализовывался принцип трудового воспитания. Повсеместно внедрялось ученическое самообслуживание: уборка и приведение в порядок своих помещений, украшение комнат, дежурство, участие в приготовлении пищи в детдомах, помощь старших детей младшим.

Положительной тенденцией на протяжении 1919–1923 годов было увеличение количества учащихся в городе: если в 1919 году в Полоцке обучалось 2602 ученика, то в январе 1923 года – уже 3040 детей [3, с. 61].

15 августа 1924 года в Полоцке был создан окружной отдел народного образования, что позволило властям целенаправленно проводить работу по развитию системы образования в городе [8, с. 359]. В сентябре 1924 года в Полоцке была открыта вечерняя школа рабочей молодежи [11, с. 189].

В 1924–1925 учебном году в городе действовало 9 школ, включая польскую и еврейскую [12]. В 9 городских школах обучалось 2758 учеников, в вечерней школе – 45 человек [10, с. 180] (рис. 1).

Рисунок 1. – Ученики Полоцкой еврейской школы с учителями, 1925 год [12]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 014118.

Была в городе и школа «... для трудновоспитуемых детей, сначала она называлась для умственно-отсталых, затем для переростков» [13].

В 1925–1926 учебном году в начальной школе обучалось 86 % детей, в 5–7 классах семилетней школы – 57 % детей [11, с. 189].

В 1927 году в Полоцке работало 18 общеобразовательных школ и специальных учебных заведений: 9 семилетних и 4 начальные школы, школа рабочей молодежи, школа повышенного типа для взрослых, лесной техникум и педагогический техникумы, лесная профтехшкола. Всего в школах города обучалось 3129 детей и работало 139 учителей [10, с. 180].

Таким образом, за первое десятилетие советской власти в Полоцке была создана школьная сеть, обеспечившая обучение в 1,5 раза большего количества учащихся, чем до революции. Число учителей за этот период в школах города увеличилось в 3 раза. Существенно изменился классовый состав учащихся. В большинстве это были дети рабочих, крестьян и интеллигенции [11, с. 190].

В 1930-х годах работа по совершенствованию системы образования была продолжена. В 1930–1931 учебном году почти все дети школьного возраста и «переростки» были охвачены начальным образованием.

Школы стали работать по единым учебным программам, планам и учебникам. Эта унификация положительно сказалась на уровне преподавания и качестве знаний учащихся.

В 1930-х годах в СССР началась постепенная реорганизация школ. В соответствии с этой реформой в 1934–1935 учебном году в Полоцке работали школы трех типов: начальные, неполные средние и средние. В городе имелось 88 комплектов начальных классов, в которых занимались 2542 человека, 69 комплектов 5–7 классов с 1079 учащимися, были вновь созданы 9 комплектов 8–10 классов с 268 учащимися. Общее число учащихся достигло 3889 человек [10, с. 182].

Ко второй половине 1930-х годов польские и еврейские школы в Полоцке перестали существовать. Последняя из национальных школ в городе (польская неполная средняя) постановлением бюро Полоцкого райкома КП(б)Б от 21 июля 1937 года была закрыта со следующей официальной формулировкой: «... отсутствие базы для существования польской школы» [14].

В 1940–1941 учебном году в Полоцке работало 16 общеобразовательных школ, из них 9 средних и 7 семилетних школ. В них обучалось 5767 учащихся и работало 269 учителей. В городе имелись две вечерние школы. Кроме того, 180 человек обучалось в двухлетней школе медсестер [8, с. 360].

В Полоцке также работали 4 средние специальные учебные заведения – строительный техникум, лесной техникум, школьное и дошкольное педагогические училища. В них обучалось 937 студентов и работало 70 преподавателей [15, с. 64].

На протяжении 1920-х – 1930-х годов в Полоцке ежегодно увеличивалась сеть детских яслей и детских садов.

Уже в начале 1920 годов в городе работало 8 детских садов (396 детей, 24 воспитателя) и один детский дом (40 воспитанников), который был создан на базе детского приюта, открытого в апреле 1918

года в помещениях Спасо-Евфросиньевского монастыря. Приют содержался на средства монастыря, воспитателями в нем были монахини и послушницы [11, с. 188]. Из 8 детских садов в Полоцке было четыре русских, три еврейских и один польский [16].

На начало 1937 года в Полоцке (учитывая Боровуху-1, Боровуху-2 и Экимань) имелось 17 детских садов. В них воспитывалось 1032 ребенка и работало 62 воспитателя [17].

В начале 1940 года только в городе имелось 6 детских яслей на 285 мест и 12 детских садов на 825 мест [8, с. 360].

Для детей рабочих и служащих каждое лето организовывались пионерские лагеря. Так, в 1936 году оздоровительными мероприятиями в городе было охвачено около 5 тыс. детей [11, с. 187].

С начала 1920-х годов в Полоцке усилилась работа по воспитанию детей в социалистическом духе, чему способствовала деятельность пионерской организации. Первые пионерские группы в Полоцке появились в 1922 году. Их организаторами были комсомольцы города. В 1923 году эти группы были объединены в пионерские отряды. К августу 1924 года в Полоцке имелось 4 пионерских отряда, в феврале 1925 года их было уже 16 [10, с. 180].

Острой проблемой в первые послереволюционные годы являлась неграмотность значительной части населения. Для разрешения этой задачи власти Полоцка еще летом 1920 года открыли в городе 5 школ для обучения азам грамоты – ликвидпункты, число которых к концу 1920 года увеличилось до 27 [3, с. 66].

Зимой 1920–1921 года в Полоцке активизировалась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Для этой цели при школах, клубах, избах-читальнях были созданы ликбезы – кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности. Однако из-за нехватки средств школы и кружки ликбеза не могли принять всех желающих учиться. Начиная с 1921 года в Полоцке открываются 3-х месячные курсы по подготовке ликвидаторов безграмотности [18].

Работа по ликвидации неграмотности была продолжена и во второй половине 1920-х годов. При этом окончательно ликвидировать неграмотность среди взрослой части горожан Полоцка во второй половине 1930-х годов так и не удалось. По состоянию на 28 января 1937 года в Полоцке было неграмотных и малограмотных 1983 человека [19].

В начале 1920-х годов профсоюзные организации города приступили к организации профессионально-технического образования подростков в возрасте от 14 до 18 лет: в Полоцке были открыты 3 профтехшколы (при профсоюзах полиграфического производства, металлистов и швейников). Для производственного обучения в профтехшколах из числа лучших мастеров были подобраны 11 инструкторов [10, с. 179].

В 1920-е годы в Полоцке, наряду с учреждениями школьного, профессионально-технического образования и образования для взрослых, существовали и учреждения военного образования. С ноября 1920 по октябрь 1922 года в здании бывшего кадетского корпуса действовали 43-е объединенные Полоцкие курсы красных командиров. Число курсантов составляло 1100 человек, состоялись три выпуска курсов [20, с. 5].

В первые послереволюционные годы в Полоцке ощущалась острая нехватка педагогических кадров для школ. Эта проблема частично решалась за счет организации одногодичных педагогических курсов [21]. В конце 1920 года на таких курсах занимались 139 человек [10, с. 179] (рис. 2).

Рисунок 2. – Полоцкие педагогические одногодичные курсы при отделе народного образования, 23 июня 1925 г. [21]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 024893.

Во второй половине 1920-х – 1930-х годов проблема учительских кадров в Полоцке была решена за счет подготовки учителей на курсах, в местном педтехникуме [22] и в республиканских педагогиче-

ских вузах. Если в 1924–1925 учебном году в 9 школах города работало 96 учителей, то в 1940–1941 в 16 школах – 269 учителей [10, с. 182] (рис. 3).

Рисунок 3. – II-й курс Полоцкого педтехникума в 1928–1929 учебном году [22]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 033382.

С началом в БССР политики белорусизации и переходом в 1925 году всех учреждений и школ на преподавание на белорусском языке, в Полоцке и округе возникли проблемы с белорусскими учебниками. Газета «Красный пахарь» писала, что в начале 1925–1926 учебного года «... получено и распространено по 30 белорусских букварей на каждую школу» [23].

В связи с проведением в республике политики белорусизации также остро обозначалась проблема кадров, в первую очередь – нехватка служащих и учителей, владеющих белорусским языком. В марте 1925 года в Полоцке и округе был проведен учет учителей, которые свободно владели белорусским языком и могли преподавать на нем. Так, обнаружилось всего 20 таких учителей [24, с. 5].

Для разрешения данной проблемы Народным комиссариатом просвещения БССР было предписано в 1925–1926 учебном году открывать курсы по белорусоведению в каждом округовом центре, с годовым сроком обучения, на 60–80 персон, а в каждом районном центре – с шестимесячным сроком обучения на 35–40 персон [25].

В учреждениях города были составлены списки работников, которым надлежало в короткий срок овладеть белорусским языком. В списке секретариата Окрисполкома среди первых в этот список были включены заведующий ЗАГС Я. Голубев, бухгалтер М. Идельчик, старший делопроизводитель Г. Ермолович и другие [26].

Начиная с 1925 года в Полоцке значительно активизировались практические мероприятия по осуществлению национальной политики белорусознания [27].

Однако проведение политики белорусизации в БССР вызвало крайне неоднозначное отношение к ней в Полоцке. Лишь незначительная часть интеллигенции ее приветствовала, настороженно или же враждебно к белорусизации отнеслось большинство педагогов и служащих Полоцка.

Позиция большинства, тех, кто был недоволен политикой белорусизации в Полоцке, красноречиво отражена в воспоминаниях И. П. Дейниса, работавшего в середине 1920-х годов в органах образования. Так, он отмечал, что «... создалась группировка нацдемов, которые создавали искусственный белорусский язык, ... делали белорусский язык таким, чтобы он как можно меньше имел общего с русским языком, ... готовился переход на латинский шрифт. ... Нацдемы мечтали о выходе БССР из СССР и превращение в «самостоятельное» буржуазное государство. ... Все учреждения и школы перешли на белорусский язык. Все собрания проводились на белорусском языке. Некоторые учителя и работники других специальностей покинули Полоцк и переехали в РСФСР. От учителей требовали, чтобы они и дома разговаривали на белорусском языке» [13].

В мае 1926 года группа полоцких учителей подготовила статью «Вражда из-за языка», которая была направлена в ЦИК СССР, в ней учителя призывали отменить «... насильственное введение белорусского языка в школах и учреждениях, так как к тому нет решительно никаких ... оснований» [28, с. 150].

Власти, действуя в русле большевистской нетерпимости к любому проявлению несогласия с партийной линией, в данном случае – с курсом на белорусизацию, организовали пропагандистскую кампа-

нию по разоблачению в Полоцке «партии черносотенных учителей», в которую были записаны местные учителя А. Пщелка и А. Пигулевский [28, с. 150]. Белорусизация в Полоцке была продолжена вплоть до начала 1930-х годов в связи с разгромом в БССР «нацдемовщины».

Значительные успехи были достигнуты в Полоцке за 1917–1941 годы в организации системы здравоохранения.

В 1913 году в Полоцке было 2 больницы – земская на Верхнем замке и еврейская по улице Невельской. В этих больницах работали 3 врача, 4 лекарьских помощника и 2 акушерки, было 35 коек. Также горожане могли рассчитывать на помощь частнопрактикующих врачей [10, с. 178].

С завершением советско-польской войны советские органы власти принимали меры к восстановлению и развитию в городе системы здравоохранения. В 1921 году в здании кадетского корпуса на базе земской больницы была открыта Народная больница на 150 коек. Она включала терапевтическое, инфекционное, родильное, хирургическое и сифилитическое отделения [29, с. 9]. В Народной больнице граждан обслуживали 6 врачей, 1 лекарь, 2 акушерки, 1 провизор, сестры санитары и сиделки [30]. С 1923 года при Народной больнице открывается детское отделение [31].

21 февраля 1924 года Полоцкой Народной больнице присвоено имя В.И. Ленина, и она была преобразована в Полоцкую городскую больницу. При ней работали три врачебных амбулатории и кожно-венерологический диспансер. В 1926 году при больнице открылся родильный приют и противотуберкулезный диспансер [32, с. 16], в 1927 году – ЛОР- и гинекологическое отделения [33, с. 8].

Совершенствование системы здравоохранения продолжалось в Полоцке и в последующие годы. В 1932 году в городе открывается первый физиотерапевтический кабинет, в 1933 году – водолечебница и инфекционное отделение. В 1933 году была образована Полоцкая станция переливания крови, в 1935 – инфекционное отделение. В период с 1935 по 1941 годы совершенствуется система обследования населения [34].

В начале 1940 года в Полоцке было уже 2 больницы на 380 коек. Кроме того, работали 2 поликлиники, 2 консультации и несколько медпунктов на предприятиях. В этих медицинских учреждениях работал 41 врач, 19 фельдшеров и акушерок, 88 медицинских сестер [8, с. 362].

Количество врачей в Полоцке к этому времени увеличилось более чем в 11 раз по сравнению с 1913 годом. Население города обеспечивалось бесплатно всеми видами медицинской помощи. Городская больница имени Ленина оказывала медицинскую помощь не только горожанам, но и населению окружающих районов [11, с. 187].

На протяжении 1920-х годов в Полоцке остро не хватало квалифицированных медицинских кадров. Так, в 1927 году 41 % врачебных должностей в городе не был укомплектован, только 19 % врачей имели стаж более трех лет, а у 37 % докторов не было и годового опыта работы. Медики в Полоцке не стремились, поскольку окружной здравотдел не мог предоставить им элементарные культурно-бытовые условия [35, с. 21].

Ситуация изменилась к лучшему с началом 1930-х годов, когда врачебные вакансии в Полоцке заполнили выпускники медицинских вузов и медицинских училищ, прибывшие в город на работу по распределению.

В ходе социалистического строительства партийно-советские органы Полоцка предпринимали меры к развитию системы социальной защиты населения. Сразу после окончания советско-польской войны городские власти прибегли к активным действиям по защите сирот и ликвидации детской беспризорности, так как эта проблема крайне обострилась в послевоенный период. По этому поводу в конце 1920 года НКВД свидетельствовал, что «... по ж/д ... разъезжают дети без призора, ... встречаются сироты» [36].

С 1920 года в Полоцке начал действовать дом ребенка имени Самойловой [8, с. 359]. Уже в конце 1921 года в Полоцком детском доме насчитывалось 40 воспитанников [37].

В 1921 году в городе были открыты два общежития для бесприютных и нетрудоспособных граждан: в первом из них содержалось 45 призреваемых, во втором – 16. Большинство призреваемых – совершенно не трудоспособные старики и старухи в возрасте 60–70 лет [38]. В 1925 году инвалидный дом был реорганизован в интернат [8, с. 359].

Однако санитарное состояние детских домов и приютов в первой половине 1920-х годов было удручающим. Так, после проверки в январе 1922 года детского очага, расположенного по улице Ленинской 35, начальником первого района Полоцкой советской милиции Мазуровым было выявлено следующее: «... на кухне полно дыму ... чистота не удовлетворительная, лестница ... грязная, посыпана песком, ... умывальник ... в неисправном виде, ... уборной ... не имеется ... помой, собираемые на кухне, выливаются через окно 2-го этажа во двор, ввиду чего во дворе полнейшая грязь» [39].

Причиной такого бедственного положения детских домов и приютов в первой половине 1920-х годов было крайне скудное финансирование со стороны Полоцкого уисполкома [40]. В свою очередь это было связано с тем, что город только начинал развивать социальную сферу, постепенно наращивая затраты на нее, поэтапно восстанавливаясь от революционных событий и иностранной военной интервенции.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов партийно-советские органы власти продолжили держать на контроле состояние учреждений социальной защиты. Так, бюро Полоцкого райкома КП(б)Б

11 января 1937 года приняло постановление «О положении дошкольного детдома». Бюро приняло решение считать постановку работы неудовлетворительной: руководство детского дома не смогло организовать сталинской заботы о детях. За необеспечение должных условий проживания детей, заведующая Полоцким детским домом Е. П. Тварнович была снята с работы [41].

1 июня 1937 года для координации работы всех советских органов и учреждений в деле социальной защиты населения в составе Полоцкого горисполкома был образован отдел социального обеспечения [8, с. 361].

Советская власть, формируя социалистический быт и «советского человека», уделяла большое внимание становлению здорового образа жизни. Для занятий спортом в Полоцке в течение 1920-х – 1930-х годов были построены лодочная станция, многочисленные спортивные площадки. На берегу Западной Двины был построен городской стадион с северными и южными деревянными трибунами [13].

В 1930-х годах в Полоцке стали на регулярной основе проводиться спортивные соревнования. В это же время были введены спортивные комплексы на значок «Будь готов к труду и обороне», сдавший нормы получал значок I и II разрядов [13].

Летом 1936 года в Полоцке прошел окружной шахматно-шашечный турнир [42]. 1–3 сентября 1936 года в Полоцке была проведена первая колхозно-совхозная спартакиада. Так, соревнования прошли по легкой атлетике, велоспорту, плаванию, городкам, футболу и волейболу [43].

Важным направлением политики большевиков являлось проведение культурной революции для создания повседневной среды, социалистической по форме и содержанию. Поэтому, несмотря на все тяготы революционного и военного времени, большевики в Полоцке стремились не только возобновить, но и углубить культурную работу.

С марта 1919 года в Полоцке начинает работу музыкальная школа, в задачу которой входило среднее образование и развитие музыкального искусства [44, с. 82].

Занятия в музыкальной школе проходили по курсу фортепиано, скрипки, сольного пения, виолончели и духовых инструментов. Музыкальная школа в 1920 году была реорганизована в Государственную специальную музыкальную школу I ступени, а также на ее базе создана Первая Полоцкая народная музыкальная школа для взрослых. В 1921 году в спецшколе занималось 390 человек, в народной музыкальной – 360 учащихся. Преподавателей в обеих школах было 11 человек [44, с. 83]. В том же году создается любительский Интернациональный народный хор из 48 человек [45].

В 1919 году в Полоцке открылся городской театр, именовавшийся «Народным домом». В 1921 году в городе были созданы русская, еврейская, польская драматические труппы. Также драмкружок при клубе милиции, театр рабочей молодежи [44, с. 87].

Одним из первых в Полоцке профессиональных учреждений культуры стала Народная художественная школа, которая была открыта 15 июля 1920 года [46].

Важную роль в развитии советской культуры в Полоцке играли клубы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. В конце 1920 года в Полоцке работали 6 клубов, 4 избы-читальни и 8 библиотек [11, с. 191].

Одним из первых был образован клуб при станции Полоцк – 1, который стал центром культурной работы среди железнодорожников.

В 1921 году в Полоцке были созданы новые культурно-просветительные учреждения. В марте в здании бывшей гостиницы «Лондон» открыт Дворец труда, в июне – клуб профсоюзов [8, с. 360].

Значительную работу среди молодежи проводил Комсомольский клуб, в котором работали кружки по политическому просвещению молодежи, по политэкономии, драматический, литературный и спортивный [47] (рис. 4).

Рисунок 4. – Полоцкий Комсомольский спортивный кружок, середина 1920-х годов [47]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 003151-08.

При клубах создавались коллективы художественной самодеятельности, которые ставили спектакли, организовывали концерты. В городе были созданы два оркестра – духовой и струнный.

В середине 1920-х годов культурно-просветительная работа в городе активизировалась. В 1925 году в Полоцке работали 3 клуба (партийно-рабочий, комсомольский и пионерский), центральная библиотека, театр и кинотеатр [48]. Ряд клубов и библиотек находился в ведении профсоюзов: Дом народного просвещения, железнодорожный клуб, Дом крестьянина с клубом и библиотекой при нем и некоторые другие [11, с. 183].

Перед началом Великой Отечественной войны в Полоцке имелось 11 клубов и несколько десятков «красных уголков». В городе была завершена радиофикация, радиоточки имелись во всех домах рабочих и служащих: в начале 1940 года их было около 3200 [10, с. 183].

В рамках культурно-идеологической революции в 1920-х – 1930-х годах власти активно внедряли в городскую повседневность новые советские праздники. Главными праздниками стали день Октябрьской революции и 1 мая. В эти праздничные дни на полоцком аэродроме проводились демонстрации трудящихся и военные парады [13].

1 мая 1937 года трудящиеся города встречали «... праздник международной пролетарской солидарности в обстановке всемирно-исторических побед социализма, под знаменем самой демократической в мире Сталинской Конституции» [49]. Тем самым демонстрировались полная поддержка и солидарность пролетариатом Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 года.

В русле развития советской культуры население активно приобщалось к книге. В 1934 году общий книжный фонд всех городских библиотек Полоцка составлял 347 тыс. книг [11, с. 193].

В 1936 году крупнейшими в Полоцке библиотеками были Центральная районная библиотека (книжный фонд – 21204 книги) и библиотека городского Дома просвещения (5520 книг) [50].

Поскольку в Полоцке отсутствовали детские культурные учреждения, городские власти запланировали в 1937 году выделить 184 тыс. рублей на обустройство в здании бывшего костела детского театра [51]. Однако эти планы не были осуществлены.

В 1930-х годах значительное развитие приобрело народное самодеятельное творчество. Заслуженным уважением у полоцких зрителей пользовались коллективы художественной самодеятельности Дома учителя (струнный оркестр, домровый квартет и хор), клуба кустарей (драматический коллектив) и железнодорожного клуба [11, с. 194].

Большевики считали кинематограф мощным средством пропаганды. Поэтому в Полоцке в межвоенный период (1921–1941 годы) последовательно росла численность киноустановок. С 1920 года в национализированном кинотеатре начал работать кинотеатр «Интернационал» [11, с. 192].

В 1936 году в Полоцке насчитывалось 5 стационарных и 5 передвижных киноустановок. При этом 9 из них принадлежали эпохе «немого кино» и только киноустановка в клубе им. Ленина при войсковой части была звуковой [52]. В 1938 году на улице Советской открылся новый кинотеатр «Интернационал» на 600 мест [8, с. 361].

В начале 1920-х годов перед партийно-советскими органами встала необходимость организации работы по сохранению и изучению историко-культурного наследия.

Весной 1920 года в Полоцке образуются первые любительские кружки по изучению истории Полотчины. 18 июля 1920 года организована Полоцкая уездная комиссия по охране памятников древности и искусства [8, с. 359]. Комиссия провела большую работу по обследованию состояния и описанию памятников истории и культуры Полоцка (Софийского и Николаевского соборов, Спасо-Евфросиниевской церкви, памятника героям Отечественной войны 1812 года, вала Ивана Грозного и других).

2 июня 1925 года городские памятники обследовала комиссия с участием руководства Полоцкого окрисполкома и сотрудника Инбелкульта Н. Н. Щекочихина. По итогам работы был составлен акт, в котором устанавливалось, что Замковая гора, Софийский собор, Спасская церковь, цитадельный вал и другие исторические памятники берутся под охрану государства. В акте подчеркивалось, что «... указанные памятники под угрозой ответственности ... не могут ... разбираться, ... ремонтироваться и перестраиваться, какими бы надобностями это не было обусловлено» [53].

Властями были предприняты меры по охране и консервации наиболее ценных памятников истории и культуры. Городская комиссия организовала сбор старинных книг и экспонатов для краеведческого музея [10, с. 182].

В июне 1925 года был утвержден устав Полоцкого краеведческого общества, председателем правления которого стал И. П. Дейнис. Общество состояло из следующих секций: историко-археологической, этнографической, сельскохозяйственной, промышленной, естествоведческой, еврейской и польской [54, с. 58].

Временем наибольшего подъема краеведческого движения в Полоцке был конец 1920-х годов. В этот период краеведы активно собирали и фиксировали материалы по истории Полотчины, вели летопись города, принимали участие в археологических и этнографических экспедициях по Полоцкому округу [54, с. 59]. С началом развязанной властями кампании по борьбе с «нацдемовщиной» краеведческое движение в Полоцке пошло на спад.

Основным направлением конфессиональной политики органов Советской власти в начале 1920-х годов был административный контроль и наблюдение за деятельностью церкви [55, с. 306].

К 1923 году все религиозные объединения на территории Полоцка и Полоцкого уезда должны были зарегистрироваться как организации для исполнения культа «... не преследующие целей извлечения прибылей» [56]. Так, с 1 августа 1922 года по 1 апреля 1923 года заявления об утверждении и регистрации религиозных обществ в Полоцке подали Покровская церковь, Софийский собор, Ивано-Богословская церковь, Богоявленская церковь, Николаевский собор, Лютеранская церковь, католический костел, Экиманская церковь, Старообрядческая церковь, церковь евангельских христиан-баптистов [57].

В этот период советская власть, не желая настраивать подавляющее большинство населения против себя, не прибегала к массовым репрессиям в отношении служителей культа и основной массы верующих.

Тем не менее, власти повели последовательную борьбу с религией. В городе создавались «... общества воинствующих безбожников. ... Работали клубы, в которых читались ... лекций по основам естествознания, на ... антирелигиозные темы» [13].

Элементами антирелигиозной борьбы в Полоцке были десакрализация религиозных ценностей и культовых зданий, а также вскрытие мошей.

13 мая 1922 года состоялось прилюдное вскрытие мошей преподобной Евфросинии Полоцкой. После вскрытия мошей Витебский губисполком направил в Полоцк телеграмму под грифом «секретно», в которой предписывалось «... останки Евфросинии ... оставить открытыми до 20 мая для обозрения населения» [58]. В свою очередь, эта акция глубоко оскорбляла чувства верующих [54, с. 288].

После прилюдного обозрения останки Евфросинии были переданы в Витебский губернский краеведческий музей [13].

23 июня 1922 года в Полоцке состоялось вскрытие мошей святого Андрея Баболи [60, с. 62]. Первоначально останки Баболи были отправлены в Москву, в музей здравоохранения для экспонирования, однако Польшей была направлена нота Советскому правительству [61, с. 210] и останки Андрея Баболи переданы в Рим, в обмен на советских политзаключенных, находившихся в Польше [13].

Вскрытие мошей должно было, по задумке советских властей, развеять слухи, «... что Бог накажет всех неверующих, кто дотронется до святыни ... и насколько эти останки бессильны были предотвратить вскрытие их или наказать вскрывавших» [13].

Весной 1922 года органы ГПУ провели в Полоцке операцию «Боевик» по изъятию церковных ценностей под прикрытием, что все изъятые будут обращены на помощь голодающим Поволжья. В телеграмме Витебского губотдела ГПУ полоцким властям устанавливалось, что операцию «... изъятия церковных ценностей видите с полной энергией в спешном порядке, не допуская никаких послаблений ... за укрывательство ценностей, порчу инвентарных книг, немедленно карайте судом. Суд должен работать со скоростью военно-полевого ... изъятие ... закончить не позже 15-мая» [62].

В акте об изъятии церковных ценностей из Спасо-Евфросиньевского монастыря от 10 мая 1922 года отмечалось, что всего было изъято «... весом чистого серебра: восемь пудов, двадцать девять фунтов, семнадцать золотников, двадцать три доли» [63].

Кроме того, только чистого серебра было изъято из Николаевского собора более 30 фунтов [64], из Софийского собора – около 13, из католического костела – более 21 фунта [60, с. 61], из Богоявленской церкви – более 20 фунтов [65], из Экиманской церкви « ... всего весом чистого серебра три фунта пятьдесят один золотник» [66].

После завершения изъятия церковных ценностей в Полоцке губернскими властями предписывалось «... составить опись ... с указанием веса, качества каждого предмета, после этого немедленно отправить ... в Витебск ... надежным конвоем. Неисполнение повлечет предание суду» [67].

При этом, несмотря на угрозу суда, периодически происходили растраты конфискованного церковного имущества реквизиционными комиссиями. По этой причине Витебские губернские органы НКВД настаивали прекратить в Полоцке «... всякую реализацию имущества и предметов ... ликвидированных монастырей, храмов, молитвенных домов и других богослужебных зданий» [68].

В отношении объектов историко-культурного наследия городские власти Полоцка действовали в русле утилитарного использования. 26 декабря 1926 года в здании закрытого властями Софийского собора начал работу Краеведческий музей. Он был основан на базе материалов, собранных краеведческими кружками Полоцка и комиссией по охране памятников искусства. Первым директором музея стал С.М. Бреский [69, с. 5]. С 1927 года музей был размещен в здании бывшей лютеранской кирхи, которая была закрыта властями еще в 1924 году [70, с. 17].

В том же 1937 году планировалось переоборудовать Николаевский собор под физкультурный клуб [71], но эти планы не были реализованы.

В 1920-х – 1930-х годах довольно насыщенной была литературная жизнь Полоцка. В городе начинали свой творческий путь поэты и писатели, которые впоследствии стали мастерами белорусской литературы: Т. К. Ходкевич, П. У. Бровка, Э. Л. Самуйленок [72, с. 75].

В 1925 году сначала на комсомольской работе в Полоцке, а затем в редакции окружной газеты «Чырвоная Полачына» работал П. У. Бровка. В 1927–1928 годах в Полоцком педтехникуме учился

Т. К. Хадкевич. В 1929 году он перешел на работу в газету «Чырвоная Полаччына», в которой публиковал свои произведения [11, с. 194].

Значительное место в формировании советской действительности Полоцка в период 1917–1941 годов занимали средства массовой информации.

Первоначально организация газетного дела в Полоцке была сопряжена с большими трудностями. Однако, учитывая значение, которое большевики придавали средствам массовой информации, материально-техническая база печатного дела в Полоцке была вскоре значительно улучшена [73, с. 38].

Содержание первых полоцких газет было наполнено революционным идеализмом. Так, в январе 1918 года, накануне открытия Полоцкого уездного съезда советов газета «Известия армейского совета солдатских депутатов III армии, Полоцкого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» призвала избирать делегатами людей, которые бы сознательно стремились к созданию новой жизни, к восстановлению справедливости между людьми [74]. Эта же газета, но уже от 31 января 1918 года передавала: «... Взволнованный до слез, ... и истерзанный держит ... народ красное знамя социализма» [75].

К середине 1920-х годов идеалистический пафос революционных лет окончательно спал. С февраля 1926 года в Полоцке газеты стали издаваться и на белорусском языке [76, с. 12].

Основной задачей полоцких СМИ было то, что они занимались информированием в свете очередных партийных событий, читателей о наиболее важных событиях жизни округа (района), города, Советской Беларуси и СССР в целом.

Так, газета «Полоцкий пахарь» в номере от 14 марта 1925 года доводила до сведения читателей о поездке «всесоюзного старосты» М. И. Калинина по селам Западной Грузии: «... товарищ Калинин обратил внимание местной власти на необходимость выдержанного отношения в вопросах, связанных с религией» [77, с. 1].

Однако роль СМИ состояла не только в сборе и передаче информации – в отображении повседневной реальности. Средства массовой информации в формирующейся тоталитарной системе выступали зачастую в роли создателей этой «реальности».

В частности, газета «Чырвоная Полаччына» в номере от 15 января 1934 года писала, что настроения масс характеризуются «... глубокой верой в силы ... партии, ... готовностью по первому зову ... идти в бой, ... ЛУЧШЕ работать под руководством парторганизации» [78, с. 1].

Если печатное дело в Полоцке уже в 1920-х годах было довольно развито, то телефонная связь оставалась желать лучшего. По этому поводу председатель Полоцкого окрисполкома 7 января 1925 года, писал заведующему городской телефонной сетью, что «... телефонная связь в Полоцке ... не выдерживает никакой критики, ... приходится простаивать около телефона добрых полчаса и не дождавшись результатов уйти» [79]. В связи с этим председатель окрисполкома требовал в срочном порядке разработать конкретные мероприятия по улучшению существующей телефонной связи в городе [79].

К началу 1930 годов качество телефонной связи заметно улучшилось, а основные учреждения города были обеспечены телефонными аппаратами.

Характерной чертой социальной атмосферы 1920-х – 1930-х годов в СССР являлась милитаризация общественного сознания, проявлявшаяся во многих аспектах повседневного бытия советских людей.

В 1927 году в Полоцке была создана городская организация Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), которая в 1930-х годах имела ячейки во всех учреждениях и предприятиях города. Активно создавались стрелковые кружки, в том числе и среди детей [80], проводились соревнования на получение звания «Ворошиловский стрелок» [13] (рис. 4).

Рисунок 4. – Воспитанники Полоцкого детского дома №1 на занятиях стрелкового кружка, 1936 год [80]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 201684-09.

В 1930-х годах советская власть культивировала у населения психологию «бойцов осажденной крепости». Яркий тому пример пеший переход группы полоцких комсомольцев – членов ОСОАВИАХИМ (в составе 20 человек) в противогазях по маршруту Полоцк – Минск. Он был начат 30 ноября 1935 года, длился 24 дня, за которые участники похода прошли 467 км. Командир перехода Д. Глушков подчеркивал: «... Мы получили огромный опыт оборонной работы. ... Этот опыт мы перенесем в наш приграничный район. Полотчина станет крепостью обороны!» [81].

Такую же идеологическую цель преследовал марафонский забег бойцов и командиров Полоцкого 14 стрелкового полка на 42 км, который состоялся 6 июня 1936 года [82].

С одной стороны, милитаризация сознания и повседневной жизни советских людей была характерной общественно-политической чертой СССР в 1930-х годах и проистекала из политики ВКП(б), готовившей страну к войне с «империализмом», а с другой – в Полоцке эта линия имела объективное содержание, поскольку государственная граница до 1939 года пролегла в 35 км от Полоцка, что сильно сказалося на жизни города в предвоенный период [72, с. 74].

В силу близости советско-польской границы в Полоцке был установлен пограничный режим. Для въезда в город необходимо было иметь пропуск, в поездах и на дорогах у города проверялись документы. После введения паспортов в СССР в 1932 году пропуск для въезда в город больше не требовался, так как у всех местных жителей в паспорте появилась пометка о прописке в пограничной зоне [13]. Кроме того, начиная с 1921 года в городе был введен комендантский час, который действовал вплоть до 1939 года. Так, приказом № 29 от 30 августа 1921 года начальником Полоцкого гарнизона строго предписывалось «... с 1-го сентября сего года всякое движение по городу после 11 часов вечера прекращается, к тому же времени должны быть закрыты все увеселительные места» [83].

Всякий гражданин, приехавший в Полоцк по пропуску и не являвшийся жителем города, должен был явиться в тот же день для регистрации в пограничный отряд. В городе также запрещалось самовольно производить фотосъемку. Для этого нужно было получить специальное разрешение погранотряда и впоследствии фотографирование могло проводиться только в присутствии его представителя [13].

В Полоцке и его окрестностях наблюдалась большая концентрация воинских частей. В городе дислоцировались: 5-я стрелковая Витебская Краснознаменная дивизия имени Чехословацкого пролетариата, 13-й и 14-й пехотные полки, кавалерийский дивизион, 5-й арtpолк. Кроме того, воинские части размещались в Боровухе, Экимани, Дретуни и Ветрино [13].

Вместе с тем присутствие красноармейцев в Полоцке далеко не всегда являлись гарантом общественного порядка в городе. Так, фиксировались неоднократные случаи «... появления на улицах города в нетрезвом виде военнослужащих ... Красной армии ... позволяющих себе безобразное поведение» [84]. Более того, 5 октября 1922 года «... несколько красноармейцев явились на мост, проходящий через реку Западную Двину, разогнали имеющуюся там ... охрану моста и опрокинули две будки, в которых находилась охрана» [85].

Кроме того, высокая концентрация воинских частей в Полоцке и его окрестностях создавала прецеденты к конфронтации военных с гражданскими структурами. Так, председатель Дретуньского рыболовецкого колхоза писал жалобу от 22 августа 1936 года на имя начальника Полоцкого гарнизона, что командир Дретуньского арtpолгона «... систематически препятствует лову рыбы на 10 озерах, расположенных на полигоне» [86].

Милитаризация городской атмосферы Полоцка проявлялась в состоянии повышенной мобилизационной готовности рабочих и служащих, повышенной секретности и бдительности в отношении выявления вероятных «шпионов и диверсантов», закрытости городского пространства для приезжих.

При этом пограничное положение Полоцка дополнительно способствовало увеличению роста преступности в городе, что в свою очередь требовало «... от учреждений уголовного розыска проявления максимум энергии ... в работе по борьбе с преступным элементом» [87], особенно эта проблема была актуальна в первой половине 1920-х годов. В сентябре 1924 года в городе было зафиксировано 68 преступлений, в том числе 5 убийств, 20 грабежей и разбоев, 21 кража и 10 прочих корыстных преступлений [88].

Однако методы органов милиции в процессе дознания не всегда были законными, могли применяться угрозы для получения «признания». По этому поводу 17 января 1923 года председатель Полоцкого уисполкома писал начальнику городской милиции, что «... времена угроз отошли в вечность и красные командиры в них не нуждаются» [89].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов с постепенным развитием социальной сферы в Полоцке наметилась стабилизация общественного порядка и уровень преступности пошел на спад.

Политика усиления оборонной работы была доминантой в деятельности партийно-советских органов во второй половине 1930-х годов. Состоявшийся 14–17 июня 1936 года первый съезд Полоцкого окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ставил в качестве важнейшей и основной задачи преобразование Полоцкого округа «в цитадель обороны» [90, с. 15].

Помимо наращивания в 1930-х годах обороноспособности страны и Полоцка в частности, одним из элементов повседневной жизни города являлись организованные властями политические кампании, которые должны были служить подтверждением сталинского тезиса о безоговорочной победе социализма в СССР. Выражалось это как в выборах в Советы депутатов, так и массовой истерией по осуждению «врагов народа».

В декабре 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Подводя итоги выборов, бюро Полоцкого окружкома КП(б)Б подчеркивало, что в голосовании: «... приняли участие ... 97,3% – от общего числа избирателей и 98% отдали свои голоса за выставленную кандидатуру т. Бермана» [91].

Тем самым полочане, по утверждению партийных пропагандистов, единодушно поддержали кандидата блока коммунистов и беспартийных, продемонстрировав «несокрушимое единство партии и народа», что являлось одной из целей работы партии по формированию социалистического образа жизни.

20 августа 1936 года газета «Большавик Полаччыны» опубликовала постановление бюро Полоцкого окружного комитета КП(б)Б «О троцкистско-нацдемовской работе в Полоцком педтехникуме». В нем говорилось, что «... остатки разбитой контрреволюционной нацдемовщины ... до последнего времени продолжали свою подрывную ... деятельность ... в области подготовки высококвалифицированных и идеологически выдержанных учителей» [92, с. 1].

Постановлением бюро Полоцкого окружного комитета КП(б)Б от 24 августа 1936 года из рядов КП(б)Б был исключен директор лесного техникума В. М. Велович. Его обвинили в том, что он «... про- таскивал в техникуме идеологию троцкизма при преподавании истории партии» [93].

В том же 1936 году властями было объявлено о раскрытии ученической контрреволюционной группы в школе Народного комиссариата путей сообщения № 13 [94] и разоблачении членов контрреволюционной троцкистской группы в 59-й школе ст. Полоцк где, по данным следствия, имели место такие «контрреволюционные вылазки», как «... рисование фашистских знаков, порез портрета т. Сталина» [95].

22 июня 1937 года бюро Полоцкого РК КП(б)Б приняло постановление «О утрате революционной бдительности в руководстве Полоцкого педтехникума». В нем отмечалось, что на протяжении 1936–1937 учебного года в педтехникуме преподавалась «... исключительно буржуазная педагогика, ... не было большевистской, партийной принципиальности» [96].

Решением бюро директор педагогического техникума был исключен из партии [97], материалы о «вредительской контрреволюционной деятельности» педагогов были переданы следственным органам [98].

Постановлением бюро Полоцкого РК КП(б)Б от 21 июля 1937 года был снят с работы редактор газеты «Большавик Полаччыны» Б. Зельманов, который допустил в газете «... антисоветские, вражеские вылазки, как-то искажение портрета т. Сталина, искажение телеграммы т. Сталина ... руководителей партии и правительства» [99].

Политические чистки, проводившиеся в 1930-х годах, преследовали цель не только устрашения граждан мощью тоталитарного государства. Они разрушали солидарность людей, способствовали атомизации личности, делали невозможным возникновение гражданского общества. Поэтому в истории Полоцка конца 1920-х – 1930-х годов не возникало каких-либо проявлений воли городского сообщества, отличных от тех, которые устанавливались властями.

Годы революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции, политика НЭПа и социалистическая индустриализация в годы первых пятилеток существенным образом повлияли на демографическую структуру Полоцка.

По данным демографической переписи 1920 года в Полоцке проживало 14708 жителей, в том числе 6997 мужчин, 7711 женщин [100].

При этом приграничное положение города являлось сдерживающим фактором механического прироста населения Полоцка [101, с. 302]. Тем не менее, на всем протяжении 1920-х годов происходил неуклонный рост городского населения.

Городская перепись 1923 года зафиксировала, что в Полоцке проживало 18194 человека (8652 мужчины и 9542 женщины) [102].

По мере роста промышленной и социальной инфраструктуры города в Полоцке из года в год увеличивалось число горожан: на 1 января 1924 года их было 20886, на 1 января 1925 года – 22492 человек [8, с. 360]. Уже на 17 июля 1926 года Всесоюзная перепись населения зафиксировала в Полоцке 25826 человек, из них 14458 мужчин и 11368 женщин [103, с. 8].

На 1 января 1939 года в Полоцке было 29577 жителей [8, с. 361], из них 13770 мужчин (46,56 %) и 15807 женщин (53,44 %) [101, с. 301].

В конце 1930-х годов доля детей до 14 лет в населении Полоцка составляла 33,1 %, что свидетельствовало о наличии потенциала трудовых ресурсов [101, с. 299].

Полоцк начала XX века, как и любой город западных губерний Российской империи, был городом многонациональным. Одной из самых значительных по численности и влиянию на городскую жизнь бы-

ла еврейская община. Данные городской переписи 1923 года дают представление о пропорциях между различными национальными сообществами. Так, белорусы составляли 41,8 % горожан Полоцка, евреи – 41 %, русские – 13,9 %, поляки – 2,94 %, украинцы – 2,25 % [34, с. 33].

Косвенные сведения о многонациональном характере населения Полоцка предоставляют данные о приходе-расходе газет, журналов и листовок в Полоцке в период с 10 по 25 апреля 1921 года. Так, латышская газета распространялась в Полоцке в количестве 1220 экземпляров, еврейская газета «Штерн» – 286 экземпляров, польская газета – 140 экземпляров, финская и эстонская газеты – по 60 экземпляров [104].

На протяжении 1920-х – 1930-х годов происходило уменьшение еврейского компонента в составе горожан Полоцка. В результате выезда большого числа евреев в другие районы СССР, главным образом в крупные промышленные центры, а также в США и Палестину.

Данные переписи 1939 года дают представление о национальном составе горожан Полоцка в конце 1930-х годов.

Таблица 1. – Национальный состав горожан Полоцка в конце 1930-х годов

Национальность	Количество жителей	Проценты от общего числа горожан
Белорусы	17032	57,59 %
Русские	4890	16,53 %
Евреи	6464	21,85 %
Украинцы	614	2,08 %
Поляки	211	0,71 %
Прочие	366	1,24 %

Источник: составлено на основании [36, с. 101].

На протяжении 1920-х – 1930-х годов происходил рост (37,8%) числа белорусов в составе горожан Полоцка. Вызвано это было индустриализацией и порожденной ею миграцией крестьян в город. Несколько увеличилась численность русских в составе горожан, что было обусловлено увеличением численности военнослужащих в полоцком гарнизоне и переездом в Полоцк партийно-советских функционеров с семьями.

Заключение. В период с 1917 по 1941 годы в результате социально-экономических и культурных процессов, происходивших в БССР в этот период, в Полоцке произошли коренные изменения в социальной сфере.

Создана система образования и детских садов, охватившая всех детей школьного и дошкольного возрастов, также в городе появились учреждения профессионального образования. Значительно выросла материально-техническая и кадровая база обучения и воспитания, практически ликвидирована неграмотность среди взрослого населения.

В Полоцке в довоенный период создана доступная всем слоям населения система здравоохранения (больницы, диспансеры, амбулатории) и социальной защиты сирот и инвалидов, значительно превосходившая по своим возможностям дореволюционное время.

В рамках культурной революции в Полоцке были организованы клубы, библиотеки, творческие объединения, что позволило горожанам реализовывать свои творческие способности через систему культурных учреждений и различных форм художественной самодеятельности.

Важной составляющей социальной сферы в Полоцке в середине 1920-х годов было проведение политики белорусизации в БССР, которая вызвала крайне неоднозначное отношение к ней в городе. Белорусизацию приветствовала лишь незначительная часть интеллигенции, но настойчиво и враждебно к политике белорусизации отнеслось большинство педагогов и служащих Полоцка.

В 1920-х годах в Полоцке получило развитие краеведческое движение. Отношение к памятникам историко-культурного наследия определялось идеологическими установками, вследствие чего культовые учреждения в городе были закрыты, частично были разрушены или использовались в утилитарном назначении. В общественном сознании укоренился атеизм, философия социального оптимизма. Происходила милитаризация городского пространства и сознания горожан, насаждалась атмосфера классовой нетерпимости к «врагам народа» и «всеобщей поддержки политики ВКП(б)».

На всем протяжении 1920-х – 1930-х годов происходил количественный рост городского населения, изменялся его национальный состав в сторону увеличения численности белорусов. В результате модернизации и индустриализации в Полоцке в 1930-х годах, в социально-профессиональной структуре горожан стали преобладать представители рабочего класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 7-3840.
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке. (далее – ЗГАП). – Ф. 54. Оп. 1. Д. 99. Л. 99.
3. Аниськович, М. М. Начальные и средние учебные заведения в Полоцке в 1918–1923 гг. / М. М. Аниськович // *Полацкі музейны штгогоднік* : зб. нав. артыкулаў за 2014 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полоцк : НПКМЗ, 2015. – С. 60–69.
4. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 193 об.
5. Нямчынская, Н. І. Дзейнасць пададзела нацыянальных меншасцяў у адносінах да яўрэйскага насельніцтва г. Полацка (1919–1921) / Н. І. Нямчынская // *Полацкі музейны штгогоднік* : зб. нав. артыкулаў за 2012 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полоцк : НПКМЗ, 2013. – С. 77–84.
6. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
7. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 22. Л. 612.
8. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.: іл.
9. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
10. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков, М. О. Бич, И. Е. Марченко [и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
11. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории ; под ред. И. С. Кравченко, Н. В. Каменской. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 286 с.
12. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (далее – НПИКМЗ). – Ф. КП. Оп. 014118.
13. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 5-2774.
14. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 379.
15. Шамов, В. П. Полоцк – город древний: ист.-экон. очерк. / В. П. Шамов. – Минск : Польша, 1987. – 107 с.
16. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 71. Л. 42.
17. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.
18. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 71. Л. 46 об.
19. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 128. Л. 16.
20. Нямчынская, Н. І. У віхуры часу / Н. І. Нямчынская // *Полацкі веснік*. – 2010. – 2 ліст. – С. 5.
21. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 024893.
22. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 033382.
23. ПИАЗ. – Ф. КВФ1. Оп. 1209.
24. Третьяк, И. Д. Листая страницы истории ... / И. Д. Третьяк // *Полацкі веснік*. – 2009. – 16 чэрв. – С. 5.
25. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 43. Л. 155.
26. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 43. Л. 52.
27. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 43. Л. 50.
28. Борисенок, Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисенок. – М. : ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 352 с.
29. Боравская, Е. Б. Краткие очерки о довоенной полоцкой медицине / Е. Б. Боравская, В. Б. Боравский // *Матэрыялы навуковай гісторыка-краязнаўчай канф.*: да 75-годдзя Полацкага краязнаўчага музея 18–19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полоцк : НПКМЗ, 2001. – С. 8–13.
30. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 192.
31. ПИАЗ. – Ф. КВФ. Оп. 332/1.
32. Козел, О. В. Развитие физиотрической помощи на Полотчине в 1920-е годы / О. В. Козел // *Матэрыялы навукова-практычнай канф.*: па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г. / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полоцк : НПКМЗ, 2005. – С. 15–19.
33. Ильницкий, А. Н. Дай моим больным доверие ко мне и к моему искусству ... (краткие заметки об истории медицины Полоцка) / А. Н. Ильницкий, К. И. Прошаев, О. В. Козел. – СПб. : Система, 2005. – 52 с.
34. Статистический ежегодник. 1923–1924. – Минск : Изд-во ЦСУ БССР, 1925. – 423 с.
35. Козел, О. В. Проблема комплектования и подготовки кадров медицинского персонала на Полотчине в 20-30-е годы / О. В. Козел // *Матэрыялы навукова-практычнай канф.*: па выніках навукова-даследчай работы ў 2005 г. / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полоцк : НПКМЗ, 2006. – С. 20–30.
36. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
37. ГАВО. – Ф. 570. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
38. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 1 об.
39. ЗГАП. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
40. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 168. Л. 67.
41. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 18.
42. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Л. 77.
43. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Т. 2. Л. 223.
44. Сяргеевка, Н. А. Установы культуры ў Полацку на пачатку 20-х гадоў XX стагоддзя / Н. А. Сяргеевка // *Матэрыялы навукова-практычнай канф.*: па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г. / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полоцк : НПКМЗ, 2005. – С. 79–93.
45. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 279. Л. 9.
46. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 34. Л. 49.
47. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 003151-08.
48. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 48. Л. 43.

49. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 128. Л. 72.
50. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 137. Л. 11 а.
51. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 177. Л. 84.
52. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 137. Л. 11.
53. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 81. Л. 5.
54. Краско, В. Д. Краязнаўчы рух на Полаччыне ў 20-я гг. XX ст. / В. Д. Краско // Матэрыялы навуковай гісторыка-краязнаўчай канф.: да 75-годдзя Полацкага краязнаўчага музея 18–19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полацк : НПГКМЗ, 2001. – С. 56–59.
55. Довгяло, Н. В. Административно-контрольные мероприятия органов Советской власти по отношению к конфессиям в 1924–1939 гг. (на примере Полоцкого округа) / Н. В. Довгяло // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 306–313.
56. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 115. Л. 131.
57. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 115. Л. 133.
58. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Л. 71.
59. Иванова, Т. П. Регламентация деятельности религиозных общин на Полотчине в первые годы Советской власти / Т. П. Иванова // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 287–295.
60. Сяргеева, Н. А. «Аперацыя «Баевік»: мерапрыемствы савецкай улады па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей і ліквідацыі мошчаў святых на Полаччыне напачатку 1920-х гг. / Н. А. Сяргеева // Матэрыялы навукова-практычнай канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2003 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2004. – С. 58–63.
61. Витебская губерния 1917 – 1924 гг.: док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]; ред. кол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.: ил.
62. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 14.
63. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 54.
64. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 108.
65. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 64.
66. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Т. 2. Л. 138.
67. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 19.
68. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 15.
69. Воднева, І. П. У музея – юбілей / І. П. Воднева, С. В. Гаўрылава // Полацкі веснік. – 2011. – 15 ліст. – С. 5.
70. Гаўрылава, Славіна. Захаваць гістарычную памяць / Славіна Гаўрылава // Полацкі веснік. – 2016. – 16 снеж. – С. 17.
71. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 177. Л. 85.
72. Каліноўскі, І. І. Полацк і яго ваколiцы / І. І. Каліноўскі. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 143 с.
73. Воднева, І. П. Перыядычны друк на Полаччыне ў першай палове XX стагоддзя (1917–1936) / І. П. Воднева // Матэрыялы гісторыка-краязнаўчай канф.: да 80-годдзя Полацкага краязнаўчага музея 22–23 ліст. 2006 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полацк : НПГКМЗ, 2008. – С. 33–46.
74. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 3974.
75. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 7-3844.
76. Третьякова, О. И. Из истории создания Полоцкой газеты / О. И. Третьякова // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў запаведніка па выніках працы (навукова-практычныя канферэнцыі 1989, 1990 гадоў). – Полоцк, 1991. – С. 11–12.
77. По союзу Советских Республик / Красный пахарь. – 1925. – 14 мар. – С. 1.
78. Да вынікаў III райпартканферэнцыі / Чырвоная Полаччына. – 1934. – 15 янв. – С. 1.
79. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 75. Л. 7 об.
80. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 201684-09.
81. ПИАЗ. – Ф. КДФ. Оп. 1-1163.
82. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Л. 91.
83. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 39. Л. 99.
84. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 268.
85. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 221.
86. ЗГАП. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 23. Л. 212.
87. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 86. Л. 56.
88. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 38. Л. 72 об.
89. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.
90. Пастанова першага Полацкага акруговага з'езда Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, 14–17 чэрвеня 1936 г. / Полацкі Акруговы з'езд Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, І-шы. Полацк, 1936 г. – Полацк : Выданьне Полацкага АВК, 1936. – 18 с.
91. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11133. Л. 72.
92. Аб трацісцка-нацдэмаўскай рабоце ў Полацкім педтэхнікуме / Большэвік Полаччыны. – 1936. – 20 ж. – С. 1.
93. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 9519. Л. 204.
94. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 50 а.
95. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 94.
96. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 209.

97. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 210.
98. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 211.
99. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 384.
100. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
101. Старовойтова, М. И. Население Полоцка и Полотчины в 1920–1930-е годы: этнодемографические и социокультурные изменения / М. И. Старовойтова // Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полоцк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полоцкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 297–305.
102. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 78. Л. 127.
103. Всесоюзная перепись населения 1926 года / Издание ЦСУ Союза ССР. – М., 1928. – Т. X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – 290 с.
104. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.

Поступила 20.01.2016

SOCIAL SPHERE OF POLOTSK IN YEARS 1917-1941

A. OGORODNIKOV

Here is considered the transformation of the social sphere of Polotsk in the period of 1917-1941, spread for all space of urban life – from work and routine conditions, way of life, well-being and leisure of citizens, till social-class, confession and national relations. They analyze cardinal changes in Polotsk in the system of education, culture, public health, social welfare, communal services, in mentality and urban space. The conclusion is done that the corresponding transformation was created by social-economic and political processes, passing in the BSSR since the October revolution till the beginning of the Great Patriotic war.

Keywords: *Polotsk, urban space, social sphere.*

УДК 930.2(476.5)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ САКРАЛЬНОГО МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА ПОЛОЦКА XVII–XVIII ВЕКОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.А. ИВАНКОВИЧ

(Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова)

Представлен историографический аспект изучения памятников сакрального монументального зодчества Полоцка XVII–XVIII вв. Рассмотрены и проанализированы основные публикации как отечественных, так и зарубежных исследователей по рассматриваемой проблематике. Хронологически рассмотрен период со второй половины XVIII в – время, когда началось изучение памятников монументального сакрального зодчества Полоцка XVII–XVIII вв. – вплоть до начала XXI века. Отдельные публикации до 1920-х гг. содержали эмпирически накопленные данные, характерные для краеведческих описаний. Другая часть публикаций содержит аналитику и навыки самостоятельного источниковедческого анализа исследователей. Третья группа представлена научными работами советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: Полоцк, храм, сакральное зодчество Беларуси, барокко, исследование.

Введение. Монументальное культовое зодчество Полоцка XVII–XVIII вв. представляет особый интерес, так как в этот период активно возрождается традиция возведения монументальных архитектурных комплексов, представленных, в первую очередь, сакральной архитектурой. Данное строительство привело к появлению новых архитектурных доминант и, тем самым, к изменению облика города и приобретению Полоцком собственной архитектурно-композиционной выразительности. Исследователи не могли оставить без внимания храмы, возводимые в Полоцке в этот период. Освещение рассматриваемого вопроса в историографии зависело не только от степени развития исторической науки и методологических подходов в тот или иной период, но и от исторических реалий, которые зачастую приводили к некоторым затруднениям в исследовании памятников сакральной архитектуры.

Основная часть. Все научные труды, тем или иным образом касающиеся истории памятников сакрального монументального зодчества Полоцка XVII–XVIII вв., можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа включает в себя публикации, основанные на эмпирическом и краеведческом накоплении данных, содержащих, как правило, информацию описательного типа.

Одними из первых авторов, описавших трансформацию внешнего облика Софийского собора в контексте исторических событий, стали монахи-базилиане, историки И. Кульчинский и И. Стебельский. Из записей И. Стебельского стало известно о том, что после пожара 1607 г. восстановительными работами Софийского собора занимался полоцкий униатский архиепископ И. Кунцевич, который застал церковь в плачевном состоянии: «Знаю есмь церковь стольскую светлые Софеи, стоящую въ замку государском Полоцком, барзо опалую и знищеную, же нетолко ижбы сама церковь мела бы оправлена и опатрена, але деи, што болшое, и фундушовь стародавних, до тоей церкви соборное и до наших церквей ... не знаю есмь деи есьми» [1, с. 35]. Будучи ярким ненавистником православия, при восстановлении собора И. Кунцевич приложил определенные усилия для видоизменения облика православного храма. Данный факт – изменение количества и высоты куполов – подтверждает И. Кульчинский в труде «Specimen Ecclesiae Ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana semper unitae» (1734): «в четырех угловых башнях верхи ненужные и церкви никакой красоты, не предававшие сбросил, а среднюю башню украсил, сделав ее более высокой» [2, с. 129]. Также в книге содержатся сведения о том, что главная полоцкая реликвия – крест преподобной Евфросиньи Полоцкой хранится именно в Софийском Соборе [3, с. 56]. И. Кульчинский и И. Стебельский также стали первыми авторами, указавшими на причину взрыва Софийского собора. Эти базилианские монахи-историки, в противовес царскому мемориалу 1705 г., обвиняют в разрушении Софийского Собора царя Петра I. Версию базилиан также поддержал польский историк XIX в. Ф. Духинский в труде «Historia o pozabiianiu bazilianów w połockiey cerkwi przez cara moskiewskiego etc. w roku 1705tym, dnia 30 Junia starego» (1863) [4].

К данной группе историографии также можно отнести работы конфессионально ангажированных краеведов-любителей, тексты которых затрагивали проблему идеологического противостояния Российской империи и Речи Посполитой. В данном контексте выдающиеся памятники сакральной архитектуры Беларуси объявлялись либо «истинно русскими», либо польскими. Так, К.А. Говорский в трудах «Исторические сведения о Полоцком Софийском соборе» и «Посещение Петром Великим Софийского собора»,

опубликованных в «Витебских Губернских ведомостях», освятил историю полоцких храмов начиная с X в. с позиции западнорусизма [5, с. 60].

Для 20-х гг. XX в. характерно становление полоцкого краеведческого движения, когда в городе начало свою работу окружное краеведческое товарищество. Одним из известнейших краеведов Полоцка был участник данного товарищества, И.П. Дейнис. В рукописи «Полоцк в XX в. 1905–1967», позднее фрагментарно опубликованной в сборнике «Полоцкий летописец», была представлена информация о наличии подземных ходов и коммуникаций под собором Св. Стефана, а также об обнаруженном им тайнике в толще северной стены храма [6, с. 74]. В этом же издании были опубликованы заметки о поисковых работах краеведа М.С. Андреева, также занимавшегося поиском подземных ходов под костелом [6, с. 76]. Сведения краеведов о наличии подземных ходов и устройстве подвалов костела Св. Стефана представляют собой весьма подробное описание деталей и представляют огромный интерес, поскольку в 1964 году храм был полностью уничтожен.

Вторая группа включает в себя работы научной историографии дореволюционного периода. Так, во второй половине XIX в. царским правительством организуются специальные археологические экспедиции для изучения истории и культуры края, активизируется деятельность местных краеведческих обществ и любителей старины. Среди всех исследований дореволюционного периода наибольшую ценность для изучения храмов Полоцка представляют работы известного белорусского краеведа, любителя местной старины А.П. Сапунова, оснащенные большим количеством документов, гравюр и планов [7, с. 53]. Исследователь относился к полоцким храмам с особым почтением. По словам А.П. Сапунова: *«История Полоцкой епархии, ее храмов, монастырей и икон, для любого верующего является не чем иным, как «святыней полоцкой и духовной, русско-исторической»* [8, с. 1]. В публикации «Памятники времен древних и новейших Витебской губернии» (1903) А.П. Сапуновым впервые было дано описание полоцких храмов с указанием на значительное влияние на них в XVI–XVII вв. западноевропейской архитектурной моды [9, с. 24].

Трактовка исследователем причин взрыва Софийского собора XVIII в. в издании «Полоцкий Софийский собор» (1888 г.), в значительной степени отличающаяся от версии И. Кульчинского и И. Стебельского, которые, по мнению А. П. Сапунова, изложили события 1705 г. в *«весьма превратном виде»* [10, с. 16]. Интересной представляется информация А.П. Сапунова о перестройке полоцкого Софийского собора в XVIII в. архиепископом Ф. Гребницким, содержащаяся статье «Чей прах покоится в нише Полоцкого Софийского собора?»: *«на месте обветшавшего храма Св. Софии, построил новый, готической архитектуры храм и освятил его в 1750 г., в День сошествия Св. Духа»*. Объяснить, по какой причине А.П. Сапунов назвал памятник архитектуры «виленского барокко» готическим, не представляется возможным. Можно предположить, что подмена терминологического аппарата произошла по причине того, что в то время в краеведческой русскоязычной литературе Северо-Западного края все непохожее на православную византийскую традицию называлось готической архитектурой [11, с. 352]. В работе «Река Западная Двина» (1898 г.) А.П. Сапуновым были представлены гравюры и планы города XVII–XIX вв., на которых можно обнаружить как уже утраченные храмы и монастырские постройки, так и ныне существующие [12, с. 426–428].

В российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. встречается целая плеяда авторов и ряд фундаментальных трудов, посвященных церковной истории западных губерний. Однако проблема в рассматриваемый период времени заключалась в том, что изучение архитектуры самих храмов не было задачей специального научного исследования. Исследования проводились как результат направленной политики российского правительства, проводимой со специфической целью *«разыскания в крае древнерусских памятников или следов тех из них, которые в слепой ненависти к православию и русской народности были уничтожены»* [13, с. 4]. Сбором сведений по церковным памятникам Витебской губернии по поручению Императорского археологического комитета полноценно занимались историки-краеведы А.М. Сементовский, П.Н. Батюшков и И.А. Чистович [14–16].

В «Памятной книжке Витебской губернии» на 1864 г. А.М. Сементовский описывает Полоцк, как *город с красивейшей природой, которую прекрасным образом дополняют многочисленные изысканные здания церквей и монастырей*. По А.М. Сементовскому, в Полоцке XVIII в. располагались каменные здания католических кляшторов: иезуитского, доминиканского, францисканского, бернардинского, а также базилианская церковь Св. Софии, которая в XVII в. была передана униатам [14, с. 154]. В издании была дана количественная характеристика храмов и монастырей Полоцка по состоянию на 1864 г. [14, с.230, таб. VII].

К дореволюционному периоду относится и первое полноценное архитектурно-археологическое обследование Софийского собора, осуществленное еще во второй половине XIX в. под руководством российского археолога А.М. Павлинова, который, по сути, положил начало абсолютно новому периоду в изучении культовых памятников Полоцка XVII–XVIII вв. [18; 19]. Именно А.М. Павлиновым была начата многолетняя дискуссия ученых о времени строительства западных апсид полоцкой Софии, которые, по мнению исследователя, не являлись элементами первоначальной постройки XI в., а были построены

гораздо позднее для симметрии объемно-пространственной композиции [17, с. 10; 18, с. 20; 19]. Данные, полученные в ходе архитектурно-археологического обследования храма, были представлены А.М. Павлиновым в публикации «Древние храмы Витебска и Полоцка» (1898) [18, с. 20].

В начале XX в. появляются работы, посвященные истории учебных заведений Полоцка, в том числе иезуитской академии и кадетскому корпусу. Для исследуемой проблематики представляют интерес некоторые сведения об иезуитском костеле Св. Стефана, находящимся на территории учебного заведения. Самая ранняя работа такого рода принадлежит перу А.П. Сапунова, опубликовавшего в 1989 г брошюру «Полоцкая иезуитская коллегия» [20]. Монографии, посвященные истории полоцкого кадетского корпуса (расположенного в корпусах иезуитского коллегіума) в начале XX в. были опубликованы А. Морелем, В.П. Викентьевым и И.П. Долговым [21–23].

Третья группа трудов представлена работами советской и постсоветской историографии. С образованием белорусского советского государства и развитием идей политики белорусизации происходит становление белорусского научного искусствоведения и, соответственно, повышение интереса к изучению белорусской национальной культуры. В этот период в сакральном зодчестве Беларуси ученые стараются определить черты уникальности, выделить местные школы зодчества. Огромный вклад в становление белорусского искусствоведения внесли сотрудники Института белорусской культуры, в частности Н.Н. Щекотихин, затронувший в своей работе «Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва» (1928 г.) проблему идентификации национальной самобытности [13]. Главной заслугой исследователя стало введение в научный оборот такого важного понятия как «белорусское барокко». До этого в советском искусствоведении сакральные памятники Беларуси причислялись исследователями либо к русской, либо к польской архитектуре [24, с. 13; 25, с. 15].

Последователем Н.Н. Щекотихина в продвижении идеи белорусской самобытности в сакральной архитектуре стал витебский историк и краевед Н.И. Касперович. Попытка выделения черт собственно белорусской национальной архитектуры была произведена исследователем в монографии «Беларуская архітэктур», где был упомянут термин «белорусская базилика» (1925 г.) [26, с. 40; 27, с. 147]. Характерными отличительными признаками белорусской базилики, по Н.И. Касперовичу, являются: основной объем храма, состоящий из трех нефов; наличие поперечного нефа; купол, расположенный на трансепте; наличие двух башен на главном фасаде. Однако возможны некоторые отличия, например, полоцкий Софийский собор, основной корпус которого состоит из удлиненных нефов, без куполов на трансепте [26, с. 41].

В 30-е гг. XX в. происходят кардинальные изменения в белорусском искусствоведении, связанные с политикой советского руководства в отношении культурного развития национальных республик. В Беларуси данная политика нашла отражение в свертывании белорусизации и репрессиях в отношении ряда белорусских историков. Эти и последующие военные события в значительной степени замедлили и даже приостановили на некоторое время изучение памятников сакрального монументального зодчества Беларуси.

Одной из первых серьезных послевоенных работ стал исторический очерк М.С. Кацера «Белорусская архитектура» (1956 г.) [28], представляющий системное исследование, охватывающее эволюцию монументальной архитектуры IX–XX вв. В издании М.С. Кацер критически подходит к позиции Н.Н. Щекотихина о серьезном влиянии на белорусское сакральное зодчество западноевропейских стран, прежде всего Польши [28, с. 7]. М.С. Кацер отметил значительное историческое воздействие передовой русской архитектуры на развитие белорусского зодчества [28]. При всей абсолютизации восточноевропейского (русского) влияния на развитие монументального сакрального зодчества Беларуси с XI по XX века М.С. Кацер справедливо отметил общие черты, восходящие к эпохе Киевской Руси. Полоцкий Софийский собор М.С. Кацер называет одним из самых выдающихся крестово-купольных базилик XVIII в. и отмечает его сходство с витебской Воскресенской (рыноковой) церковью XVIII в. [28, с. 86].

Вторая половина 50-х – первая половина 60-х гг. XX в. вошли в историю как период «хрущевской оттепели», когда незначительные достижения в области изучения и сохранения памятников сакральной монументальной архитектуры меркли на фоне многочисленных разрушений храмов и игнорирования мнений специалистов. В это время СССР захлестнула очередная волна «борьбы с религией», в результате которой было уничтожено большое количество уникальных памятников сакральной архитектуры Беларуси. Так, жертвой антирелигиозной борьбы в 1964 г. стал Полоцкий костел Св. Стефана (на тот момент Свято-Николаевский православный собор).

В конце 1960-х гг. ситуация в белорусском искусствоведении коренным образом изменилась, в результате было налажено комплексное систематическое изучение памятников сакральной монументальной архитектуры Беларуси. Результаты архивных и натурных исследований впервые были представлены в вышедшем в 1968 г. шестом томе издания «Всеобщая история архитектуры» [29]. Автором разделов по культовой архитектуре Беларуси стала российская исследовательница Е.Д. Квитницкая, пришедшая в ходе исследований к выводу, что Северная война 1700–1721 гг. практически полностью приостановила

культовое строительство на территории Беларуси, а немногочисленные возводившиеся храмы строились по аналогии с культовыми постройками второй половины XVII в. Белорусская культовая архитектура эпохи барокко, в частности полоцкие храмы, ставились в один ряд с западноевропейскими, самобытные черты белорусской архитектурной школы полностью отрицались [29, с. 521]. В публикации «Белорусские коллегиумы XVIII в.» (1973 г.) Е.Д. Квитницкой были приведены новые архивные материалы по истории строительства, особенностям архитектурного ансамбля и внутреннего убранства иезуитского костела Св. Стефана [30].

1970-е и 80-е гг. XX в. стали переломными в изучении памятников сакрального монументального зодчества Беларуси. С этого времени интерес к данному виду памятников не угасает, проводится всестороннее обследование памятников культового зодчества. Причем исследование памятников культового зодчества Беларуси, в том числе полоцких храмов XVII–XVIII вв., осуществляется в различных контекстах: историческом, архитектурно-археологическом, искусствоведческом, культурологическом и т.д.

Значительную часть работ рассматриваемого периода занимают **архитектурно-археологические исследования**. В советское время практически все архитектурно-археологические обследования полоцких храмов проводились исследователями преимущественно российской историко-археологической и искусствоведческой школ [27, с. 147]. Полоцкая средневековая сакральная архитектура вызвала особый интерес, поскольку в результате систематических поисков, а также случайных открытий в данный период стало известно о существовании около десяти полоцких храмов «домонгольского» периода. По этой причине в Полоцк отправились многие советские археологи, архитекторы и реставраторы. Так, в Полоцке побывали такие российские ученые как Н.Н. Воронин, М.К. Каргер, Н. Брунов, И. Хозеров и др. Исследователей, прежде всего, интересовали проблемы архитектуры раннефеодальной эпохи, а памятникам XVII–XVIII вв. они уделяли второстепенное внимание.

С 1975 по 1980 год изучением полоцкого Софийского собора занимался ленинградский археолог В.А. Булкин. Этим ученым было проведено наиболее основательное на сегодняшний день архитектурно-археологическое исследование собора, связанное, прежде всего, с историей храма и эволюцией его объемно-пространственной структуры [31, с. 516; 32, с. 91]. Археолог, в результате проведенных масштабных исследований, пришел к выводу, что некоторые архитектурно-строительные работы по перепланировке первоначального облика собора были проведены еще задолго до проекта И.К. Глаубица и Ф.Гребницкого [33, с. 137]. Возможно, данные строительные работы были произведены уже при И. Кунцевиче, а дополнены и усовершенствованы строителями XVIII в. [34, с. 134]. В. А. Булкиным была поставлена точка в многолетней дискуссии о времени строительства западных апсид Софийского собора. В противовес мнению некоторых авторитетных ученых (К.В. Шероцкий, А.И. Некрасов, Е.А. Ащепков и др.), считавших западные апсиды собора изначальными, В.А. Булкин убедительным образом доказал, что апсиды и их фундаменты были построены в начале XVII в. в технике смешанной кладки из плинфы вторичного использования и камня. Перевязь между апсидами и фундаментом западной стены отсутствовала. В основании собора лежит единый и одновременный фундаментный каркас [35, с. 59–63; 17, с. 13–14].

В дальнейшем белорусский историк архитектуры М.А. Ткачев, сопоставив ряд иконографических изображений Софийского собора, разделил точку зрения В.А. Булкина и его единомышленников. М.А. Ткачев привел дополнительные аргументы, основываясь на иконографии собора: на гравюре 1579 г. у собора западные апсиды отсутствуют, а на плане 1707 г. нет и восточных апсид (возможно, они были перестроены). По мнению М.А. Ткачева, восточные апсиды были отстроены уже после взрыва, а западные были возведены для симметрии [36, с. 23].

В 1970–80-е гг. появляются работы, затрагивающие **вопросы сохранения, реставрации** и эксплуатации памятников сакральной архитектуры Полоцка.

В рассматриваемый период белорусскими архитекторами-реставраторами под руководством В.Г. Слюнченко был разработан проект реставрации Софийского собора, а также осуществлено научное руководство по его реализации [37, с. 14]. В конце 1980-х гг. В.Г. Слюнченко было издано несколько историко-архитектурных очерков, посвященных полоцкому Софийскому собору и другим памятникам архитектуры Полоцка: «Полоцкий Софийский собор» (1987 г.), «Архитектурные памятники Полоцка» (1988 г.), включающие в себя богатый фотографический и иллюстрационный материалы [38; 39]. Интересно мнение автора о том, что включение сохранившихся древних стен в объем нового храма было сделано не в целях экономии, а с идеологической точки зрения. Идеология, по мнению В.Г. Слюнченко, заключалась в том, что строительство нового храма на руинах древней православной святыни с включением древних частей в новый объем, а также противопоставление направлений главных осей обоих храмов облекали идеи униатства в зримую образную форму. Всем своим обликом храм должен был свидетельствовать не только о преемственности новой веры по отношению к православию и католицизму, но и о ее суверенности. [38, с. 23]. В начале 2000-х гг. эту версию поддержал архитектор-реставратор В.В. Глиник. В статье «Полоцкія саборныя цэрквы (X–XX стст)» он сообщил, что включение уцелевшего фраг-

мента алтарной части храма в композицию перестроенного собора символизировало не что иное, как идейную преемственность новой архиепископской кафедры от ее легендарной предшественницы [40, с. 200].

В 2004 г., в связи с реставрационными работами и приспособлением под учебные нужды Полоцкого государственного университета, на территории бывшего иезуитского коллегиума было начато археологическое изучение территории и уцелевших архитектурных объектов сотрудниками НИИКМЗ А.А. Соловьевым и С.Е. Глазыриным, а также экспедицией Полоцкого государственного университета под руководством Д.В. Дука. В ходе данного исследования была получена огромная коллекция артефактов в хронологическом диапазоне от 1581 до 1914 г, а также остатки тоннелей дренажной системы иезуитов, проходившей под костелом Св. Стефана [41, с. 5]. Результаты проделанной работы представлены в монографии А. А. Соловьева «Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914 гг.)» [41], опубликованной в 2012 г. Данное ретроспективное архитектурно-археологическое исследование стало первым полноценным исследованием отдельного археологического комплекса в отечественной историографии. Главной заслугой автора является соединение воедино всех имеющихся данных, в той или иной степени касающихся истории полоцкого иезуитского коллегиума и его архитектурных объектов.

Софийский собор Полоцка, по справедливому мнению абсолютного большинства исследователей, занимал ключевое место в истории белорусской сакральной архитектуры. В связи с этим **проблему изучения архитектурного облика Полоцкой Софии XV–XVIII вв.** стоит рассмотреть отдельно.

В публикации «Новае пра Сафійскі сабор» (1972) [36] М.А. Ткачев, проанализировав изображение храма на шведском плане г. Полоцка 1707 г., составленного после взятия города войском Карла XII в 1706, и сопоставив с некоторыми дореволюционными источниками, исследователь пришел к выводу, что в XVII в Софийский собор был перестроен в виде цитадельного храма. По мнению М.А. Ткачева Софийский собор стал первым цитадельным храмом на территории Беларуси и послужил образцом для строительства храмов в Сынковичах, Маломажейкове и Супрасле. Более подробно свою гипотезу М.А. Ткачев представил в монографии «Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст», вышедшей в 1978 г. [2, с. 130]. Такого же мнения придерживался и польский историк С. Александрович в публикации «Nowe zrydło ikonograficzne do obleżenia Polocka w 1579 r.» (1971) [42].

Гипотеза М.А. Ткачева и С. Александровича том, что Софийский собор в XV–XVII вв. представлял из себя храм оборонительного типа и являлся родоначальником белорусских четырехбашенных храмов была подвержена критике белорусским историком архитектуры А.Н. Кушнеревичем в статьях «Аналіз графічных выяў Сафійскага сабора ў Полацку» (2004) [43], «Храм или цитадель? Исторические портреты Софийского собора в Полоцке: миф и реальность» (2007) [44], «Гістарычныя партрэты Сафійскага сабора ў Полацку: миф і рэальнасць» (2012 г.) [45]. Главными аргументами А.Н. Кушнеревича послужили прежде всего результаты археологических раскопок В.А. Булкина, не подтвердившие наличие остатков предполагаемых угловых башен, а также схематичность и условность картографических изображений, не передающих реальное состояние храма. В отличие от С. Александровича и М.А. Ткачева А.Н. Кушнеревич представил Софийский собор XV–XVII вв в виде крестовокупольного пятинефного трехапсидного и пятиглавого византийско-русского храма [44, с. 76–80].

Особенности стиля барокко в искусстве и архитектуре Беларуси рассмотрены в работах белорусских искусствоведов В.А. Чантурия, Н.Ф. Высоцкой, Б.А. Лазуко, Т.В. Габрусь, А.Н. Кулагина и др. [46; 49; 50; 51; 53; 27; 47; 48; 61; 62].

Важный шаг в разработке концепции «белорусского барокко» был сделан В.А. Чантурия, впервые разработавшего периодизацию белорусской архитектуры XVIII–XIX вв. В издании «История архитектуры Белоруссии» (1968 г.) исследователем были представлены характерные черты и особенности для каждого из архитектурных стилей, в том числе и барокко [46].

Несомненный интерес представляют разработки по проблеме стилистики барокко и стилистической специфике «виленского барокко» Т.В. Габрусь. В 1998 г. была опубликована коллективная монография «Страчанае Спадчына» [47], в которой Т.В. Габрусь были представлены все имеющиеся данные по архитектуре и внутреннему убранству иезуитского костела Св. Стефана, в том числе все известные планы и изображения храма [47, с. 100]. В статье «Храм-Фенікс» Т.В. Габрусь представила историю Софийского собора начиная древнерусским периодом и вплоть до XVIII в, подробно остановившись на его перестройке. В монографии «Мураваныя харалы: Сакральная архітэктурна беларускага барока» (2001 г.) Т. В. Габрусь уделяет большое внимание разделению таких понятий как «белорусское» и «виленское» барокко [48].

Н.Ф. Высоцкая в публикации «Особенности формирования стилистики барокко в московской Руси: предпосылки интеграции в европейское культурное пространство XVII века» предпосылки быстрого развития стиля «барокко» на белорусских землях связала с быстрым «впитыванием» культуры «барокко» магнатами и шляхтой Беларуси, не отстающих от культуры стран запада, прежде всего Франции [49, с. 473]. Согласно Н.Ф. Высоцкой, контакты Беларуси с культурой Франции наиболее усилились

в XVIII в., когда в Европе и Беларуси на смену раннего и зрелого «барокко» приходит период «позднего барокко», а в Полоцке формируется особая школа «виленского барокко» [50, с. 28].

В отличие от большинства исследователей, разделявших стиль «барокко» на ранний, зрелый и поздний периоды [51, с. 16; 52, с. 11, 98, 127, 244], Б.А. Лазуко впервые высказался о том, что данную периодизацию нельзя применять для всех проявлений искусства «барокко» (архитектуры, живописи, скульптуры, литературы), а все сугубо индивидуально и зависит от тех или иных исторических событий [53].

Польские историки П. Богдевич, Е. Ковальчик, М. Мореловский, Е. Пашенда, В. Дрема и др. считали «виленское барокко» последней стадией эволюции европейской культуры барокко [48, с. 173; 54].

В 2002 г. вышел фундаментальный труд российской исследовательницы И.Н. Слюньковой, в котором автор сравнивает Полоцкий Богоявленский собор с Могилевским Спасо-Преображенским и Вильнюсским Свято-Духовым соборами, опираясь на планы Е.Д. Квитницкой и В.А. Чантурия [55, с. 153]. Соборы действительно очень схожи архитектурным оформлением, однако, по мнению автора, во внешнем оформлении Полоцкого Богоявленского собора полностью отсутствуют черты барочного стиля [55, с. 154].

Проблематикой белорусского градостроительства, затрагивающей вопросы застройки, развития и планировки белорусских городов, а также характер расположения архитектурных доминант города – храмов, в белорусской науке занимались В.А. Чантурия, Ю.А. Лакотко и др. [46; 59].

Ретроспективный анализ историко-культурного и архитектурно-планировочного аспектов возникновения и трансформации уникального памятника зодчества эпохи барокко – костела св. Стефана – представлен в совместной публикации А.С. Давидович и Т.Л. Давидович «Костел св. Стефана в структуре исторического центра Полоцка XVI–XIX веков» (2008 г.). В статье исследована градостроительная роль иезуитского костела Св. Стефана в структуре исторического центра Полоцка в период XVI–XIX веков [56].

Из работ последнего десятилетия стоит выделить публикацию Я.Д. Филиппенко «Композиционные особенности развития силуэта города Полоцка в период с конца XVII до конца XIX вв.», в которой на основе исследования иконографических и литературных источников представлена трансформация силуэта города в указанный период. Особое внимание уделено архитектурным доминантам города – культовым объектам [57].

Отдельный обширный пласт историографии по проблематике исследования памятников сакрального монументального зодчества Беларуси составляют **издания энциклопедического и справочного характера**, посвященные истории и архитектуре Беларуси.

Начало регистрации и учету всех имеющихся памятников, в том числе и храмов, на территории Беларуси было положено благодаря принятию государственной программы создания многотомного Свода памятников истории и культуры Беларуси в 1969 г., в 1985 г. вышла завершающая книга многотомного издания «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі», посвященная памятникам Витебской области [58]. В ходе работы над книгой тотальному исследованию и учету подверглись все полоцкие храмы эпохи барокко и классицизма [59].

В начале 2000-х белорусским искусствоведом, А.Н. Кулагиным были опубликованы энциклопедические издания «Каталіцкія храмы на Беларусі» [60] и «Праваслаўныя храмы на Беларусі» [61]. Исследователь определяет термином «рококо» практически все памятники позднего белорусского барокко, называет униатские храмы костелами и т. д., что ведет к нивелировке национальных историко-культурных ценностей [27, с. 150]. А.Н. Кулагин указывает на то, что иезуитский костел Св. Стефана построен в стиле позднего барокко и рококо, причём термин «виленское барокко» автор и вовсе не использует [60, с. 194].

Небольшие ознакомительные статьи, посвященные памятникам сакрального монументального зодчества Полоцка XVII–XVIII вв., опубликованы в энциклопедиях «Архітэктурна Беларусі» (1993 г.) [62], «Археалогія Беларусі» (2011 г.) [63, с. 207–212].

Заключение. Интерес к изучению памятников сакрального монументального зодчества Полоцка XVII–XVIII вв. зарождается во второй половине XVIII в. Этот период, вплоть до второй половины XIX в., можно рассматривать в качестве стадии первоначального накопления информации об истории храмов Полоцка XVII–XVIII вв., поскольку памятники сакрального зодчества еще не являлись предметом специального изучения, а исследователи, будучи ангажированными личными конфессиональными либо политическими мотивами, как правило, ограничивались описанием храмов в контексте тех или иных исторических событий (И. Кульчинский, И. Стебельский, К.А. Говорский). Вторая половина XIX в. стала периодом становления научной историографии, когда в работах исследователей впервые появляются статистические сведения, качественные и количественные характеристики храмов, ценные документы (А.М. Сементовский, А.П. Сапунов, П. Н. Батюшков, А. К. Морель), а также было проведено первое известное архитектурно-археологическое обследование Софийского собора А.М. Павлиновым.

В 20-е гг. XX вв. интерес исследователей к изучению культового зодчества Беларуси возрастает под влиянием политики белорусизации, когда на первый план в исследовании выходит поиск самобытных черт белорусской архитектуры. Важную роль в этом направлении сыграли Н.Н. Щекотихин, впервые введший в научный оборот понятие «белорусское барокко», и Н.И. Касперович, выделивший отличительные признаки «белорусской базилики». Однако свертывание белорусизации, военные события и усиление политики «антиклерикализма» – все это на несколько десятилетий затруднило и практически полностью приостановило исследование памятников культовой архитектуры Беларуси.

Вторая половина 1960-х – 80-е гг. XX в. стали переломными в изучении памятников сакрального зодчества Беларуси. Начиная с публикаций Е. Д. Квитницкой интерес к данному виду памятников не угасает и осуществляется в различных контекстах: историческом и историко-архитектурном (М.А. Ткачев, А.Н. Кушнеревич и др.), архитектурно-археологическом (В.А. Булкин, В.Г. Слюнченко, Д.В. Дук, В.В. Глинник, А.А. Соловьев и др.), искусствоведческом и культурологическом (В.А. Чантурия, Б.А. Лазуко, Е. Пашенда, Т.В. Габрусь, А.Н. Кулагин, Н.Ф. Высоцкая и др.), градостроительном (Ю.В. Чантурия, Ю.А. Лакотко, И.Н. Слюнькова и др.).

Таким образом, памятники сакрального монументального зодчества Полоцка XVII–XVIII вв. еще недостаточно рассмотрены в историографии, поскольку отдельных фундаментальных исследований по исследуемой проблематике практически не проводилось. В связи с этим рассматриваемый вопрос остается открытым и требует дальнейшего исследования для устранения «белых пятен» в истории полоцких храмов XVII–XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривонос, Ф. Полоцкий храм Святой Софии / Ф. Кривонос // Врата небесные. – 2010. – № 12. – С. 34–36.
2. Ткачоў, М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст. / М.А. Ткачоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 141 с.
3. Kulczynski, I. Specimen Ecclesiae Ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana semper unitae / I. Kulczynski. – Paris, 1859. – 351 p.
4. Duchński, F. Historia o pozabiianiu bazilianów w połockiey cerkwi przez cara moskiewskiego etc. w roku 1705, dnia 30 Junia starego / F. Duchński. – Paryż : Drukarnia i Litografia PP. Benouet Maulde, 1864. – 22 p.
5. Сороко, С.М. Витебские губернские ведомости (официальная и неофициальная часть) / С.М. Сороко // Монографии Научного центра славяно-германских исследований. – 2004. – № 7. – 220 с.
6. Полоцкий летописец: Историко-литературный журнал. – 1992. – № 1.
7. Шевкун, П.В. Церковно-историческая проблематика в научных исследованиях А.П. Сапунова / П.В. Шевкун // Книжное наследие А.П. Сапунова : материалы респ. науч.-практ. конф., 23 дек. 2013 г. / под ред. А.И. Семкина. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2014. – С. 52–56.
8. Сапунов, А.П. Древности Спасо-Евфросиниевского девичьего монастыря / А.П. Сапунов. – Витебск, 1888.
9. Сапунов, А.П. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии / А.П. Сапунов. – Витебск, 1903. – 96 с.
10. Сапунов, А.П. Полоцкий Софийский собор / А.П. Сапунов. – Витебск : типографии Губерн. Правления, 1888. – 20 с.
11. Сапунов, А.П. Чей прах покоится в нише Полоцкого Софийского собора / А. П. Сапунов // Полоцко-Витебская старина. – Вып. II. – 1912. – С. 351–358.
12. Сапунов, А.П. Река Западная Двина / А.П. Сапунов. – Витебск : Типо-литография Г.А. Малкина, 1893. – 512 с.
13. Шчакаціхін, М.Н. Нарысы з гісторыі бел. Мастацтва : у 2 т. / М.Н. Шчакаціхін. – Т. 1. – Минск, 1928. – 385 с.
14. Сементовский, А.М. Памятная книжка Витебской губернии / А.М. Сементовский. – Витебск : Витеб. губерн. тип., 1878. – 416 с.
15. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы северо-западного края / П.Н. Батюшков. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1890. – 588 с.
16. Чистович, И.А. Очерк истории западнорусской церкви / И.А. Чистович. – СПб. : тип. Департамента уделов, 1882 – Ч. 1. – 220 с.
17. Трусков, О. А. Памятники монументального зодчества Беларуси XI–XVII вв. / О.А.Трусков. – Минск : Наука и техника, 1988. – 160 с.
18. Павлинов, А.М. Древние храмы Витебска и Полоцка / А.М.Павлинов // Труды 9 Археолог. Съезда в Вильне в 1893 г. – М., 1895. – Т. 1. – С. 19–26.
19. Павлинов, А.М. История русской архитектуры / А.М. Павлинов. – М. : Типо-литогр. Высоч. утвержд. т-ва И.Н. Кушнерев Ко, 1894. – 285 с.
20. Сапунов, А.П. Полоцкая иезуитская коллегия / А.П. Сапунов. – Витебск, 1898.
21. Морель, А.К. История города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса / А.К. Морель // Иезуиты в Полоцке 1580–1820. – Полоцк : А.И. Судник, 2005. – Ч. 1. – С. 7–29.
22. Викентьев, В.П. Полоцкий кадетский корпус (исторический очерк 75-летия его существования) / В.П. Викентьев. – Полоцк, 1910.
23. Долгов И. Празднование 75-летия существования Полоцкого кадетского корпуса 6 декабря 1910 г. – Полоцк, 1911.

24. Кушнярэвіч, А.М. Культывае дойлідства Беларусі XIII–XVI стст / А.М. Кушнярэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 150 с.
25. Трусаў, А. Старонкі мураванай кнігі / А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 191 с.
26. Каспяровіч, М.П. Беларуская архітэктура / М.П. Каспяровіч. – Віцебск, 1925.
27. Габрусь, Т.В. Изучение архитектуры барокко в Беларуси / Т.В. Габрусь // *Meno istorija ir kritika*. – 2011. – Т. 7. – С. 144–153.
28. Кацер, М.С. Белорусская архитектура: исторический очерк. – Минск : Ин-т литературы и искусства АН БССР, 1956. – 235 с.
29. Всеобщая история архитектуры : в 6 т. / под ред. П. Н. Максимова. – М. : Стройиздат, 1966–1977 / под ред. П. Н. Максимова. – 1968. – Т. 6 : Архитектура России, Украины и Белоруссии (XIV–первая половина XIX вв.). – 567 с.
30. Квитницкая, Е.Д. Белорусские коллегіумы XVIII в. / Е.Д. Квитницкая // *Архитектурное наследство*. – 1972. – № 19.
31. Кушнярэвіч, А.М. Гісторыя вывучэння культывага дойлідства Беларусі XI–XIV стст. ленинградскімі археолагамі / А.М. Кушнярэвіч // *ГАЗ*. – 2008. – Вып. 24.
32. Булкин, В.А. Софийский собор и полоцкое зодчество сакрального периода // *СОФИЯ : сб. статей по искусству Византии и Древней Руси в Честь А.И.Комеча*. – М, 2006. – С.91–93.
33. Булкин, В.А. Полоцкий Софийский собор в XI веке / В.А. Булкин // *ГАЗ*. – 2000. – № 15. – С. 132–138.
34. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье, культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н.Левко [и др.] ; редкол.: А.А.Коваленя (гл.ред.) ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус.навука, 2012. – 743 с.
35. Булкин, В.А. Софийский собор в Полоцке (К вопросу о западных апсидах) / В.А. Булкин // *Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII вв.* – Минск, 1988. – С. 59–63.
36. Ткачоў, М.А. Новае пра Сафійскі сабор / М.А. Ткачоў // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. – 1972. – № 2. – С. 18–23.
37. Слюнчанка, В.Р. Ляцеў з аблокамі я побач: Нарысы, артыкулы, эсэ, вершы, успаміны, графіка, выцінанкі / В.Р. Слюнчанка ; пад рэд. У. Арлова, В. Глінніка. – Мінск : Артыя груп, 2015. – 207 с.
38. Слюнченко, В.Г. Полоцкий Софийский собор / В.Г. Слюнченко. – Минск : Польша, 1987. – 48 с.
39. Слюнченко, В.Г. Архитектурные памятники Полоцка / В.Г. Слюнченко. – Минск, 1988.
40. Гліннік, В.В. Полацкія саборныя цэрквы (X–XX стст) / В.В. Гліннік // *Беларускі горад у часе і прасторы : зб. нав. прац.* – Наваполацк-Мн, 2001 : ПДУ. – С. 198–205.
41. Соловьев, А.А. Полоцкий иезуитский коллегіум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с.
42. Alexandrowicz, St. Nowe zrydło ikonograficzne do obzełnia Polocka w 1559 r. / St. Alexandrowicz // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. – 1971. – Cz. 1. – S. 6–29.
43. Кушнярэвіч, А.М. Аналіз графічных выяў Сафійскага сабора ў Полацку / Кушнярэвіч, А.М. // *БГЧ*. – 2004. – № 5.
44. Кушнеревич, А.Н. Храм или цитадель? Исторические портреты Софийского собора в Полоцке / А.Н. Кушнеревич // *Родина*. – 2007. – № 6. – С. 76–80.
45. Кушнярэвіч, А.М. Гістарычныя партрэты Сафійскага сабора ў Полацку: міф і рэальнасць / А.М. Кушнярэвіч // *Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., 22–23 мая 2012 г.* – С. 516–524.
46. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии конца XVIII – начала XIX вв. / В.А. Чантурия. – Минск : Вышэйшая школа, 1963. – 264 с.
47. Страчаная спадчына / Т.В. Габрусь [і інш.] ; уклад. Т.В. Габрусь. – Мінск : Беларусь, 2003. – 351 с.
48. Габрусь, Т.В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
49. Высоцкая, Н.Ф. Особенности формирования стилистики барокко в московской Руси: предпосылки интеграции в европейское культурное пространство XVII века / Н.Ф. Высоцкая. – С. 473–475.
50. Высоцкая, Н.Ф. Белорусско-французские связи в архитектуре и изобразительном искусстве (XII–XVII вв.) / Н.Ф. Высоцкая // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб.* – Вып. 5. – 2009. – С. 26–30.
51. Высоцкая, Н.Ф. Искусство Белоруссии / Н.Ф. Высоцкая. – Минск, 1994.
52. Гісторыя беларускага мастацтва : у 6 т. / С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) ; рэд. тома Я.М. Сахута. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – Т. 2 : Др. пал. XVI ст. – канец XVIII ст. – 384 с.
53. Лазука, Б.А. Беларускае барока: Гісторыка – тэарэтычныя праблемы стылю / Б.А. Лазука. – Мінск : Беларусь, 2001. – 144 с.
54. Paszenda, J. Wpływ pożarów Wilna na architekturę późnego baroku / J. Paszenda // *Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI–XVIII w.* / red. J. Lileyko. – Lublin, 2000.
55. Слюнькова, И.Н. Монастыри восточной и западной традиций: Наследие архитектуры Беларуси / И.Н. Слюнькова. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 600 с.
56. Давидович, А.С. Костел св. Стефана в структуре исторического центра Полоцка XVI–XIX вв. / А.С. Давидович, Т.Л. Давидович // *Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Серия Ф*. – № 6. – 2008. – С. 23–26.
57. Филиппенко, Я.Д. Композиционные особенности развития силуэта города Полоцка в период с конца XVII до конца XIX вв. / Я.Д. Филиппенко // *Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Серия Ф*. – № 6. – 2015. – С. 15–20.
58. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 496 с.
59. Лакотко, А. Исследования архитектуры Беларуси в институте искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси / А.Лакотко // *Meno istorija ir kritika*. – 2011. – Т. 7. – С. 154–165.

60. Кулагін, А.М. Каталіцкія храмы на Беларусі / А.М. Кулагін. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2007.
61. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы Беларусі : энцыкл. даведнік / А.М. Кулагін. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2007.
62. Архітэктурна Беларусі : энцыкл. даведнік / У.В. Алісейчык, В.Р. Анціпаў [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1982. – 226 с.
63. Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова [і інш.]. – Мінск : Энцыкл. Ім П. Броўкі, 2011. – Т.2. Л–Я. – 464 с.

Поступила 06.12.2016

**HISTORY OF THE STUDY OF MONUMENTS SACRAL MONUMENTAL ARCHITECTURE
POLOTSK XVII-XVIII CENTURIES:
HISTORIOGRAPHY ASPECT**

M. IVANKOVICH

Presented historiographical aspect of the study of the sacred monuments of monumental architecture Polotsk XVII-XVIII centuries. Considered and analyzed major publications like domestic and foreign researchers on the issues under consideration. Chronologically considered period during the second half of the XVIII century - the time when the monumental sacral architecture Polotsk XVII-XVIII began to study, until the beginning of the XXI century. The entire array of publications reporting period, for the convenience of perception of the information, the problem is divided into several conditional groups. The first group includes publications based on empirical data and local history accumulation, containing, as a rule, the fragmentary information descriptive type. The second group covers the work of scientific historiography pre-revolutionary period. The third group is represented by the works of the Soviet and post-Soviet historiography.

Keywords: *Polotsk, temple, sacral architecture of Belarus, baroque, research.*

УДК 94(47)“1914/1918”

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915 ГОДЫ)**А.Ю. СИНКОВЕЦ***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*

На основе анализа широкого круга исторических документов периода Первой мировой войны рассматриваются структура и функции Ставки Верховного Главнокомандующего в период ее нахождения в Барановичах (1914–1915 гг.). Показаны причины создания данного органа военного управления, определены его место и роль в системе вооруженных сил России, взаимоотношения с гражданской властью. Кроме того, установлена штатная численность Ставки в первый год войны, раскрыта специфика деятельности каждого из ее структурных подразделений. Описан правовой статус Верховного Главнокомандующего, начальника его Штаба, генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и ряда других сотрудников; очерчен круг их обязанностей, а также указан порядок взаимоотношений друг с другом. Сделаны выводы относительно эффективности устройства рассматриваемого органа и продуманности нормативного обеспечения его деятельности.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Ставка Верховного Главнокомандующего, Верховный Главнокомандующий (Главком), Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал-квартирмейстер, дежурный генерал, Положение о полевом управлении войск в военное время.*

Введение. Вторая промышленная революция, развернувшаяся в передовых странах мира в 1870–1914 гг., оказала существенное влияние на характер Первой мировой войны [1]. Были разработаны новые виды оружия. На службу армии поставлены железные дороги, автомобили, подводный флот и авиация. Развивались средства связи. Внедрение указанных достижений технического прогресса привело к увеличению масштаба военных действий и обусловило рост числа вовлеченных в них военнослужащих.

По военной программе 1913 г. предполагалось увеличить вооруженные силы Российской империи в мирное время на 480 тыс. человек, т.е. более чем на треть [2, с. 15]. Это обстоятельство, в совокупности с рядом других факторов, заставило российский Генеральный штаб внести коррективы в процесс военного управления империи. В частности, в ходе длительных дискуссий было решено изменить структуру войск, находящихся на театре военных действий. Для того чтобы армии освободились от хозяйственных забот и приобрели маневренность, они были объединены в единые фронты и получили общий тыл [3, с. 6].

Командовали армиями фронта Главнокомандующие. Вместе с Командующими отдельными армиями они были подчинены новому должностному лицу – Верховному Главнокомандующему, которому на период войны подчинялись все действующие армии и флот Российской империи.

Для обеспечения деятельности должностного лица с таким широким объемом полномочий был необходим соответствующий административный орган. Этим органом стал Штаб Верховного Главнокомандующего, который в повседневном обиходе Первой мировой войны и в исторической литературе чаще именуется Ставкой Верховного Главнокомандующего.

Строго говоря, такая подмена терминов является не вполне корректной, т.к. в своем первоначальном значении, ставка – это шатер, где находился военачальник, т.е. правильнее соотносить этот термин с понятием «главная квартира», которым в официальных документах рассматриваемой эпохи обозначали место расположения Штаба Верховного Главнокомандующего.

Однако с течением времени произошел метонимический перенос значения, и слово «ставка» стало тождественно понятию «Штаб Верховного Главнокомандующего», обозначая орган государственного управления. Позднее эта коннотация проникла в делопроизводство и утвердилась в историографии, получив широкое распространение. Исходя из изложенного, понятие «Ставка Верховного Главнокомандующего» является историзмом и используется в современной науке в силу сложившейся традиции, хотя никаких юридических оснований для этого нет.

Цель настоящей статьи – проследить изменения в структуре и функциях Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки) в период его нахождения в Барановичах (1914–1915 гг.).

Основой для проведения исследования явился анализ нормативных правовых документов и локальных актов периода Первой мировой войны, выявленных автором в архивах, библиотеках и музеях Республики Беларусь и Российской Федерации.

Основная часть. Первая попытка модернизировать порядок управления вооруженными силами на театре военных действий была предпринята в России в 1901 г. [3, с. 6], но ввиду объективных и субъективных факторов, среди которых первое место занимает нерасторопность российской бюрократии, своевременно провести необходимые изменения не удалось.

Пересмотр Положения о полевом управлении войск в военное время редакции 1890 г. затянулся до 1914 г., причем даже тогда своевременно утвердить новую версию этого документа не смогли. Поэтому незадолго до начала Первой мировой войны в российские войска был направлен проект измененного Положения с приказом ориентироваться на него в случае начала боевых действий [4, с. 96].

Только это обстоятельство позволило избежать серьезных последствий отсутствия заранее подготовленной нормативно-правовой базы развертывания российских войск по новому сценарию, т.к. текст Положения о полевом управлении войск в военное время 1914 г. (далее – Положения 1914 г.) был утвержден императором крайне поздно – за три дня до начала войны [5, с. 1].

Указанным документом впервые определялись структура и функции Ставки Верховного Главнокомандующего, поэтому рассмотрим его подробнее.

Структурно Положение 1914 г. состояло из 12 разделов. Каждый раздел, за исключением первого, второго и четвертого, делился на главы, которые, в свою очередь, делились на статьи. К основному тексту Положения прилагались Штаты полевого управления войск в военное время. Они утверждались Императором отдельно и представляли собой шестнадцать пронумерованных таблиц, каждая из которых содержала сведения о наименовании управлений и чинов конкретного подразделения, числе его штатных единиц, их годовом окладе, классе должностей, разряде пенсий и т.д.

Первый раздел Положения 1914 г. касался *общих вопросов ведения войны*, поэтому деятельность Ставки затрагивал косвенно. Условно в нем можно выделить три тематических блока:

1) *Сфера применения и сроки реализации (ст. 1–3)*. Положение 1914 г. подробно рассматривало организацию высшего управления войсками, устройство тыла, права и компетенцию органов и чинов полевого управления. Оно начинало действовать вместе с объявлением мобилизации и не требовало издания каких-либо дополнительных распоряжений для своего вступления в законную силу. При этом организация морских вооруженных сил описывалась отдельными правовыми актами.

2) *Общая структура сухопутных войск (ст. 4–7)*. На время войны командование вооруженными силами вверялось Верховному Главнокомандующему. Высшим войсковым объединением объявлялась армия. Несколько армий, объединенных единством цели, составляли фронт. Подробнее организационная структура сухопутных вооруженных сил России по Положению 1914 г. представлена на рисунке 1.

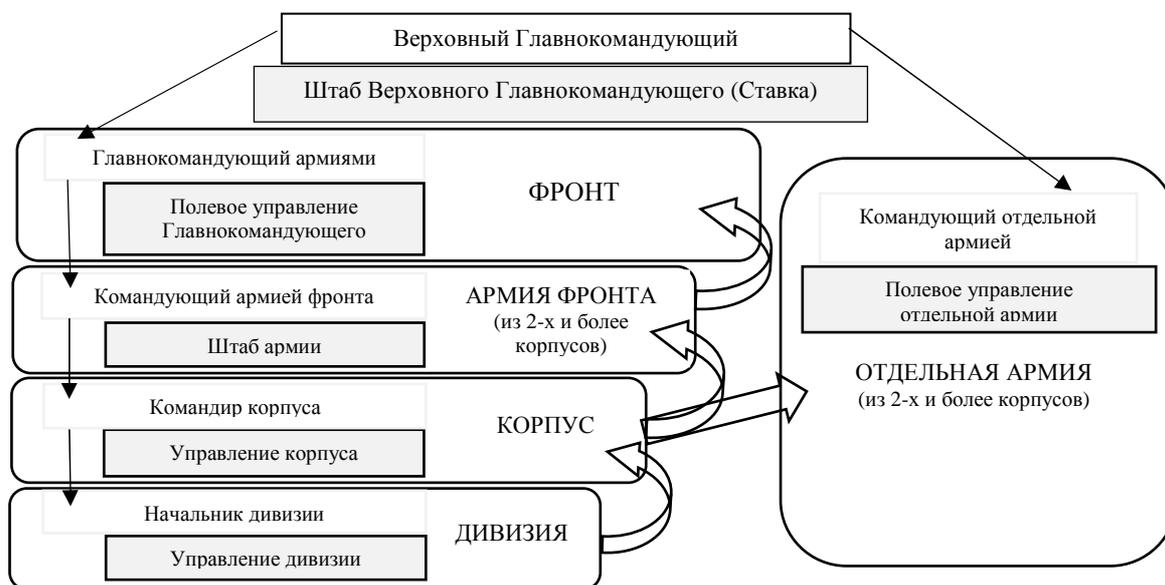

Рисунок 1. – Организационная структура сухопутных вооруженных сил России (по Положению 1914 г.)

3) *Управление территориями, занятыми военными действиями (ст. 8–16)*. В этом блоке раскрывались вопросы, связанные с театром военных действий, военными округами, войсковыми и тыловыми районами армий. Здесь же рассматривались административный статус занятых территорий противника и порядок управления ими, взаимоотношения с гражданской властью и место генерал-губернаторов в этих процессах. Кроме того, излагался порядок разработки аналитической и планирующей документации начального периода ведения военных действий.

Непосредственно Штабу Верховного Главнокомандующего в Положении 1914 г. были посвящены второй и третий разделы (ст. 17–89, соответственно), а также Штат № 1. Их изучение позволяет получить детальное представление относительно устройства и направлений деятельности всех структурных подразделений и основных чинов Ставки на момент начала Первой мировой войны.

Второй раздел был полностью посвящен *правовому статусу Верховного Главнокомандующего*. В частности, было определено, что Верховный Главнокомандующий «есть высший начальник всех сухопутных и морских вооруженных сил», который «облекается чрезвычайной властью» (ст. 17). Его приказы приравнивались к императорским и должны были исполняться всеми органами государственной власти и всеми подданными Российской империи без исключения. Главковерху¹ подчинялись даже члены императорской фамилии, если они находились в пределах театра военных действий (ст. 18).

Назначался Верховный Главнокомандующий непосредственно Императором. Процедура назначения происходила после объявления мобилизации и сопровождалась изданием Высочайшего приказа и указа Правительствующему Сенату (ст. 19). Исходя из этого, подчинен и подотчетен Верховный Главнокомандующий был только российскому монарху (ст. 20). На протяжении войны Император получал от своего Главковерха донесения, а в конце войны должен был получить подробный отчет о действиях войск и флота с приложением оригиналов отчетов всех главных военачальников (ст. 30).

Никто, кроме российского монарха, не мог требовать от Верховного Главнокомандующего каких-либо отчетов (ст. 20). Более того, за исключением министров, чинов Ставки и главноуправляющих отдельными частями, никто не имел права обращаться к нему напрямую (ст. 21).

При Верховном Главнокомандующем должны были состоять два генерал-лейтенанта для поручений, а также три адъютанта в чине штаб- или обер-офицеров [5, с. 90].

В круг непосредственных обязанностей Верховного Главнокомандующего входили:

- распоряжение военными действиями (ст. 22);
- определение отношений войск и управлений с союзниками (ст. 23);
- сохранение неприкосновенности территории нейтральных государств и принятие мер в случае нарушения их (ими) нейтралитета (ст. 24);
- определение сравнительной ценности денежных знаков на театре военных действий (ст. 27).

Помимо обязанностей, Верховный Главнокомандующий имел широкий набор прав. В частности, на него распространялись все права Главнокомандующих армиями фронта (ст. 28), а также военно-судебные полномочия (ст. 29). Кроме того, Главковерх имел право:

- в случае крайней необходимости² заключать и прекращать перемирие с неприятелем (при этом должен был сразу поставить об этом в известность Императора) (ст. 25);
- изменять состав войсковых соединений и флотов (п. 1 ст. 28);
- устанавливать взаимоотношения между начальниками высших войсковых соединений, а также командующими флотами (п. 2 ст. 28);
- формировать во время войны части войск, управления, учреждения и заведения сверх утвержденных Штатов (п. 3 ст. 28);
- назначать ко временному исполнению должностей главноуправляющих армиями фронтов, командующих отдельными армиями, командующих флотами, командиров отдельных корпусов, начальника своего Штаба и начальников управлений своего Штаба с их последующим утверждением Императором (п. 4 ст. 28).

В соответствии с Положением 1914 г. Верховный Главнокомандующий наделялся фактически неограниченными полномочиями на театре военных действий. Единственное, чего он не мог сделать по названному документу, – вступить в переговоры о мире без особого распоряжения своего монарха (ст. 26).

Такой подход, в совокупности с оговоркой о необходимости назначения Верховного Главнокомандующего только в случае, если Император не соизволит возглавить войска лично (ст. 6), свидетельствует о том, что Положение о полевом управлении войск в военное время изначально редактировалось с учетом планов Николая II возглавить войска самостоятельно, объединив высшую гражданскую и военную власти Российской империи в своих руках.

Третий раздел Положения 1914 г. касался *правового регулирования деятельности Штаба Верховного Главнокомандующего*. В соответствии с ним, в общем виде функции Ставки сводились к сбору, обработке и хранению оперативной информации; разработке указаний по ведению военных операций; руководству транспортом на театре военных действий; передаче указаний Верховного Главнокомандующего адресатам (ст. 31).

Структура и конкретные функции основных подразделений Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки) рассмотрены в таблице 1.

¹ сокр. от Верховный Главнокомандующий.

² если таковой не было, то вначале Главковерх должен был заручиться согласием Императора.

Таблица 1. – Структурные подразделения Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки)
(по Положению 1914 г.)

Подразделение	Состав	Шт. ед.	Сфера ответственности
Управление генерал-квартирмейстера	Генерал-квартирмейстер <i>Для делопроизводства и поручений:</i> Генерал-майор Штаб-офицеры ³ Обер-офицеры (топографы) Обер-офицер (журналист) Переводчик Фотограф Мастер фотографии Чертежники Писари	1 1 * 2 1 * 1 1 2 8	Сбор, анализ и хранение сведений о районе военных действий и неприятеле. Учет данных о расположении, действиях и степени обеспеченности фронтов и отдельных армий. Разработка оперативных вопросов и распоряжений по выполнению военных операций. Организация и заведывание службой связи. Вопросы службы офицеров Генерального Штаба на театре военных действий.
Управление дежурного генерала	Дежурный генерал <i>Для делопроизводства и поручений:</i> Штаб-офицеры Чиновники Казначей Штаба Журналист Штаба Писари	1 3 2 1 1 8	Комплектование вооруженных сил, переговоры по этим вопросам с военным министерством. Сбор и хранение сведений: – о численности вооруженных сил и их обеспеченности основными видами довольствия, – о санитарном и ветеринарном состоянии, – о ходе эвакуации и т.д. Переписка по вопросам личного состава, имеющая отношение к Верховному Главнокомандующему. Расчет необходимого финансирования, распределение денежных средств и отчетность по ним. Казначейство и журнальная часть Штаба.
– управление коменданта главной квартиры (входило в управление дежурного генерала)	Комендант Комендантские адъютанты Делопроизводитель Писари <i>В подчинении у коменданта</i> <i>– духовенство:</i> Православный священник Церковник <i>– медицинские чины:</i> Врач главной квартиры Ветеринарный врач Фельдшеры <i>– нестроевая рота:</i> Командир Нижние чины Рядовые <i>– конвой при Верховном Главнокомандующем</i> <i>– чины фельдъегерского корпуса</i>	1 2 1 3 1 1 1 3 1 7 * 4	<i>Комендант</i> отвечал за безопасность и благоустройство Ставки. Он курировал распределение помещений, организацию хозяйственной и продовольственной деятельности, расположение и движение обозов главной квартиры. В отношении подчиненных лиц пользовался правами командира полка, в отношении прибывающих лиц – правами коменданта города в Империи. <i>Священник</i> исполнял требы при Штабе Верховного Главнокомандующего. <i>Врачи (медицинский и ветеринарный)</i> выполняли в Ставке обязанности полковых врачей. <i>Командир нестроевой роты</i> являлся одновременно командиром обоза главной квартиры и следил, чтоб ни одна повозка или лошадь, сверх полагающихся по штату, не входила в состав обоза.
– типография (входила в управление дежурного генерала)	Заведующий Наборщики Печатники Батырщики Переплетчики Литографы	1 5 4 2 2 4	Изготовление печатных материалов Ставки.
Управление начальника военных сообщений	Начальник военных сообщений <i>Для делопроизводства и поручений:</i> Штаб-офицеры (генштаба) Штаб-офицер (инженер.) Инженеры Чертежники	1 3 1 2 1	Общее руководство эксплуатацией путей сообщения театра военных действий. Распределение транспортных ресурсов между армиями. Мероприятия по повышению пропускной способности и поддержанию в исправном состоянии путей сообщения. Использование путей сообщения, захваченных у противника. Координация массовых перевозок.

³ Наличие * в колонке со штатной численностью означает вариативный характер данной позиции в зависимости от внешних факторов.

Окончание таблицы 1

	Писари	4	Руководство этапной, транспортной и почтово-телеграфной службами.
Военно-морское управление	Начальник управления <i>Для делопроизводства и поручений:</i>	1	Разработка и передача повелений Верховного Главнокомандующего, касающихся флота. Анализ и хранение сведений:
	Штаб-офицеры морского генштаба	4	– о ходе морских операций,
	Писарь	1	– о составе флотов, – о степени их снабжения и готовности, – о состоянии военно-морских сил противника.

Как следует из таблицы 1, ключевыми должностями в Ставке, помимо Верховного Главнокомандующего, являлись начальник его Штаба, генерал-квартирмейстер, дежурный генерал, начальник военных сообщений и начальник военно-морского управления.

Начальник Штаба Ставки, по сути, являлся заместителем Верховного Главнокомандующего. В случае болезни последнего, он должен был управлять войсками от его имени, в случае смерти – принять его должность на себя, исполняя ее вплоть до новых назначений со стороны Императора (ст. 47).

Исходя из этого, начальник Штаба должен был быть осведомлен обо всех планах Верховного Главнокомандующего (ст. 38), а также знакомился с устными и письменными служебными докладами на имя своего руководителя (ст. 42). Кроме того, в его обязанности входили:

- анализ и планирование военных действий (ст. 39);
- разработка и передача войскам распоряжений относительно проведения военных операций, информирование войск об изменении оперативной обстановки (ст. 41);
- координация использования железнодорожной сети (ст. 41);
- непосредственное руководство всеми офицерами Генерального Штаба, находящимися на театре военных действий (ст. 43);
- объявление распоряжений Главковерха (ст. 45);
- разработка по окончании войны проекта отчета Верховного Главнокомандующего Императору, а также подготовка отчета о деятельности Штаба (ст. 48).

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего имел право по своему усмотрению осматривать все войска, крепости, учреждения и заведения действующей армии (ст. 46). В остальных правах (общий порядок управления, заведывание личным составом, хозяйственная часть и т.д.) он приравнивался к Главнокомандующему армиями фронта, за исключением права награждать за боевые подвиги и иные отличия (ст. 44).

При начальнике Штаба Ставки была предусмотрена должность дипломатического чиновника, который вел переписку с иностранными правительствами, российским МИДом, посольствами и консульствами. При указанном чиновнике состояли полковник для поручений и адъютант [5, с. 90].

Генерал-квартирмейстер считался третьим по значимости лицом в иерархической структуре Ставки. Он являлся ближайшим помощником начальника Штаба (ст. 51). В случае болезни или смерти последнего генерал-квартирмейстер должен был принять его должность во временное исполнение (ст. 56).

В круг основных обязанностей генерал-квартирмейстера входили, в первую очередь, вопросы связи и разведки (ст. 52). На основе получаемой оперативной информации он разрабатывал планы группировки и действий высших войсковых соединений, подчиненных Верховному Главнокомандующему; готовил для них распоряжения по выполнению военных операций (ст. 51); следил за своевременным сообщением войскам сведений о неприятеле и районах военных действий (ст. 53). Генерал-квартирмейстер отвечал за хранение информации о личном составе офицеров, занимающих штатные должности Генерального штаба на театре военных действий (ст. 54). Кроме того, в своем управлении он следил за правильностью записей повелений, приказаний и распоряжений Верховного Главнокомандующего и начальника его Штаба, касающихся ведения военных операций (ст. 55).

Дежурный генерал отвечал за организационно-кадровую работу. Он готовил документы по комплектованию вооруженных сил личным составом, следил за наличием сведений о численности высших войсковых соединений, занимался вопросами обеспечения войск всеми видами довольствия (ст. 59). Также он составлял доклады на представление к наградам и назначениям (ст. 60). В его ведении находилась вся финансово-денежная деятельность Ставки (ст. 61).

Помимо указанного, дежурный генерал определял границы района, занимаемого Ставкой, и руководил деятельностью коменданта главной квартиры (ст. 63)⁴.

⁴ Если Император возглавлял войска лично, то эти функции переходили к коменданту Императорской главной квартиры (при отсутствии иного Высочайшего повеления).

Начальник военных сообщений распоряжался всеми видами транспорта на театре военных действий, возможности которых он распределял между высшими войсковыми соединениями, подчиненными Верховному Главнокомандующему (ст. 77–78). Он следил за состоянием путей сообщения (ст. 79), координировал деятельность начальников военных сообщений армий фронта и отдельных армий (ст. 80), непосредственно руководил крупномасштабными перебросками войск (ст. 81). Начальник военных сообщений отвечал за прокладку на театре военных действий наиболее удобных (прямых) телеграфных и телефонных сообщений (ст. 83), а также за доставку генерал-квартирмейстеру всех необходимых для разработки военных операций сведений о путях сообщения (ст. 85).

Начальник военно-морского управления готовил доклады начальнику Штаба по всем морским вопросам, руководил разработкой повелений Верховного Главнокомандующего, касающихся флота, отвечал за точность и своевременность передачи распоряжений Ставки флотам (ст. 88).

Обращает на себя внимание, что формирование Штаба Верховного Главнокомандующего происходило под руководством начальника Генерального Штаба в мирное время (ст. 33), т.е. изначальные назначения на ключевые посты в Ставке проходили без участия Верховного Главнокомандующего.

В таком механизме распределения должностей прослеживается реализация известного политического принципа сдержек и противовесов, в соответствии с которым неограниченная власть Верховного Главнокомандующего, если его место занимал не Император, сдерживалась направлением в Ставку людей, вызывавших доверие Царского Села.

Таким способом назначались: начальник Штаба Верховного Главнокомандующего – лично Императором (ст. 34); начальники управлений Штаба Верховного Главнокомандующего – Императором по представлению соответствующего министра; прочие чины Ставки – начальником Генерального Штаба (ст. 35). При этом назначение начальника Штаба Верховного Главнокомандующего и начальников его управлений оформлялось изданием Высочайших приказов и указов Правительствующему Сенату, назначение прочих чинов Ставки – приказами тех лиц, в подчинении которых они находились (ст. 36).

Следует отметить, что, несмотря на длительный период подготовки Положения 1914 г., рассмотренный документ был далек от совершенства, что вынуждало Верховного Главнокомандующего не раз реализовывать свое право по внесению в него т.н. «временных изменений».

Первые изменения в организационную структуру Ставки были внесены 25 июля 1914 г.⁵, т.е. спустя полторы недели после принятия указанного Положения. Приказом Верховного Главнокомандующего № 2 была упразднена должность чиновника для ведения дипломатической переписки, а вместо нее в ведении начальника Штаба образована дипломатическая канцелярия (табл. 2) [6].

Таблица 2. – Состав дипломатической канцелярии Штаба Верховного Главнокомандующего (по Приказу Верховного Главнокомандующего № 2 от 25.07.1914 г.)

Должность	Число штатных единиц
Директор	1
Вице-директор	1
Старший секретарь	1
Младший секретарь	1
Юрисконсульт	1
Писари	2
Обозные рядовые	3

Этим же Приказом в управление дежурного генерала добавлялись для делопроизводства и поручений: генерал-майор Генерального штаба, четверо штаб-офицеров и пять писарей, а в нестроевую роту – десять денщиков [6].

2 сентября 1914 г., задним числом (с 1 августа), в состав управления начальника военных сообщений была включена должность чиновника почтово-телеграфного ведомства для делопроизводства и поручений [7], с 4 сентября 1914 г. учреждена должность помощника командира нестроевой роты в обер-офицерском чине [8]. 22 сентября 1914 г. было сформировано управление начальника морских батальонов в действующей армии. Формально оно не входило в состав Ставки, но начальник морских батальонов напрямую подчинялся начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего [9].

3 октября 1914 г. в составе Ставки была организована **канцелярия по гражданскому управлению** [10]. Это структурное подразделение явилось «звеном, установившим необходимое взаимодействие между Верховным Главнокомандующим и высшим гражданским управлением Империи», в сферу ведения которого «вошли: 1) вопросы гражданского управления, возникающие в отношении мирного населения по случаю военных действий; 2) мероприятия, имеющие общее по гражданскому управлению значение

⁵ Все даты в статье приведены по старому стилю.

и выходящие за пределы предоставленной войсковым начальствам власти; 3) предположения, относящиеся к устройству управления в занятых силой оружия неприятельских областях» [11, с. 3]. Состав канцелярии по гражданскому управлению указан в таблице 3.

Таблица 3. – Состав канцелярии по гражданскому управлению Штаба Верховного Главнокомандующего (по Приказу Верховного Главнокомандующего № 86 от 03.10.1914 г.)

Должность	Число штатных единиц
Начальник канцелярии	1
Делопроизводитель	1
Секретарь	1
Писарь	1
Денщики	2

С середины октября в Ставке изменился порядок комплектации денщиками: теперь их численность рассчитывалась исходя из нормы одного на каждого генерала (классного чина, занимающего должность V класса и выше) и одного на двух штаб- и обер-офицеров (классных чинов, занимающих должности VI класса и ниже) [12]. В конце этого же месяца управление дежурного генерала пополнилось должностью штаб-офицера военно-судебного ведомства для делопроизводства и поручений [13].

В ноябре 1914 г. на три штатные единицы было увеличено число адъютантов при Верховном Главнокомандующем [14]. В феврале 1915 г. введена должность обер-офицера для делопроизводства и поручений при управлении начальника военных сообщений [15].

В начале весны 1915 г. при Верховном Главнокомандующем была учреждена должность *Походного атамана* [16], которому в помощники полагались один походный есаул и один адъютант [17]. На Походного атамана возлагалась функция «наблюдения за благоустройством и за своевременным удовлетворением потребностей казачьих частей, состоящих на театре военных действий» [18]. В своих правах это должностное лицо приравнивалось к командующему армией. Походный есаул и адъютант Походного атамана должны были состоять в чине штаб- или обер-офицера [19].

19 марта 1915 г. в состав управления дежурного генерала была добавлена еще одна штатная единица обер-офицера для делопроизводства и поручений [20].

Ставка Верховного Главнокомандующего шла в ногу с научно-техническим прогрессом. На ее территории находились современные устройства связи и электрические приборы, которые требовали определенных знаний и внимательного к себе отношения. Поэтому весной 1915 г. в состав Ставки была введена должность *заведующего техническими средствами при Штабе Верховного Главнокомандующего*, которому непосредственно подчинялись: радиостанция, телефонная сеть, станция электрического освещения и прожекторная станция. В состав штата нового должностного лица входило 34 нижних чина (команда электротехников), один помощник (он же начальник радиостанции при Штабе) и один писарь. Подчинялся заведующий техническими средствами при Штабе Верховного Главнокомандующего непосредственно дежурному генералу [21].

В мае 1915 г. в Ставке была учреждена должность врача при Верховном Главнокомандующем [22]. В этом же месяце в штат управления дежурного генерала добавлена еще одна должность обер-офицера военно-судебного ведомства для делопроизводства и поручений [23].

В июле 1915 г. в состав военно-морского управления была добавлена должность кондуктора флота [24], а в состав управления дежурного генерала – одна штатная единица обер-офицера для делопроизводства и поручений [25]. В этом же месяце должность полковника для поручений при начальнике Штаба была заменена на должность генерал-майора Генерального штаба [26].

Последние изменения штатной структуры Ставки в период ее нахождения в Барановичах произошли 5 августа 1915 г.: в управлении генерал-квартирмейстера предписывалось иметь десять штаб-офицеров Генерального штаба и двух младших штаб-офицеров Генерального штаба для делопроизводства и поручений (ранее их количество устанавливалось из расчета по три штаб-офицера на каждый фронт и отдельную армию) [27].

За первый год войны претерпели изменение наградные полномочия Верховного Главнокомандующего. 24 августа 1914 г. ему было предоставлено право самостоятельно награждать Георгиевскими крестами и медалями [28], а с 22 октября того же года – право жаловать ордена Святой Анны и Святого Станислава различных степеней и видов [29].

Заключение. Несмотря на длительный период подготовки к Первой мировой войне, российское военное командование так и не смогло обеспечить своевременный и продуманный переход к новой системе управления войсками на театре военных действий, при которой армии объединялись во фронты и управлялись Верховным Главнокомандующим.

В результате, утвержденные впопыхах нормы и положения приходилось неоднократно пересматривать и дополнять временными документами, что сказывалось на их качестве, внося неразбериху, неопределенность и запутанность в процесс военного управления.

Офицеры Ставки Верховного Главнокомандующего во многом оказались заложниками действовавшей бюрократической системы, которая не дала им возможности самостоятельно организовать свою работу до начала войны. Однако, несмотря на указанные сложности, коллектив Штаба Верховного Главнокомандующего, показал свою высокую компетентность и сумел преодолеть негативные последствия недостатков организационного периода.

В первый год своего существования (во время нахождения в Барановичах) Ставка представляла собой достаточно компактный орган военного управления. Ее организационная структура зафиксировалась в первые месяцы войны и длительное время носила практически неизменный характер. Дополнения, вносившиеся в ее штатное расписание в рассмотренный период, носили точечный и продуманный характер. В целом можно говорить, что был достигнут баланс между эффективностью деятельности данного органа и его штатной численностью.

Положение дел кардинально изменилось после перемещения Ставки в город Могилев и принятия Императором полномочий Верховного Главнокомандующего на себя. Последовавшие за этим перемены в структуре Штаба Верховного Главнокомандующего были настолько существенны, что требуют изложения в отдельной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубков, К.И. Вторая промышленная революция и происхождение Первой мировой войны / К.И. Зубков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : материалы XII Всероссийской науч. конф, Екатеринбург, 4–5 дек. 2014 г. : в 2 т. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – Т. 1. – С. 66–74.
2. Зайончковский, А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. – СПб. : ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 878 с.
3. Объяснительная записка к проекту «Положения о полевом управлении войск в военное время» (машинопись). – Б/и, 1914. – 44 с.
4. Синковец, А.Ю. Проект Положения о полевом управлении войск в военное время 1914 г. и его роль в организации Ставки Верховного Главнокомандующего / А.Ю. Синковец // Информационное общество: проблемы правовых, экономических и социально-гуманитарных наук : материалы II междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов, Могилев, 21 апр. 2016 г. : в 2 ч. / ред. кол. С.Ф. Сокол [и др.]. – Минск : «БИП – институт правоведения», Ч. II. – 2016. – С.96–97.
5. Положение о полевом управлении войск в военное время. – СПб. : Воен. тип., 1914. – 154 с.
6. Приказ Верховного Главнокомандующего № 2 от 25 июля 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
7. Приказ Верховного Главнокомандующего № 34 от 2 сентября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
8. Приказ Верховного Главнокомандующего № 40 от 4 сентября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
9. Приказ Верховного Главнокомандующего № 62 от 22 сентября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
10. Приказ Верховного Главнокомандующего № 86 от 3 октября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
11. Отчет по гражданскому управлению при Штабе Верховного Главнокомандующего за первые шесть месяцев войны. Фотокопия // Барановичский краеведческий музей. – НВФ № 7968. – 68 с.
12. Приказ Верховного Главнокомандующего № 105 от 16 октября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
13. Приказ Верховного Главнокомандующего № 126 от 30 октября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
14. Приказ Верховного Главнокомандующего № 145 от 9 ноября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
15. Приказ Верховного Главнокомандующего № 133 от 24 февраля 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 2.
16. Приказ Верховного Главнокомандующего № 162 от 8 марта 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 3.
17. Приказ Верховного Главнокомандующего № 199 от 18 марта 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 3.
18. Положение о Походном атамане при Верховном Главнокомандующем // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 3. Приказ Верховного Главнокомандующего № 237 от 3 апреля 1915 г.
19. Временный штат походного атамана при Верховном Главнокомандующем и чинов, состоящих при нем // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 3. Приказ Верховного Главнокомандующего № 297 от 21 апреля 1915 г.

20. Приказ Верховного Главнокомандующего № 205 от 19 марта 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 3.
21. Приказ Верховного Главнокомандующего № 334 от 2 мая 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.
22. Приказ Верховного Главнокомандующего № 338 от 4 мая 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.
23. Приказ Верховного Главнокомандующего № 353 от 6 мая 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.
24. Приказ Верховного Главнокомандующего № 538 от 1 июля 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.
25. Приказ Верховного Главнокомандующего № 611 от 20 июля 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.
26. Приказ Верховного Главнокомандующего № 621 от 21 июля 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.
27. Приказ Верховного Главнокомандующего № 676 от 5 августа 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 5.
28. Приказ Верховного Главнокомандующего № 23 от 24 августа 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
29. Приказ Верховного Главнокомандующего № 218 от 20 декабря 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.

Поступила 20.10.2016

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF ACTIVITY OF THE RUSSIAN HEADQUARTERS AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR (1914–1915)

A. SINKAVETS

Based on the analysis of a wide range of historical documents of World War I, this article describes the structure and functions of the Russian Headquarters during its stay in Baranovichi (1914–1915). Reasons for creating this body of military control are showcased, its place and the role in the system of Russia's armed forces, its relations with civil authorities are defined. In addition, the number of staff in the Headquarters in the first year of the war is determined and the specifics each of its structural units is revealed. The article describes the legal status of the Russian Supreme Commander, his Chief of Staff, Quartermaster General, General on Duty and other staff. The scope of their responsibilities and the order of the relationship between them are also outlined. Finally, conclusions about the effectiveness of the Headquarters structure and forethought of its regulatory support were made.

Keywords: *World War I, Headquarters, Supreme Commander, Chief of Staff of Supreme Commander, Quartermaster General, General on Duty, Regulations on management of field forces in wartime.*

УДК 902.2(476.4)

**АРХЕОЛОГИЯ НА СТРАНИЦАХ РАЙОННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (1970-Е ГГ.):
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

К.С. ПИРУМЯН

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Представлены данные о публикациях на археологическую тематику, размещенных на страницах районной периодической печати Могилевской области в 1970-е гг. На основе статистического анализа данных приводятся сведения о количестве статей, их авторах. Сведения сравниваются с данными 1980-х и 1990-х гг. Акцентируется внимание на характере размещения материала, времени появления статей, определении тематики публикаций и направленности работ археологов в 1970-е гг. Определена роль районных газет в распространении археологических знаний среди населения в 1970-е гг. и возможность использования данных периодической печати в качестве дополнительного источника информации по археологии Беларуси для уточнения и систематизации сведений, полученных из научных работ.

Ключевые слова: археология, статьи, районная периодическая печать, Могилевская область, 1970-е гг., археологические разведки, археологические раскопки, археологические памятники.

Введение. Периодическая печать – многоплановый источник, позволяющий составить представление о политических, экономических и духовных особенностях развития общества в определенный промежуток времени. К периодической печати как многоплановому источнику неоднократно обращались исследователи (О. Ковтунова [1], В. Бегунова [2], М. Миц [3], Т. Шоломицкая [4], Е. Цумарева [5] и др.).

Цель данного исследования – охарактеризовать статьи об археологии на страницах районной периодической печати на основе статистического анализа данных. Основными источниками по теме исследования выступают районные газеты Могилевской области, издававшиеся на протяжении 1970-х гг. и хранящиеся в отделе книгохранения Могилевской областной библиотеки им. В. И. Ленина. Автором были выявлены и проанализированы 53 газетные статьи, посвященные археологии. В итоге стало очевидным, что периодическая печать является источником для изучения общественного мнения об археологии и степени популяризации археологических знаний среди населения. Кроме этого, аналогичных исследований, посвященных взаимосвязи археологии как науки и районной периодической печати на территории нашей страны в послевоенный период, не наблюдается.

Основная часть. Периодическая печать, наряду с электронными СМИ и устной историей, были основным источником информации для населения в 1970-е гг. Из районных изданий люди могли оперативно получить информацию о результатах археологических исследований, раскопках, разведывательных работах в регионе.

Районная периодическая печать Могилевской области в 1970-е гг. была представлена рядом газет: «Маяк Прыдняпроўя» (Быхов), «Сцяг Саветаў» (Кличев), «Кіравец» (Кировск), «За камуністычную працу» (Могилев), «Свято кастрычніка» (Мстиславль), «Сцяг камунізма» (Костюковичи), «Магілёўская праўда», «Камуніст» (Бобруйск), «Ленінскі шлях» (Горки), «Ленінскі кліч» (Кричев) и др.

Общее количество газет, в которых нашли отражение материалы по археологии Беларуси в 1970-е гг., – 17, т.е. практически каждая районная газета один раз за десятилетие размещала сведения об археологии. Общее количество публикаций по археологии составляет 53, т.е. каждый год печаталось примерно по 5 статей. К 1980-м гг. статей на археологическую тематику на страницах районных газет станет в два раза больше (106), что свидетельствует о масштабности археологических исследований в БССР, популяризации археологических знаний среди населения, что произошло, возможно, благодаря активной публикационной деятельности 1970-х гг.

Статьи об археологии в четырехстраничной газете преимущественно размещались на последней странице (77 %), где была представлена развлекательная информация (спортивные достижения, культурные мероприятия, жалобы, поздравления, реклама и новостная программа). Если опираться только на данный факт, то можно предположить незначительный интерес со стороны редакторов к результатам археологических работ. Однако 23 % статей размещались на 2 и 3 страницах. Если сравнивать с последующим десятилетием (1980-е гг.), то количество статей на 2 и 3 страницах увеличивается до 35 %.

Таким образом, первостепенное значение публикации на археологическую тему как в 1970-е гг., так и в 1980-е гг. не занимали – на первой странице ни одной статьи по археологии не было обнаружено. На первых страницах газет размещалась информация, посвященная передовикам производства и их достижениям, итогам пятилеток, международным новостям [6, с. 1], колхозному строительству, призывам

ЦК КПСС, приуроченным к годовщинам Великой Октябрьской революции [7, с. 1], выборам в местные советы и др. В 1990-е гг. статьи об археологии уже появляются на первых страницах газет [8–10]. Причиной тому могло послужить отсутствие идеологического давления со стороны высшего руководства и изменение ценностных ориентиров общества. Таким образом, статьи об археологии в 1970-е гг. не представляли для редакторов газет первостепенную важность, но и последнее место по актуальности информации не занимали.

Наиболее активным периодом для публикации статей в районной периодической печати в 1970-е гг. был июль – октябрь (55 %) – период полевого сезона археологов и подведения итогов археологических работ. Начало полевого сезона (весенний период) представлен гораздо меньшим количеством статей (13 %). В 1980-е гг. такой дисбаланс изменится в сторону уравнивания числа публикаций (34 % статей напечатано весной и 34 % – в июле–октябре) (табл. 1).

Таблица 1. – Количество опубликованных статей об археологии в периодической районной печати за 1970–1980-е гг.

Год	Количество статей(%)	Год	Количество статей(%)
1970	15%	1980	7%
1971	0%	1981	10%
1972	9%	1982	2%
1973	9%	1983	9%
1974	25%	1984	8%
1975	11%	1985	6%
1976	4%	1986	10%
1977	2%	1987	3%
1978	9%	1988	26%
1979	15%	1989	17%

Сравним первую половину десятилетий: в 1970–1974 гг. было опубликовано 58 % статей, а в 1980–1984 гг. – 36 %, вторая половина десятилетий, соответственно, 42 % и 62 %, т.е. определенную тенденцию в издании статей выявить сложно. Следует обратить внимание, что в отдельные годы наблюдается определенный спад (например, 1971 и 1982, 1975 и 1985, 1977 и 1987 гг.) и рост публикаций (1978 и 1988 гг.). Таким образом, тенденции в опубликовании информации по годам не наблюдается. Можно предположить, что вторая половина 1980-х гг. и первая половина 1970-х гг. характеризуются большим вниманием со стороны редакторов газет и авторов к археологическим знаниям, но влияние на данный факт могли оказать как субъективные, так и объективные факторы.

Язык написания статей исключительно белорусский. Кроме районных газет, интерес к археологическим знаниям проявляли и республиканские газеты (например, «Сельская газета»), где язык изложения материала был русский [11, с. 4]. Таким образом, районная периодическая печать Могилевской области представлена преимущественно на белорусском языке, что свидетельствует об определенной аутентичности изданий.

Среди районных периодических изданий в 1970-е гг. по количеству публикаций об археологии лидерами стали следующие газеты: «Маяк Прыдняпроўя» (Быхов), «Магілёўская праўда», «Свято кастрычніка» (Мстиславль), «Ленінскі кліч» (Кричев). На страницах этих газет отразилось 38 % всех статей. Стоит подчеркнуть особую роль газеты «Магілёўская праўда», на страницах которой публиковались сведения не только о памятниках археологии г. Могилева и Могилевского района, но и об археологических находках в Мстиславском [12, с. 4], Кричевском [13, с. 4], Бельничском [14, с. 4], Чаусском [15, с. 4] и Славгородском районах.

Авторами статей в 1970-е гг. выступали преимущественно сельские корреспонденты (19 %) и директора районных краеведческих музеев (23 %). К 1980-м гг. количество журналистов и директоров музеев, публикующих на страницах районных газет статьи об археологии, снижается (7 % и 2 % соответственно). Зато количество авторов различной квалификации, которых в 1970-е гг. насчитывалось 13, к 1980-м гг. достигнет 20.

Среди авторов статей об археологии в данный период выделяются академические ученые (М. Ткачев, Е. Калечиц, А. Трусов), преподаватели вузов (Я. Риер), директора и начальники археологических экспедиций музеев Могилевской области, краеведы (Д. Абрамович), учителя районных школ (В. Ксензов, который, благодаря интересу к археологии, в 1980 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1994 г. стал доктором исторических наук), председатели бюро пропаганды товариществ охраны памятников истории и культуры (И. Черняк) и сельские корреспонденты (М. Анюков и др.).

Качество публикаций свидетельствует о том, что более 50 % авторов обладали знаниями, умениями и опытом в интерпретации археологических источников. Например, Я. Риер, будучи научным со-

трудником Могилевского областного краеведческого музея, начальником археологической экспедиции Могилевского областного краеведческого музея [16, с. 4], руководителем кружка по археологии, затем старшим преподавателем Могилевского пединститута [15, с. 4], опубликовал в данный период 7 статей, связанных с археологией региона. Основное количество статей им было представлено в «Магілёўскай праўдзе». Информация в них посвящена истории развития археологии на Могилевщине (к. XIX – н. XX вв.) [16, с. 4], ответам на вопросы читателей об археологических памятниках определенного района [17, с. 4], итогам раскопок археологических памятников с участием юных кружковцев, об археологии как науки в целом. Публикации отражают сведения о памятниках археологии Краснопольского, Чаусского, Хотимского, Костюковичского, Славгородского, Бельничского районов.

Отдельно стоит выделить статьи М. Ткачева, старшего научного сотрудника Института истории АН БССР, кандидата исторических наук, который посвятил свои публикации результатам раскопок Замковой горы в г. Кричеве. В одной из статей им были описаны результаты полевого сезона предыдущего года (в газете за 1974 год были представлены данные за 1973 год) [18, с. 2]. Учитывая, что газеты должны обладать таким качеством, как оперативность, выше приведенный факт свидетельствует об обратном.

Значительный вклад в распространение археологических знаний и популяризацию археологии как науки в 1970-е гг. внес основатель Кричевского районного музея и его первый директор М. Мельников. Под его авторством вышло более 10 статей, в которых были представлены сведения о текущих археологических раскопках, случайных находках, новых музейных экспонатах. Также автор акцентировал внимание властей и населения на необходимости сохранения археологических памятников в районах в первоизданном виде [19, с. 4].

Определенный вклад в распространении среди населения информации об археологических знаниях в 1970-е гг. внесли не только научные сотрудники, но и краеведы, и сельские корреспонденты. Среди последних стоит выделить В. Никитина, опубликовавшего 9 статей об археологии в газетах «Маяк Прыдняпроўя» (Быхов), «Іскра» (Чаусы), «Святло кастрычніка» (Мстиславль) и «Зара камунізму» (Бельнич). География публикаций свидетельствует о разнообразии интересов самого журналиста. В 5 статьях автор предоставил читателю информацию о результатах раскопок археологического комплекса Тайманово в Быховском районе, начатых еще в 1967 г. Л. Поболем. Однако, как и у М. Ткачева, публикации носили несвоевременный характер: например, информация о раскопках 1968–1969 гг. была представлена в газете за 1970 г. [20, с. 4], о раскопках 1971 г. в газете за 1972 г. [21, с. 3] и т.д. В одной из статей В. Никитин утверждал, что «...археалагічны комплекс каля вёскі Тайманова – самы буйны і самы старажытны помнік матэрыяльнай культуры ў нашым раёне...» [22, с. 4]. Однако известно, что в 1972 г. было положено начало систематическим раскопкам памятников финального палеолита и мезолита в Быховском районе [23, с. 35], что опровергает мнение автора статьи. Еще одна особенность данных статей заключается в том, что в них нет указания на руководителя экспедиции, а название отряда (Славянский отряд Белорусской экспедиции Института истории АН БССР) появляется лишь в последней статье (без упоминаний о руководителе) [22, с. 4]. Правда, в каждой публикации есть указание на литературу, благодаря которой можно получить дополнительные сведения об итогах работы экспедиции.

Также одним из авторов статей по археологии является краевед Д. Абрамович. География публикаций, как и у В. Никитина, достаточно широка – Кличевская [24, с. 2], Быховская [25, с. 4], Кировская [26, с. 4], Могилевская [27, с. 4] районные газеты. Статьи представляют собой краткие обзоры о памятниках археологии определенных регионов с указанием их местонахождений. Три статьи Д. Абрамовича основываются на книге Г. Штыхова «Археалагічная карта Беларусі» (Минск, 1971 г.). В соответствии с ней автор приводит данные о памятниках археологии Могилевского, Кировского и Кличевского районов, но его внимание в публикациях было сосредоточено на рассмотрении двух аспектов: понятие о курганных могильниках и законодательство в области охраны памятников истории и культуры (табл. 2).

Таблица 2. – Тематика статей об археологии на страницах периодической печати Могилевской области в 1970-е гг.

Содержание статей	Количество статей	% от общего кол-ва статей
обзор памятников археологии	19	36%
раскопки	13	25%
случайные и интересные находки	9	17%
разведки	5	9%
интервью с археологами	3	6%
охрана памятников	2	4%
историография изучения памятников археологии	1	2%
археологи	1	2%

Следовательно, наибольшее количество статей посвящено обзору памятников археологии районов. Обстоятельные сведения о памятниках отражены в статьях О. Трусова (Мстиславль и его приго-

род) [28, с. 4], В. Ксензова (Бобруйский район) [29, с. 4], В. Лившица (Горецкий район) [30, с. 3], Я. Риера (Краснопольский район) и др. Среди статей о памятниках археологии выделяется 8 публикаций, посвященных курганам Кличевского, Славгородского, Быховского, Могилевского, Кировского районов. Тем самым можно выделить тенденцию интереса со стороны авторов статей к таким памятникам археологии, как курганы (15% статей).

Четвертая часть публикаций посвящена раскопкам памятников. Кроме несвоевременной подачи данных о раскопках комплекса памятников возле д. Тайманово Быховского района [31, с. 4], также представлены сведения об исследованиях Днепро-Двинской экспедиции АН СССР древнего княжеского центра в г. Мстиславле в 1976 г. [32, с. 4], экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Л. Алексеева совместно с Могилевским областным краеведческим музеем в Бельничском районе возле д. Эсьмоны, где было выявлено 44 кургана [14, с. 4]. Также получили известность сведения о спасательных раскопках городища Змеевка в г. Могилеве, проведенных областным краеведческим музеем при поддержке студентов исторического факультета Могилевского пединститута (раскопки летнего сезона 1973 года отражены в мартовском номере газеты «Магілёўская праўда» 1974 г.) [33, с.4].

Среди публикаций об интересных и случайных находках большая часть посвящена описанию двуручных мечей, найденных в Кричевском районе. Также в печать попало сведение об обнаружении бивня мамонта в г. Шклове. Статья была опубликована в газете «Ударны фронт» (Шклов) буквально через неделю после обследования учеными места палеонтологической находки [34, с. 4].

Результаты археологических разведок Чаусского, Славгородского, Хотимского, Костюковичского районов Могилевской области отражены в статьях Я. Риера, о работе экспедиции МГПИ имени А.А. Кулешова совместно с Могилевским областным краеведческим музеем в 1975 г. в Бельничском районе (исследовали бассейн реки Друть и ее притоки) – В. Никитина [35, с. 3]. Основная направленность публикаций – большее количество информации о курганах, изученных во время разведок.

Взаимодействие журналистов напрямую с исследователями древностей проявилось через небольшое количество интервью. Здесь можно упомянуть беседу с О. Трусовым (старший научный сотрудник научно-реставрационных производственных мастерских Министерства культуры БССР) о раскопках площади Славы в г. Могилеве (ранее – Советская площадь). В статье поднимались вопросы о целях проведения экспедиции, о находках, о перспективах дальнейших исследований [36, с. 4].

Еще одно интервью опубликовано с Л. Алексеевым о его неподдельном интересе к г. Мстиславлю и раскопках экспедиции Института геологии Академии наук СССР. Однако без дублирования информации не обошлось: интервью было опубликовано в газетах «Свято кастрычніка» (Мстиславль) [37, с. 4] и «Магілёўская праўда» [15, с. 4]. При этом больше нетекстовой информации было представлено в газете «Свято кастрычніка» (фотографии раскопок), а сама статья занимала целую страницу районной газеты, а не половину, как в «Магілёўскай праўдзе».

На необходимость охраны памятников истории и культуры обращали внимание авторы практически в каждой статье, но более подробно на этой проблеме останавливался М. Мельников (директор Кричевского музея). В своих статьях он приводил конкретные примеры о разрушении памятников и обращал внимание, что если не придать данному факту значение, то будущим исследователям не будет с чем работать [19, с. 4].

Особое значение имеют статьи, посвященные историографии археологии в Могилевском крае (под авторством Я. Риера и Г. Зотова) и исследователю археологических древностей конца XIX – начала XX вв. Е. Романову [38, с. 4], т.е. интерес к археологии распространялся не только на памятники, которые были выявлены в 1970-е гг., но и на людей, которые занимались археологией столетием ранее.

На страницах районной печати находили место материалы об археологии не только Могилевского края, но Витебской [39, с. 4] и Брестской областей [40, с. 4]. Таким образом, круг интересов авторов статей выходил за рамки регионов, в которых они жили.

Заключение. В 1970-е гг. среди доступных населению источников информации периодическая печать занимает достойное место. В этот период наблюдался подъем археологических исследований – возрос интерес со стороны населения к археологии. Данные факты не могли не отразиться на страницах периодической печати.

При изучении районной периодической печати Могилевской области в 1970-е гг. было выявлено 53 статьи, отразившие сведения об археологии на страницах 17 газет. Популяризация археологических знаний в 1970-е гг. привела к неподдельному интересу читателей к данной науке (о чем свидетельствуют вопросы читателей о памятниках археологии) и к тому, что в следующее десятилетие интерес со стороны редакторов газет и авторов статей к данной науке увеличится.

Характер размещения статей в 1970-е гг. (последняя страница) свидетельствует о второстепенном значении сведений по археологии. Июль-октябрь – основной период написания статей, что соответствует времени проведения полевых работ, хотя весенний период исследований не нашел отражения в периодической печати. Газетам также не хватало оперативности в освещении результатов работ: большинство

статей опаздывали с публикациями на год-два, т.е. свою основную функцию в своевременности освещения событий газеты не выполняли.

Темы статей – преимущественно обзор курганных памятников региона. Если опираться на статьи, как основной источник информации по археологии в 1970-е гг., возникнет иллюзия, что памятников каменного и бронзового веков на территории Могилевской области было крайне мало. Данный вывод будет неверным. Если обратиться к исследованиям археологов в Могилевской области в 1970-е гг., то выявится ряд работ, проведенных, например, экспедицией Могилевского пединститута совместно с Могилевским областным краеведческим музеем. Именно в 1970-е гг. начинаются систематические исследования памятников археологии Могилевского Поднепровья под руководством В. Копытина [41, с. 45], в результате которых были выявлены стоянки каменного и бронзового веков в Чериковском [42, с. 41], Климовичском [43, с.67], Костюковичском [44, с. 90], Быховском [23, с. 94], Могилевском [45, с. 57] и Шкловском [46, с. 41] районах. На некоторых памятниках были проведены раскопки [42, с. 35]. К сожалению, не весь материал нашел отражение на страницах районной периодической печати. Также в статьях районных газет 1970-х гг. можно выделить общую направленность освещения результатов археологических работ, связанных с изучением курганных могильников.

Авторы статей писали на белорусском языке, обладали необходимым опытом и знаниями в области археологии, но не забывали об основной функции периодической печати – популяризации знаний, обращали внимание читателей и властей на охрану археологических памятников, проблема, которая актуальна и сегодня.

Таким образом, районную периодическую печать можно использовать в качестве дополнительного источника информации по археологии Беларуси для уточнения и систематизации сведений, полученных из научных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтунова, О. В. Частная периодическая печать Таврической губернии как источник по социальной истории России конца XIX – начала XX веков : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / О. В. Ковтунова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 26 с.
2. Бегунова, В. В. Губернская периодическая печать XIX – начала XX века как источник по истории смоленской археологии / В. В. Бегунова // Известия Смоленского гос. ун-та. Исторические науки и археология. – 2015. – № 2(30). – С. 227–236.
3. Миц, М. Я. Украинская периодическая печать Волыни (1921–1939 гг.) как исторический источник : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Миц Марьяна Ярославовна ; Нац. акад. наук Украины , Ин-т. укр. археографии. – Киев, 1995. – 22 с.
4. Шоломицкая, Т. Л. Земская печать Беларуси в системе местного самоуправления (1911–1918 гг.) : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Шоломицкая Татьяна Леонидовна ; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2016. – 22 с.
5. Цумарева, Е. П. Российская правительственная политика на территории Беларуси в 1905 – 1914 гг. (по материалам консервативной и либеральной печати) : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Цумарева Елена Петровна ; Белорусский гос ун-т. – Минск, 2015. – 24 с.
6. Ад Балтыкі да Чукоткі // Магілёўская праўда. – 1970. – 13 сак. – С. 1.
7. Заклікі ЦК КПСС да 62 гадавіны Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі // Свято кастрычніка (Мсціслаў). – 1979. – 16 кастр. – С. 1.
8. Кротава, С. Дрыбіншчына ў помніках археалогіі / С. Кротава // Ленінскі шлях (Горкі). – 1995. – 14 кастр. – С. 1.
9. Ножников, Н. Звонит бубенчик из 11 в. / Н. Ножников // Веснік Магілёва. – 1994. – 12 мая. – С. 1.
10. Савосина, И. Преданья старины глубокой / И. Савосина // Магілёўская праўда. – 1991. – 30 ліст. – С. 1.
11. Найдено на дне Днепра // Сельская газета. – 1970. – 13 дек. – С. 4.
12. Анюкоў, М. Горад на Віхры / М. Анюкоў // Магілёўская праўда. – 1979. – 1 верас. – С. 4.
13. Мельнікаў, М. Гора Замкавай гары / М. Мельнікаў // Магілёўская праўда. – 1970. – 18 снежня. – С. 4.
14. Рыер, Я. Маўклівыя сведкі / Я. Рыер // Магілёўская праўда. – 1970. – 13 сак. – С. 4.
15. Рыер, Я. Юныя археолагі / Я. Рыер // Магілёўская праўда. – 1979. – 3 ліст. – С. 4.
16. Рыер, Я. Першыя даследчыкі старажытнай Магілёўшчыны / Я. Рыер // Магілёўская праўда. – 1970. – 2 ліп. – С. 4.
17. Рыер, Я. З глыбіні стагоддзяў / Я. Рыер // Магілёўская праўда. – 1972. – 27 мая. – С. 4.
18. Ткачоў, М. Пра што расказваюць раскопкі / М. Ткачоў // Ленінскі кліч (Крычаў). – 1974. – 26 верасня. – С. 2–3.
19. Мельнікаў, М. Добрая ўстрывожанасць / М. Мельнікаў // Ленінскі кліч (Крычаў). – 1975. – 4 ліст. – С. 4.
20. Нікіцін, В. У глыбіні стагоддзяў / В. Нікіцін // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1970. – 10 кастр. – С. 4.
21. Нікіцін, В. Новая адкрыцці археолагаў / В. Нікіцін // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1972. – 27 ліп. – С. 3.
22. Нікіцін, В. Адрас – за далечынню стагоддзяў / В. Нікіцін // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1978. – 2 снежн. – С. 4.
23. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Быховского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1995. – 252 с.
24. Абрамовіч, Д. Археалагічныя помнікі / Д. Абрамовіч // Сцяг Саветаў (Клічаў). – 1974. – 9 ліп. – С. 2.
25. Абрамовіч, Д. Курганы / Д. Абрамовіч // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1973. – 29 сак. – С. 4.
26. Абрамовіч, Д. Наш край у далёкім прошлым / Д. Абрамовіч // Кіравец (Кіраўск). – 1974. – 15 жн. – С. 4.

27. Абрамовіч, Д. Сляды далёкіх продкаў / Д. Абрамовіч // За камуністычную працу (Магілёў). – 1974. – 26 кастр. – С. 4.
28. Трусаў, А. Помнікі расказваюць / А. Трусаў // Святло кастрычніка (Мсціслаў). – 1979. – 4 снежня. – С. 4.
29. Ксянзоў, У. Сляды мінулых тысячагоддзяў / У. Ксянзоў // Камуніст (Бабруйск). – 1975. – 7 лют. – С. 4.
30. Ліўшыц, У. Маўклівыя сведкі мінулага / У. Ліўшыц // Ленінскі шлях (Горкі). – 1972. – 6 ліп. – С. 3.
31. Нікіцін, В. З эпох тых далёкіх / В. Нікіцін // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1978. – 19 кастр. – С. 4.
32. Нікіцін, В. За даллю стагоддзяў / В. Нікіцін // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1973. – 28 чэрв. – С. 4.
33. Рьер, Я. Гарадзішча “Змяёўка” / Я. Рьер // Магілёўская праўда. – 1974. – 12 сак. – С. 4.
34. Калечыц, А. З глыбіні вякоў / А. Калечыц, П.Ф. Каліноўскі // Ударны фронт (Шклоў). – 1975. – 28 студз. – С. 4.
35. Нікіцін, В. Курганы расказваюць / В. Нікіцін // Зара камунізму (Бялынічы). – 1977. – 22 сак. – С. 3.
36. Ножнікаў, М. Подых часоў далёкіх / М. Ножнікаў // Магілёўская праўда. – 1979. – 10 кастр. – С. 4.
37. Анюкоў, М. Мсціслаў – беларускі Суздаль / М. Анюкоў // Святло кастрычніка (Мсціслаў). – 1979. – 9 кастр. – С. 4.
38. Зотаў, Г. Нашы славутыя землякі / Г. Зотаў // Магілёўская праўда. – 1975. – 25 чэрв. – С. 4.
39. Ідучь раскопкі // Маяк Прыдняпроўя (Быхаў). – 1976. – 18 верасня. – С. 4.
40. Сусікаў, П. Ведай свой край / П. Сусікаў // Ленінскі кліч (Крычаў). – 1974. – 25 ліп. – С. 4.
41. Дзмітрачкоў, П. Ф. Няўрымслівы даследчык беларускай мінуўшчыны / П. Ф. Дзмітрачкоў, І. А. Марзалюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 5. – С. 45–46.
42. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Чериковского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1994. – 63 с.
43. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1998. – 113 с.
44. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Костюковичского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1996. – 176 с.
45. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Могилева и окрестностей / В. Ф. Копытин. – Могилев : Могилевское управление по печати, 1993. – 102 с.
46. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Шкловского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Могилевское управление по печати, 1993. – 96 с.

Поступила 11.07.2016

ARCHAEOLOGY ON THE PAGES OF THE LOCAL PERIODICAL PRESS OF MOGILEV REGION (1970.): STATISTICAL ASPECT

K. PIRUMIAN

The article presents data about publications on archaeological subjects, published on the pages of the local periodical press of Mogilev region in the 1970s. On the basis of statistical analysis of data provides information about the number of articles, their authors. The information is compared with the data of the 1980s and 1990s. The author's attention is focused on the nature of the material arrangement, the time of appearance of articles, the definition of subjects of publications and the areas of archeologists' works in the 1970s. The role of regional newspapers in distribution of archaeological knowledge among the population in the 1970s and the possibility of use of data of periodicals as an additional source of information on archeology of Belarus for specification and systematization of the data received from scientific works is defined.

Keywords: archeology, articles, local periodical press, Mogilev region, 1970, archaeological exploration, archaeological excavations, archaeological sites.

УДК 94(47+57)«1917»

**ДЕЗЕРТИРСТВО СОЛДАТ РУССКОЙ АРМИИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ
В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА****А.В. ПОПОВ***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*

Рассматривается проблема дезертирства солдат русской армии на Западном фронте в феврале-октябре 1917 года. Оценивается степень изученности данного вопроса в дореволюционной, советской, современной отечественной и российской историографии. Анализируется комплекс социально-политических и экономических причин, приведших к слабости власти, развалу армии и, как следствие, к дезертирству. На основе широкой источниковой базы показана динамика численности дезертиров в 1917 году, а также меры по борьбе с данным явлением, проводимые Временным правительством.

Ключевые слова: *дезертирство, Западный фронт, Первая мировая война, Февральская революция, Временное правительство.*

Введение. 1917 год – время коренной ломки общественно-политической системы России, трансформации взаимоотношений власти и общества.

Беларусь, разделенная линией фронта, находилась в сложном положении. На ее территории дислоцировалась огромная армия, которая к тому же переживала не лучшие времена. Самым тяжелым ее недугом, во многом предопределившим судьбу России и ее западных окраин, стало повальное дезертирство. Эта проблема, к сожалению, по разным причинам не стала предметом специальных исследований и требует своего всестороннего изучения.

Основная часть. Изучению проблемы дезертирства в годы Первой мировой войны положили начало современники событий, деятели Белого движения, эмигрировавшие после революции. Н.Н. Головин – автор работы «Россия в Первой мировой войне» анализирует различные аспекты участия России в войне: процесс подготовки и мобилизации армии, проблемы ее снабжения, ход войны и ее влияние на настроения армии и тыла. Затрагивая вопрос дезертирства, Н.Н. Головин рассматривает проблему статистической отчетности в русской армии. Он подчеркивает, что сбор данных был организован бессистемно, хаотически, что повлияло и на статистические сведения о дезертирах. В книге присутствуют сведения о количестве дезертиров с начала войны до августа 1917 года, но недостаточно изучены истоки дезертирства, как социального явления [7].

В советской историографии проблема дезертирства в годы Первой мировой войны затрагивалась только в контексте общего разложения армии. Традиционно считалось, что дезертирство – это форма сопротивления солдат, уставших от войны, и воспринималось оно как проявление революционных настроений в армии [17].

Как в советской, так в российской и отечественной историографии отдельно проблема дезертирства в русской армии за период Первой мировой войны также не нашла обстоятельного изучения. Вопрос дезертирства рассматривался в комплексе, совместно с анализом боевых действий русской армии в годы войны или же в контексте разложения армии после февральских событий 1917 года. Среди подобных работ следует выделить исследования М.В. Оськина [11; 12], А.Б. Асташева [1], В.П. Булдакова [6]. Следует отметить, что данные работы касаются дезертирства лишь в общем контексте анализа событий войны и вскользь упоминают факты дезертирства на Западном фронте.

Детально феномен дезертирства не рассматривали и отечественные историки.

Например, в обобщающей работе по истории Февральской революции, автором которой является И.М. Игнатенко, дезертирство упоминается при характеристике работы I съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта [9]. В большинстве современных исследований дезертирство рассматривается на общем фоне событий 1917 года в армии в целом и на Западном фронте в частности. Так, например, в научно-популярной работе В. Бондаренко «Утерянные победы Российской империи» проводится анализ боевых действий на территории Беларуси в 1914–1917 годах, и затрагиваются процессы разложения русской армии, но о дезертирстве автор упоминает фрагментарно, затрагивая эту проблему как одну из многих в процессе разложения армии [5].

Аналогичную позицию занимает и В.Н. Белявина в работе «Беларусь в Первой мировой войне». Автор исследует различные стороны жизни белорусского общества в годы Первой мировой войны, но проблему дезертирства также упоминает лишь косвенно, в контексте анализа процесса разложения армии [4]. Отдельно следует отметить работу М.М. Смольянинова, в которой дана обстоятельная оценка морально-боевого состояния русской армии на Западном фронте [18].

База источников о дезертирстве в 1914–1917 годах на территории Беларуси расширилась после издания сборника документов «Беларусь в Первой мировой войне», где в разделе «Военное положение в Беларуси» представлен документ о дезертирстве в регионе из фондов Национального исторического архива Беларуси. Данный документ, датированный 1915 годом, позволяет сформировать некоторое представление о корнях дезертирства. В этом же сборнике опубликован ряд документов, свидетельствующих о разложении русской армии в конце войны [3].

В фондах Национального архива Республики Беларусь имеются некоторые материалы, затрагивающие вопросы дезертирства и борьбы с ним на территории Беларуси [13, 14].

Итак, как показывает приведенный историографический обзор, проблема дезертирства в русской армии в годы Первой мировой войны исследована недостаточно, она требует глубокого изучения и осмысления ее причин, что делает рассматриваемую тему еще более актуальной.

Отречение Николая II от престола было встречено частью населения восторженно не только в Петербурге, но и в провинции, в частности на территории белорусских губерний. Так, например, в Минске городская дума 5 марта 1917 года постановила «выразить новому правительству и верховному главнокомандующему в лице Его императорского высочества Николая Николаевича от имени городской думы и всего населения города Минска чувства восторга, вызванные введением нового государственного строя в России, и готовности всемерно содействовать и служить ему» [10]. Новое «народное правительство» приветствовали Минские казенная палата, казначейство, податная инспекция [10].

Армия, как отмечает М.М. Смольянинов, стала после февраля 1917 года ареной острой борьбы партий за влияние на массы на Западном фронте [18, с. 64].

Прифронтовое положение белорусских губерний в значительной степени влияло как на восприятие населением Февральской революции, так и на развитие общественных настроений в целом от февраля до октября. Можно сказать, что именно армия, солдаты на фронтах были тем «термометром», по которому следует измерять температуру общественных настроений. Как отмечал Я.И. Трещенок: «События в прифронтовой Беларуси оказались в полной зависимости от положения на Западном фронте. Нельзя говорить о революции «в Беларуси и на Западном фронте», следует говорить – «на Западном фронте и Беларуси». Потому что все зависело от солдатской массы, оказавшейся на Западном фронте под определяющим эсеро-большевистским влиянием [19, с. 167].

Но к началу 1917 года армия уже была разложена. Можно согласиться с С.Н. Базановым, который писал следующее: «Развал русской армии начался задолго до Февральской революции 1917 года и явился объективным необратимым результатом краха самодержавия» [2, с. 55]. С весны 1917 года в русской армии значительно возрастает количество дезертиров. Согласно предписанию генерала Лукомского для борьбы с дезертирством предлагалось организовывать облавы, а также назначать караулы в узловых пунктах и возвращать пойманных дезертиров в части [15, с. 30].

Организация облав и организация караулов – это лишь способы решения проблемы, а каковы причины дезертирства? По-нашему мнению причины дезертирства кроются не только в непопулярности войны и усталости солдат, но и в активной пропагандистской работе политических партий, прежде всего, партий большевиков и эсеров. Пропаганда данных партий носила ярко выраженный антивоенный характер, справиться с растущей популярностью лозунгов большевиков и эсеров, направленных против войны, Временное правительство, теряющее авторитет, не могло. Важным фактором, вызвавшим рост дезертирства, также была нерешенность аграрного вопроса в крестьянской стране. И поэтому естественно, что армия, в большинстве своем состоявшая из крестьян, решила «голосовать ногами».

Следует отметить, что дезертирство существовало в русской армии и до февраля 1917 года. Так, по сведениям М.М. Смольянинова к концу 1914 года и особенно в 1915 году дезертирство получило широкое распространение, как стихийная форма антивоенного движения. Уже в сентябре 1914 года новогрудский уездный исправник телеграфировал минскому губернатору о том, что следует «всех нижних чинов Лидского полка полагать беглыми с театра военных действий» [18, с. 17]. Особенно распространенным было бегство солдат из поездов в пути следования на фронт. Об этом свидетельствуют многие донесения, рапорты и телеграммы начальствующих лиц в вышестоящие органы власти [18, с. 17].

Одной из мер борьбы с дезертирством было создание контрольных районов (участков) в тылу армии. Такие участки были созданы в Петроградском (в Лифляндской, Эстляндской, Петроградской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерниях) и Двинском (в Витебской и Псковской губерниях) военных округах. Командовали участками генералы, подчинявшиеся напрямую начальникам штабов армий. Они отвечали за «фактическую и экстренную» ликвидацию обнаруженных беспорядков, предавая военно-полевому суду провинившихся в уголовных преступлениях и немедленно возвращая по этапу виновных в дезертирстве в их части. Подобные участки под командой особо назначенных офицеров вводились и в районе Западного фронта на направлениях Мозырь – Гомель, Минск – Смоленск, Слуцк – Рогачев, Минск – Могилев. Их задачей было задержание всех «праздношатающихся» нижних чинов, а также производящих бесчинства чинов мелких команд, следующих без офицеров. Кроме того, все крупнейшие

прифронтовые города на Западном фронте: Смоленск, Бобруйск, Вязьма, Рославль, Орша, Гомель, Брянск – были разбиты на участки. В них было введено патрулирование особых военно-полицейских команд [1, с. 486–487]. Для отправки дезертиров в действующую армию все уезды фронтов, согласно предписаниям Главного Управления Генерального Штаба и Ставки, были приписаны к особым распределительным пунктам. Распределительные пункты Западного фронта были расположены в Гомеле и Смоленске [1, с. 489].

Дезертирство существовало в различных формах. А.Б. Асташов указывает на характерные для Западного и Северного фронтов формы дезертирства: бродяжничество, самовольные отлучки, отставание от эшелонов, езда без документов, с просроченными документами или по подложным документам, езда с документами, подписанными кем-то вместо командира части, «командировки» за покупками, езда не по тому направлению, которое указано в документах... Такие формы ухода от войны были вызваны, с одной стороны, громадным масштабом позиционных работ на этих фронтах, усиленным контролем со стороны командования всей прифронтовой зоны, как бы «прикреплявшим» солдат к ней, а с другой – близостью гражданской территории, позволявшей в ней «раствориться» [1, с. 472].

Важное влияние на процесс развала армии оказал «Приказ № 1», изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 года. Уже в марте 1917 года на Западном фронте многими военачальниками отмечался факт падения дисциплины и боевого духа в армии, вред хлынувших в армию изданий, в частности газеты «Известия», воззваний и приказов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, в которых солдаты во многом не разбираются и большинство сведений принимают на веру [8, с. 86].

Падение общей дисциплины в армии, естественно, повлияло на рост дезертирства. Как подчеркивает М.В. Оськин: «Размах массового дезертирства после Февраля и вплоть до Октября и выхода России из войны постепенно принял характер самодемобилизации российских Вооруженных сил. 2 миллиона солдат – в эту цифру входят как непосредственно дезертиры и уклонисты, так и те солдаты тыловых гарнизонов, что так и не отправились в окопы. Но, свалив все грехи на старую власть, 14 марта Временное правительство выпустило помилование в отношении преступлений, предусмотренных военным законодательством. Здесь погасалась ответственность военнослужащих за кражу, порчу и расхищение казенного имущества; уклонение от службы; дезертирство (при условии добровольной явки до 1 мая); нарушение воинского чинопочитания и принципов подчинения; освобождение из разряда штрафных; смягчение наказаний за тяжкие преступления» [12, с. 58]. Согласно приказам командования, из беглых солдат-дезертиров, добровольно являющихся и (или) задерживаемых в военных округах, на месте формировались маршевые роты, которые отправлялись в тыловые этапы фронтов [12, с. 58].

С ростом дезертирства командованием Западного фронта в ближайшем к фронту тыловом районе были организованы разъезды из казаков для патрулирования и задержания ушедших с передовых позиций солдат. В борьбе с дезертирством командование применяло разные меры – от дисциплинарных до морально-психологического воздействия. За дезертирство солдат отдавали под суд, фамилии дезертиров публиковались в печати для предания широкой огласке, о них сообщалось по месту жительства родных. Войсковые комитеты активизировали агитационную работу, разъясняя солдатам всю позорность дезертирства [18, с. 75].

При планировании наступательной июньской операции 1917 года Временным правительством были предприняты новые меры борьбы с дезертирством.

25 апреля 1917 года по Гомельскому гарнизону был издан приказ № 82, который объяснял, как следует поступать с дезертирами. Согласно приказу всех задерживаемых на вокзале и в городе солдат предписывалось передавать на 143 этап. Далее солдат сортировали. Тех, кто имел документы, но отстал от проходящих эшелонов, передавали на распределительный пункт. Всех жандармов, полицейских и стражников, а также новобранцев и не проходивших строя ратников направляли к Воинскому начальнику. К Воинскому начальнику также направляли всех поступающих к нему дезертиров. Всех солдат утравших, либо не имевших документы, согласно приказу, было велено передавать на 143 этап для установления их личности и разбивки [13, л. 35].

В качестве специальных способов борьбы с дезертирами можно рассматривать следующие, обозначенные в приказе: на распределительном пункте города Гомеля обмундирование выдавалось лишь солдатам, едущим на фронт и имеющим свои документы. Солдатам, следовавшим на фронт и не имевшим документов обмундирование, не выдавалось, а направлялось при часовом с эшелоном и сдавалось всей партией на последнем армейском этапе. Солдатам, отправляемым в тыловые учреждения, обмундирование совсем не выдавалось, и люди отправлялись в платье, в котором они прибыли на пункт. Лишь при полном отсутствии какой-нибудь части обмундирования, таковая выдавалась из имеющегося запаса старых поношенных вещей [13, л. 35].

14 мая 1917 года Заведующий Гомельским распределительным пунктом по строевой части подал начальнику гарнизона города Гомеля рапорт за № 21124, в котором указывал на то, что дезертиры занимают продажей казенного обмундирования, нанимаются на работу к частным лицам, получают пита-

ние, пользуясь неразберихой, а также предлагал меры борьбы с дезертирами на Западном фронте (*далее текст рапорта приводится полностью – А.П.*). «В виду того, что с 15 мая, на основании приказа Военного министерства и распоряжения Временного правительства, дезертиры добровольно не явившееся, подлежат задержанию и преданию суду, прошу Вас войти в соглашение с Военной секцией о способах и мерах борьбы с дезертирством. При этом считаю нужным донести, что на вверенном мне пункте имеется весьма значительное количество упорно отклоняющихся от отправления в части войск солдат, каковые получая обмундирование, и продавая его, вновь бесконечно являются на пункт с целью получения обмундирования. Кроме того, по имеющимся у меня сведениям, как в самом Гомеле, так и в окрестностях Гомеля, скрываются беглые солдаты, учиняющие грабежи и насилия над гражданами и разлагающе действующие на более благонамеренные элементы солдат. Помимо этого в большом количестве уклоняющиеся от отправления в части войск, солдаты работают на пристани у частных лиц, по разгрузке и выгрузке барж, с целью личного заработка, укрываясь ночью в баржах. Все вышеуказанные дезертиры ежедневно по сигналу на вверенном мне пункте на обед являются массами и, смешиваясь с находящимся на пункте пересыльными, получают обед, внося тем большую путаницу в деле довольствия, причиняя большие убытки казне и не давая возможности вести учет людей, состоящих на довольствии. Осветив вкратце все нежелательные явления, связанные с дезертирством, и считаясь с необходимостью искоренения дезертирства с 15 мая, я позволяю себе высказать те меры, которые Вы по соглашению с Военной Секцией, признаете возможными, желательно бы применить с 15 мая. Прежде всего, необходимо очистить с 15 мая пункт от дезертиров и одновременно провести облаву в городе и в близлежащих деревнях, путем привлечения для этой цели солдат учебной команды II пех. Запасного полка и, имеющихся в Вашем распоряжении Псковского Драгунского полка. Оцепив распределительный пункт и выяснив дезертиров, передать таковых на 143 этап, для отправления под конвоем в действующую армию, как равно и всех задержанных в городе и в окрестностях. Конечно, было бы лучше, если явится возможность, не передавая их на 143 этап, посадить в заранее заготовленные вагоны и под конвоем Псковского Драгунского полка, направить непосредственно в действующую армию. Такой порядок оцепления необходимо производить с 15 мая в течение недели ежедневно, далее же два раза в неделю. Со своей стороны я могу выделить в помощь офицеров и солдат учебной команды II пех. Запасного полка, роты ополчения 483 пех. Московской дружины и офицеров вверенного мне пункта» [14, л. 48].

Что касается динамики дезертирства, то это вопрос, требующий дополнительного изучения и уточнения. Характерной особенностью количественного учета дезертиров является то, что эмигрантские историки их число после февраля 1917 года сознательно завышали, чтобы показать революционное разложение армии, в советской историографии данные о количестве дезертиров уменьшались, дабы показать, что дезертирство – следствие деградации старой власти, а не только активной пропаганды большевиков и эсеров. Согласно сведениям Ставки, до 1 марта 1917 года дезертировало 13648 солдат [17, с. 133].

По данным Н.Н. Головина, общее число дезертиров с июля 1914 по февраль 1917 года было сравнительно невелико. В своей работе он указывает цифру в 195130 человек или по 6346 человек в месяц. С февраля 1917 года цифры даны более детально. С мая по август 1917 года количество дезертиров увеличивается в пять раз и достигает цифры в 30900 человек, а к концу войны, по подсчетам Головина, общее количество дезертиров составляет 1900000 человек [7, с. 242, 245].

В работе «Россия в Первой мировой войне (в цифрах)» (1925 г.) данные несколько иные. До Февральской революции их количество составляло 195130 человек, что совпадает с цифрами, приведенными Головиным, но далее данные рознятся. Всего за всю войну по сведениям в сборнике, дезертиров на всех фронтах насчитывалось 365137 человек. После Февральской революции до мая 1917 года количество дезертировавших со всех фронтов – 85921 человек, из них 24700 человек дезертиры Западного фронта. С 15 мая по 1 июня 1917 года – 16342 человека, из них 5660 человек на Западном фронте; с 1 июня по 15 июня 1917 года – 11213 человек, из них 3246 человек; с 15 июня по 1 июля 1917 года – 19294 человека, из них 5294 человека на Западном фронте. С 1 по 15 июля 1917 года – 23432 человека, из них 6159 человек на Западном фронте. С 15 июля по 1 августа 1917 года всего – 13805 человек, из них на Западном фронте 1816 – человек [16, с. 26].

Официальные данные Ставки говорят о 170 000 дезертиров после революции, но эта цифра – лишь те сведения, которые вообще дошли до Верховного главнокомандования. Кроме того, сюда, очевидно, не входят данные за осень, практически переставшие поступать в высшие штабы. Действительно, перепись 25 октября 1917 года показала, что фронт еще считает в себе миллионы штыков (вернее – «едоков») [11, с. 322].

Подводя итоги, следует отметить, что дезертирство – это социальный феномен. Следует согласиться с М.В. Оськиным, утверждающим, что русское дезертирство 1917 года – это социокультурное явление, напрямую зависевшее от тех политических процессов, что происходили внутри страны [11, с. 324].

Заключение. Дезертирство как явление существовало на всем протяжении Первой мировой войны. После Февральской революции 1917 года и демократизации армии оно усилилось. Дезертирство – показатель развала армии и дезорганизации жизни в стране. Причины его кроются, по-нашему мнению,

в комплексе социально-политических проблем. Прежде всего, в усталости солдат от войны, в непонимании ими целей и задач войны, в нерешенности аграрного вопроса в преимущественно аграрной стране. Причиной дезертирства была и слабость власти, постепенное падение авторитета Временного правительства в глазах народа. Важную роль сыграла политическая пропаганда эсеров и большевиков, способствующая углублению кризиса в армии и, как следствие, расширению масштабов дезертирства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташов, А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А. Б. Асташев. – М. : Новый хронограф, 2014. – 740 с.
2. Базанов, С. Н. К истории развала русской армии в 1917 году / С. Н. Базанов // Армия и общество 1900–1941 гг.: статьи и документы / редкол.: В.П. Дмитриенко (отв. ред.), Б. И. Зверев, Г. А. Куманев. – М., 1999. – С. 51–76.
3. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914 – 1918) : сб. документов / сост.: В. В. Врублевский [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко (председатель) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 355 с.
4. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с.
5. Бондаренко, В. В. Утерянные победы Российской империи / В. В. Бондаренко. – Минск : Харвест, 2010. – 448 с.
6. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с.
7. Головин, Н. Н. Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – М. : Вече, 2014. – 544 с.
8. Гончаров, В. Л. 1917. Разложение армии / В. Л. Гончаров. – М. : Вече, 2010. – 496 с.
9. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 344 с.
10. Лисова, Л. М. События Февральской и Октябрьской революций 1917 г. на территории Беларуси по документам Национального исторического архива Беларуси [Электронный ресурс] // Национальный исторический архив Республики Беларусь. – Режим доступа: http://niab.by/stat/ok_rev/ Дата доступа: 17.01.2016.
11. Оськин, М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М. В. Оськин. – М. : Вече, 2011. – 432 с.
12. Оськин, М. В. Российские дезертиры Первой мировой войны / М. В. Оськин // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2012. – Вып. 5 (60). – С. 46–60.
13. Приказ № 82 Гомельскому гарнизону 25 апреля 1917 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1452. Оп. 1. Д. 5. Декларации фракций РСДРП и Бунда Гомельского Совета рабочих депутатов третьего созыва.
14. Рапорт Заведующего Гомельским распределительным пунктом по части строевой № 21124 от 14 мая 1917 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1452. Оп. 1. Д. 5. Декларации фракций РСДРП и Бунда Гомельского Совета рабочих депутатов третьего созыва.
15. Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года : сб. документов / под ред. Л. С. Гапоненко. – М. : Наука, 1968. – 621 с.
16. Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах) / Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики / под ред.: В. П. Ефремова – М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1925. – 105 с.
17. Савицкий, Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.) / Э. М. Савицкий / науч. ред. К. И. Шабуня. – Минск : Наука и техника, 1981. – 182 с.
18. Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов. – Минск : Белорусская наука, 2007. – 259 с.
19. Трещенок, Я. И. История Беларуси : в 2 ч. / Я. И. Трещенок. – Могилев : Могилевский гос. ун-т, 2003. – Ч. 1 : Досоветский период. – 176 с.

Поступила 21.06.2016

DESERTION OF THE RUSSIAN SOLDIERS ON THE WESTERN FRONT DURING THE PERIOD FROM FEBRUARY 1917 TO OCTOBER 1917

A. POPOV

This article presents the desertion problem in Russian army on the Western Front within the period from February to October 1917. It estimates state of knowledge on this issue in pre-revolutionary, Soviet and modern National and Russian historiography. The article analyses the politico-social and economic cause system fostering desertion as a social phenomenon and symbolizing the weakness of government institutions, collapse of the armed forces and, subsequently, desertion. Based upon different sources it also analyses dynamics of the number of deserters in 1917 and desertion control measures taken by Russian Provisional Government.

Keywords: *desertion, Western Front, World War I, the February revolution, the Provisional Government.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Штырбул А.А. Белорусская диаспора Сибири в период исторических потрясений первой четверти XX века	2
Гушчынскі І.Г. Гістарыяграфія гісторыі судовых устаноў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX стагоддзя	8
Жилевич О.Ф. Документы на французском языке Наполеона Орды и его родственников в архиве семьи Денорманди	16
Гребень Е.А. Положение гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации (по материалам партизан и подпольщиков)	25
Шевкун П.В. Епархиальные ведомости северо-западного края как средство церковной коммуникации	30
Иванова Т.П. Русская и французская мемуаристика о лагере в Дриссе на территории Витебской губернии в войне 1812 года	36
Веремеев С.Ф. Современная белорусская историография политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР в 20-30-е годы XX века	41
Юрчак Д.В. От Ново-Огарёво до Вискулей: нелегкий выбор интеграционного формата	47
Павлов Л.Ю. Деятельность государственных органов и общественных организаций Гродненской губернии по обеспечению обувью российской армии в годы Первой мировой войны	52
Арлукевич А.Б. Территориальное расположение, численность и состав российских войск, дислоцировавшихся на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX века	59
Королёва Е.П. Бусы курганного могильника восход: типология, хронология, технология изготовления и назначение	68
Уваров И.Ю. Вассальная служба феодалов ВКЛ и их борьба за сохранение своего сословного иммунитета в XV–XVI веках	77
Чарайко В.У. Раскопки на могильнику каля вёскі Івесь Глыбоцкага раёна ў 2013 годзе	82
Кежа Ю.М. Станаўленне ўлады Рагвалода ў сістэме сацыяльных адносін Полацкай зямлі	89
Огородников А.А. Социальная сфера Полоцка в 1917–1941 годах	96
Иванкович М.А. История изучения памятников сакрального монументального зодчества Полоцка XVII–XVIII веков: историографический аспект	111
Синковец А.Ю. Организационно-правовые основы деятельности Ставки Верховного Главнокомандующего в начале Первой мировой войны (1914–1915 годы)	120
Пирумян К.С. Археология на страницах районной периодической печати Могилевской области (1970-е гг.): статистический аспект	129
Попов А.В. Дезертирство солдат русской армии на Западном фронте в феврале – октябре 1917 года	135